

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1896, № 2—3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. Гл. II. Типы постоянныхъ жилищъ. Съ рисунками. (Ожонч.). <i>Н. Н. Харузина</i>	1
II. Новыя записи былинъ въ Якутской области. <i>Всев. Миллера</i>	72
III. Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ. Гл. II—IV. (Ожонч.). <i>Н. П. Демидовича</i>	107
IV. Матеріалы по народнымъ вѣрованіямъ великоруссовъ. <i>Д. Н. Ушакова</i>	146
V. Восточно-ордынскія параллели къ кельтскому роману о чашѣ св. Граля. <i>Г. Н. Потанина</i>	205
VI. Смѣсь:	
Новая теорія румынскаго ученаго о происхожденіи названія „Бессарабія“. <i>А. И. Яцимирскаго</i>	228
Къ былинамъ о сватовствѣ: Женитьба Добрыни. <i>А. Лободы</i>	240
Рожденіе, смерть, погребальныя обычаи и представленія о загробной жизни у армянъ Эриванской губерніи. <i>Свац. Гр. Буятова</i>	252
Эпиграмы въ область народной пѣсни: 1. Юморъ и сатира въ народныхъ пѣсняхъ. <i>А. Балова</i>	260

VII. Критика и библиографія:

Стр.

1 Книги, ученныя и справочныя издавія 266—294

Е. Вестермаркъ. Исторія брака. Перев. И. Семенова.—Ш. Летурно. Соціологія по даннымъ этнографіи. Перев. А. Трачевскаго.—Л. Кржиwickій. Антропология.—И. Семеновъ Исторія культуры. *Н. X.* (266).—М. И. Кулишеръ. Разводъ иположеніе женщины *Н. X.* (269).—Аг. Девушѣяпи. *Din mitologia gotana A. Яцимирскаго.* (271).—Грунъ-Гржимайло. Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. I. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня. *Вл. Б.* (277).—Бар. П. К. Усларъ. Этнографія Кавказа. VI. Кюринскій языкъ. *М.* (278).—В. Н. Ястребовъ. Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. *А. Крымскаго.* (279).—П. Богаевскій. Мултанское моленіе вотяковъ въ свѣтъ этнографическихъ данныхъ. *М. Довнаръ-Запольскаго.* (282).—А. А. Дмитріевъ. Историческій очеркъ Пермскаго края. *Н. X.* (283).—А. Н. Зерцаловъ. Матеріалы для исторіи Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665—1667 гг.) *Н. X.* (284).—Труды Рязанской архивной комиссіи. 1895 г. XI. Под. ред. С. Д. Яхонтова. *Н. X.* (285). Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Вып. I. *Вл. Б.* (287).—Венеж *Method Kuldá. Moravské národní pohádky a pověsti. Svaz. IV. Z okolí Kamenického. Юр. Полыки.* (287).—Матопъ *Vaslavек. Valašské pohádky a pověsti. Ею-же.* (290).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 295

3. Новости этнографической литературы 305

VIII. Извѣстія и замѣтки:

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 189^{5/8} годъ. (322). Приложенія къ отчету: 1) Краткій отчетъ о поѣздѣ къ черемисамъ, *П. Ерусламова.* (324). 2) Отчетъ о лѣтнихъ занятіяхъ по румынской этнографіи. *А. Яцимирскаго* (329).—Изъ годичнаго отчета И. Русс. Геогр. Общества за 1895 г. (по отдѣленію этнографіи) (330). † А. С. Фаминцынъ. (332).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩА У КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ РОССИИ.

II *).

Типы постоянных жилищъ.

Типы постоянных жилищъ, воспроизводящихъ форму рѣшетчатой юрты: у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ, бурятъ и алтайскихъ тюрокъ. Балаганы и плетневые жилища: четырехгранный шалашъ алтайскихъ тюрокъ. Балаганы алтайскихъ тюрокъ, чулымскихъ татаръ, якутовъ, бурятъ, башкиръ. Развитие балагана изъ шалаша. Плетневые жилища (мазанки) у телеутовъ, абипскихъ, перекопскихъ татаръ, погайцевъ, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Землянки у телеутовъ, киргизовъ и ордосскихъ монголовъ. Переходные типы отъ землянокъ къ срубамъ и мазанкамъ у кузнецкихъ татаръ, башкиръ, кундровскихъ татаръ, киргизовъ. Надземная землянка у торгоутовъ и киргизовъ. Переходъ отъ надземной землянки къ срубамъ. Срубы у башкиръ, волжскихъ татаръ, киргизовъ, алтайскихъ тюрокъ. Развитие сруба у башкиръ, иртышскихъ киргизовъ, алтайскихъ тюрокъ, сибирскихъ татаръ, бурятъ, якутовъ, алмацкихъ киргизовъ. Развитие внутренняго устройства жилища. Развитие очага. Устройство двора. Группировка въ селенія. Переходъ къ полупустынности кочевыхъ тюрксскихъ и монгольскихъ народностей Россіи; влияние дѣла на осѣданіе народности; переходъ въ полупустынности въ лѣсной и степной областяхъ. Заключение.

Мы видѣли, что кочевыя народности и послѣ перехода ихъ къ постояннымъ мѣстамъ зимовки продолжаютъ еще долгое время употреблять въ качествѣ постояннаго жилища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, одинъ и тотъ-же типъ, приспособленный къ кочевому быту. Однако потребность въ болѣе тепломъ помѣщеніи постепенно приводитъ къ стремленію отыскать болѣе прочныя формы жилища. Въ общемъ процессъ перехода къ новымъ видамъ жилья у полукочевыхъ тюрксскихъ и монгольскихъ народностей совершался, какъ и всюду, двойнымъ путемъ: при замѣнѣ прежняго матеріала другимъ, болѣе прочнымъ, или сохранялись древнія формы, или отыскивались новыя. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ старыя жилища не всегда уничтожаются; напротивъ того, они еще долго продолжаютъ служить сначала въ качествѣ исключитель-

*) См. Этногр. Обзор. XXVIII.

но лѣтнихъ жилищъ, а затѣмъ въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ.

Начнемъ съ построекъ, которыя продолжаютъ сохранять старыя формы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рельефно можно видѣть развитіе жилья изъ переноснаго въ постоянное на рѣшетчатой юртѣ. Выше нами было указано, что даже послѣ того, какъ народъ выбралъ себѣ мѣста постоянныхъ зимовокъ и устроилъ крытые загоны для скота на зиму (какъ киргизы на оз. Балкашъ или бессарабскіе татары XVIII в.), онъ продолжаетъ жить еще въ рѣшетчатой юртѣ, которая, не смотря на то, что зимой покрывается двойнымъ рядомъ кошмъ, служить плохой защитой отъ холода. Отыскавъ себѣ новый матеріалъ для постройки, которая могла-бы больше охранять отъ стужи, народъ не ищетъ новой формы: онъ сохраняетъ старую, но воспроизводитъ ее изъ новаго матеріала; этотъ послѣдній зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Подобныя жилища извѣстны у киргизовъ Акмолинской области: въ степныхъ частяхъ области, занимаемой киргизами, гдѣ лѣса нѣтъ, матеріаломъ служить земля. Такъ въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ уу. зимовками бѣдныхъ киргизовъ служатъ т. наз. чучелы: по своему внѣшнему виду, чучелы воспроизводятъ рѣшетчатую юрту киргиза. Въ безлѣсной степи чучелы строятся изъ дерна: стѣны ихъ, образуя правильный кругъ, возводятся на 2 арш.; затѣмъ на этотъ фундаментъ, соотвѣтствующій рѣшеткѣ въ лѣтней юртѣ, дернъ кладется уже нѣсколько наклонно, такъ что образуется тупой конусъ, въ срединѣ котораго оставляется отверстіе для выхода дыма. Въ отверстіе вставляется, какъ и въ войлочной юртѣ, деревянный кругъ—чангаракъ, прикрываемый, какъ и въ послѣдней, войлокомъ. Посрединѣ чучелы выкапывается продольная съ отвѣсными боками яма, которая служитъ очагомъ: надъ нимъ устанавливается чугунный котелъ, либо непосредственно, либо на треножникъ. Дверное отверстіе прикрывается циновкой, сплетенной изъ камыша, или коврикомъ изъ войлока. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ круглыя стѣны чучелы строятся изъ двойного плетня, набиваемаго землей и навозомъ, а конусообразная крыша дѣлается изъ жердей, нижній конецъ которыхъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ, а верхній лежитъ на кругѣ или четырехъ угольникѣ, опирающемся на 4 столба внутри чучелы; сверхъ жердей, образующихъ крышу, накладываютъ камышъ, хворостъ и дернъ, а дымо-

воо отверстие прикрывается войлокомъ. Среди болѣе богатыхъ киргизовъ чучелы служатъ кухней или помѣщеніемъ для рабочихъ. Наконецъ иногда чучела строятся изъ бревень, и такъ какъ при этомъ матеріалъ нѣтъ возможности придать ей круглую форму, то ее дѣлаютъ обыкновенно восьмиугольной ¹⁾).

Аналогичныя постройки появились недавно среди астраханскихъ калмыковъ въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ. Это, по описанію г. Житецкаго, постройки, „по виду и размѣру даже совершенно одинаковыя съ калмыцкими кибитками.“ Онѣ строятся изъ камня и дѣлаются или совершенно круглыми или восьмигранными. Конусообразныя крыши возводятъ или также изъ камня, или онѣ представляютъ деревянный остовъ, покрытый кошмами. Наверху устроено дымовое отверстие, въ которое, какъ и въ войлочныхъ кибиткахъ, вставляютъ кругъ—харачи, съ перекрещивающимися полуобручами—цагрынь. „Но подобныя каменные кибитки, замѣчаетъ г. Житецкій, сколько я ихъ видѣлъ, назначаются не для жилья, а для приготовленія кушанья: это—кухни, главнымъ образомъ богачей изъ духовенства, и одна-ли онѣ не заимствованы отъ бурятъ и угринскихъ монголовъ, куда въ послѣднее время ежегодно отправляются астраханскіе калмыки, особенно изъ Дербетовскаго улуса ²⁾.“

Дѣйствительно, среди бурятъ значительно распространены подобныя постройки, но онѣ по условіямъ мѣстности строятся изъ бревень. О подобныхъ бревенчатыхъ юртахъ у бурятъ говорить еще Гмелинъ, который видѣлъ ихъ около д. Буринской на Бурьярѣ; онѣ уже встрѣчались, по его словамъ, и у удинскихъ бурятъ. Всѣ онѣ (юрты) шестиугольны, пишетъ Гмелинъ, и состоятъ изъ балокъ, положенныхъ другъ на друга на высоту немного болѣе $\frac{1}{2}$ сажени; начиная съ этой высоты, палки положены вкось, послѣднія наверху соединяются, но такъ, что остается отверстие для выхода дыма; палки, образующія крышу, засыпаны землею. Входъ обращенъ на востокъ. Внутри юрта подпиралась 4-мя столбами, между которыми находился очагъ, надъ которымъ прихо-

1) В. Шна: Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 10, 11; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й.

2) И. Житецкій: Очеркъ быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

дилось дымовое отверстіе. Въ юртахъ помѣщались и люди и молодой скоть. 1)

Подобныя бревенчатыя юрты служатъ сѣвернымъ бурятамъ и до настоящаго времени зимнимъ жилищемъ. По описанію А. В. Потаниной 2) юрты сѣверныхъ бурятъ имѣютъ восьмигранную форму; стѣпы, однако, поднимаются на сажень и выше, крыша дѣлается также бревенчатой или досчатой; отверстіе для выхода дыма устраивается квадратное, или остается по формѣ юрты—тоже восьмиугольнымъ. Кровля поддерживается 4-мя столбами, очагъ—посрединѣ юрты, причемъ огонь разводится непосредственно на землѣ. Полъ отъ столбовъ до стѣпъ выстилается досками, иногда впрочемъ земля ничѣмъ не покрывается. При юртѣ ставится амбаръ,—четыреугольный срубъ безъ оконъ и лабазъ: полати на 4-хъ столбахъ для склада провизіи.

Среди бурятъ Аларскаго вѣдомства, перешедшихъ въ теченіе настоящаго столѣтія къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ, сохраняется то же многоугольная бревенчатая юрта, которая въ настоящее время, однако, служитъ лишь лѣтнимъ жильемъ. Лѣтовки аларскихъ бурятъ представляютъ также срубы, причемъ онѣ дѣлаются 4-хъ, 5-ти, 6-ти, 8-ми угольными; длина и ширина ихъ равняется отъ $2\frac{1}{3}$ —4 саж., при высотѣ въ 3—5 аршинъ. При входѣ въ юрту дѣлаются часто глухія сѣни съ чуланами по сторонамъ; перегородокъ въ юртѣ нѣтъ; онѣ замѣнены занавѣсками; да и въ остальномъ своемъ внутреннемъ убранствѣ юрта повторяетъ устройство и убранство рѣшетчатой юрты: по стѣнамъ развѣшиваются одежда, разставляются сундуки, кладутся подушки, а на полкахъ устанавливается посуда. Крыша на юртахъ тесовая скатами, или на горбыли, которые кладутся на крышу, наваливаются большіе куски лиственничной и березовой коры и придавливаются слоемъ земли, вслѣдствіе чего крыша принимаетъ куполообразную форму. Какъ въ вышеописанныхъ жилищахъ этого типа у бурятъ, и здѣсь крыша поддерживается нѣсколькими столбами; дымовое отверстіе круглое или четырехугольное. Очагъ посрединѣ. Въ богатыхъ юртахъ пространство вокругъ костра, для котораго оста-

1) Gmelin: Reise durch Sibirien, I. стр. 404, 405.

2) Пѣзъ путешествій ... А. В. Потаниной, изд. Географ. Отд. И. О. Д. Е. А. и Этнogr. „Буриты“, стр. 22, 23.

вляется около 1 кв. сажени, забирается досками въ видѣ пола. Эти юрты лѣтомъ гораздо прохладнѣе: въ нихъ воздухъ лучше вентилируется, чѣмъ въ домахъ и избахъ; зимой-же онѣ стоятъ пустыми и служатъ для склада разныхъ произведеній, а также для выдѣлки *тарасуна* (хмѣльнаго напитка изъ молока).¹⁾ Описанная юрта аларскихъ бурятъ представляетъ высшую ступень въ развитіи жилыхъ построекъ, воспроизводящихъ собой форму рѣшетчатой юрты: въ ней мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ у богатыхъ, уже досчатый полъ, и планъ ея усложняется пристройкой сѣней. У посѣщенныхъ г. Кирилловымъ бурятъ на Байкалѣ этотъ типъ юртъ разнится отъ вышеописанныхъ тѣмъ, что внутри юрты, „надъ головами, вмѣсто потолка, и вдоль нѣкоторыхъ стѣнъ на правой сторонѣ—устроены полки для посуды; на лѣвой сторонѣ, вдоль первыхъ двухъ отъ входа стѣнъ, идутъ широкія лавки—нары“. Далѣе очагъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: „посреди юрты между столбами пола нѣтъ, а плотно убитая глинистая почва... здѣсь поставлены 3 камня, изъ которыхъ каждый имѣетъ видъ конуса, распиленнаго пополамъ по вертикальной оси: межъ этими камнями постоянно дымитъ огонь“. Не лишень интереса фактъ, что не смотря на существованіе наръ, буряты никогда не садятся на нихъ, предпочитая располагаться на полу близъ очага, на подушкахъ, войлокахъ и т. п.²⁾

Наконецъ этотъ-же типъ жилыхъ строеній извѣстенъ и среди алтайскихъ инородцевъ, но тамъ онъ продолжаетъ еще въ большинствѣ случаевъ служить зимнимъ жилищемъ. Обиліе лѣса позволяетъ алтайцамъ, какъ и бурятамъ, возводить подобныя юрты изъ дерева. О нихъ говоритъ Н. М. Ядринцевъ и совершенно вѣрно указываетъ мѣсто ихъ въ исторіи развитія жилища у алтайцевъ: „у кочевыхъ алтайцевъ и у черневыхъ существуетъ еще переходная форма—это шести-или восьмиугольная бревенчатая юрта, съ конусомъ наверху; такова зимовка скотовода. Человѣку, привыкшему къ круглому помещенію, немисливо перейти къ четырехугольному, и онъ избобрѣлъ многоугольный срубъ, замѣняющій ему ста-

1) Землеводствъ Азіи, Карла Риттера. I. Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губ... стр. 345, 346.

2) Кирилловъ: Поведа въ Нижне-Ангарскѣ... на Байкалѣ, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, № 1—2, стр. 6 и 7.

рую юрту, съ очагомъ посреднѣй. ¹⁾“ На рис. 8 изображена воспроизведенная г. Ядринцевымъ юрта у черневыхъ татаръ.

Подобная же 8-миугольная юрта у алтайскихъ инородцевъ описана и В. Радловымъ ²⁾. Видѣнные имъ бревенчатыя юрты были построены изъ хорошаго лѣса и образовывали правильный восьмиугольникъ; стѣны возвышались въ ростъ человѣка; крыша была также восьмиугольная, состояла изъ жердей и была покрыта

Рис. 8. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

берестой; дымовое отверстіе имѣло въ поперечникѣ до $2\frac{1}{2}$ футовъ. Дверь (двустворчатая) была устроена по русскому образцу. Рис. 9 изображаетъ описанную г. Радловымъ юрту. Внутреннее устройство ея ничѣмъ не разнилось отъ устройства коническихъ юртъ, кромѣ развѣ того, что, такъ какъ она принадлежала богатому хозяину, юрта была богаче убрана.

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай и его инородческ. царство. Историч. Вѣст. XX. 1885. стр. 634.

²⁾ Radloff, Aus Sibirien. I, стр. 269—270.

Мы имѣли возможность прослѣдить въ общихъ чертахъ исторію развитія первобытнаго конического шалаша до построекъ срубамъ, вполнѣ подходящихъ, если вспомнить юрты аларскихъ бурятъ, къ понятію о домѣ: развитіе конического шалаша приводитъ къ рѣшетчатой юртѣ, а эта послѣдняя къ землянымъ, плетенымъ, каменнымъ или бревенчатымъ прочнымъ жилищамъ. Но какъ при господствѣ рѣшетчатой юрты, конические шалашы превращаются исключительно въ жилища бѣднѣйшихъ представителей

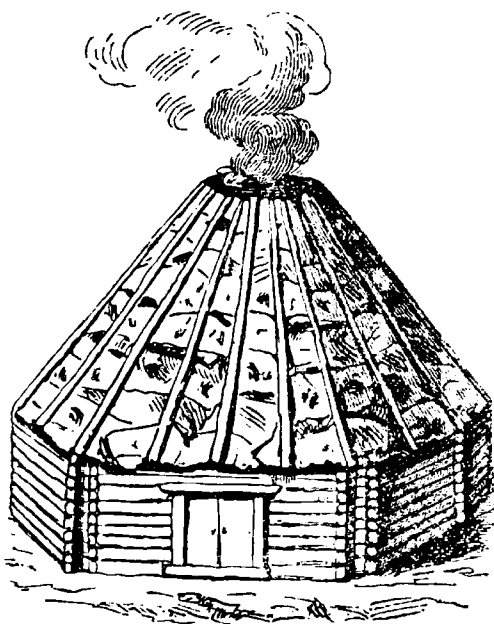

Рис. 9. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

племени или начинаютъ служить только походнымъ жильемъ, такъ и земляныя, бревенчатая и др. постройки, воспроизводящія форму юрты и знаменующія собой значительный культурный прогрессъ племени, начинаютъ занимать, по переходѣ народа къ болѣе сложнымъ типамъ, второстепенное мѣсто: онѣ служатъ или только лѣтнимъ жилищемъ, какъ у аларскихъ бурятъ, или зимовками болѣе бѣднаго населенія, или кухнями, какъ чучела киргизовъ и аналогичныя постройки калмыковъ.

Коническій шалашъ служитъ однако эмбриономъ и для развитія другого рода жилищъ, именно четырехугольныхъ срубовъ. Уже въ коническихъ шалашахъ, построенныхъ изъ толстыхъ жердей, можно видѣть основаніе для болѣе прочнаго жилья; остовы ихъ не переносятся, какъ вслѣдствіе тяжести, такъ и вслѣдствіе обилия лѣса, который лѣсной кочевникъ всегда находитъ готовымъ для постройки себѣ такого-же жилища на новомъ мѣстѣ остановки. Дальнѣйшее развитіе подобнаго шалаша заключается въ томъ, что

вмѣсто круглыхъ жердей для устройства остова шалаша начинаютъ употреблять толстыя, конечно лишь плохо обдѣланныя, доски; вслѣдствіе этой замѣны одного матеріала другимъ, коническій шалашъ долженъ естественно видоизмѣнить свою форму, и изъ круга превратиться въ четырехгранный. Этотъ переходъ формы шалаша изъ конуса въ четырехгранную, пирамиду хорошо извѣстенъ у финскихъ народностей, у которыхъ напр. вѣжи русскихъ лопарей и остяковъ именно произошли этимъ-же путемъ. Подобные четырехгранные шалашы извѣстны и среди алтайскихъ тюрковъ: ¹⁾ въ качествѣ лѣтняго жилья (*яйму*) они встрѣчаются по теченію Би и на Телецкомъ оз. Яйлу представляетъ четырехгранный шалашъ безъ оконъ, покрытый берестой. Зимой досча-

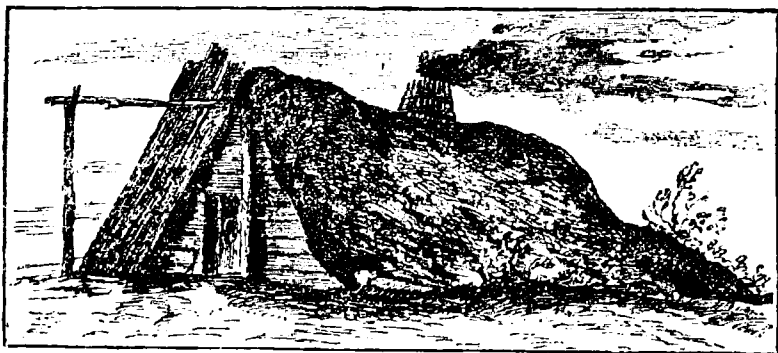

Рис. 10. Зимовка кумандинцевъ.

тыя стѣны закидываются землей. „У кумандинцевъ, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, ²⁾ среди подобія русскихъ избъ мы нашли оригинальную переходную форму зимовки; это родъ шалаша съ крышей, закиданной землей, съ глинобитной печью (рис. 10), ³⁾ переходъ къ настоящей избѣ но своеобразной формы: здѣсь видно еще родство съ шалашемъ“. Жилища этого типа, въ особенности зимнія, разбираются съ трудомъ и при перекочевкахъ оставляются на мѣстахъ: они являются, такимъ образомъ, вполне прочными

¹⁾ Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы стр. 115, см. его-же: Алтай I. с. стр. 634.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай: Истор. В. 1885. XX. стр. 633.

³⁾ Ibid. стр. 629.

типами жилья и составляют переходный типъ въ четырехугольнымъ постройкамъ отъ круглыхъ-коническихъ. Изъ этой формы вслѣдствіе стремленія выпрямить стѣны развиваются т. наз. балаганы и мазанки.

Балаганами, поскольку это касается жилищъ инородцевъ, принято вообще называть легкія, плохо сколоченныя постройки изъ досокъ или тонкаго лѣса, въ частности изъ этого же матеріала, поставленнаго стоймя. Такія именно жилища мы встрѣчаемъ среди алтайскихъ инородцевъ; это шалашъ, построенный изъ лѣса, поставленнаго стоймя; онъ употребляется въ качествѣ лѣтняго жилья и кроется берестой; слѣва, въ углу отъ входной досчатой двери, плохо придѣланной и держащейся на ремешкахъ, устроенъ очагъ, который иногда замѣняется чуваломъ ¹⁾. Подъ чуваломъ разумѣется очагъ, надъ которымъ поднимается прямая, сплетенная изъ прутьевъ и обмазанная труба, выпускающая дымъ наружу; въ видахъ удобства прикрѣпленія трубы чуваль ставится обыкновенно въ углу.

Къ этому же типу жилищъ, повидимому, слѣдуетъ причислить и зимній шалашъ алтайцевъ, о которомъ говоритъ Н. М. Ядринцевъ (I. с.); въ немъ устраивается уже окно, которое вначалѣ помѣщается наверху (въ крышѣ) и затягивается брюшиной; окно переплетено прутьями. Въ такихъ зимовкахъ также устраивается чуваль.

Зимнее жилище чулымскихъ татаръ въ XVIII в. представляетъ тотъ-же типъ: „Чулымское зимнее жилище, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ“ ²⁾, подобно въ размѣщеніи тонкаго строевого лѣса, сѣней, отверстія въ потолокъ и всего внутренняго расположенія барабинскому (гдѣ устраиваются уже срубы); только стѣны дѣлаются наискось или покато, и снаружи заваливаются ради тепла землею. Около избъ стоятъ чуланы и хлѣва.“ Больше подробностей объ этомъ типѣ мы видимъ въ описаніи Палласа. Зимнія юрты чулымскіе татары строили, по словамъ путешественника, изъ „лежащихъ прямо и поперекъ тоненькихъ березовыхъ брусевъ, на подобіе большого ящика съ косоватыми по бокамъ стѣнами. Передняя часть сего ящика остается пола и представляетъ сѣни, а другая половина загорожена поперечною стѣною съ небольшими

1) Вербицкій: Алтайскіе инородцы. стр. 12

2) Изд. Маллера. II. стр. 146.

дверцами и снаружи ради тепла завалена толсто землею". Чуваль помѣщался въ срединѣ зимовки, дымовое отверстие, соответственно съ этимъ, находилось въ срединѣ потолка ¹⁾).

Далѣе аналогичное жилище, переходное отъ шалаша къ срубу, мы встрѣчаемъ у якутовъ. Основное различіе якутской юрты отъ русской избы заключается, по словамъ Миддендорфа, въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревень. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозъ лѣса. Шесть от-

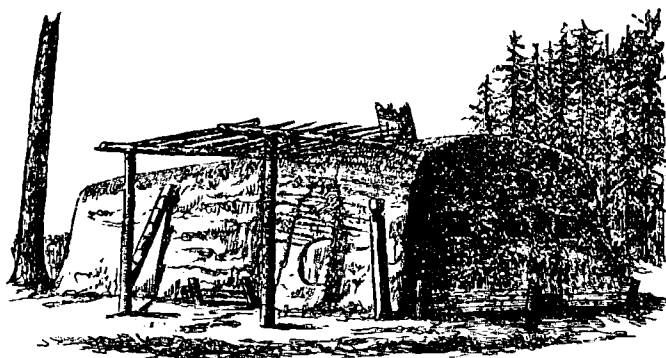

Рис. 11. Зимняя юрта якутовъ.

вѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклонныхъ во внутрь, столбовъ, продолжаетъ тотъ-же авторъ, у котораго мы находимъ обстоятельное описаніе и рисунокъ (рис. 11) зимней юрты якутовъ,—изъ которыхъ 4 по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ составляютъ главный остовъ; ²⁾ лежащее поперекъ обоимъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собой свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому; такимъ образомъ образуется стѣна. Такія же тонкія бревна, положенныя сверху образуютъ крышу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и потолкомъ. Стѣны обмазываются смѣсью изъ глины и

¹⁾ Палласъ: Путешествіе II. пол. 2-я стр. 449, 450.

²⁾ По свидѣніямъ, сообщаемымъ г. Прилонскимъ, рама строится только изъ 4 вбитыхъ наклонно бревень. Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

навоза и обсыпаются землей; зимой все прикрывается снѣгомъ. Окна не превышаютъ квадратнаго фута. Зимой въ оконную раму вставляются куски льда; слюдяныя окна рѣдки. Съ уменьшеніемъ холодовъ ледъ въ окнахъ замѣняется плотно сплетенной сѣткой изъ конскаго волоса, которая, пропуская свѣжій воздухъ, предохраняетъ отъ комаровъ. Дверь дѣлается обыкновенно не больше 2-хъ футовъ въ квадратѣ. Въ углу стоитъ чуваль. Основаніе чувала, по словамъ г. Приклонскаго, дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ, а стѣнки его дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной¹⁾. Впрочемъ на южномъ скатѣ Станового хребта встрѣчается „примѣненіе взятаго у гилаковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло“. Прилавокъ этотъ, хотя и холодный, является неотъемлемой принадлежностью якутской юрты описываемаго типа; онъ, по мнѣнію того-же изслѣдователя, „былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Нерѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60° Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнуть. Нерѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растянувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ-же васъ не защититъ уже никакая шуба и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть очоженѣвшіе члены“: 2) Полъ въ зимнихъ юртахъ якутовъ земляной, иногда изъ убитой глины, 3) у богатыхъ иногда и деревянный.

Подробное описаніе способа устройства юрты сохранилось въ очень распространенной среди якутовъ сказкѣ „о бѣломъ юно-

¹⁾ Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

²⁾ А. Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II. стр. 780—782.

³⁾ Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. XI, вып. 3, стр. 244; см. также: Приклонскій I. с.

шѣ“, Юрюнгъ-Уоланъ. ¹⁾ Желая построить себѣ юрту „выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ темный шумящій лѣсъ и, срубивъ тамъ четыре почтенныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и, притащивъ на средину поля, въ 4-хъ мѣстахъ въ землѣ продавилъ ступней четыре глубокія ямы и воткнулъ туда четыре столба, сказавши: „то будутъ четыре угла моего дома“. Изъ того-же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ 4 балки, которыя положилъ на столбы, а на нихъ двѣ матицы. Выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка, въ весенній разливъ сноситъ мелкій хворостъ, срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса, изъ котораго покрылъ потолокъ, — „чтобы дождемъ не мочило, снѣгомъ не заваливало“, поставилъ стѣны, „чтобы проходящій вольный вѣтеръ не продувалъ“, и настлалъ полъ, на которомъ не могъ-бы держаться на ногахъ семилѣтній мальчикъ — такъ онъ былъ гладокъ. „Весеннее мое солнце, кажется, съ этой стороны восходить“, сказалъ Юрюнгъ-Уоланъ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь. „Чтобы солнце не обдѣляло меня свѣтомъ, когда оно ходитъ по небу“, сказалъ Ю.-У. и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ. „Чтобы вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходили въ домъ“, Ю.-У. на потолокъ и стѣны настлалъ слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ одну сажень толщиной. По срединѣ избы поставилъ Ю.-У. изъ неочищенныхъ жердей, „чтобы глина лучше держалась“, остовъ комелька, обмазалъ его до низу сверху толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ и, притащивъ оттуда девять сухихъ еловыхъ деревь, затопилъ ими комелекъ, чтобы обмазка высохла“.

Что касается внутренняго устройства якутской юрты, то, по словамъ г. Приклонскаго, чуваль съ западной стороны непременно имѣетъ отъ потолка навѣсъ (*чаранчи*); къ этому навѣсу придѣляется полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка (*далмырь*) для просушки платья; на ней оттаивають убитая дичь, хранится оружіе. Вдоль

¹⁾ Гороховъ: Юрюнгъ-Уоланъ въ Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XV № 5—6, стр. 44.

южной стѣны юрты богатые дѣлаютъ глухой *оронъ* (яара), раздѣляющийся на 3 отдѣленія: ближайшее къ двери *солана-оронъ* предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй — *орто-оронъ* для посѣтителей болѣе почетныхъ, и наконецъ третій — *уна-оронъ* для гостей почетныхъ. На западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется *биллирикъ*, въ немъ спятъ дочери; онъ отгороженъ наглухо отъ сосѣднихъ, и на ночь завѣшивается занавѣсью (ситцевой или шелковой). Столбы биллирика, продолжаетъ цитируемый авторъ, раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ; надъ биллирикомъ снаружи устраивается *холлорукъ* — полка съ образами, которые ставятся въ рядъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ птицъ и кости вновь упрямленныхъ животныхъ. Далѣе рядомъ съ этимъ орономъ, противъ устья чувала устраивается еще *кятяляринъ оронъ*, предназначающійся для самихъ хозяевъ. На сѣверной сторонѣ противъ унгорона находится небольшой, отгороженный досками чуланъ — *юягъ*, гдѣ хранятся въ сундукахъ или шкафахъ лучшее семейное имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны — *хамасъ-оронъ*, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотопъ (хлѣвъ). Средняя величина площади юрты не болѣе 3½ кв. саж.; она освѣщается небольшими окнами, каждое въ 2—3 кв. четверги; число оконъ доходитъ иногда до 8-ми ¹⁾. Въ окна вставляютъ лѣтомъ бумагу, бычачьи пузыри, плетеніе изъ конскаго волоса, зимой — куски льда, пузыри и слюду; куски льда, замѣняющіе стекло, прикрѣпляютъ снаружи выгнутой жердью, одинъ конецъ которой упирается въ кусокъ льда, а другой въ землю. На зиму устраиваютъ заваленки. Юрта богатаго отличается отъ юрты бѣдняка только размѣрами и внутреннимъ убранствомъ ²⁾.

¹⁾ В. Л. Приклонскій: Матеріалы для этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20—22.

²⁾ Helmersen's Beiträge z. Kenntniss d. Russ. Reiches, XXVI, стр. 35. Erman: Reise II, стр. 241; Проскуряковъ: О средне-визюйскомъ улусѣ Визюйскаго округа въ Этнограф. Сбор. И. Р. Г. О. VI, стр. 39.

Интересную подробность составляет фактъ, что чуваль помещается иногда посрединѣ юрты, т. е. на мѣстѣ, гдѣ помещается очагъ въ круглыхъ шалашахъ; иногда его отодвигаютъ ближе къ сѣверной сторонѣ, но во всякомъ случаѣ такъ, что онъ не прислоняется къ углу¹⁾. Эта-же особенность въ положеніи очага отмѣчена еще въ XVIII в., когда, повидимому, не всѣ якуты еще перешли къ замѣнѣ очага чуваломъ. То-же мы видѣли выше у чулымскихъ татаръ XVIII в. Окна, которыя въ настоящее время устраиваются въ стѣнахъ юрты, замѣнялись въ прошломъ столѣтіи еще окномъ, продѣланнымъ въ потолокъ²⁾.

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ пристройкѣ подобія сѣней съ восточной стороны, гдѣ у якутовъ всегда помещается входная дверь; крыша нѣсколько удлиняется посредствомъ положенныхъ на нее досокъ, такъ что послѣднія образуютъ навѣсъ передъ дверью; навѣсъ поддерживается столбами, къ которымъ приѣзжающіе привязываютъ коней³⁾.

Описанный видъ якутскаго жилища, который, какъ и зимовку чулымскихъ татаръ, можно было бы назвать трапецевиднымъ, такъ какъ въ разрѣзѣ онъ даетъ фигуру трапеціи, служитъ якутамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только зимнимъ жилищемъ, замѣняемымъ на лѣто берестяной конической юртой, въ другихъ этотъ типъ является господствующимъ и въ качествѣ зимняго равно и въ качествѣ лѣтняго жилья, и, наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зимнимъ жилищемъ якуту служить уже юрта, построенная изъ прочныхъ бревень, по русскому образцу, описанная трапецевидная юрта служитъ лишь лѣтнимъ жильемъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Средне-вилюйскомъ улусѣ, описанный типъ служитъ и зимнимъ и лѣтнимъ жилищемъ, первое отличается отъ второго тѣмъ, что къ жилой юртѣ пристраивается такая-же, только болѣе обширныхъ размѣровъ, служащая помещеніемъ для скота (*хотонъ*); она отдѣляется отъ жилого помещенія тонкою и рѣдкою перегородкою и нагрѣвается или отъ жилой юрты, или, что впрочемъ случается очень рѣдко, посредствомъ

1) Приклонскій: 1. с. стр. 20; Erman: Reise, II, стр. 35. Проскураковъ: О средне-вилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа. Этногр. Сбор. И. Р. Г. О., VI, стр. 39.

2) Описание народовъ, изд. Миллера. II, стр. 182.

3) Erman: Reise, II, стр. 306.

устроеннаго въ ней отдѣльнаго чувала¹⁾. Бѣдные соединяютъ хотонъ дверью съ юртой, такъ что скотъ проходитъ въ него черезъ юрту. Телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ. Богатые, наоборотъ, устраиваютъ хотонъ или отдѣльно, или хотя и смежно съ юртой, но съ отдѣльнымъ ходомъ; въ этихъ случаяхъ въ хотонѣ всегда имѣется отдѣльный чуваль. Помѣщенія для скота въ лѣтнихъ юртахъ этого типа, которыя отличаются отъ зимнихъ только меньшими размѣрами, — строятся по возможности отдѣльно²⁾. Въ устройствѣ указанной юрты для скота въ непосредственной близости отъ жилого помѣщенія мы видимъ стремленіе соединить хозяйственныя строенія подъ одной кровлей съ жилими.

Балаганы (*булаган*) были извѣстны въ прежнее время и бурятамъ, причѣмъ они, по словамъ г. Хангалова, явились въ замѣнъ шалашей (бухекъ).³⁾

Къ этому же типу жилищъ слѣдуетъ отнести и балаганы, извѣстные у башкиръ. О нихъ упоминаетъ Рычковъ: это шалаша изъ луба, которыя, по его словамъ, переносились съ одного мѣста на другое и служили бѣднѣйшему населенію въ качествѣ лѣтняго жилья⁴⁾. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно, эти балаганы не переносятся; они строятся въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевокъ и представляютъ небольшія четырехугольныя зданія, часто даже безъ оконъ. „Берестяной домикъ — *аласыкъ*“, пишетъ г. Назаровъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ того, что весь въ дырахъ, которыя въ совершенствѣ замѣняютъ окна и трубу. Нарѣ въ немъ нѣтъ, полъ-же устланъ разнымъ тряпьемъ⁵⁾. Среди горныхъ башкировъ рода Катай, лѣтнее жилище, — тотъ-же балаганъ, мы встрѣчаемъ уже въ значительно развитомъ видѣ: это небольшой срубъ, сколоченный изъ тонкихъ деревьевъ, крытый корою, съ очень маленькою дверью; къ нему пристраивается со стороны двери большей частью сдѣланное изъ плетня небольшое помѣщеніе, въ которомъ устроенъ чуваль, и гдѣ готовится пища. Окно въ этомъ жилищѣ не имѣетъ: оно освѣщается свѣтомъ,

¹⁾ Проскуряковъ: 1. с., стр. 39.

²⁾ Приклонскій: 1. с., стр. 20, 23.

³⁾ М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣв. бурятъ.

⁴⁾ Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

⁵⁾ Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ, Этнограф. Обзор IV, стр. 180.

проникающимъ черезъ дверь и черезъ щели въ стѣнахъ. Внутри устраиваются нары ¹⁾.

Вышеописанные типы балагановъ даютъ возможность начертить хотя-бы и въ общихъ чертахъ исторію ихъ развитія изъ шалаша: мы видѣли, что четырехгранный пирамидальный шалашъ, вѣроятно вслѣдствіе потребности къ расширенію внутренняго помѣщенія, обращается въ балаганъ, построенный изъ тонкаго лѣса, поставленнаго стоймя; но стѣнки его поднимаются не вертикально, а наклоняются во внутрь, что даетъ жилищу видъ трапецоида. Окно въ такомъ шалашѣ либо нѣтъ вовсе, либо окно продѣлывается наверху въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ; лишь послѣдствіи окна начинаютъ дѣлать въ стѣнахъ, причемъ прикрытіемъ ихъ служитъ брюшина, ледъ, пузыри и пр. О стеклѣ еще нѣтъ и помина. Стѣны постепенно выпрямляются, и жилище принимаетъ видъ правильнаго четырехугольника, по внѣшнему виду уже вполне напоминающаго срубъ въ его простомъ видѣ. Крыша остается плоской или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлается слегка на одиѣ скать; покрытіемъ крыши служитъ тотъ-же матеріалъ, который употреблялся для нокрытія шалашей: земля, береста, лубъ и т. п. Вслѣдствіе климатическихъ условій подобныя жилища обмазываются иногда глиной съ навозомъ, и тогда они представляютъ только то различіе отъ мазанокъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, что основу зданія представляетъ не плетень, а тонкія бревна. Устройство стѣнъ изъ стоекъ замѣняется горизонтальнымъ положеніемъ тонкихъ бревенъ, и въ этомъ своемъ видѣ балаганъ является ближайшимъ связующимъ звеномъ между этимъ типомъ жилья и срубомъ. Въ описанной лѣтовкѣ башкиръ-катайцевъ балаганъ развивается до прочнаго жилища съ плетевыми стѣнами, что по всегда бываетъ у первобытной формы сруба. Наконецъ, что касается внутренняго устройства, то первобытный очагъ замѣняется каминомъ-чуваломъ, причемъ этотъ послѣдній иногда продолжаетъ еще нѣкоторое время занимать мѣсто въ срединѣ помѣщенія (якуты, чулымскіе татары)—мѣсто, на которомъ естественно устраивается очагъ въ круглыхъ юртахъ,—а затѣмъ уже переносится въ уголъ, находящійся у входныхъ дверей. Всѣ эти черты, характерныя для балагана въ его развитомъ видѣ, мы встрѣтимъ и въ первобыт-

¹⁾ Л. Берггольцъ: Горныя башкиры-катайны, Этногр. Обзор. XVIII, стр. 77.

ныхъ срубахъ. Это сходство доходить до того, что подчасъ лишь большая тонкость бревень, употребляемыхъ при устройствѣ балагановъ, отличаетъ ихъ отъ срубовъ.

Если разсмотрѣть географическое распредѣленіе описаннаго типа жилья, не трудно замѣтить, что оно распространено исключительно въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе богатыхъ лѣсомъ; тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ лѣсномъ строительномъ матеріалѣ, основою, образующей стѣны жилого помѣщенія, является обыкновенно плетень, что приводитъ къ новому типу жилья—мазанкамъ и ихъ разновидностямъ. Однако, зарожденіе плетневого жилья едва-ли будетъ справедливо искать исключительно въ стѣнныхъ безлѣсныхъ пространствахъ: тамъ оно получило лишь большее распространеніе, но и въ лѣсныхъ областяхъ мы также встрѣчаемся съ этимъ типомъ, такъ какъ значительная легкость въ устройствѣ заставляетъ прибѣгать къ нему и въ областяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ.

Основа при устройствѣ плетневыхъ жилищъ заключается въ томъ, что стойки, образующія т. е. раму, переплетаются плетнемъ отъ одной къ другой, чѣмъ образуются стѣны. Потребность сдѣлать жилье болѣе теплымъ приводитъ, какъ и при устройствѣ балагановъ, къ закидыванію стѣнъ глиной, навозомъ и пр., вслѣдствіе чего оно становится менѣе доступнымъ холоду и вѣтру.

В. Радловъ встрѣтилъ мазанки въ качествѣ зимняго жилища у телеутовъ (рис. 12) на ряду съ балаганами. Плетень былъ забро-

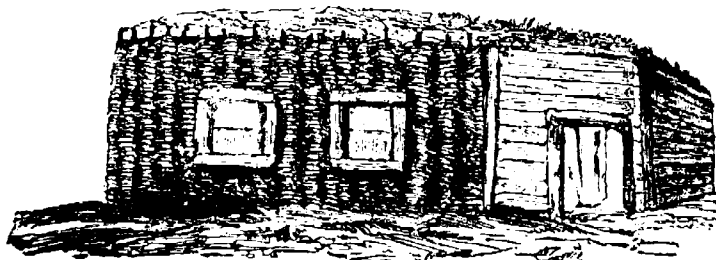

Рис. 12. Телеутская мазанка.

санъ глиною или землей. Въ деревнѣ, посѣщенной В. Радловымъ, эти дома служили телеутамъ и лѣтнимъ жильемъ. Преимущество подобныхъ построекъ заключается, по словамъ цитируемаго автора, въ томъ, что лѣтомъ онѣ прохладны, а зимой онѣ легко на-

грѣваются; кромѣ того постройка ихъ требуетъ немного труда и затратъ. Съ внѣшней стороны телеутскія мазанки чрезвычайно некрасивы и низки, такъ какъ онѣ находятся на половину подъ землей, но внутри онѣ не производятъ непріятнаго впечатлѣнія: стѣны и потолки чисто выбѣлены, полъ состоитъ изъ гладко утоптанной глины. Единственный недостатокъ этихъ домовъ, заключаетъ В. Радловъ, состоитъ въ томъ, что при каждомъ болѣе сильномъ дождѣ приходится страдать отъ проникающей сквозь стѣны сырости и что послѣ каждой непогоды стѣны требуютъ болшихъ или меньшихъ поправокъ ¹⁾.

У абинскихъ татаръ, жившихъ по верхнему теченію р. Томи, около рр. Кондамы и Мразы, зимовки въ XVIII вѣкѣ представляли также мазанки, хотя и въ то время имъ были извѣстны уже бревенчатая постройка. Зимнія хижины ихъ находились до половины въ землѣ, какъ и у современныхъ телеутовъ, но онѣ носили значительно болшее количество чертъ первобытности; свѣтъ проходилъ чрезъ дымовое отверстіе; потолокъ состоялъ изъ жердей и былъ покрытъ землею. Внутреннее устройство ихъ было очень просто, и очагъ не вездѣ былъ замѣненъ еще чуваломъ ²⁾. Мы привели описаніе плетневыхъ построекъ у указанныхъ народностей въ доказательство, что онѣ не являются исключительнымъ достояніемъ степныхъ мѣстностей, по своему типу однако онѣ скорѣе подходятъ къ другой формѣ жилищъ—къ землянкамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже: вполнѣ надземныя мазанки типичны для безлѣсныхъ степей.

Къ числу мазанокъ слѣдуетъ отнести зимнія хижины, которыя Мартинъ Броневскій видѣлъ въ XVI вѣкѣ у татаръ, ночевавшихъ между Днѣпромъ и Перекопомъ: „эта полоса земли, пишетъ онъ, покрыта нивами, лугами и татарскими хижинами, которыя обыкновенно варвары называютъ улусами; онѣ сдѣланы изъ тонкихъ деревь, обмазаны тиной, грязью или навозомъ и покрыты камышемъ“ ³⁾. Свидѣтельство Броневскаго однако недостаточно ясно, чтобы судить, идетъ-ли рѣчь о плетневыхъ постройкахъ или о балаганахъ, и только соображеніе, что онѣ встрѣчались въ бѣдныхъ лѣсами

1) Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 331, 332.

2) Описаніе... народовъ, изд. Миллера. II, стр. 167.

3) Описаніе Крыма, Tartariae descriptio, М. Броневскаго: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. VI, стр. 337.

пространствахъ, заставляеть скорѣе склоняться въ пользу мѣнѣя, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ плетневыми строениями. Тѣмъ болѣе дѣйственнымъ является свидѣтельство доминиканца Жана де-Люка (ок. 1625 г.), который отмѣчаетъ, что у перекопскихъ татаръ встрѣчались, при господствѣ переноснаго жилья, и плетневые строения: „ихъ дома стоятъ бездѣлицу, пишеть онъ; лучшіе складены изъ камня на извести; много у нихъ деревянныхъ и крытыхъ досками, другіе состоятъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ, между которыми вплетаютъ древесныя вѣтви, и крыты соломой“¹⁾.

Плетневые постройки были извѣстны въ XVIII вѣкѣ и ногайцамъ, жившимъ около кавказскихъ горъ, которые, хотя и перешли уже къ осѣдлости, занимались не только скотоводствомъ, но и хлѣбопашествомъ, но не могутъ быть причисляемы вполне къ осѣдымъ народамъ, такъ какъ ихъ привычка кочевать выражалась въ частыхъ перемѣнахъ мѣстъ своихъ деревень: „они покидаютъ деревни свои часто и строятъ оныя, гдѣ покажутся имъ мѣста по-привольѣе, вновь.“ Хижины ихъ „худыя, изъ хвороста сплетенныя и глиною обмазанныя“²⁾.

Наконецъ, астраханскіе калмыки за послѣдніе 30—40 лѣтъ начали на зиму устраивать себѣ мазанки. Замѣна кибитокъ на зиму болѣе прочными зданіями идетъ, по словамъ г. Житецкаго, съ двухъ концовъ: выстраиваютъ себѣ жилища богачи и бѣдняки; первыхъ побуждаетъ комфортъ, вторыхъ—холодъ. Послѣднимъ, впрочемъ, является на помощь правительство, выдавая на постройку денежное пособіе. Распредѣленіе ихъ въ астраханской степи далеко не равномерно: ихъ болѣе на периферіяхъ, чѣмъ внутри степи³⁾. Подробное описаніе устройства мазанокъ у калмыковъ мы находимъ у В. В. Сулова⁴⁾. По сообщаемымъ этимъ авторомъ свѣдѣніямъ мазанки (*тарлушки*) устроены слѣдующимъ образомъ: въ границахъ небольшого прямоугольника поставлено восемь высокыхъ пней, обращенныхъ корнями вверхъ. Между этими пнями—*бахна* (русск. сохи) воткнуты въ землю нѣсколько стоекъ *челмыкъ*; послѣднія обвиваются хворостомъ. На сохи кладутъ про-

1) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ ...Жана де-Люка въ Зап. И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. XI, стр. 483.

2) Описаніе... народовъ, стр. 40, 41.

3) Житецкій. Оч. быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

4) В. В. Суловъ. Очерки по исторіи др. русскаго водчества. I, стр. 62, 63

гоны, а затѣмъ балки *золденъ*; на эти послѣднія раскладываютъ жерди и на нихъ уже настилаютъ хворостъ. Весь этотъ скелеть обмазываютъ глиною съ коровьимъ навозомъ и наконецъ всѣ стѣны жилого помѣщенія бѣлятъ краскою. Крыша также промазывается глиною и оставляется плоской. Мазанки собственно раздѣляются на двѣ части: въ первой находятся сѣни и кладовая или отдѣленіе для мелкаго скота, а 2-я часть составляетъ жилое помѣщеніе. Здѣсь стоитъ печь съ котломъ для воды, а по стѣнамъ прибиты полки для посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Мазанки освѣщаются маленькими окнами и снаружи почти до половины засыпаются землей или глиною для сохраненія тепла въ помѣщеніи.

Ордосскіе монголы, занимающіеся уже кромѣ скотоводства и земледѣліемъ, почти совершенно оставили войлочные юрты и живутъ въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ плетня и обмазанныхъ глиной. Большая часть этихъ мазанокъ, пишетъ Г. Н. Потанинъ, имѣетъ видъ

Рис. 13. Камышевый домикъ бухсаревскихъ киргизовъ.

продолговатыхъ сараевъ; сѣверная и южная стѣны длинныя, восточная и западная короткія; въ южной стѣнѣ дверь для входа; сверху зданіе покрыто коробовымъ сводомъ изъ такого-же плетня, какъ и стѣны; этотъ сводъ, сверху также обмазанный глиной, служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Внутри устройство и убранство такое-же, какъ въ китайскихъ фанзахъ: окна, оклеенныя бумагой, и жаровни для огня. Утварь китайская ¹⁾.

¹⁾ Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 108, 109.

Наконецъ, среди бунеевскихъ киргизовъ встрѣчаются плетневые строения, — камышевые домики. Основа ихъ состоитъ, какъ и въ обыкновенныхъ плетневыхъ строенияхъ, изъ стоекъ, а плетень замѣняется пучками камыша; форма ихъ, какъ и обыкновенно всѣхъ мазанокъ, четырехугольная. Крыша почти плоская; все зданіе очень низкое и освѣщается небольшимъ окномъ (рис. 13).¹⁾ Плетневые постройки извѣстны и при-иртышскимъ киргизамъ, которые однако употребляютъ ихъ лишь въ качествѣ хозяйственныхъ строеній. Какъ мазанки, такъ и балаганы въ развитомъ своемъ видѣ подходятъ вполне подъ понятіе дома. Разница отъ прочной избы заключается только въ матеріалѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію срубовъ, мы должны остановиться еще на одномъ видѣ жилища, которое, какъ и шалашъ, приводитъ при своемъ развитіи къ срубѣ—именно на земляникѣ, которая, даетъ, однако, и развитыя самостоятельныя формы, до которыхъ у полукочевыхъ тюрковъ и монголовъ срубъ не доразвился.

Если шалашъ является эмбриономъ, изъ котораго постепенно выходятъ другія формы жилья у разсмотрѣнныхъ нами народностей, то того-же нельзя вполне утверждать относительно землянокъ, если понимать послѣднія въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. подземныхъ строеній; онѣ являются таковыми повидимому лишь у нѣкоторыхъ. Дѣло въ томъ, что потребность имѣть болѣе теплыя жилища на зиму привела нѣкоторыя народности къ отысканію себѣ жилищъ подъ землей. Землянки, т. е. врытыя въ землю жилища съ крышей, выходящей на поверхность земли, какъ извѣстно, широко были распространены у финновъ, у которыхъ онѣ играли выдающуюся роль въ исторіи развитія прочныхъ типовъ жилья. Поэтому насъ не должно удивлять, что этотъ-же типъ мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей.

У кузнецкихъ инородцевъ напр. встрѣчаются, по словамъ Н. М. Ядринцева²⁾, землянки, совершенно схожія съ остяцкими *карамо*. Послѣднія часто устраиваются въ пещерахъ и въ горѣ. Кромѣ того на основаніи данныхъ, изложенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ³⁾, есть полное основаніе думать, что остяцкія зем-

¹⁾ Рисунки всѣхъ типовъ жилищъ бунеевскихъ киргизовъ заимствованы изъ коллекціи фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ моимъ братомъ А. Н. Харузинымъ.

²⁾ Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, стр. 115.

³⁾ Этнографъ. Обзор. XXIV, стр. 46.

лянки возникли изъ жилищъ-ямъ, находившихся подъ землей, и лишь впоследствии постепенно поднялись надъ поверхностью. Этотъ фактъ выясняетъ тѣ переходные типы, которые мы встрѣтимъ среди землянокъ у турковъ. О существованіи аналогичныхъ жилыхъ строеній у телеутовъ мы имѣемъ свидѣтельства въ „Описаніи ...народовъ;“ 1) телеуты въ прежнее время строили жилища „въ ярахъ и разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградой съ трехъ сторонъ; крышку и переднюю стѣну дѣлали изъ хворосту и пр.“ Далѣе, повидимому, обычай устраивать себѣ подземныя жилища не вышелъ изъ употребленія и среди бѣдныхъ азиатскихъ киргизовъ, которые „зимой живутъ въ ямахъ или подземныхъ хижинахъ, гдѣ помѣщаются и дѣти и животныя.“ 2) Наконецъ, Г. Н. Потанинъ сообщаетъ, что въ юго-восточномъ углу Ордоса, гдѣ монгольскія владѣнія захватываютъ часть площади лѣсса, монголы живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ лѣссѣ. 3) Хотя въ настоящее время мы имѣемъ сравнительно мало свидѣтельствъ объ обычѣ устраивать себѣ землянки въ чистомъ ихъ видѣ, но нѣкоторыя формы нынѣ существующихъ или по крайней мѣрѣ недавно существовавшихъ жилыхъ или хозяйственныхъ строеній заставляютъ предполагать сравнительно широкое распространеніе этого обычая.

Жилища, *наполовину* врытыя въ землю, мы имѣли отчасти случай описать выше. Подобныя-же наполовину подземныя жилья помѣщенія отмѣчены были и Гмелиномъ у кузнецкихъ татаръ; 4) ихъ дома были наполовину врыты въ землю, стѣны были выведены изъ земли-же; наверху, въ крышѣ, было устроено дымовое отверстіе. У башкиръ Уфимской губ. въ башкирской усадьбѣ, въ небольшомъ отдаленіи отъ жилыхъ построекъ, на выгонѣ, устраивается до настоящаго времени еще землянка, въ которой сложена печь. Въ этой землянкѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ. 5) Въ другихъ мѣстностяхъ типъ почти первобытной землянки сохраняется башкирами при устройствѣ бань: бани—это срубки въ сажень шири-

1) II, стр. 161.

2) Lansdell. Russisch-Central-Asien, стр. 236.

3) Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 109.

4) Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 278.

5) Иваносковъ. Кара-Якуповская волость въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 2, стр. 184.

ны и длины, и аршина $1\frac{1}{2}$, много 2 высоты. Потолокъ и полъ земляные; оконъ нѣтъ. Входъ очень низкій, такъ что чрезъ него можно пролѣзть только на четверенькахъ. Слѣва печь изъ голышей, наваленныхъ въ видѣ кучи. Трубы нѣтъ. ¹⁾ Далѣе подобная же землянка, наполовину врытая въ землю, извѣстна кундровскимъ татарамъ: она строится только на зиму (въ ноябрѣ), и разбирается въ мартѣ или апрѣлѣ.

Подробное описаніе ея мы находимъ у г. Мошкова ²⁾. Устройство землянки замѣчаетъ авторъ, по всей вѣроятности, заимствовано отъ русскихъ, потому что самое названіе ея—*з'эмнэнк'э* взято изъ русскаго. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что кундровскіе татары стали переходить къ полуосѣдлости лишь за послѣднее время и что даже въ настоящее время не всѣ строятъ себѣ на зиму землянки, а многіе проводятъ холодную часть года въ юртахъ. Землянка кундровцевъ устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается четырехугольная яма (*шункур*) аршинъ въ семь длиной, аршинъ шесть шириной и глубиной около 1 арш. По угламъ ея, вдоль будущихъ стѣнъ (*каврхасы*), вбиваются деревянные стойки (*тыкны* или *баһана*); къ стойкамъ снаружи прикладываются доски (*тахта*), возлѣ нихъ слой камыша и, наконецъ, слой земли. Въ переднюю и заднюю стѣнки вставляются 3—4 окна; эти послѣднія состоятъ изъ деревянныхъ рамъ со вставленными въ нихъ стеклами; рамы и стекла покупаются на базарѣ. Часть стѣны, приходящаяся надъ окнами, обкладывается камышемъ. На стойки передней и задней стѣнокъ кладутъ двѣ балки, а для 3-й балки (средней) ставится въ срединѣ землянки еще 3—4 стойки; на эти три балки кладутъ брусъ потолка въ разстояніи четверти одинъ отъ другого. На нихъ насыпается камышъ, на камышъ — солома и сѣно, потомъ слой навоза и, наконецъ, песокъ. Высота землянки опредѣляется такъ: „чтобы самому высокому человѣку не приходилось нагибаться“⁴. Посрединѣ передней стѣны вставляется досчатая, одностворчатая дверь, которая виситъ на желѣзныхъ крючкахъ. Всѣ деревянные и желѣзные части землянки заготовлены разъ навсегда, продолжаетъ г. Мошковъ, и по окончаніи зимы, когда землянку разбираютъ, скла-

¹⁾ П. С. Назаровъ. Къ этнографіи Башкиръ. I. с.

²⁾ В. А. Мошковъ: Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XII, вып. 1-й, стр. 13—15.

двѣются на возъ и отправляются въ ближайшее поселеніе осѣдлыхъ вогайцевъ, гдѣ за небольшую плату онѣ сдаются на храненіе. Посреди землянки складывается кирпичная печь (*биш*), длиною и вышиною аршина по 2 и шириною аршина въ 1½. Отъ печи идетъ вертикальная кирпичная труба черезъ потолокъ; въ печь вмазывается чугунный котелокъ для варки пищи, а иногда и небольшая плита. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнокъ землянки дѣлаются деревянные нары. Къ землянкѣ пристраивается дворъ, такъ что входная дверь землянки выходитъ въ него.

У киргизовъ Акмолинской области встрѣчаются еще выкопанныя въ землѣ жилища, съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердыми съ земляной насыпью и дымовымъ окномъ¹⁾.

Описанные виды землянокъ являются переходными типами отъ землянки—въ тѣсномъ смыслѣ слова, къ срубчатымъ или плетневымъ постройкамъ. Путемъ поднятія землянки изъ земли она становится все болѣе надземнымъ строеніемъ, при чемъ въ зависимости отъ того, происходитъ-ли укрѣпленіе стѣнъ посредствомъ плетня или бревень, развивается или мазанка или срубъ. Такимъ образомъ, землянка приводитъ постепенно къ срубѣ, такъ-же какъ къ нему приводитъ и шалашъ.

Нѣсколько другимъ путемъ происходитъ переходъ землянки къ срубѣ, когда для возведенія стѣнъ поднимающагося изъ-подъ земли жилища начинаетъ служить земля; происходитъ это, естественно, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, прежде чѣмъ перейти къ постройкамъ изъ необожженныхъ кирпичей, четырехугольныя постройки возводятся, какъ и чучела, изъ дерна. Въ первобытномъ ея состояніи мы встрѣчаемъ эту землянку у киргизовъ; устройство ея слѣдующее: стѣны возводятся изъ дерна, при чемъ толщина стѣнъ колеблется между 1 и 2 аршинами. Поверхъ земляной кладки стелется изъ жердей крыша слегка на одинъ скатъ или совершенно плоская. Окно въ землянкѣ нѣтъ; свѣтъ проходитъ черезъ отверстіе посрединѣ крыши, служащее также и дымовымъ отверстіемъ. Полъ земляной.²⁾—Въ подобныхъ землянкахъ въ на-

1) Словцовъ: Путевыя замѣтки, стр. 13, въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. III.

2) В. Шиз: Зимовки... кочевниковъ Акмолинской области, въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й, стр. 4.

стоящее время помѣщаются только рабочіе, или онѣ служатъ кладовой; въ нихъ-же ставится мелкій или большой скотъ. Онѣ пристраиваются къ жилому помѣщенію и соединяются съ послѣднимъ посредствомъ двери; эти землянки значительно ниже жилыхъ, и хотя, какъ только-что было указано, онѣ служатъ теперь преимущественно для помѣщенія рабочихъ и хлѣвами, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ типъ болѣе древней землянки, которая послужила типомъ для общеупотребительнаго земляного или глинянаго зимняго жилища, распространеннаго у полукочевниковъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ.

Торгоутамъ зимними жилищами служатъ, по словамъ А. А. Ивановскаго, „маленькія, низкія, сбитыя изъ глины, смѣшанной съ галькой, лачужки. Два-три окна, величиною не болѣе квадратнаго полуаршина, затянутыя обыкновенно какими-нибудь старыми тряпками, съ трудомъ пропускаютъ въ такую зимовку дневной свѣтъ. Полъ — земляной. Печь сбита изъ глины, безъ трубы, а для выхода дыма, какъ и въ юртахъ, дѣлается наверху отверстіе. Такая лачужка прикрываетъ отъ холода обыкновенно такое количество людей, что, располагаясь ночью спать, они занимаютъ три четверти ея, оставляя остальную четверть на долю маленькихъ ягнятъ, помѣщаемыхъ тутъ-же, рядомъ съ ними“ 1).

Мы остановимся подробнѣе на землянкѣ киргизовъ, такъ какъ она дастъ возможность уяснить себѣ постепенное развитіе этого типа жилища. Мы уже видѣли, что представляетъ собой наиболѣе простой типъ киргизской землянки. Дальнѣйшее ея развитіе можно наблюдать на зимовкѣ степныхъ киргизовъ въ Эмбенскомъ уѣздѣ 2). Киргизы названнаго уѣзда строятъ свои зимнія жилища обыкновенно на возвышенномъ берегу рѣки или также и въ низколежащихъ мѣстностяхъ; въ послѣднемъ случаѣ однако устраиваютъ ихъ такъ, чтобъ весенніе разливы не затопили жилья. На высокихъ мѣстахъ матеріаломъ для возведенія стѣнъ служитъ глина; на низкихъ она замѣняется дерномъ; кромѣ того, для постройки необходимы еще киргизу камышъ и липовыя жерди. Землянкѣ своей, замѣчаетъ М. А. Леваневскій, киргизъ старается дать правильную четырехугольную

1) А. А. Ивановскій: Монголы-торгоуты, стр. 11.

2) М. А. Леваневе ий: Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у. Землеуѣдвіе. 1894, № 3, стр. 48.

форму, но, не имѣя понятія ни объ отвѣсѣ, ни о ватерпасѣ, влѣбливаетъ ее обыкновенно кверху у́же, съ замѣтно кривыми стѣнками, окнами и дверями; слѣдовательно, такой типъ землянки получаетъ видъ неправильнаго трапецоида. Окна выходятъ на солнечную сторону. Крышей служатъ липовыя жерди или камышъ; сверхъ камыша кладется болѣе или менѣе толстый слой навоза съ землей, и затѣмъ все это смазывается глиной. Землянка представляетъ въ большинствѣ случаевъ лишь одну комнату: ее перегородиваетъ до извѣстной степени печь со вмазаннымъ котломъ. Къ жилому помѣщенію пристраиваются обыкновенно сѣни, въ которыхъ помѣщается крупный скотъ. Къ сѣнямъ, въ свою очередь, пристраиваются помѣщенія для мелкаго скота, при чемъ они дверями соединяются съ сѣнями. Дверь въ землянку дѣлается изъ досокъ, узкая, низкая; дверной ручкой служитъ кусокъ палки, вбитый въ отверстіе, или кусокъ ремня или веревки.

Среди акмолинскихъ степныхъ киргизовъ употребительны зимовки изъ дерна. Отличительной чертой зимовокъ,—пишетъ г. Шнэ, которому мы обязаны неболѣе обстоятельнымъ описаніемъ этого вида жилища у акмолинскихъ киргизовъ¹⁾,—является тѣсная связь людскаго жилья со скотными дворами. Сплоченность до такой степени близка, что, желая попасть въ жилище киргиза, вы должны пройти почти всѣ дворы и загородки для скота. Эта скупченность жилыхъ помѣщеній съ хозяйственными постройками имѣетъ свое объясненіе въ условіяхъ, въ которыхъ живетъ киргизъ-степнякъ: частыя зимнія бури вызываютъ свѣжные заносы, и киргизу необходимо защитить отъ нихъ свое жилое помѣщеніе и, кромѣ того, оставить себѣ возможность обойти и осмотрѣть свое хозяйство, не подвергаясь стужѣ. Стѣны жилого помѣщенія возводятся у акмолинскихъ киргизовъ изъ дерна; ширина стѣнъ отъ 1—2 арш. Поверхъ земляной кладки вдоль стѣнъ накладываются бревна въ одинъ рядъ или вѣнецъ, который служитъ опорой крыши, а эта послѣдняя замѣняетъ потолокъ жилья. Крыша дѣлается плоскою или съ небольшимъ наклономъ или скатомъ. Въ первомъ случаѣ укладываются толстые горбыли со стѣны на стѣну по ширинѣ жилища; бревна лежатъ не сплошь, а съ промежут-

¹⁾ В. Шнэ: Зимовки и др. постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 1—12 въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й.

камни, которые заполняются хворостомъ или камышемъ; поверхъ послѣднихъ настиляется дернъ. Крыша посрединѣ сдерживается балкой. Иногда, впрочемъ, устраиваются и двускатныя крыши; въ этомъ случаѣ, балка возвышается надъ общимъ уровнемъ стѣнъ на 6—12 вершковъ; укладка жердей идетъ на двѣ стороны ея, чѣмъ и образуется незначительный скатъ крыши, препятствующій застою воды въ дернѣ. Балка поддерживается 2—3 столбами внутри землянки, при чемъ нижніе концы столбовъ устанавливаются въ гнѣзда балки, лежащей на земляномъ полу жилия параллельно верхней. Дверь продѣлывается въ срединѣ стѣны со стороны двора, а въ противоположной стѣнѣ, лицевой, — одно или два окна, со вставленнымъ тусклымъ стекломъ и нерѣдко замѣняемымъ пузыремъ. Жилое помѣщеніе дѣлится на двѣ половины: передняя часть обставлена нарами въ $\frac{1}{4}$ арш. вышины; нары настиляются изъ досокъ или тесаныхъ бревенъ отъ нижней балки къ лицевой стѣнѣ, гдѣ опорой имъ служить другая балка или земляная заваленка. На нарахъ вся семья киргиза проводитъ день и ночь. На другой половинѣ землянки въ одномъ изъ угловъ ставится печь; она кладется изъ сырцоваго кирпича (глинобитныхъ печей, по словамъ г. Шнэ, не встрѣчается). Глиной же вымазываютъ печь снаружи и стѣны землянки; иногда то и другое еще подбѣливается. Печь состоитъ изъ двухъ отдѣленій, съ двумя отдѣльными трубами, которыя, однако, сходятся у потолка, и двумя топками: въ одномъ отдѣленіи, похожемъ на русскую лежанку, грѣтся большой котель, замуравленный надъ топкой, а другое отдѣленіе сложенное въ видѣ пирамиды, представляетъ подобіе русской печи. По стѣнамъ землянки, по угламъ на полкахъ развѣшиваются и разставляются платье, конскіе уборы, кошмы и т. д. Описанное жилище имѣетъ обыкновенно 2 саж. длины, $\frac{1}{2}$ саж. ширины и 1 саж. вышины. Къ жилому помѣщенію пристраиваются справа и слѣва землянки для мелкаго скота, при чемъ эти помѣщенія обыкновенно вдвое больше размѣровъ жилия. Рядомъ съ хлѣвами строятся еще двѣ подобныя-же землянки для рабочихъ и для склада хозяйственныхъ припасовъ (кладовая). Вокругъ этихъ построекъ группируются еще загоны, устраиваемые болѣе просто: все пространство, которое образуетъ дворъ и окружается валомъ, стѣной (шириной въ $1\frac{1}{2}$ арш.) изъ земли съ тростникомъ, гнилымъ сѣвомъ, валежникомъ, — киргизъ разбиваетъ на

отдѣльные квадратные загоны, съ отдѣльными воротами-калитками, съ высокимъ тыномъ изъ тальника и камня. Весь дворъ, соединяющій въ себѣ хлѣвы, загоны и пр. прикрывается крышей, лежащей на столбахъ, которыхъ бываетъ до 30-ти и болѣе.

Рис. 14.

Рис. 15. Дворъ въ Букеевскихъ киргизахъ.

Среди жилищъ Букеевской орды мы встрѣчаемъ тотъ-же видъ зимовокъ, но тамъ матеріаломъ облицовки служатъ не дерть, а глина, которая идетъ на выдѣлку кирпичей, просушиваемыхъ на солнцѣ. По внѣшнему виду и по внутреннему устройству зимовка не представляетъ существенныхъ отличій отъ только-что описаннаго типа. Рис. 14 и 15 представляютъ типы зимовокъ Букеевскихъ киргизовъ.

Немногіе караогайцы, устраивающіе себѣ прочныя жилища на зиму, возводятъ стѣны также изъ не обожженныхъ кирпичей и кроютъ ихъ камышемъ¹⁾. Тотъ-же принципъ соединенія хозяйственныхъ построекъ (помѣщеній для скота) съ жилыми мы видимъ и у мундроскихъ татаръ. Нѣсколько землянокъ (5—10), описаннаго выше типа, выстраиваются въ линію, при чемъ входныя двери обращены у всѣхъ въ одну сторону. Всѣ землянки имѣютъ одинъ общій четырехугольный дворъ, окруженный камышевымъ заборомъ, вышиною въ человѣческій ростъ, читаемъ мы у г. Мешкова. Дворъ раздѣленъ перегородками на части по числу отдѣльныхъ хозяевъ. Во дворъ каждаго хозяина съ одной стороны выходитъ дверь землянки, къ передней стѣнкѣ которой, въ одну линію съ нею, пристроенъ заборъ, а съ другой, противоположной, ведутъ ворота, которыя дѣлаются обыкновенно изъ двухъ стоекъ и досчатой створки, привѣшенной желѣзными петлями на желѣзныхъ крючкахъ. Створки дѣлаются простыми или рѣшетчатыми. Заборъ, окружающій зимовку, устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается небольшой ровъ, глубиною въ аршинъ, въ него ставится силошной рядъ камышевыхъ сноповъ, корень которыхъ зарывается въ землю, а верхушки оплетаются вокругъ перекладинъ, лежащихъ на деревянныхъ угловыхъ стойкахъ²⁾.

Описанный типъ землянокъ и дворовъ полукочевниковъ претерпѣваетъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ зависимости отъ благосостоянія хозяина и отъ условій мѣстности. Хотя въ описанной у акмолинскихъ киргизовъ, со словъ г. Шнэ, зимовкѣ, мы и имѣемъ уже сравнительно развитой типъ жилища, она сохраняетъ и черты первобытности. Дѣйствительно, мы видимъ въ ней уже печь, которая устраивается съ трубой; землянка раздѣлена на два помѣщенія, въ ней есть уже стекольчатые окна; но если откинуть эти появившіяся сравнительно недавно нововведенія, мы увидимъ, что землянка киргиза носитъ всѣ черты первобытнаго жилья: небольшіе размѣры, плоская крыша, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ, земляной полъ—и отличіе такой землянки отъ землянки, употребляемой въ качествѣ помѣщенія для рабочихъ или въ качествѣ хлѣва, будетъ заключаться только въ присутствіи окна, которое однако иногда прикрывается еще пузыремъ, и въ замѣнѣ

1) Г. Анасьевъ: Караогайцы, стр. 43.

2) В. А. Мошковъ, I. с., стр. 15.

очага—печью. Описанный видъ землянки представляетъ еще тотъ интересъ, что онъ является переходомъ къ бревенчатымъ постройкамъ: земляныя стѣны облицованы бревнами—и если даже сравнительно у богатыхъ киргизовъ, несмотря на устройство трубной печи, иногда деревяннаго пола и относительно роскошнаго внутренняго убранства жилья, продолжаетъ держаться этотъ видъ землянокъ, то это объясняется исключительно отсутствіемъ лѣса, такъ какъ всѣ деревянныя части современныхъ землянокъ привозятся въ степь, которая позволяетъ степняку добывать на мѣстѣ только ивовый кустарникъ для плетня. Дѣйствительно, въ тѣхъ частяхъ Акмолинской Области, гдѣ лѣсъ не составляетъ рѣдкости, зимовки дѣлаются уже бревенчатая, хотя въ планѣ и внутреннемъ устройствѣ онѣ сохраняютъ тѣ-же черты, какія являются характерными для степныхъ землянокъ. Въ лѣсистыхъ частяхъ замѣчается также и другое расположеніе двора: маленькія рощи, среди которыхъ обыкновенно строятся зимовки, предохраняютъ отъ зимнихъ вьюговъ и заносовъ, и тамъ нѣтъ необходимости, какъ въ степныхъ частяхъ, скучивать въ одно жилья и хозяйственныя постройки; поэтому въ лѣсныхъ частяхъ хозяйственныя постройки оказываются отдѣленными отъ жилого помѣщенія¹⁾.

Мы видѣли, что описанные типы жилыхъ построекъ постепенно могутъ перейти въ срубы: балаганы и мазанки путемъ замѣны менѣе прочнаго матеріала болѣе устойчивымъ—бревнами, землянки—путемъ постепеннаго поднятія ихъ на поверхность земли, причемъ это поднятіе совершается или посредствомъ устройства между подземнымъ помѣщеніемъ и крышей плетня или сруба, или при устройствѣ земляныхъ стѣнъ—посредствомъ закрѣпленія ихъ облицовкой изъ бревенъ. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ дернъ замѣняется мѣстами сырыми кирпичами, замѣна, благодаря которой могутъ возникнуть уже правильныя кирпичныя или каменныя постройки; но такъ какъ послѣднія составляютъ уже принадлежность осѣдлыхъ народностей, то онѣ и не входятъ въ предѣлъ названной статьи. Недостатокъ въ лѣсѣ служить также причиной того, что мазанки и землянки долго держатся среди степняковъ, причемъ землянки, какъ это мы видѣли, развиваются до самостоятельной формы и уже въ этомъ развитомъ видѣ переходятъ въ срубчатая постройки. Эти послѣднія естественно должны были

¹⁾ В. Шна. I. с. стр. 8, 9.

зародиться въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, и именно тамъ мы и находимъ наиболѣе примитивные типы срубовъ.

Первобытные срубы, представляющіе переходную форму отъ землянокъ, мы видѣли у башкиръ въ ихъ баняхъ, а въ качествѣ жилья они встрѣчаются у киргизовъ Акмолинской области. Первобытный-же срубъ, среднее между мазанкой и балаганомъ, мы встрѣчаемъ опять-таки у башкиръ въ ихъ лѣтнихъ жилищахъ: это небольшіе бревенчатые домики съ плоской, крытой лубомъ, крышей; полъ земляной, оконъ нѣтъ. Двѣ стороны внутреннихъ стѣнъ заняты нарами, а у третьей стѣны помѣщается очагъ или иногда чуралъ. Такого рода домики башкиръ ставятъ на мѣстахъ своихъ перекочевокъ, и такъ какъ этихъ послѣднихъ бываетъ иногда 5—6, то во владѣніи одной семьи иногда находится нѣсколько такихъ домиковъ ¹⁾.

Нѣкоторые прогрессы сравнительно съ этимъ лѣтнимъ помѣщеніемъ представляютъ срубы башкиръ рода Катай. Эти избы строятся изъ тонкихъ бревенъ, крыты дранью или лубками, въ 2 окна на улицу и 1 во дворъ. Обыкновенно изба состоитъ изъ одной комнаты; дверь прямо со двора, безъ стѣнъ. Во внутреннемъ своемъ устройствѣ эти дома совершенно схожи съ лѣтними жилищами, но въ нихъ иногда рядомъ съ чураломъ устраивается маленькая печь, въ которую вмазывается котелъ, служащій для варки мяса и подогреванія воды; въ немъ-же стирается бѣлье. ²⁾ Въ тѣхъ-же чертахъ подобные срубы описаны у башкиръ въ XVIII ст.: „Въ деревнѣ (аулѣ) бываетъ дворовъ отъ 10—50, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ“;“ они срублены изъ бревенъ худо и непрочны, и состоятъ по большей части въ одной избѣ съ плоскою крышкою. Внутри расположено все по татарскому вкусу, но худо. Полати служатъ часто и хлѣбами для молодой скотины. Очагъ огороженъ вокругъ шестиками, которые перевязаны и глиною обмазаны (*чуралъ*, подробное описаніе котораго у башкиръ находится у Паласа. I. стр. 649—650). Возлѣ онаго закладенъ кирпичами чугунный котелъ. Многія двери такъ малы, что надобно въ нихъ пролѣзать, свѣтовые-же въ стѣнахъ окна обтянуты по большей части, вмѣсто стеколъ, пузырями, рыбьими кожами или оку-

¹⁾ П. С. Назаровъ. I. с.

²⁾ Берггольцъ: Горные Башкиры-Катайцы; Этногр. Обзор. XVІІІ, стр. 88, 89.

³⁾ II, стр. 88, 89.

нутыми въ масло тряпицами. При всякомъ жильѣ есть небольшая четырехугольная кладовая.“ Дворъ башкира-катайца до настоящаго времени отличается бѣдностью: на немъ обыкновенно не дѣлается никакихъ хозяйственныхъ построекъ, если не считать амбара, который встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ; скотъ помѣщается въ огороженномъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ ¹⁾. Иногда въ этихъ срубикахъ кладутъ на землю доски или разстилаютъ кошмы. Само помѣщеніе дѣлится на 2 части: первая, т. е. прихожая, служитъ для приготовленія кушанья; здѣсь же устраивается и очагъ, складывается провизія; вторая, отдѣленная стѣной или занавѣской, служитъ спальней. Около жилого помѣщенія обыкновенно устраивается дворикъ, обнесенный изгородью, куда загоняютъ на ночь скотъ ²⁾.

Болѣе развитой срубъ отмѣченъ Г. Баишевымъ въ описаніи быта перешедшихъ въ недавнее время къ полной осѣдлости башкиръ дер. Зіанчуриной (Орскаго у. Оренбургск. губ.); менѣе состоятельные башкиры имѣютъ въ качествѣ жилища грубосколотенные, необтесанные срубы съ 2—3-мя отверстіями для оконъ; „отверстія эти у одного и того-же дома различной формы и величины: одни имѣютъ видъ квадрата, сторона котораго $\frac{1}{2}$ арш. или $\frac{3}{4}$ арш.; другія—видъ прямоугольника, но никакъ не выше одного аршина. Рама въ нихъ вставляется прямо безъ косяковъ, а то затягиваются они и пузыремъ за неимѣніемъ рамъ.“ Такіе дома строятся обыкновенно слѣдующимъ образомъ: низенькія стѣны выводятъ прямо съ земли безъ фундамента, прорубаютъ отверстія для оконъ и двери; послѣднюю устраиваютъ съ косяками; „затѣмъ стелютъ полъ и потолокъ, кладутъ печь „полуголанку“ съ очагомъ. Далѣе на самыхъ верхнихъ, расположенныхъ другъ противъ друга, бревнахъ укрѣпляютъ два столбика отъ 1- $\frac{1}{2}$ арш. вышиною; на столбики кладутъ жердочку, а поперекъ нея лубки, концы которыхъ связываютъ, чтобы не сбросило ихъ вѣтромъ. Это и есть обыкновенная крыша башкирскихъ домовъ“⁴. У большинства домовъ трубъ нѣтъ: онѣ замѣняются отверстіемъ въ крышѣ. ³⁾ Д. П. Ни-

¹⁾ Берггольцъ: I. с. стр. 77.

²⁾ Д. П. Никольскій: Изъ поездки къ лѣснымъ Башкирамъ. Землеводствѣ, 1895. IV, стр. 51.

³⁾ М. Баишевъ: Деревня Зіанчурина въ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. вып. 4, 1895 г., стр. 3—4.

кольскій встрѣчалъ у уральскихъ башкиръ въ деревняхъ избы, крытыя лубомъ, дранками, иногда просто землей. Настилка пола дѣлается, по словамъ изслѣдователя, на балкахъ и перилахъ; стѣны, потолокъ и полъ обтесаны. Обыкновенно 1-2 окна выходятъ на улицу, а одно во дворъ. Внутри избы, иногда среди наръ, оставляется промежутокъ, — мѣсто для стола, на которомъ ѣдятъ башкиры. Надъ нарами укрѣпляется шнуръ для вѣшанія платья и занавѣсь, отдѣляющая женскую половину отъ мужской. Около дверей помѣщается чумаль, рядомъ съ которымъ стоитъ печь съ закрѣпленнымъ въ нее котломъ для варки пищи. Около дома — дворы и нѣкоторыя хозяйственные постройки ¹⁾.

Татары, жившіе полуосѣдло въ XVIII вѣкѣ около Астрахани, невидимому въ устройствѣ зимовокъ ушли недалеко отъ только что описанныхъ типовъ срубовъ: всѣ въ сихъ деревняхъ находящіяся дома, пишетъ Гмелинъ ²⁾, сваружи худы, деревянные, безъ кровель, построены безпорядочно, и какъ дворы, такъ и скотскіе хлѣвы обнесены камышемъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Акмолинской Области киргизы строятъ бревенчатыя зимовки: онѣ состоятъ изъ сруба въ 15 — 17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревень толщиною 4—5 вершк. и длиною 5—7 арш. потолокъ настиляется изъ горбылей тѣхъ-же размѣровъ, и на него наваливается камышъ, земля, дернъ. Чаще всего прикрытіе зимовки этимъ ограничивается, въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила ³⁾. Если откинуть внутреннее расположеніе подобной зимовки, устройство въ ней хорошей печи и дѣленіе ея на двѣ комнаты, мы получимъ тотъ-же типъ первобытнаго сруба, который мы видѣли у башкиръ.

Далѣе подобные же срубы мы встрѣчаемъ у алтайскихъ тюрокъ. Это небольшая изба, длина и ширина которой равняется 2 саж., безъ сѣней, съ одной дверью и 2-мя маленькими окнами. „Покривившаяся печь, двѣ скамейки самой грубой работы и такой-же миниатюрный столъ, самой грубѣйшей работы, кровать.

¹⁾ Д. П. Никольскій. Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ. Землеустройство, 1895. IV, стр. 54—55.

²⁾ Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. II, стр. 174.

³⁾ В. Шне. I. с. стр. 9.

Въ маленькомъ шкафикѣ, прибитомъ къ стѣнѣ, ничтожное количество плохой посуды“—такими словами описываетъ одинъ очевидецъ срубъ-избу алтайскихъ инородцевъ.¹⁾

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ томъ, что къ срубѣ дѣлается пристройка, служащая сѣнями. Часто эта пристройка дѣлается изъ плетня, обмазаннаго глиной, т. е. къ жилому помещенію въ видѣ сруба пристраивается мазанка, служащая чуланомъ. Мы уже имѣли случай описать подобную постройку у башкиръ, гдѣ плетневый чуланъ пристраивается къ лѣтнему жилищу, которое по способу устройства слѣдуетъ отнести къ балаганамъ.

Аналогичную постройку, но уже въ качествѣ зимняго жилища, мы видимъ у при-иртышскихъ киргизовъ, которые только что начинаютъ переходить къ осѣдлости. Объединеніе киргиза, лишающаго его единственнаго богатства скота, вынуждаетъ его подчасъ идти на казачью линію и наниматься въ работники, а впослѣдствіи онъ обзаводится уже собственнымъ хозяйствомъ, занимается хлѣбопашествомъ и пр. Изба такого „джатака“ состоитъ обыкновенно изъ деревянной избы въ одну комнату: избы средняго достатка киргиза не имѣютъ потолокъ; крыши плоскія. Окна въ избахъ небольшія со стеклами, иногда эти послѣднія замѣняются пузыремъ или брюшиною. Къ избѣ пристраивается чуланъ (*эттыкъ*) изъ обмазаннаго глиной плетня. Дворъ подобнаго киргиза очень бѣденъ: отдѣльная изба строится для женатаго сына, устраиваются и глухіе скотные дворы изъ бревенъ, жердей и плетня, которые кроются жердями же или хворостомъ²⁾.

У алтайцевъ кромѣ вышеописаннаго сруба мы видимъ въ качествѣ зимняго помещенія тотъ-же типъ жилья, но уже съ пристроенными къ нему сѣнями; этотъ видъ зимовки представляетъ собой небольшой срубъ изъ шести рядовъ; крыша скатомъ и покрыта землей; окно въ боковой стѣнѣ. Внутри, вокругъ стѣнъ, идетъ родъ лавки, покрытой берестой; очагъ замѣненъ печью; дверь прикрѣпляется на первобытномъ шалнерѣ съ ремешкомъ³⁾. Плоская крыша иногда замѣняется двускатной, крытой берестой; бревна кладутся на мхъ. Много юртъ пятистѣнныхъ, пишетъ В. И.

1) Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

2) Катанаевъ: Прииртышскіе казаки и киргизы, стр. 24. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 2.

3) Ядринцевъ: Алтай. I. с. стр. 634.

Вербицкій, съ двумя дверями (одна противу другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится предъюртіе для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входить въ юрту закрыть тесовую дверь, которая вращается на ремешкахъ. Съ лѣвой стороны двери устраивается очагъ, иногда и чумаль. Передъ чумаломъ, въ верху крыши, продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно закрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершковъ, покрываемыя берестомъ, какъ и въ болѣе развитомъ описанномъ выше, со словъ Н. М. Ядринцева, типъ сруба. Въ этихъ юртахъ нѣтъ потолковъ. Полъ застилается досками, причеиъ около очага оставляется непокрытое земляное пространство, имѣющее видъ полукруга.¹⁾

Зимовки въ видѣ срубовъ извѣстны были сибирскимъ татарамъ еще въ XVIII в. Такъ напр. зимнее жилище барабинскихъ татаръ описывается какъ схожее съ выше отмѣченнымъ срубомъ башкиръ, но у барабинцевъ, уже пристраивались сѣни; кромѣ того окно дѣлалось въ потолкѣ, причеиъ оно служило «не столько для свѣту и исхожденія паровъ, сколько для того, чтобы въ случаѣ великихъ метелицъ, во время которыхъ иногда совсѣмъ заносить снѣгомъ ихъ хижины, вылѣзать на дворъ симъ отверстіемъ и опрастывать двери»²⁾. Гмелинъ описываетъ срубы у кузнецкихъ татаръ и находитъ ихъ одинаковыми съ телеутскими; здѣсь также были широкія низкія нары³⁾. Радловъ отмѣчаетъ срубы у кумандинцевъ: это сооруженные изъ бревенъ дома, пишетъ онъ, съ небольшими сѣнями и кладовой. Жилое помѣщеніе всегда имѣетъ два окна, стекольчатыхъ или затянутыхъ брюшиной; внутри жиле имѣетъ печь; у стѣны идетъ широкая лавка и кромѣ того въ комнатѣ стоитъ еще нѣсколько ирбитскихъ сундуковъ. Въ общемъ внутри домовъ очень мало порядка⁴⁾.

Въ описанныхъ видахъ срубовъ обстановка обыкновенно бѣдна; въ нихъ часто грязно и неопрятно, и если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, ни они, ни земляныя зимовки киргизовъ не являются болѣе удобными, чѣмъ юрты, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ,

1) В. И. Вербицкій: Алтайскіе народцы, стр. 17, 18.

2) Описание... народовъ. II стр. 109.

3) Gmelin. Reise durch Sibirien. I. стр. 272.

4) Radloff. Aus Sibirien. I. стр. 363.

когда первобытный очагъ еще не замѣненъ чуваломъ или печью. Поэтому отъ большинства путешественниковъ приходится слышать жалобы на неудобства, съ которыми сопряжены остановки въ этихъ помѣщеніяхъ.

Въ срубъ съ сѣнями мы имѣемъ уже основу для болѣе обширнаго и удобнаго жилья: по мѣрѣ увеличенія матеріальнаго благосостоянія и уровня культуры обстановка этихъ жилищъ становится чище, размѣры сруба увеличиваются, иногда появляется и крыша о нѣсколькихъ скатахъ и т. д. Съ другой стороны къ основному срубѣ съ сѣнями начинаютъ пристраивать другой срубъ, и такимъ образомъ происходитъ расширеніе жилого помѣщенія.

Башниры-китайцы, если имъ позволяетъ ихъ состояніе или если семья у нихъ большая, строятъ себѣ избы, состоящія изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинокъ, раздѣленныхъ сѣнями, открытыми съ одной стороны ¹⁾. Башкиры Орскаго у. Оренбургской губ., въ дер. Зіанчуриной, жители которой лишь недавно перешли къ полной осѣдлости, если они состоятельны, имѣютъ также два дома, которые ставятся другъ противъ друга и между ними сѣни изъ плетня или бревенъ. Все это подъ одной общей крышей; одинъ изъ этихъ домовъ имѣетъ назначеніе кухни (аль-ѳонѳ), а другой—горницы (кунакъ-ѳонѳ) ²⁾.

Богатые буряты строятъ свои избы уже по русскому образцу, «только углы постройки кладутся «въ лапу» и на шипахъ, а не крючкомъ, какъ у русскихъ крестьянъ, чѣмъ достигается экономія относительно длины бревна» ³⁾. Внутреннее устройство такого усовершенствованнаго дома мало чѣмъ отличается отъ убранства лѣтнихъ юртъ бурятъ. Но здѣсь уже обыкновенно устраивается полъ. Какъ и въ круглой юртѣ, священное мѣсто помѣщается противъ входа немного налѣво: здѣсь становится ящикъ, нѣчто въ видѣ комода, на которомъ разставляются бурханы. Наружныя доски комода или вывозятся изъ-за границы или являются подражаніями таковымъ со стороны мѣстныхъ мастеровъ; стѣнки ящика пестро разрисованы. Передъ идолами—бурханами—даже самые бѣдные буряты ставятъ небольшія мѣдныя чашечки съ жертвоприношеніями:

¹⁾ Берггольдъ: Горные башкиры — китайцы; въ Этногр. Обзор. XVIII, стр. 77.

²⁾ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. вып. 7-й 1895 г. стр. 4.

³⁾ Землеводствѣ Азіи, К. Риттера: Восточ. Сибирь. I. стр. 345.

водой, зерномъ, масломъ; въ большіе праздники въ чашку съ жертвоприношеніями вставляютъ ароматическія свѣчи. Тутъ-же помѣщаются разныя украшенія: колокольчики, искусственные и естественные цвѣты, стеклянныя, фарфоровыя или металлическія вазы и пр. Если на одномъ ящикѣ идолы не умѣщаются, то рядомъ съ нимъ ставятъ для нихъ столики, причемъ послѣдніе драпированы яркими платками и ковриками. Вдоль стѣны, противоположной входу, стоитъ деревянная постель хозяина. Далѣе идутъ снова комоды, шкафики, этажерки, сундуки пестро раскрашенные; на право отъ входной двери иногда устраивается лавка и полка для посуды. Столы и стулья встрѣчаются у немногихъ: обыкновенно вдоль стѣнъ идутъ невысокія, вершковъ въ 6 вышины, нары, которыя служатъ постелями и диванами. Отапливается зимовка чуваломъ. Иногда тутъ-же устраиваютъ и русскую печь для приготовления хлѣба; впрочемъ печь чаще дѣлаютъ въ особомъ помѣщеніи, предназначенномъ для мелкаго скота. На одномъ изъ наружныхъ угловъ жилого помѣщенія устанавливаютъ шесть съ утвержденнымъ на немъ цилиндромъ; послѣдній обклеенъ монгольскими надписями и служитъ молитвеннымъ приспособленіемъ для бурятъ ¹⁾).

Если къ выше приведенному описанію бурятскаго жилища прибавить, что и у сѣверныхъ алтайцевъ, въ ихъ зимнихъ, четырехугольныхъ срубкахъ, лѣвая отъ входа стѣна за очагомъ считается мѣстомъ священнымъ, на которомъ никто не можетъ садиться кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей, ²⁾ мы увидимъ, что какъ у некрещенныхъ бурятъ, такъ и у алтайскихъ тюрковъ, перешедшихъ въ христіанство, остается твердымъ воспоминаніе о мѣстѣ священномъ въ круглой юртѣ: помѣщаясь въ послѣдней противъ входа, немного налѣво, оно остается на томъ-же мѣстѣ и послѣ перехода отъ круглаго жилища къ четырехугольному, причемъ у крещеныхъ алтайцевъ мѣсто идоловъ заняли православныя иконы, но ставимыя на прежнемъ, предназначавшемся для идоловъ мѣстѣ.

У якутовъ въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ они подчиняются русскому вліянію, встрѣчаются русскія избы, по крайней

1) А. О. Раевъ: Буряты. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858. XXIV, отд. 2 стр. 6, 7. Изъ путешествій А. В. Потаниной, стр. 35, 36.

2) Вербицкій, Алтайскіе инородцы, стр. 14.

мѣръ у тѣхъ изъ нихъ, которые лучше обставлены матеріально. Но срубы встрѣчаются и у тѣхъ якутовъ, которые не подвергаются въ отношеніи языка и обычаевъ воздѣйствію русскихъ: тѣ изъ якутовъ, у которыхъ есть сѣверные олени, пишетъ Миддендорфъ, пользуются этимъ упряжнымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣверныя равнины въ область притоковъ Таймыра. Какъ на зимовьяхъ своихъ, такъ и на лѣтовьяхъ они строятъ себѣ жилища въ видѣ срубовъ, причемъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія кочевья находятся въ тундрѣ, далеко отъ предѣловъ лѣсной растительности, устраиваются срубы: потребныя для постройки бревна съ большимъ трудомъ доставляются изъ лѣсныхъ областей ¹⁾. Цитируемый изслѣдователь замѣчаетъ, что помянутыя жилища якутовъ не разнятся отъ аналогичныхъ зимовокъ долганъ (якутовъ на Енисей), вслѣдствіе чего мы и приводимъ описаніе послѣднихъ: зимовье около предѣла лѣсной растительности всегда располагается около воды. «Вмѣсто крыши зимовье (оно строится по русскому образцу съ горизонтально лежащими бревнами) обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ. Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ, продолжаетъ Миддендорфъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человекомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей каминъ, но по огромному размѣру—печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котелъ, и которую по усмотрѣнію можно поворачивать къ огню или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ». Въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолокомъ, продѣлано дымовое отверстіе: оно закрывается при помощи жерди, къ которой наверху прикрѣпленъ кусокъ шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки, служащія одновременно и для сидѣнья и постелями; надъ ними, въ ростъ человека, прикрѣпляется рядъ досокъ, служащій для удержанія сажи, падающей съ потолка и стѣнъ. «Небольшое пространство,

¹⁾ А. Миддендорфъ. Путешествіе на сѣв. и востокъ Сибири, II. стр. 760, 761.

которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующий дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ¹⁾. (Рис. 16).

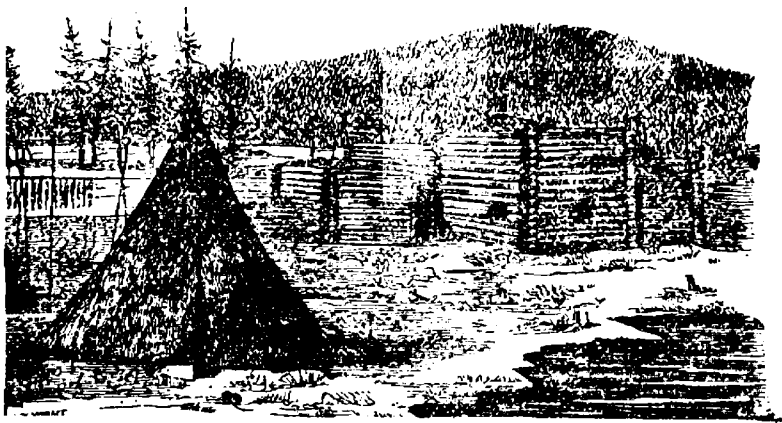

Рис. 16. Зимовка и коническій шалашь долганъ.

Наконецъ срубы въ развитомъ видѣ мы встрѣчаемъ у богатыхъ киргизовъ. Какъ примѣръ подобной зимовки приведемъ описанную г. Словцовымъ зимовку богатаго киргиза Тотанова, которую авторъ встрѣтилъ во время своего путешествія по Акмолинской области: здѣсь небольшой дворикъ съ лицевой стороны былъ отгороженъ заборомъ съ тесовыми воротами, въ то время какъ задняя и боковыя части двора были открыты и имѣли сообщеніе съ дворами другихъ зимовокъ. Въ числѣ жилыхъ помѣщеній было и 3—4 такихъ, въ которыхъ было видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ. Въ пятистѣнной избѣ, пишетъ г. Словцовъ, которую мы заняли, были три равныя по величинѣ жилья комнаты съ двумя печами, изъ которыхъ одна голландская, а другая русская. Въ первой комнатѣ со входа помѣщались обширныя нары, во второй нарѣ не было, третья—служила кухней. Окна во всемъ домѣ были неодинаковой высоты, потому что они прорубались не въ одно время, а по мѣрѣ приобрь-

¹⁾ Ibid. стр. 694, 695.

тенія рамъ при случаѣ на городскихъ рынкахъ ¹⁾). Зимнія жилища въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ той-же области, какъ сказано выше, строятся срубамн, въ 15—17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревенъ толщиною въ 4—5 вершк., длиною 5—7 арш. Въ лѣсныхъ частяхъ области срубчатыя постройки не представляютъ привилегіи богатыхъ; онѣ встрѣчаются и у малосостоятельныхъ киргизовъ и въ этомъ случаѣ онѣ больше приближаются къ первобытному срубѣ; болѣе богатые въ обстановкѣ подражаютъ городскимъ постройкамъ. Крыша, какъ и въ степныхъ зимовкахъ-землянкахъ, дѣлается болшею частью плоской и служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Потолокъ-крыша настиляется изъ горбылей и на него наваливается камышъ, земля, дернъ. «Чаще всего, замѣчаетъ г. Шенъ въ своемъ описаніи этого типа жилищъ, прикрытіе зимовки этимъ и ограничивается; въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила. Домъ состоитъ изъ одной или двухъ комнатъ съ однимъ или двумя окнами въ каждой. Дверь входная одна и продѣлывается такъ-же, какъ и въ степной зимовкѣ, со двора. Комнаты дѣлятся стѣнной, въ которой, кромѣ прохода оставляется полое мѣсто для печи; внутреннія двери рѣдко навѣшиваются. Настилка пола дѣлается во все жилище и сверхъ него устраиваются нары, за исключеніемъ незначительной площади у входныхъ дверей и вокругъ печи». Нары покрываются циновками, кошмами, коврами. По стѣнамъ развѣшиваются, какъ и въ войлочной юртѣ, одежда, сѣдла, нагайки, кошмы, ковры и т. п. Небольшія въ 1 кв. аршинъ стекольчатая окна освѣщаютъ зимовку. Рамы не растворяются и на зиму дѣлаются двойными. Бѣдные киргизы продолжаютъ закрывать окна пузырями или брюшиной, причемъ и самыя оконныя отверстія дѣлаются меньшихъ размѣровъ. Печь ставится посрединѣ, между комнатами, продольной стороною своею—вдоль длины зимовки. Въ устройствѣ печи въ зимовкахъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ замѣчается различіе сравнительно съ печами въ степныхъ мѣстностяхъ: она не столь приспособлена къ варкѣ пищи, и кромѣ того по устройству «приближается или къ русской печи, или къ т. н. голландской, какія встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ. Для тѣхъ

¹⁾ Словцовъ: Путевыя замѣтки. стр. 12 — 14, въ Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. III.

и другихъ печей дѣлается бревенчатый окладъ немного выше пола, на немъ возводится печь; русская печь имѣетъ форму пирамидальную, голландскія совмѣщаютъ всю вычурность отдѣлки, на какую способенъ русскій каменщикъ. Въ русской печи дрова кладутся сзади дымовой трубы, въ глубь печи. Спереди печь затворяется не заслонкой, а дверцами на петляхъ. Въѣшпій видъ такой печи очень напоминаетъ собой локомотивъ¹⁾.

Описанные типы сруба даютъ возможность выяснитъ ходъ его развитія: между пятистѣнной избой богатаго киргиза, въ которой мы уже видимъ три комнаты и первобытнымъ срубомъ—лѣтнимъ жилищемъ башкиръ, въ которомъ даже нѣтъ оконъ, существуетъ огромная разница. Но развитіе первобытнаго сруба идетъ не только путемъ устройства оконъ, расширенія сруба, пристроекъ къ нему сѣней и иногда пристройки къ послѣднимъ еще жилища—сруба: онъ развивается и другимъ путемъ, а именно посредствомъ раздѣленія внутренняго помѣщенія на комнаты, какъ мы это видѣли у киргизовъ и башкиръ. Далѣе устройство пола, замѣна очага или чувала печью, замѣна плоской крыши—крышей со скатами и т. д.—все вмѣстѣ взятое придаетъ этому типу жилья видъ прочнаго и благоустроеннаго дома. Но какъ бы ни отличалось внутреннее устройство зимовки богатаго киргиза отъ кибитки, мы видимъ въ первой лишь подражаніе второй. Какъ и у бурятъ зимнее жилье въ своемъ внутреннемъ убранствѣ лишь повторяетъ кочевой шалашъ, такъ и у киргизовъ стѣны украшены тѣмъ-же, чѣмъ они украшаютъ и свои лѣтнія, переносныя юрты. Нары, которыя мы встрѣтили почти среди всѣхъ описанныхъ выше народностей, являются лишь болѣе прочно устроенными мѣстами для сидѣнья, прототипъ которыхъ мы видимъ въ шалашѣ: низкое сидѣнье, образуемое въ кочевыхъ жилищахъ посредствомъ положенныхъ шкуръ, кошмъ, ковровъ, подушекъ, перинъ и пр., переходитъ въ такія-же широкія но непремѣнно низкія нары, которыя, какъ и въ кибиткѣ, идутъ по стѣнамъ; другой мебели, если не считать изрѣдка заносимыхъ изъ городовъ стульевъ, которые можно видѣть лишь у очень немногихъ, мы не встрѣчаемъ въ зимовкахъ.

Что касается печи, то въ тѣхъ зимнихъ жилищахъ, въ кото-

¹⁾ В. Шне: Зимовки Агмод. Обл. въ Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. I. стр. 9, 10.

рыхъ первобытнѣй очагъ и чуवालъ успѣли уже уступить мѣсто болѣе сложнымъ сооруженіямъ мы несомнѣнно въ значительной степени видимъ вліяніе сосѣдей: появленіемъ голландскихъ, русскихъ печей полукочевья народности обязаны имъ. Но характерно то, что рядомъ съ печью, или чуваломъ продолжаетъ устраиваться и другая печь, въ которую вмазанъ котель, какъ это мы видимъ у киргизовъ и башкиръ, или очагъ, какъ это встрѣчается у долганъ и якутовъ. Что касается послѣдняго, то случаи сохраненія очага на ряду съ печью не являются рѣдкостью среди народностей, переходящихъ отъ пользованія очагами къ пользованію печами: привыкшему варить себѣ пищу въ котлахъ, надъ огнемъ, полукочевнику трудно перейти къ другимъ способамъ варки, вслѣдствіе чего онъ передъ печью продолжаетъ устраивать еще очагъ, съ приспособленіями для подвѣшиванья надъ нимъ котла. Этотъ способъ соединенія очага съ печью продолжаетъ иногда сохраняться и послѣ перехода народа къ полной осѣдлости: такія-же печи можно наблюдать и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, у которыхъ напр. среди вотяковъ, эстовъ, тавастовъ, кореловъ, обыкновеніе соединять печи съ очагомъ продолжаетъ господствовать¹⁾. Болѣе интереснымъ является типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ. Этотъ типъ оказывается господствующимъ среди какъ полукочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ тюрковъ: для избы казанскихъ татаръ и осѣдлыхъ башкиръ онъ является характернымъ, и въ связи съ нарами онъ служитъ типичной чертой, отдѣляющей внутренность избъ тюрковъ отъ избъ ихъ русскихъ сосѣдей. Отъ осѣдлыхъ тюрковъ этотъ типъ печей перенелъ и къ нѣкоторымъ финскимъ народностямъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ финны подверглись въ болѣе значительной степени вліянію тюрковъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ деревняхъ мордвы и черемисовъ. Развитие этого типа печи намъ не вполне ясно: среди описанныхъ полукочевыхъ народностей обычай устройства подобныхъ печей можетъ, естественно, объясняться заимствованіемъ; но это не бросаетъ свѣта на исторію происхожденія этого типа печи. Въ качествѣ догадки мы рѣшаемся высказать слѣдующія соображенія. Первобытная печь, какъ извѣстно, возникаетъ изъ стремленія съ одной стороны предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра, съ дру-

¹⁾ См. мою статью: Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ, стр. 76.

гой—возможно дольше задержать тепло въ помещеніи. Послѣднее стремленіе приводитъ къ устройству т. н. каменки, т. е. очага, окруженнаго плитами и заваленнаго камнями: камни, накаляясь, задерживаютъ тепло нѣкоторое время и послѣ угасанія пламени; устройство подобныхъ печей крайне несовершенно: пламя выбивается часто наружу сквозь щели, оставляемые камнями. Подобную каменку мы до настоящаго времени встрѣчаемъ въ банѣ у башкиръ. Съ другой стороны стремленіе предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра приводитъ къ устройству сквозныхъ прикрытій очага, какъ напр. у монголовъ, кочующихъ за границами Россіи, въ лицѣ описанной выше рѣшетки, которая замѣняетъ треножникъ, на которомъ первоначально прикрѣплялся котель: этотъ послѣдній ставится на рѣшетку. Болѣе первобытное приспособленіе для огражденія очага отъ дѣйствія вѣтра, чѣмъ монгольская рѣшетка, можно наблюдать въ лѣтнихъ юртахъ башкиръ, когда очагъ, какъ это было выше указано, выносится иногда за предѣлы помещенія, причемъ онъ ограждается четырьмя плитами; варка пищи въ котлѣ происходитъ посредствомъ постановки котла на плиты. Въ этомъ типѣ башкирскаго лѣтняго очага, представляющаго и первобытный типъ печи, равно и въ каменкѣ, представляющей лишь усовершенствованіе этого типа, мы склонны видѣть прототипъ печи со вмazanымъ въ нее котломъ, распространенной среди полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ тюркскихъ народностей. Съ переходомъ къ болѣе прочнымъ типамъ жилищъ подобный очагъ могъ сохраниться и при замѣнѣ первоначальной ограды изъ каменныхъ плитъ другимъ матеріаломъ, а именно глиной, которой закидывались каменные плиты, такъ какъ глина распространяла и сохраняла теплоту дольше, чѣмъ эти послѣднія, и наконецъ перейти въ глинобитную печь со вмazanымъ въ нее котломъ; замѣна глинобитной печи—печью, сложенной изъ кирпича, является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа. Высказанное нами—не болѣе какъ предположеніе, но фактъ, что этотъ типъ печи получилъ наибольшее распространеніе среди волжскихъ татаръ и среди башкиръ, что онъ является у этихъ народностей господствующимъ почти исключительно типомъ печи, въ то время какъ другія кочевыя или полукочевыя тюркскія и монгольскія народности или вовсе не поднялись въ своемъ развитіи до устройства печей, или заимствуютъ печи у русскихъ, какъ напр. буряты, или устраи-

ваютъ одновременно и русскій и описанный типъ печи, можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ зародился именно въ области, гдѣ мы встрѣчаемъ простѣйшій, какъ мы предполагаемъ, видъ ея, и отсюда уже перешелъ къ другимъ народностямъ, какъ напр. въ киргизамъ.

Вышшими типами срубовъ можно закончить исторію развитія жилыхъ помѣщеній у полукочевыхъ тюрокъ и монголовъ. Дальнѣйшее развитіе этого типа принадлежитъ уже осѣдлому населенію, и если полукочевникъ и заводитъ себѣ жилища болѣе обширныя и болѣе сложно устроенныя, чѣмъ описанныя, то онъ подражаетъ или, правильнѣе, воспроизводитъ образцы, которые его осѣдлые сосѣди представляютъ ему уже готовыми.

Что касается дворовыхъ построекъ, то подробно развитіе ихъ можно наблюдать именно на зимовкахъ, причѣмъ слѣдуетъ отличать два вида хозяйственныхъ строеній: строенія для хозяйственныхъ цѣлей въ узкомъ значеніи слова и строенія для помѣщенія скота. Зачатки тѣхъ и другихъ мы видѣли еще при описаніи типовъ кочевыхъ жилищъ: развитіе благосостоянія не позволяетъ богатому кочевнику помѣщать все свое имущество въ одной юртѣ; онъ строитъ рядомъ съ жилой юртой другія, въ которыя переходятъ жить члены его семьи съ частью семейнаго имущества, или онъ устраиваетъ спеціальныя юрты-кладовыя, назначенныя исключительно для храненія имущества, какъ мы это видѣли у татаръ въ описаніи Рубруквиса; но въ значительномъ большинствѣ случаевъ имущество кочевника не настолько велико, и онъ довольствуется только своей жилой юртой. Намъ здѣсь важенъ только принципъ, согласно которому постройки для хозяйственныхъ цѣлей, въ силу обстоятельствъ, отдѣляются отъ жилого помѣщенія. Неумѣнье строить себѣ болѣе обширныя жилища приводитъ и полукочевыя народности, къ раздѣленію двора на рядъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ построекъ, причѣмъ, какъ это будетъ показано ниже, для этой цѣли утилизируются обыкновенно старыя формы жилья. Необходимость оберечь скотъ отъ зимнихъ холодовъ привелъ, какъ мы это видѣли выше, кочевника къ устройству крытыхъ загоновъ. Мы встрѣчаемъ ихъ-же, лишь въ болѣе развитомъ видѣ, у полукочевыхъ народностей. Мы видѣли эти крытые загоны у якутовъ, киргизовъ, кундровцевъ и караногайцевъ. Къ этимъ

тинамъ можно присоединить и дворы у башкирь, описанные г. Износковымъ.

Но рядомъ съ этимъ у большинства помянутыхъ народностей, рядомъ съ соединенными съ жилыми помѣщеніями загонами устраиваются отдѣльно другія хозяйственныя постройки: такъ напр. у башкирь, въ Уфимской губ., усадьба состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ дворовыхъ мѣсть, загороженныхъ плетнями. Въ одномъ изъ такихъ мѣсть устраивается чельникъ, а въ другія, на ночь, загоняются лошади и разный домашній скоть. На главномъ дворѣ, гдѣ находится изба и холодныя постройки, устраивается изъ плетня, промазаннаго навозомъ, крытый соломой, круглый шалашъ, въ срединѣ котораго устанавливается котель: шалашъ служитъ для приготовленія въ немъ пищи. Кромѣ того, въ небольшомъ отдаленіи отъ усадьбы, на выгонѣ, устраивается родъ землянки, въ которой пекутся хлѣбы, для чего землянка снабжена печью ¹⁾. У башкирь рода Катай дворъ гораздо бѣднѣе: на немъ обыкновенно никакихъ другихъ построекъ не дѣлается, и только у немногихъ есть амбаръ ²⁾.

Дворъ якута представляетъ площадь въ 20 кв. саж., обнесенную городьбой съ воротами съ восточной стороны; городьба устраивается троякимъ способомъ: 1) *сюлюэс-кюре* или *ютъ-кюре* — когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстиями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) *тоюсо-кюре*, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю кольца парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди и 3) *батулу-кюре* — изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины. Кромѣ юрты во дворѣ помѣщается хотонъ (хлѣвъ), который у богатыхъ строится отдѣльно отъ юрты; далѣе помѣщается *хостохъ* — подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣверной части Якутской области вмѣсто *хостоха* строится передъ входомъ въ юрту особый корридоръ съ чуланами посрединѣ. Наконецъ устраивается и особый навѣсъ для лошадей — *хасса*, и амбаръ, въ видѣ сруба съ плоской крышей; въ него складываютъ одежду и другія хозяйственныя принадлежности.

¹⁾ И. Износковъ: Кара - Якуповская волость, въ Ивв. Об. Арх. Ист. в. Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 2, стр. 184.

²⁾ Бергхольцъ: Горные башкиры: въ Этногр. Об. XVIII, стр. 77.

Амбаръ заимствованъ якутами у русскихъ. Таковъ дворъ богатаго якута, у котораго около лѣтней юрты ставится еще и коническій шалашъ (ураса), помѣщаемый обыкновенно на востокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты. Хозяйственные постройки бѣднаго якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ ¹⁾.

Около зимовки богатаго киргиза строятся кромѣ помѣщенія для скота еще и жилища для рабочихъ, для гостей, большого скота и пр. Подчасъ такая зимовка, принадлежащая одному лицу, получаетъ характеръ цѣлой деревни. Такъ напр. зимовка киргизскаго бія Тотанова, описанная выше, представляла, по словамъ г. Словцова ²⁾, небольшую деревенку изъ 24 жилищъ, расположенныхъ группами, и обнесенныхъ изгородью. „Правильности въ постройкѣ домовъ и въ ихъ расположеніи нельзя было и ожидать. Архитектура построекъ самая разнообразная: здѣсь есть 3—4 жилища, въ которыхъ видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ, нѣсколько четырехстѣнныхъ хатъ, безъ крышъ (съ одной земляною насыпью), похожихъ на крестьянскія избы, и наконецъ образцы жилищъ первобытнаго человѣка, выкопанные въ землѣ съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердями съ земляною насыпью и дымовымъ окномъ“. Эти жилища, мало отличающіяся отъ помѣщеній для скота, были расположены около загоновъ; о томъ, что они служили жилищемъ для человѣка, можно было догадаться только на основаніи того, что изъ нѣсколькихъ кирпичей было сложено въ нихъ подобіе печи. На дворѣ былъ сложенъ кизякъ, запасы на зиму. Г. Шнэ отмѣчаетъ, что около жилья киргиза, въ зимовкѣ, строятся и чучела и коши и наконецъ первобытныя землянки, въ которыхъ находятъ себѣ убѣжище на зиму рабочіе. Чучела продолжаютъ сохраняться и въ качествѣ кухни, по крайней мѣрѣ среди богатыхъ киргизовъ, у которыхъ иногда происходитъ и видоизмѣненіе въ планѣ двора. Жилое помѣщеніе окружено дворомъ съ изгородью: ворота обыкновенно тесовыя на веряхъ; помѣщенія для скота продолжаютъ строиться по общему типу, но всегда стоятъ *въ сторонѣ* отъ дома; да и самъ домъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно пятистѣнный, какъ въ зимовкѣ Тотанова, или круглый, въ четыре стѣны съ

¹⁾ Приклонскій. Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. Р. Г. О. XVIII, стр. 19—23.

²⁾ Словцовъ: I. с., стр. 12, 13.

большими и свѣтлыми окнами, съ голландской печью и т. д. Кухня отдѣляется отъ дома, и пища готовится въ чучелѣ¹⁾.

Соединеніе подъ одной кровлей жилого помѣщенія и скотнаго двора у степнаго полукочеваго народа вполне естественно: ему необходимо съ одной стороны оградить свое жилище отъ свѣжныхъ заносовъ, а съ другой имѣть возможность во всякую погоду обойти и осмотрѣть свое главное богатство—скотъ, не подвергаясь стужѣ. Тотъ-же принципъ въ устройствѣ двора мы встрѣтили у якутовъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, гдѣ скотоводство является главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія: юрта для помѣщенія скота пристраивается къ жилому помѣщенію, стѣна обь стѣну. Но среди тѣхъ якутовъ, главный источникъ благосостоянія которыхъ заключается въ другихъ занятіяхъ, напр. въ рыболовствѣ, мы уже не встрѣчаемъ дворовъ этого типа; правильнѣе дворъ исчезаетъ, если не считать конической юрты, которая, какъ напр. у долганъ, (см. рис. 16) строится около срубообразной зимовки и служитъ для хозяйственныхъ нуждъ. вполне понятнымъ является и то, что степняки тамъ, гдѣ это позволяетъ мѣстность, переходятъ къ другому типу дворовъ. Такъ киргизы, устраивающіе зимовки въ лѣсныхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ защиту отъ зимнихъ вьюговъ, „избираютъ мѣсто внутри или сбоку большого колка лѣса средняго возраста, растягивая хлѣва, дворы и загоны въ глубь колка, стараясь прикрыть зимовку лѣсомъ съ западной и сѣверо-западной стороны господствующихъ здѣсь вѣтровъ“. Вкругомъ дома располагаются хозяйственныя постройки, но онѣ, въ противоположность зимовкамъ степняковъ, не столь обширны: здѣсь отдѣльно стоятъ землянки для барановъ, крытый хлѣвъ для тельныхъ коровъ, одна-двѣ клѣтушки для хозяйственныхъ принадлежностей. Для защиты скота отъ зимнихъ вьюговъ и морозовъ, киргизы въ этихъ мѣстностяхъ огораживаютъ тыномъ изъ валежника, тростника или камыша лѣсныя заросли или колки съ крупнымъ лѣсомъ, и это-то отгороженное мѣсто и служитъ, такъ сказать, основаніемъ двора, въ предѣлахъ котораго располагаются жилища и хозяйственныя строенія. Крытые загоны для скота составляютъ роскошь²⁾.

¹⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи Акмолинской обл. въ Зап. Зап.-Сиб Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 17.

²⁾ Шне: I. с., стр. 8, 10.

Наконецъ у бурятъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ благоустроенной зимовкой загонъ для скота и лѣтнюю юрту (многогранный срубъ), которая зимой служитъ кладовой и мѣстомъ приготовления тарасуна (хмѣльного напитка изъ молока). Мѣстами, кромѣ того строится амбаръ и лабазъ на столбахъ для храненія провизіи.

Наиболѣе развитые типы дворовъ мы встрѣчаемъ у башкиръ и киргизовъ: дворы другихъ полукочевыхъ народностей лишь подходятъ къ нимъ съ болѣшимъ или меньшимъ приближеніемъ и могутъ быть подведены подъ два типа: 1) дворъ, въ которомъ помѣщенія для скота преобладаютъ надъ другими хозяйственными постройками, и 2) дворъ, гдѣ наоборотъ хозяйственныя постройки отдѣляются на второй планъ помѣщенія для скота. Первый типъ устраивается по принципу соединенія жилыхъ строеній съ помѣщеніями для скота, причемъ отдѣльно стоящія хозяйственныя постройки лишь служатъ т. ск. дополненіемъ; онъ характеренъ для скотовода и степняка. Второй типъ, наоборотъ, имѣетъ своей отличительной чертой разбросанность хозяйственныхъ построекъ и можетъ считаться характернымъ для мѣстностей лѣсныхъ, гдѣ скотоводство играетъ лишь второстепенную роль въ экономическомъ быту населенія: незначительное число скота или зимуетъ подъ открытымъ небомъ, или частью помѣщается въ самомъ жильѣ, а хозяйственныя постройки, повторяющія типы болѣе древнихъ жилищъ, устраиваются по близости отъ жилья, но не соединяются съ ними. Развѣтіе обоихъ типовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ экономическимъ бытомъ народности, причемъ благосостояніе каждаго отдѣльнаго лица и общій экономическій уровень народности вліяетъ на размѣры двора, количество находящихся на немъ построекъ и пр.

При выборѣ и устройствѣ прочныхъ зимнихъ жилищъ полукочевникъ руководствуется тѣми-же соображеніями, какъ и кочевникъ: у него мы видимъ, какъ и у послѣдняго, регулированіе группъ жилищъ двумя принципами: родственнымъ и экономическимъ. Необходимость искать защиты отъ снѣжныхъ бурановъ вынуждаетъ кочевника искать для устройства зимовки мѣсто по возможности защищенное отъ вѣтровъ. Тюрко-татарское слово *oʻj* или *ev*, пишетъ Вамбери, означающее въ настоящее время *домъ*, жилище, слѣдуетъ по его внутреннему смыслу переводить: *углубленіе*, *лубина долины*, *долина*; оно идентично съ корнемъ *oj*—*копать*,

выкапывать, углублять, и служить также названіемъ для понятій: *углубленіе, долина, яма, ялубь* и т. д. Если мы поэтому хотимъ изслѣдовать вопросъ о первобытномъ жилищѣ тюркскихъ народностей, то, судя по современному образу жизни кочевниковъ, необходимо придти къ заключенію, что тюрокъ въ первобытномъ своемъ состояніи имѣлъ жилище только въ теченіе суроваго времени года, и что оно устраивалось преимущественно въ такихъ долинахъ и углубленіяхъ, которыя были менѣе открыты вліянію холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и какъ таковое доставляло защиту людямъ и домашнимъ животнымъ ¹⁾. Если и лѣтомъ при устройствѣ юрты принимается особенно во вниманіе направленіе господствующихъ вѣтровъ, то при переходѣ къ полуосѣдлости это соображеніе выступаетъ на первый планъ при устройствѣ зимовокъ. Еще кочующія народности, проводившія однако зиму, хотя и въ кибиткахъ, но на опредѣленныхъ мѣстахъ, руководствовались и руководствуются этимъ соображеніемъ при переходѣ на зимнія мѣста. Такъ еще Марко Поло отмѣчаетъ, что татары лѣтомъ кочевали въ горахъ, а на зиму спускались въ долины ²⁾. Киргизы у оз. Балхашъ, кочующіе лѣтомъ по Чингизъ-Тау, Тарбагатаю, Алатаунскимъ горамъ и пр. съ появленіемъ снѣга въ степи возвращаются на зимовку на старыя мѣста и выбираютъ для постановки своихъ юртъ на зиму—камышы, предохраняющіе ихъ отъ вѣтровъ ³⁾. Каракалпаки хотя и занимались еще въ XVIII в. преимущественно хлѣбопашествомъ, переходили на зиму въ камыши около Аральскаго моря ⁴⁾. Каракиргизы зимуютъ по берегамъ рѣкъ, а лѣтомъ поднимаются для кочевокъ въ горы ⁵⁾. Туркмены на зиму оставляютъ болѣе высокія мѣстности въ степи, въ которыхъ они проводятъ лѣто, и удаляются въ глубь долинъ и овраговъ, гдѣ и живутъ въ теченіе холоднаго времени года ⁶⁾. Букеевскіе киргизы устраиваютъ свои зимовки также въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ: зимою мы видимъ ихъ въ песчаной степи Нарынъ,

¹⁾ Vámbéry: Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes. стр. 73, 74.

²⁾ Марко Поло: Путешествіе, пер. Шемякина, стр. 178.

³⁾ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, в. 1, ст. Никольскаго, стр. 80.

⁴⁾ Рычковъ: Топографія Оренбургск. губ., стр. 125.

⁵⁾ Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 527.

⁶⁾ Vámbéry: Die primitive Cultur... стр. 74.

гдѣ песчаные бугры (барханы) оберегаютъ его отъ бурановъ; лѣтомъ-же они живутъ преимущественно въ „плоской“ степи ¹⁾.

Киргизы Акмолинской области, пишетъ г. Михайловъ, живутъ отдѣльными группами въ нѣсколько семействъ каждая, и эти группы носятъ названіе ауловъ съ прибавленіемъ имени главы семейства, обыкновенно самаго зажиточнаго въ данной группѣ киргиза. Въ большинствѣ случаевъ каждый болѣе или менѣе состоятельный киргизъ имѣетъ свой собственный аулъ, въ составъ котораго входятъ нѣсколько родственныхъ семействъ, менѣе его достаточныхъ. Нерѣдко сюда-же примыкаютъ обѣднѣвшіе киргизы, т. н. джатаки. Такой порядокъ жизни, продолжаетъ г. Михайловъ, оправдывается тѣмъ, что каждый состоятельный киргизъ стремится имѣть вблизи зимовки опредѣленную площадь для прокорма своего скота въ теченіе зимы на подножномъ кормѣ и извѣстную часть сѣнокосныхъ мѣстъ, которыми онъ могъ-бы свободно распорядиться ²⁾. Группировка въ болѣе или менѣе обширныя селенія происходитъ лишь тамъ, гдѣ почва позволяетъ прокормить значительное количество скота, причемъ, такъ какъ хорошіе покосы расположены преимущественно по берегамъ рѣчекъ, то, во избѣжаніе поврежденій жилища во время половодья, зимовки изъ углубленій и низинъ иногда поднимаются на вершины холмовъ. Описывая зимовки киргизовъ степной части Акмолинской области, г. Шнз беретъ для примѣра зимовки въ урочищѣ Тлэнъ у оз. Чаглы (Петропавловск. у.); онѣ расположены числомъ около 10 на холмѣ возлѣ рѣчки Чаглинки; лучшіе по окружности степные покосы расположены по обѣ стороны отъ рѣчки. Зимовки разбросаны по увалу, несимметрично, безъ всякаго плана; часто встрѣчаются стойбища отъ 15 до 20 зимовокъ. Выше мы видѣли при описаніи кочевыхъ ауловъ киргизовъ, что киргизы до послѣдняго времени сохраняли обычай селиться сравнительно большими группами; этотъ обычай такимъ образомъ продолжаетъ сохраняться при устройствѣ зимнихъ стойбищъ, но только тамъ, гдѣ условія мѣстности позволяютъ. Дѣйствительно въ лѣсистыхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ лишь сравнительно незначительное количество сѣна, зимовки соединя-

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 55.

²⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи, стр. 5. Зап. З.-С. О. И. Р. Г. О. XV, 3.

ются въ незначительныя группы. Въ лѣсу, замѣчаетъ г. Шнэ, чаще встрѣчаются стойбища въ 2—5 зимовокъ и рѣдко найдется съ большимъ числомъ ихъ; въ лѣсныхъ стойбищахъ группы въ 15—20 зимовокъ, обычныя въ степяхъ, устраиваются только весьма богатыми киргизами, окружающими себя кліентами и бѣдняками — джатаками ¹⁾, т. е. это зимовка отдѣльнаго богатаго лица, причемъ джатаки служатъ ему рабочей силой, необходимой для охраненія его обширныхъ стадъ. Среди букеевскихъ киргизовъ зимовки располагаются также лишь очень небольшими группами подчасъ встрѣчаются совершенно одиночныя, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ травы, необходимой для прокорма скота, зимою мало.

Въ общемъ соображенія чисто экономическаго характера содѣйствуютъ или препятствуютъ устройству зимовокъ большими группами. Эти соображенія приводятъ къ тому, что у алтайскихъ тюрковъ зимовки группируются въ незначительномъ количествѣ, подчасъ даже стоятъ одиночно, — фактъ, который можно наблюдать и у якутовъ, оставляющихъ свой скотъ на зиму на подножномъ кормѣ. Незначительное количество дворовъ, образующихъ зимнія деревни телеутовъ и сибирскихъ татаръ было отмѣчаемо еще въ XVIII вѣкѣ ²⁾. Тоже подтверждаетъ и Гельмерсенъ ³⁾, равно и другіе изслѣдователи. Во всей Якутской области, пишетъ г. Приклонскій, въ мѣстахъ населенія якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни, или хотя-бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ и нѣсколько различествуютъ въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородныя управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ ⁴⁾. К. Мейнсаузенъ замѣчаетъ, что мѣста, гдѣ встрѣчаются совмѣстно 2—3 юрты рѣдки; юрты располагаются на зиму на берегахъ озеръ, такъ какъ именно тамъ сохраняются лучшія пастбища ⁵⁾, а слѣдовательно и наибольшій запасъ на зиму сѣна. Селясь всегда у рѣкъ изобилующихъ раздольными, пологими берегами, пишетъ г. Гамовъ, якуты не живутъ селами или деревнями,

1) Шнэ: I. с., стр. 1, 8.

2) См. Описание... народовъ, изд. Миллера II.

3) Helmersen. I. с. ст. 48, 9°.

4) Приклонскій, I. с. стр. 19.

5) Helmersen's Beiträge, XXVI, стр. 36.

но семействами, дворами. Дворы отстоятъ другъ отъ друга верстъ на 50—200; замѣчено, что якутскіе юрты ближе сгущаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инородцы усиленнѣе занимаются земледѣліемъ¹⁾.

Естественно также, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о правильности въ расположеніи поселка: единицей является дворъ и каждый ставитъ его тамъ, гдѣ онъ находитъ это для себя удобнѣе. Такъ напр. въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ якуты живутъ селеніями, въ этихъ послѣднихъ нѣтъ порядка: всякій ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ²⁾.

Лишь особыя обстоятельства видоизмѣняютъ беспорядочность плана поселковъ, характерную для всѣхъ народностей, стоящихъ на низкой ступени развитія. Такъ климатическія условія вынуждаютъ башкиръ располагать мѣстами свои зимовки правильно въ рядъ, направляя окна на югъ. Правильность въ расположеніи зимовокъ отмѣчена нѣкоторыми писателями у бурятъ. „Подъѣзжая къ бурятской деревнѣ, пишетъ г. Раевъ, замѣчаешь прежде всего на горизонтѣ чернѣющія, движущіяся точки—это кочующій скотъ: лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды. Но также въ отдаленіи вы видите группу черныхъ точекъ большаго размѣра,—это юрты... онѣ стоятъ довольно правильно одна возлѣ другой, и представляютъ видъ деревни“³⁾. Довольно трудно однако опредѣлить, объясняется ли относительная правильность построекъ въ зимнихъ селеніяхъ бурятъ климатическими условіями или воздѣйствіемъ русскихъ. Во всякомъ случаѣ неправильность въ планѣ слѣдуетъ въ общемъ считать господствующей въ зимнихъ селеніяхъ полукочевыхъ народностей. Тоже слѣдуетъ сказать о малолюдности селеній, такъ какъ болѣе или менѣе обширныя по количеству жилыхъ строеній зимовки извѣстны намъ почти исключительно лишь среди киргизовъ и башкиръ, и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе травъ позволяетъ первымъ составлять сравнительно большія группы, а вторымъ дается эта возможность путемъ заготовленія сѣна на зиму; этимъ ослабляется воздѣйствіе условій мѣстности, такъ какъ соображенія о достаточности или недостаточности подножнаго корма скоту перестаетъ, при заготов-

1) И. Гамовъ, Очерки далекой Сибири, стр. 26.

2) Приклонскій, 1. с. стр. 19.

3) А. О. Раевъ, Буряты. Вѣсти. И. Р. Г. О. 1858, стр. 6.

къ сѣна, играть выдающуюся роль при выборѣ мѣста зимовки. Мы отмѣчаемъ эти характерныя черты для селеній полукочевыхъ народностей, какъ элементы, развитіе которыхъ происходитъ уже послѣ перехода ихъ къ полной осѣдлости, вслѣдствіе чего мы не считаемъ необходимымъ останавливаться на нихъ подробнѣе.

Намъ остается коснуться еще вопроса о времени перехода описываемыхъ народностей отъ чисто кочевого къ полукочевому быту и связанному съ нимъ переходу отъ переносныхъ жилищъ къ постояннымъ. Если признать, что полукочевой бытъ имѣетъ свое начало съ того момента, когда данный народъ, мѣняя нѣсколько разъ свои кочевки лѣтомъ, начинаетъ проводить зиму въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то большинство кочевыхъ народностей пришлось-бы причислить къ полукочевымъ: каждый кочевникъ избѣгаетъ совершать передвиженія зимой и старается перезимовать въ мѣстности, уже извѣстной ему какъ вслѣдствіе обилія травъ, такъ и возможности укрыться отъ вѣтровъ. Такія опредѣленныя перекочевки съ лѣтнихъ мѣстъ на опредѣленныя зимнія отмѣчаетъ еще Рубруквисъ среди татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ предѣлахъ современной европейской Россіи. Въ настоящее время лишь немногія народности кочуютъ и зимой: такъ напр. племена, живущія въ Монголіи, мѣняютъ свои зимнія мѣста только подъ давленіемъ крайней необходимости—именно недостатка травъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить о нерчинскихъ бурятахъ, которые въ 40-хъ годахъ текушаго столѣтія совершали перекочевки на большія пространства вслѣдствіе недостатка корма¹⁾.

Пребываніе зимой въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ не лишаетъ, однако, описанныя народности всѣхъ чертъ, типичныхъ для кочевника. Намъ кажется поэтому болѣе справедливымъ признать за моментъ перехода народности отъ кочевого къ полукочевому быту появленіе у него постоянныхъ, прочныхъ жилищъ на зиму: только тогда народъ можетъ считаться прикрѣпленнымъ къ извѣстной почвѣ—черта типичная для понятія объ осѣдлости—и различіе полукочевника отъ вполне осѣдлаго будетъ заключаться въ томъ, что въ то время, какъ послѣдній прикрѣпленъ къ постоянному жилищу въ теченіе всего года, первый прикрѣпляется къ нему лишь

¹⁾ Erman. Archiv, 1843, стр. 51. Ueber die Burjaten des Nertschinscker Kreises.

пока продолжается холодное время года. Устройство прочныхъ зимовокъ есть, конечно, лишь внѣшнее выраженіе осѣданія народа: параллельно съ этимъ идетъ сокращеніе района кочевокъ, постепенное избѣганіе передвигаться и лѣтомъ и пр.; но всѣ эти черты менѣе наглядны, менѣе уловимы въ бытѣ народа и не могутъ быть прослѣжены съ тою точностью, какъ это можно сдѣлать относительно исторіи появленія постоянныхъ зимовокъ. Слѣдуетъ, однако, признать, что данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ распоряженіи этнографіи, не достаточно полны, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ народностей. Въ общемъ, однако, представляется возможнымъ придти къ заключенію, что осѣданіе народа происходитъ раньше, если онъ живетъ въ лѣсистой полосѣ, чѣмъ если онъ кочуетъ въ степяхъ,—правило, которое, однако, какъ мы это увидимъ, допускаетъ иногда исключенія.

Вліяніе лѣса въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовано Н. М. Ядринцевымъ, и, хотя его слова относятся преимущественно къ алтайскимъ туркамъ, они могутъ быть распространены вообще на охотничьи народности, живущія въ лѣсу, равно и на кочевниковъ-скотоводовъ, поселившихся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: мы имѣемъ полное основаніе думать, пишетъ г. Ядринцевъ, что лѣса имѣли огромное значеніе на остановку передвиженія и кочеваніе первобытныхъ народовъ, ва ихъ культуру и образъ жизни. Можно сказать, что осѣдность зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ. Лѣса замедляютъ и ставятъ много непреодолимыхъ препятствій въ свободѣ передвиженій хозяйства, сравнительно съ степными условіями. Лѣсникъ не имѣетъ простора, онъ не выжигаетъ лѣса и привыкъ дорожить лѣсомъ, какъ звѣроловъ... Лѣсной охотникъ, пѣшеходъ на лыжахъ, хотя и дѣлаетъ огромныя разстоянія, но не такія, какъ степнякъ... Рыбные промыслы хотя и побуждаютъ отлучаться отъ постоянныхъ мѣстъ и жилищъ, въ то-же время заставляютъ держаться вблизи богатыхъ рыбалокъ и рѣкъ,—иначе ими завладѣютъ другіе. ¹⁾ Въ горномъ Алтаѣ мы видимъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, что алтайскій скотоводъ далеко не таковъ, какъ номадъ-киргизъ или монголъ; горы и горныя долины замкнули и ограничили его передвиженія, перекочевки и съузили ихъ до нѣсколькихъ верстъ... Лѣса той-же горной мѣст-

1) Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе шородцы, стр. 117.

ности еще болѣе замкнули и сѣзуили переходы населенія—они создали особенную форму быта. 1) Дѣйствительно, зародыши осѣдлости мы замѣчаемъ уже у большинства алтайскихъ инородцевъ, не смотря на то, что формы жилища многихъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ разряду наиболѣе первобытныхъ; если тамъ осѣданіе народа происходитъ въ извѣстной степени раньше, чѣмъ переходъ къ болѣе высокимъ формамъ жилищъ, то это происходитъ оттого, что лѣсъ, доставляя въ обиліи матеріалъ для постройки, даетъ возможность строить первобытный шалапъ настолько прочно, что остовъ его оставляютъ при перекочевкахъ на старыхъ мѣстахъ. Но лѣсъ, сѣуживая районъ перекочевокъ и содѣйствуя такимъ образомъ осѣдавію племени, долгое время не приводилъ алтайскихъ инородцевъ къ устройству болѣе прочныхъ жилищъ: и до сихъ поръ многіе изъ нихъ довольствуются исключительно одной конической юртой, и попытки устраивать имъ избы не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ, что, впрочемъ, до извѣстной степени можетъ объясняться тѣмъ, что для алтайца переходъ въ выстроенную для него избу иногда влечетъ за собой и попытки пріучить его къ земледѣлію и сдѣлать его такимъ образомъ окончательно осѣдлымъ. Новокрещенный алтаецъ не можетъ, пишетъ тотъ же авторъ, примириться сразу съ осѣдлымъ жилищемъ (какъ онъ не можетъ сразу по крещеніи сдѣлаться осѣдлымъ земледѣльцемъ, къ чему стремятся обыкновенно миссіонеры): органическая потребность въ воздухѣ и привычка передвиженія не позволяютъ ему примириться съ избой. Отъ этого новокрещены не могутъ сразу жить въ избахъ; даже даваемая имъ изба отъ миссіи запущена и грязна, и живутъ они въ большинствѣ въ берестяныхъ шалапахъ 2).

Начало устройства срубовъ у *нѣкоторыхъ* изъ алтайскихъ народностей, слѣдуетъ, новидимому, отнести въ сравнительно далекое прошлое, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, телеуты имѣли уже прочныя зимовки, хотя въ то время воспоминанія о жизни въ землянкахъ были еще живы: „нынѣ строятъ они (телеуты) жилища свои на чистыхъ мѣстахъ; языческаго закона телеуты во всемъ сходны съ барабинскими... а содержащіе мугаметанскую вѣру и

1) Н. М. Ядринцевъ: Алтай; въ Ист. Вѣсти. XX, стр. 633.

2) Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

превосходящія идолопоклонную свою братію разумомъ, прилежаніемъ, заживностью и достатками, подобныя во всемъ російскимъ деревенскимъ избамъ, выключая только свойственныя татарамъ полаты и комелекъ¹⁾.” Кумандинцы, повидимому, также довольно давно перешли уже къ зимовкамъ, типы которыхъ у нихъ довольно разнообразны; ихъ можно было-бы причислить даже къ вполне осѣдлымъ народностямъ, если-бы въ качествѣ переживанія прошлаго кочевого быта у нихъ не осталось стремленія черезъ нѣскольکو лѣтъ мѣнять мѣста своихъ деревень²⁾. Въ общемъ, однако, полное господство коническихъ юртъ среди большинства алтайскихъ народностей, устройство себѣ зимовокъ немногими, болѣе богатыми, служитъ доказательствомъ, что алтайцы лишь въ очень недавнее время стали обращаться въ полуосѣдлое населеніе, и, если не считать телеутовъ и отчасти кумандинцевъ, еще далеко не всѣхъ представителей разныхъ алтайскихъ народностей можно назвать полукочевниками.

Далѣе начиншіе татары въ настоящее время всѣ уже обзавелись зимовками, и В. Радловъ приводитъ эту черту, какъ отличающую качинцевъ отъ алтайскихъ тюрковъ³⁾, причемъ начало перехода ихъ отъ кочевого къ полукочевому быту слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, Палласъ ничего не упоминаетъ объ ихъ зимовкахъ, указывая только, что юрты они употребляютъ какъ въ качествѣ лѣтняго, такъ и зимняго жилья⁴⁾; въ „Описаніи... народовъ“ (II, стр. 153) говорится то же, причемъ прибавляется, что они кочуютъ и лѣтомъ и зимою; но Гмелинъ, посѣтившій ихъ въ 1735 г. сообщаетъ, что богатые качинцы уже обзавелись курными избами, въ которыхъ они живутъ зимой, а лѣтомъ переходятъ жить въ юрты⁵⁾.

Между тюрками, извѣстными подъ общимъ названіемъ сибирскихъ татаръ, переходъ къ полуосѣдности совершился еще въ XVII вѣкѣ, причемъ въ то время всѣ они имѣли уже зимовки, т. е. процессъ перехода отъ кочевого къ полукочевому быту уже завершенъ. Въ этомъ фазисѣ развитія застаютъ писатели XVIII

1) Описаніе... народовъ; изд. Миллера, II, стр. 161, 162,

2) Н. М. Ядринцевъ: Алтай, стр. 636.

3) Radloff: Aus Sibirien. I., стр. 376.

4) Палласъ: Путешествіе. II, пол. 2-я, стр. 461.

5) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 381.

вѣка абинскихъ, барабицскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и др. татаръ¹⁾. Въ настоящее время сибирскіе татары перешли отъ полукочеваго уже къ вполне осѣдлому быту. Исключеніе до известной степени представляютъ кизильцы: хотя отъ кочевковъ во многихъ мѣстахъ осталось лишь одно воспоминаніе, но кизильцы, живущіе въ степной части лѣваго берега Бѣлаго Юсса, продолжаютъ еще перекочевывать на лѣтнія мѣста²⁾.

Буряты также стали переходить къ полуосѣдлости довольно давно; дѣйствительно этотъ процессъ совершался неравномѣрно; во всякомъ случаѣ для насъ важенъ фактъ, что еще Гмелинъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія нашелъ у нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, уже срубчатыя многоугольныя юрты³⁾. Впрочемъ мы видѣли выше, что нерчинскіе буряты въ концѣ 1-й половины XIX в. продолжали сохранять еще кочевой бытъ.

Якуты еще по свѣдѣніямъ прошлаго столѣтія всѣ имѣли зимовки, и процессъ осѣданія въ то время у нихъ уже завершился, хотя иногда имъ приходилось и зимой мѣнять свое мѣстопробываніе, что объясняется вѣроятнѣе всего недостаткомъ подножнаго корма на мѣстахъ зимовокъ, но зимнія юрты у нихъ въ то время были общимъ явленіемъ⁴⁾.

Наконецъ башкиры въ XVIII же вѣкѣ почти всѣ перешли уже къ полуосѣдлости: «башкиры до самаго того времени, какъ Россіянами покорены, да и послѣ того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало по малу они соединили странственную пастушью жизнь съ сопряженнымъ со всегдашними жилищами землепашествомъ. Нынѣ всѣ они имѣютъ одномѣстныя зимнія хижины и подвижныя лѣтнія юрты»⁵⁾. «Отъ другихъ степныхъ народовъ, замѣчаетъ Палласъ, разнятся они тѣмъ, что зимою живутъ въ избахъ»⁶⁾. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбо-

1) Gmelin: Reise durch Sibirien: I, стр. 272, 278; Палласъ: Путешествіе, II, пол. 2, стр. 449, Описаніе ...вародовъ. II, стр. 109, 110, 146, 167.

2) А. Д. Клеменць: Предвар. свѣд. объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XX, № 1, стр. 45.

3) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 404, 405.

4) Описаніе народовъ II. стр. 182; Strahlenberg: въ Изв. О. А. И. и Э. пр. И. Каз. У. XI, 3, стр. 244.

5) Описаніе народовъ II, стр. 88, 89.

6) Палласъ: Путешествіе. I. стр. 649.

пашество не являлось существеннымъ занятіемъ, какъ напр. среди башкиръ по берегамъ р. Діомы (притока р. Бѣлой), о которыхъ Рычковъ выражается, что «всѣмъ извѣстно, что они въ хлѣбпашествѣ почти совсѣмъ не упражняются, а польза ихъ происходитъ отъ одного только скотоводства», ¹⁾ население уже всецѣло обзавелось прочными зимовками. Несмотря на приведенныя показанія авторовъ, слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что переходъ къ полукочевому быту совершался среди башкиръ въ разныхъ мѣстахъ ихъ жительства не одновременно, но въ общемъ можно признать, что къ концу XVIII вѣка этотъ переходъ уже почти совершенно завершился и даже начался переходъ отъ полуосѣдлаго къ осѣдлому быту, какъ напр. среди башкиръ Кара-якуповской волости, о которыхъ г. Износковъ сообщаетъ, что они сдѣлались осѣдлыми еще въ концѣ прошлаго столѣтія ²⁾.

Приведенныхъ фактовъ, кажется, вполнѣ достаточно для установленія того общаго положенія, что указанная нами народности начали переходить къ полукочевому быту и обзаводиться прочными зимовками еще въ XVIII в., причѣмъ у нѣкоторыхъ этотъ процессъ завершился уже къ началу текущаго столѣтія. Даже среди алтайскихъ тюрковъ, наиболѣе отставшихъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ начало перехода къ полуосѣдлости въ теченіе прошлаго столѣтія: ихъ изолированность, низкій уровень ихъ культуры задержалъ переходъ къ полной осѣдлости; охотничій и рыболовческій бытъ, вѣроятно, сыгралъ въ этомъ отношеніи задерживающую роль.

Совершенно другое замѣчаемъ мы среди степныхъ монголовъ и тюрковъ: у нихъ не было подъ рукой лѣсовъ, которые, задерживая перекочевки, доставляли-бы одновременно и матеріалъ для построекъ, болѣе прочныхъ, чѣмъ переносная юрта; этимъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что переходъ къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ совершился у нихъ очень поздно, у многихъ продолжается еще совершаться, а у нѣкоторыхъ почти даже не начинался.

Исключеніе изъ этого составляютъ только нѣкоторыя народности, которыя перешли къ полуосѣдлости сравнительно давно,

¹⁾ Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

²⁾ И. Износковъ: Кара-Якуповская волость, стр. 184.

причемъ этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ осѣдлыхъ сосѣдей.

Такъ переконскіе татары по свѣдѣніямъ конца XVI и начала XVII в. вели уже полуосѣдлый образъ жизни: о зимовкахъ болѣе прочныхъ, чѣмъ переносныя юрты упоминаютъ Мартинъ Броневскій и Жанъ де-Люкъ ¹⁾, хотя большая часть степныхъ крымскихъ татаръ и продолжала еще зимовать въ кибиткахъ. Процессъ перехода къ полуосѣдлости совершался однако лишь крайне медленно, такъ какъ еще въ 1804 г. Таврической вице-губернаторъ А. Шостакъ свидѣтельствовалъ, что на зимнихъ мѣстахъ только «у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяну“ ²⁾. Появленіе хотя-бы зародышей полуосѣдлости въ столь отдаленное время именно среди степныхъ крымскихъ татаръ, слѣдуетъ, новидимому, объяснить вліяніемъ, оказываемымъ на нихъ жителями горныхъ частей Крыма, которые представляли и въ то время коренное осѣдлое населеніе. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что болѣе отдаленные отъ вліянія осѣдлыхъ сосѣдей бессарабскіе татары еще въ концѣ XVIII в. зимовали въ юртахъ, хотя и устраивали уже закрытые загоны для скота ³⁾.

Далѣе подъ вліяніемъ кабардинцевъ переходятъ въ XVIII в. почти къ полной осѣдлости и часть ногайцевъ, жившихъ около кавказскихъ горъ: ихъ деревни, которыя ногайцы часто перемѣщали съ мѣста на мѣсто, были воспроизведеніемъ кабардинскихъ деревень, отличаясь отъ послѣднихъ большей бѣдностью и отсутствіемъ въ нихъ крѣпкихъ башенъ, характерныхъ для кабардинскихъ селеній ⁴⁾.

Наконецъ часть астраханскихъ татаръ вела въ XVIII в. уже полуосѣдлый образъ жизни: ихъ небольшія деревни съ срубобразными жилищами помѣщеніями были населены исключительно только зимою ⁵⁾. Эта перемѣна быта касалась однако только тѣхъ татаръ, которые жили недалеко отъ Астрахани, гдѣ жили и совершенно осѣдлые татары, и несомнѣнно была вызвана вліяніемъ

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. VI стр. 337 и XI, стр. 483.

2) Ж. М. Н. Пр. 1843, часть XI, отд. II, стр. 156.

3) Kleemann's Risen, I. с.

4) Описаніе народовъ, II, стр. 40.

5) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи: II, стр. 174.

города, такъ какъ татары, жившіе нѣсколько ниже по Волгѣ, вели въ XVIII в. еще вполне кочевую жизнь.

Въ то время, какъ въ лѣсной полосѣ конецъ прошлаго столѣтія застаётъ уже большинство не осѣдлыхъ тюрковъ и монголовъ перешедшими въ значительной степени къ полукочевому быту— въ степной области наоборотъ большинство народностей ведетъ кочевой образъ жизни еще въ началѣ текущаго столѣтія, причемъ переходъ къ полуосѣдлому быту происходитъ лишь въ немногихъ пунктахъ и распространяется не на всю народность, а лишь на отдѣльныхъ ея представителей. Даже въ настоящее время далеко не всѣ неосѣдлые турки и монголы, населяющіе Европейскую Россію перешли къ полуосѣдлости. Такъ среди астраханскихъ калмыковъ только въ послѣдніе 30—40 лѣтъ кибитка у значительной впрочемъ части ихъ стала, главнымъ образомъ на зиму, замѣняться и постоянными жилыми постройками, причемъ переходъ къ полуосѣдлости покровительствуется правительствомъ, путемъ выдачи бѣднымъ калмыкамъ денежныхъ пособій; круглыя или многогранныя каменные постройки, повторяющія типъ войлочныхъ кибитокъ стали появляться также лишь въ недавнее время ¹⁾. Торгоуты, хотя имѣютъ въ настоящее время въ качествѣ зимнихъ жилищъ прочныя постройки, но несомнѣнно обзавелись ими лишь въ сравнительно недавнее время: до переселенія ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія за предѣлы Россіи они представляли еще совершенно кочевое поселеніе, и попытки правительства пріохотить представителей высшихъ классовъ къ жизни въ прочно устроенныхъ жилищахъ оказались, по словамъ Гмелина, совершенно тщетными ²⁾.

Караногайцы и до настоящаго времени принадлежатъ къ кочевымъ народностямъ, и попытка правительства сдѣлать караногайцевъ, хотя отчасти, осѣдлыми, привела къ ничтожнымъ результатамъ. Попытка эта, пишетъ г. Аваньевъ ³⁾, заключалась въ томъ, что любому караногайцу для постройки сакли отпускалась на извѣстное число лѣтъ небольшая сумма денегъ безъ процентовъ.

1) И. Житецкій: Оч. быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 5.

2) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. I.

3) Г. Аваньевъ: Караногайцы въ Сб. Мат. для оп. мѣстн. и племенъ Кавказа, XX, стр. 42.

Однако нашлось только нѣсколько семействъ карангайцевъ, пожелавшихъ построить себѣ сакли. Это были исключительно карангайцы, живущіе около Терекли-Мектенъ (административнаго центра карангайцевъ). Выстроенныя ими сакли образуютъ маленкій хуторокъ, въ которомъ хозяева живутъ только зимою, лѣтомъ же они переселяются въ свои кибитки, а сакли оставляютъ совершенно пустыми.

Относительно кавказскихъ турименъ извѣстно, что первая попытка привести ихъ къ осѣдности относится лишь къ 60-мъ годамъ XIX в.

Наконецъ, что касается кундровскихъ татаръ, то писатели XVIII в. рисуютъ ихъ еще вполне кочевыми; переходъ къ полуосѣдности началъ совершаться лишь въ теченіе XIX в., причемъ въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія часть кундровцевъ не перешла еще къ прочнымъ зимовкамъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ только часть кундровцевъ, по словамъ г. Неболсина, проводила зиму въ постоянныхъ избахъ, построенныхъ на русскій ладь и русскими плотниками; лѣтомъ эта группа кочевала въ кибиткахъ; другая, меньшая группа круглый годъ кочевала въ кибиткахъ. Г. Мошковъ¹⁾, сообщающій намъ наиболѣе новыя свѣдѣнія о кундровцахъ, замѣчаетъ по этому поводу: есть еще третья группа кундровцевъ, составляющая средину между двумя упомянутыми, о которой у г. Неболсина ничего не говорится. Кундровцы этой группы, хотя не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но и не остаются круглый годъ въ кибиткахъ: они строятъ себѣ на зиму землянки, описанныя нами выше въ своемъ мѣстѣ, которыя съ наступленіемъ весны разбираютъ. «Существовала-ли эта группа во времена г. Неболсина, продолжаетъ г. Мошковъ, или она продуктъ повѣйшаго времени? Если-же кундровцы, кочевавшіе въ 50-хъ годахъ круглый годъ въ кибиткахъ, перешли въ наше время къ землянкамъ, то всѣ-ли они это сдѣлали или только часть ихъ? Эти вопросы я не беру съ рѣшить». Если однако предположить, что въ настоящее время всѣ кундровцы уже перешли къ полуосѣдности, то свидѣтельство г. Неболсина во всякомъ случаѣ приводитъ къ заключенію, что этотъ переходъ совершился лишь въ самое недавнее время.

¹⁾ В. А. Мошковъ—въ Иав. Об. Арх. Ист. и Этнографіи при И. Каз. У., XII, 1, стр. 13.

Переходъ киргизовъ къ полуосѣдлости совершился въ настоящее время еще не вполне: и теперь еще многіе киргизы, какъ напр. живущіе около оз. Балкашъ и по р. Или, не знаютъ прочныхъ зимовокъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднія уже есть, бѣднѣйшее населеніе продолжаетъ однако все еще зимовать въ кибиткахъ. Въ XVIII в. и въ началѣ текущаго столѣтія киргизы представляли собой еще совершенно кочевое населеніе, причемъ переходъ къ зимовкамъ начался прежде всего у западныхъ киргизовъ, въ частности среди тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ханомъ Букеемъ перешли въ предѣлы Европейской Россіи. Начало осѣдлой жизни въ Букеевской ордѣ, пишетъ А. Н. Харузинъ ¹⁾, у котораго мы заимствуемъ свѣдѣнія о началѣ перехода какъ букеевскихъ, такъ и азіатскихъ киргизовъ къ полуосѣдлости, положилъ ханъ Джангиръ. «Примѣръ, который я подалъ къ домообзаведенію, замѣчаетъ ханъ Джангиръ въ своихъ запискахъ, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству на зимовкахъ домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями». Однако самъ ханъ Джангиръ, воспитанный въ домѣ астраханскаго губернатора, человекъ образованный, по словамъ М. Киттары, до 1824 г. велъ, подобно своимъ предшественникамъ и прочимъ киргизамъ, жизнь кочевую, но, вступивъ въ этомъ году въ бракъ съ дочерью оренбургскаго муфтія—Фатимой, образованной по европейски, въ скоромъ времени построилъ себѣ домъ, чѣмъ и положилъ начало полуосѣдлости среди киргизовъ и мѣстному административному центру—Ханской Ставкѣ. Остатокъ зимы 1824 г. ханъ провелъ съ молодою женою на берегу Каспійскаго моря, гдѣ онъ и убѣдился, сколько неудобствъ представляетъ кибитка зимою для женщины, привыкшей съ дѣтства къ городскимъ теплымъ домамъ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Киттара, если вѣрить рассказамъ, мысль объ устройствѣ постояннаго зимняго жилища родилась въ умѣ Джангира именно въ это время. Зимю 1826 г. ханъ провелъ уже въ деревянномъ домѣ на мѣстѣ современной Ханской Ставки; но, сдѣлавъ этотъ важнѣйшій шагъ къ осѣдлости, ханъ Джангиръ не сразу простился съ прежнимъ образомъ жизни: въ своемъ деревянномъ домѣ онъ жилъ только

1) А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I. стр. 55—58, 77, 78.

зимою, а лѣтомъ выходилъ на кочевье «къ подвластнымъ ему киргизъ-кайсакамъ». Лишь впоследствии имъ былъ выстроенъ и лѣтній домъ въ вѣсколькихъ верстахъ отъ зимней ставки. Хану начали подражать другіе киргизы, но при немъ обзавелись зимовками только $\frac{1}{16}$ часть всего населенія; еще въ 1840 г. прочныя зимнія жилища представляли исключеніе. Въ 1862 г. уже около $\frac{2}{3}$ киргизовъ Букеевской орды устроили себѣ зимнія жилища, въ то время какъ остальные продолжали еще и зимой жить въ кибиткахъ. Въ настоящее время, замѣчаетъ цитируемый авторъ, можно смѣло сказать, что зимніе дома имѣютъ всѣ киргизы въ Букеевской степи, а въ кибиткахъ проводятъ зиму только пастухи, которые и не могутъ иначе усмотрѣть за пасущимся скотомъ. Нѣкоторые киргизы, преимущественно богатые, проводятъ уже въ домахъ и лѣто.

Переходъ къ зимовкамъ началъ совершаться въ Букеевской степи раньше, чѣмъ за Ураломъ. Между тѣмъ какъ разные авторы говорятъ о зимнихъ домахъ въ Букеевской степи уже въ 50-хъ, 40-хъ и даже 30-хъ годахъ, М. Михайловъ (1867 г.) въ своемъ очеркѣ зауральскихъ киргизовъ говоритъ, что они въ кибиткахъ живутъ и лѣто и зиму. Впрочемъ это свидѣтельство М. Михайлова слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что *большинство* киргизовъ не имѣетъ зимовокъ, такъ какъ двумя годами позднѣе Л. Арасанскій (Причины волненія въ киргизскихъ степяхъ) считаетъ возможнымъ раздѣлить киргизовъ на двѣ группы; значительно болѣшую—кочевую, не знающую зимовокъ, и меньшую—полукочевую, строящую себѣ зимовки. Киргизы первой группы, по словамъ того-же автора, богаче полукочевыхъ: послѣдніе переходятъ къ полусѣдлости подъ вліяніемъ бѣдности; ихъ вынуждаетъ вести полукочевой образъ жизни недостатокъ свободныхъ мѣстъ для перекочевокъ. „Степь, замѣчаетъ г. Арасанскій, не смотря на свою необъятность, все-таки раздѣлена между родами на части, и этотъ раздѣлъ строго соблюдается“. Бѣдность, какъ мы увидимъ ниже, является крупнымъ стимуломъ при переходѣ киргизовъ къ полусѣдлому и даже къ сѣдлому быту, но фактъ, что и богатые киргизы строятъ себѣ зимовки служитъ доказательствомъ, что бѣдностью нельзя исключительно объяснить переходъ азіатскихъ киргизовъ къ полусѣдлости. Если вѣрить свидѣтельству А. Левшина (Вѣстн. Европы. 1820, № 22), мысль объ устройствѣ проч-

ныхъ зимовокъ появилась у хана Малой орды даже ранѣе, чѣмъ совершился переходъ хана Джангира къ полуосѣдлости. Левшинъ, имѣвшій въ первомъ десятилѣтіи XIX в. свиданіе съ ханомъ Малой орды Ширгазомъ, говоритъ, что Ширгазъ искренно желалъ выстроить себѣ домъ и побуждать киргизовъ къ осѣдлости. «Послѣ увоселеній, пишетъ Левшинъ, насъ опять позвали къ хану Ширгазъ. Мы нашли его грѣющимъ у разведеннаго въ кибиткѣ его огня, и, накинувъ на себя поданныя намъ собольи шубы, сѣли возлѣ него. Холодъ, дававшій себя сильно чувствовать въ кибиткѣ, навлекъ разговоръ о невыгодахъ кочевой жизни; ханъ долго разсуждалъ объ этомъ и неоднократно высказывалъ желаніе имѣть домъ и свое намѣреніе завести хлѣбопашество для примѣра подвластнымъ ему киргизамъ». Этому намѣренію хана нескоро удалось осуществиться, но это свидѣтельство важно, какъ доказательство, что починъ къ переходу къ болѣе высокимъ типамъ жилища исходилъ и здѣсь, какъ и въ Букеевской степи, отъ главы народа.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время устройство зимовокъ подвигается среди азіатскихъ киргизовъ двоякимъ путемъ: ихъ строятъ богатые киргизы, при чемъ бѣдные продолжаютъ жить и зимой или въ кибиткахъ или въ чучелахъ. Но переходятъ къ полуосѣдлости и бѣдняки; этотъ фактъ хорошо наблюдается на при-иртышской казачьей линіи, при чемъ часто киргизы подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ становятся и вполне осѣдлыми. Число киргизовъ, выселяющихся изъ степи и осѣдающихъ при казачьихъ пограничныхъ линіяхъ (особенно по Иртышу), пишетъ г. Катанаевъ ¹⁾, можно сказать, увеличивается съ каждымъ годомъ. Каждый сколько-либо значительный падежъ скота въ степи, всякая засуха, всякое болѣе или менѣе общее и частное обнищаніе той или иной семьи кпргизовъ-степняковъ, всякій вновь открывающійся на линіи источникъ заработковъ или спросъ на рабочую силу и пр. имѣютъ послѣдствіемъ выселеніе киргизовъ изъ степи къ русскимъ поселеніямъ, массами или по одиночкѣ. При первоначальномъ своемъ появленіи на казачьей линіи киргизъ представляетъ изъ себя бѣдняка, лишившагося своего имущества—скота, и не могущаго слѣдовать при перекочевкахъ за своимъ ауломъ.

¹⁾ Катанаевъ: При-иртышскіе казаки и киргизы Семипалатинскаго у., стр. 21—24 въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О, XV, вып. 2.

Онъ начинается съ того, что нанимается въ поденщики или вообще въ рабочіе къ кому-либо; черезъ годъ—два онъ старается перевести къ себѣ свою семью и родственниковъ, которые по прибытіи на линію также поступаютъ въ рабочіе. Иногда, проживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, эти рабочіе (джатаки) возвращаются въ степь и приселяются съ собственными зимовками къ другимъ киргизамъ. Въ большинствѣ-же случаевъ, разъ поселившійся на казачьей линіи киргизъ уже не возвращается въ степь на постоянное жительство: тамъ въ степи ему уже нечего дѣлать; здѣсь его прикрѣпляютъ вновь усвоенныя имъ привычки, потребности, заработки всякаго рода. «Киргизы на казачьей линіи, продолжаетъ г. Катанаевъ, зимуютъ частью на войсковыхъ запасныхъ земляхъ, частью на казачьихъ надѣльныхъ. Есть мѣстности, гдѣ зимовья постройки киргизовъ настолько прочны и постоянны, что ихъ можно считать за осѣдлыя поселенія въ общепринятомъ смыслѣ. Не далѣе какъ 15—20—30 лѣтъ тому назадъ стоянки эти представляли собою не болѣе, какъ гнѣзда юртъ въ беспорядкѣ разбросанныхъ по казачьимъ землямъ. Нынѣ зимовыхъ юртъ уже совсѣмъ не существуетъ; всюду (близъ казачьихъ линій) онѣ замѣнены болѣе постоянными—землянками и деревянными избушками, сгруппированными мѣстами какъ-бы деревнями. Съ наступленіемъ лѣта киргизы покидаютъ свои зимовки и отходятъ отъ нихъ съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе далеко. Числясь зачастую въ отдаленныхъ отъ линій степныхъ волостяхъ, прилинейные киргизы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряютъ связь съ своими волостями, прикрѣпляясь къ осѣдымъ русскимъ поселеніямъ. Неоднократно такіе киргизы ходатайствовали не только о закрѣпленіи за ними насиженныхъ казачьихъ земель, но и о совершенномъ обращеніи ихъ въ казаки съ оставленіемъ лишь неприкосновеннымъ ихъ вѣроисповѣданія. Съ другой стороны не прекращающійся за послѣднее время приливъ киргизовъ къ Иртышу начинается уже безпокоить казаковъ; эти послѣдніе, усиливъ вообще надзоръ за самовольными приселеніями киргизовъ на ихъ земли, не разъ уже въ нѣкоторыхъ поселкахъ возбуждали ходатайства о выселеніи киргизовъ въ ихъ степныя волости». Въ заключеніе г. Катанаевъ сообщаетъ, что въ районѣ казачьихъ земель Павлодарскаго и Семипалатинскаго уу., по обѣимъ сторонамъ Иртыша живетъ болѣе или менѣе постоянно киргизовъ до 12000 душъ об.

пола. Среди азіатскихъ киргизовъ переходъ къ полусѣдлой жизни болѣе интенсивно, какъ и у астраханскихъ калмыковъ, направляется по периферіямъ, тамъ гдѣ они близко сталкиваются съ осѣдлымъ населеніемъ, но этотъ переходъ въ настоящее время еще не законченъ.

Азіатскіе турмены перешли къ полусѣдлости и даже къ осѣдлости, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они близко сталкивались съ осѣдлыми сосѣдями, у которыхъ они заимствовали и типы зимовокъ и осѣдлыхъ жилищъ.

Что касается т. н. азербейджанскихъ татаръ¹⁾, то повидному осѣданіе ихъ началось въ давнее время и очевидно происходило подъ вліяніемъ осѣдлыхъ жителей Закавказья. Процессъ этого перехода однако, насколько онъ касается сельскаго населенія, уловить весьма трудно, потому что повидному значительная часть,

1) По корректурному недосмотру мною пропущено, при изложеніи типовъ кочевыхъ жилищъ турковъ и монголовъ, описаніе юрты кочевыхъ азербейджанскихъ татаръ. Ихъ *алачуги* представляютъ какъ бы переходный типъ отъ конического шалаша къ рѣшетчатой юртѣ. Алачуги устраниваются изъ тростника или изъ нѣсколькихъ жердей или тычинокъ гибкихъ деревьевъ, согнутыхъ въ дуго и *воткнутыхъ обоими концами въ землю*. Эти жерди переплетаются другими въ горизонтальномъ направленіи, такъ что внутренность такого помѣщенія представляетъ видъ купола⁴. Остовъ закрывается войлокомъ или камышовою рогожею; отверстіе для двери завѣшивается войлокомъ. Юрта изнутри поддерживается шестомъ. На верху вырѣзывается круглое или четырехугольное дымовое отверстіе, служащее часто и окномъ. Противъ входа въ алачугу, пишутъ Н. Дубровинъ, у котораго мы заимствуемъ описаніе ея, у стѣны, сложены подушки, одѣяла, платье, оружіе, конская сбруя и пр. По одну сторону, за перегородкою хранится масло, молоко и сыръ, а по другую сторону, также за перегородкою, мука, сарачинское пшено и все съѣстное. Алачуга дѣлится тростниковыми перегородками на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Изрядка устраиваются и карачадры—четыреугольныя палатки изъ черной шерстяной матеріи; этотъ видъ жилищъ заимствуютъ татарами у курдовъ, у которыхъ онъ является господствующимъ. (Дубровинъ: Ист. войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2, стр. 353). Иногда лѣтнее жилище даже у осѣдлыхъ азербейджанскихъ татаръ сохраняетъ еще слѣды прежняго кочеваго быта: онъ устраивается такъ, что стѣны окружаютъ помѣщеніе только съ 3-хъ сторонъ, а четвертая остается открытой, и завѣшивается во время непогоды войлокомъ. Постоянныя жилища состоятъ мѣстами изъ подземныхъ жилищъ-ямъ (*еги*), покрытыхъ деревомъ и своруху засыпанныхъ землею; потолка поддерживается изнутри 4-мя столбами; крыша обыкновенно круглая. Мѣстами эти землянки представляютъ переходный типъ отъ подземной землянки къ над-

говорящихъ на азербейджанскомъ нарѣчїи, мусульманъ Закавказья представляютъ лишь тюркизированныхъ коренныхъ жителей, которыхъ пришедшїй тюркскїй элементъ засталъ уже осѣдлыми. Изученіе типовъ постоянныхъ жилищъ у азербейджанцевъ поэтому является крайне затруднительнымъ, такъ какъ они находятся въ такой тѣсной связи съ типами жилищъ ихъ осѣдлыхъ сосѣдей, совершенно чуждыхъ имъ по языку и происхожденію, что есть полное основаніе предполагать, что турки заимствовали ихъ отъ тюркизированныхъ ими народовъ, которые издавна употребляли, хотя и первобытные, но постоянные жилища. Азербейджанскіе татары сохранили кочевой или полукочевой бытъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія климатическія и рельефа страны особенно способствовали поддержанію скотоводческо-кочеваго быта.

На основаніи вышесказанныхъ фактовъ, можно придти къ заключенію, что въ общемъ процессъ перехода къ полусѣдлости и высшимъ формамъ жилья за нѣкоторыми исключеніями у степныхъ тюрковъ и монголовъ Россїи направлялся съ запада на востокъ, если не считать центральную Азію, гдѣ наводнявшія ее кочевыя народности перешли къ осѣдлости очень давно, подъ вліяніемъ коренного населенія. Чѣмъ дальше кочевники заходили отъ своей первоначальной родины, чѣмъ дольше они оставались въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ скорѣе они, подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, обзаводились прочными жилищами на зиму: въ настоящее время крымскіе степные татары представляютъ уже вполнѣ осѣдлое населеніе, букеевскіе киргизы обзавелись всѣ зимовками, то же, повидимому, слѣдуетъ сказать и про кундровскихъ татаръ; среди азіатскихъ киргизовъ происходитъ также процессъ осѣданія, хотя среди нихъ еще многіе проводятъ зиму въ юртахъ. Но чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ меньше успѣ-

земнымъ жилищамъ, т. е. подъ землей находится лишь половина жилищъ, а другая выходитъ наружу. Наконецъ строятся и турлучныя землянки (*оба*), оконныя отверстія которыхъ закрываются камышевыми рогожами. Ими пользуются обыкновенно жители горныхъ деревень, спускающіеся въ долину только весной для воздѣлыванья полей, осенью же возвращающіеся въ горы (ib. 354). Несмотря на тюркскія названія этихъ видовъ жилищъ, есть, какъ это было указано, полное основаніе предполагать, что они не являются продуктомъ самостоятельнаго развитія азербейджанскихъ татаръ, и вслѣдствіе этого не могутъ быть введены въ общую исторію развитія жилищъ у тюрковъ.

ховъ степные народы сдѣлали по пути къ полуосѣдности: у торгоутовъ мы видимъ еще зимовки, а у другихъ монгольскихъ народностей Монголіи, если оставить въ сторонѣ перешедшихъ къ осѣдности подъ вліяніемъ Китая монголовъ, мы ихъ уже совсѣмъ не встрѣчаемъ, и монголы перекочевываютъ даже въ зимнее время. Исключеніемъ изъ этого общаго правила направленія процесса перехода къ полуосѣдности отъ запада на востокъ составляютъ только астраханскіе калмыки, караногайцы и кавказскіе туркмены, причемъ это объясняется особенными условіями ихъ быта, сравнительной изолированностью и отсутствіемъ инициаторовъ въ ихъ средѣ, которые, какъ напр. киргизскіе ханы, подавали примѣры къ переходу къ полуосѣдности; впрочемъ у калмыковъ этотъ процессъ, разъ начавшись, продолжается довольно интенсивно. Въ этомъ отношеніи, однако, степняки значительно отстали отъ своихъ сородичей, населяющихъ богатая лѣсомъ мѣстности: процессъ перехода у первыхъ начинается въ серьезныхъ размѣрахъ только съ начала текущаго столѣтія, тогда какъ у послѣднихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ алтайскихъ инородцевъ и части бурятъ, онъ уже завершился въ концѣ прошлаго вѣка. Что переходъ къ полуосѣдности, а затѣмъ и къ полной осѣдности совершается преимущественно подъ вліяніемъ сосѣдей, доказывается между прочимъ тѣмъ, что осѣданіе народа совершается по периферіямъ, вдоль черты, по которой происходитъ наиболѣе частое столкновеніе кочевыхъ и осѣдлыхъ народностей. Фактъ, отмѣчаемый г. Житецкимъ для астраханскихъ калмыковъ, переходъ которыхъ къ полуосѣдности совершается преимущественно именно по окраинамъ территоріи, населенной калмыками, можно прослѣдить и на всей территоріи, занятой монгольскими и тюркскими народностями. Относительно тюрковъ и монголовъ европейской Россіи мы имѣли возможность прослѣдить это; что касается до азіатскихъ, то мы видѣли, что наиболѣе старыя свидѣтельства объ осѣданіи киргизовъ относятся къ области при-иртышской, гдѣ киргизы сталкиваются съ русскимъ элементомъ. На югъ, въ центральной Азіи, тюрки перешли къ осѣдлой жизни только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ плодородная почва уже съ древнихъ временъ привела къ развитію прочнаго осѣдлаго населенія. Но, въ случаяхъ, когда они находятся дальше отъ осѣдлаго населенія, они продолжаютъ еще вести кочевой образъ жизни. Если мы будемъ подвигать

гаться дальше на востокъ, мы замѣтимъ, что тюрки и монголы осѣдаютъ исключительно въ мѣстностяхъ, гдѣ они сталкиваются съ осѣдлыми сосѣдами—китайцами; примѣромъ этого могутъ служить описанные Г. Н. Потанинымъ въ «Тангутско-тибетской окраинѣ Китая» ордосскіе монголы, равно и сарты въ Хами, о которыхъ говорить тотъ-же путешественникъ въ «Очеркахъ Сѣв.-Западной Монголіи». Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что фанзы этихъ сартовъ представляютъ отличія отъ китайскихъ; судя по вышеприведенному свидѣтельству о томъ, что и до настоящаго времени сарты въ Хами не перешли еще окончательно къ осѣдлости, есть основаніе предполагать, что процессъ осѣданія ихъ началъ совершаться въ сравнительно недавнее время.

Подводя итоги вышеизложенному мы можемъ въ краткихъ словахъ выставить нижеслѣдующія положенія. У разсмотрѣнныхъ нами народностей процессъ развитія жилища подвигался слѣдующимъ образомъ: 1) первобытный конусообразный шалашъ, покрываемый вѣтвями, берестой, звѣриными шкурами служитъ одной изъ исходныхъ точекъ для развитія болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилья; изъ него постепенно вырабатывается войлочная юрта, сначала простая, затѣмъ черезъ нѣсколько переходныхъ типовъ рѣшетчатая, которая, повидимому, выработалась въ степныхъ мѣстностяхъ; тамъ-же она получила и наибольшее распространеніе, что слѣдуетъ приписать тому объединяющему значенію, которое имѣетъ степь, въ противоположность лѣсистымъ и горнымъ мѣстностямъ. «Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ большей или меньшей степени членами одной семьи». Этимъ значеніемъ степи слѣдуетъ объяснить, что на всемъ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ разными степными народностями, мы видимъ только два типа рѣшетчатыхъ юртъ. Представляя высшій типъ въ исторіи развитія формъ переноснаго шалаша, рѣшетчатая юрта, при переходѣ народа къ осѣдлости, служитъ типомъ для устройства болѣе прочныхъ жилищъ, повторяющихъ ея форму: они строятся изъ земли, плетня, наконецъ бревенъ или камня и приводятъ къ типу многогранныхъ каменныхъ или срубчатыхъ построекъ (киргизы, астрах. калмыки, буряты, алтайскіе тюрки). Конусообразный

шалашъ приводитъ къ срубѣ и другимъ путемъ: замѣна жердей образующихъ остовъ досками даетъ типъ четырехграннаго шалаша, изъ котораго постепенно развиваются трапецевидные балаганы, равно и плетневые постройки, которыя при замѣнѣ болѣе прочнымъ матеріаломъ переходятъ въ срубы (якуты, алтайскіе тюрки, астрах. калмыки). 2) Къ срубамъ приводятъ и землянки: первобытная землянка или постепенно поднимается надъ поверхностью почвы, образуя въ верхней своей части мазанку или срубъ, или надземное земляное жилище покрывается вначалѣ деревомъ для большей устойчивости стѣнъ, а впослѣдствіи замѣняется срубомъ. 3) Первоначальный срубъ даетъ дальнѣйшій толчекъ къ развитію избы, какъ и первобытное надземное земляное жилище: въ наиболѣе простыхъ типахъ оконъ нѣтъ, ихъ замѣняетъ дымовое отверстіе; окно въ стѣнѣ появляется впослѣдствіи, при чемъ первоначально оно прикрывается льдомъ, брюшиной и пр.; очагъ находится по срединѣ, какъ и въ шалашѣ. Постепенно очагъ переходитъ въ каминъ (чуваль), который затѣмъ переставляется въ уголъ помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и печь, причѣмъ она устраивается или въ видѣ каменки или со вмазаннымъ въ нее котломъ. Другіе виды печей являются заимствованными; привычка готовить пищу въ котлѣ, привѣшиваемомъ надъ очагомъ, приводитъ къ соединенію заимствованнаго типа печи съ печью со вмазаннымъ въ нее котломъ (киргизы, башкиры) или съ очагомъ (долгане). Во внутреннемъ устройствѣ эти типы жилищъ продолжаютъ повторять въ общихъ чертахъ убранство шалашей. Развитіе срубовъ и надземныхъ земляныхъ жилищъ приводитъ къ расширенію ихъ путемъ пристройки къ основному типу—сѣней, сначала плетневыхъ или бровенчатыхъ, а также пристройки такого-же типа жилища къ сѣнямъ (киргизы, башкиры). Земляной полъ постепенно замѣняется деревяннымъ, а плоская крыша — крышей со скатами. 4) Соответственно съ ходомъ усовершенствованія жилища появляются и хозяйственныя постройки: развивается понятіе о дворѣ, который изъ простой изгороди для скота и постановки отдѣльныхъ юртъ для взрослыхъ членовъ семьи, переходитъ болѣе или менѣе въ обширное сооруженіе, при чемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство играетъ первенствующую роль, скотные дворы устраиваются крытыми и соединяются подъ одну кровлю съ жилымъ помещеніемъ (якуты, киргизы), и наоборотъ, гдѣ скотоводство не

является исключительнымъ источникомъ благосостоянія, или гдѣ условия мѣстности это позволяютъ, хозяйственные постройки разбрасываются по двору (башкиры, киргизы въ лѣсистыхъ областяхъ).

5) Прочныя жилища (балаганы, землянки, мазанки, срубы и пр.) появляются съ переходомъ народа отъ кочевого къ полукочевому быту; тогда-же развивается и устройство двора. Переходъ къ полуосѣдлости начался раньше въ лѣсистыхъ частяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Алтай) осѣданіе народа предшествуетъ даже появленію высшихъ формъ жилья. Въ степныхъ областяхъ переходъ къ полуосѣдлости, повидимому, начался съ народностей, живущихъ на западѣ, и въ направленіи къ востоку становится менѣе интенсивнымъ, захватывая только периферію.

6) Съ переходомъ къ полуосѣдлости и замѣной примитивнаго жилья болѣе развитыми типами, старыя формы не уничтожаются: онѣ приравниваются къ хозяйственнымъ нуждамъ и строятся на ряду съ болѣе сложными жилыми строениями, вслѣдствіе чего, находясь на одномъ дворѣ, является возможность прослѣдить исторію жилища въ главныхъ моментахъ его развитія. Такъ около культурной землянки богатаго киргиза, стоитъ обращенная въ жилище для рабочихъ или въ хлѣвъ болѣе первобытная землянка, на половину углубленная въ землю, безъ оконъ и съ первобытнымъ очагомъ; рядомъ съ ней кошъ для гостей и рабочихъ, и тутъ-же земляная юрта—чучела. У башкира на одномъ дворѣ около бревенчатой избы мы встрѣчаемъ одновременно и первобытный круглый шалашъ, служащій въ настоящее время кухней, и землянку, назначенную для печенія хлѣба, и низенькій срубъ съ каменкой, служащій теперь баней, и лѣтній срубъ съ крышей изъ луба, гдѣ семья башкира иногда живетъ лѣтомъ, и наконецъ тутъ-же на дворѣ, башкиръ лѣтомъ, если онъ почему-нибудь не отправляется на кочевье, раскидываетъ и свою войлочную рѣшетчатую юрту и живетъ въ ней въ теченіе жаркаго времени года.

Н. Харузинъ.

Новыя записи былинь въ Якутской области.

Наблюденія, сдѣланныя мною надъ географическимъ распространеніемъ былинь, приводятъ къ заключенію, что почти весь нашъ Олонецкій репертуаръ былинь, представленный въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, перешелъ въ Сибирь въ XVII, XVIII и XIX вв. вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ русскаго населенія на Сибирскую Украину. О существованіи эпической традиціи въ западной Сибири въ XVIII в. мы можемъ судить по знаменитому сборнику, приписываемому Киршѣ Данилову. Былины, жившія еще въ *западной* Сибири въ устахъ отдѣльныхъ сибирскихъ поселенцевъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, дошли до насъ въ записяхъ Гуляева, кн. Кострова и Г. Н. Потанина. Гораздо скуднѣе наши свѣдѣнія о существованіи былинь въ *восточной* Сибири, въ старинныхъ русскихъ казацкихъ поселеніяхъ. Нѣкоторыя данныя, позволяющія заключать, что и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ русское населеніе, занесенное судьбою на крайній сѣверъ, значительно измѣнившееся въ своемъ этнографическомъ типѣ и частью объякутившееся, все же сохранило кое-что изъ былого запаса эпическихъ пѣсенъ, появились сравнительно недавно. Въ 1890 году, Восточно-сибирскимъ отдѣломъ И. Р. Географическаго Общества былъ изданъ (въ Иркутскѣ) «Верхоянскій Сборникъ», содержащій якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ Якутской области покойнымъ этнографомъ И. А. Худяковымъ, который проживалъ (въ ссылкѣ) въ городкѣ Верхоянскѣ съ 1867 по 1875 годъ. Въ этомъ окружномъ городѣ, лежащемъ подъ 67° 34' сѣверной широты, состоящемъ изъ 2-хъ—3-хъ десятковъ деревянныхъ домишекъ и нѣсколькихъ десятковъ якутскихъ юртъ, Худяковъ нашелъ у якутовъ нѣсколько сказокъ, перешедшихъ къ нимъ отъ русскихъ поселенцевъ, нѣсколько старыхъ сказокъ у русскаго населенія,

составляющаго меньшинство даже въ городѣ, и двѣ-три эпическія пѣсни. Въ числѣ послѣднихъ оказалась довольно обширная былина о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ ¹⁾ и сильно скопканый, почти до неузнаваемости, варьянтъ былины, обыкновенно издаваемой подъ заглавіемъ «Наѣздъ Литовцевъ» ²⁾. Русскія сказки и названныя былины были записаны Худяковымъ отъ уроженца еще болѣе глухого, чѣмъ даже Верхоянскъ, русскаго поселка «Русское устье», лежащаго близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый Океанъ. Вотъ въ какой глуши, благодаря полной почти изолированности отъ всякаго культурнаго движенія, еще хранится эпическая старина! Сильно объякутившись, занимаясь рыбной ловлей и охотой и ведя одинаковый образъ жизни съ туземнымъ якутскимъ населеніемъ, русскіе колонисты не только сберегли кое-что изъ запаса родныхъ пѣсенъ и сказокъ, но передали нѣкоторые изъ послѣднихъ якутамъ на ихъ родномъ языкѣ.

Понятно, что при скудости нашихъ свѣдѣній о пѣсняхъ и сказкахъ русскаго населенія Якутской области, всякій новый взносъ въ эту темную область долженъ вызвать интересъ въ русскомъ этнографѣ. Такою любопытной новинкой являются нѣсколько пѣсенныхъ записей, доставленныхъ недавно Этнографическому Отдѣлу г. Влад. Богоразомъ, членомъ Сибиряковской экспедиціи, имѣющей цѣлью научное изслѣдованіе Якутской области. Издавая ниже изъ сборника г. Богоразы *три* былины, записанныя имъ въ Средне-Колымскѣ, считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ предисловіе, предпосланное собирателемъ присланнымъ имъ матеріаламъ (содержащимъ всего 7 пѣсенъ).

«Былины о богатыряхъ, по мѣстному *старина*, на ряду со старинными пѣснями, сказками и многими старинными словами и оборотами рѣчи, до послѣдняго времени сохранялись въ памяти русскаго населенія на р. Колымѣ. По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ, еще были живы люди, которые знали много старинъ отъ слова до слова. Дѣвки распѣвали ихъ на зимнихъ *вечоркахъ*, а парни на весеннихъ гулянкахъ во время ярмарки. Въ настоящее

¹⁾ Перепечатано въ „Былинахъ старой и новой записи“ Тихонравова и Миллера. Отд. II, № 29.

²⁾ Въ Верхоянскомъ сборникѣ эта былина носитъ названіе „Царь Елизаръ“, стр. 307—310.

время старины почти совершенно утрачены изъ народной памяти, и отъ нихъ сохранились только нѣкоторые безпорядочные отрывки. Главной причиной этого является отсутствіе особыхъ лицъ, которыя, подобно сказителямъ Олонеккаго края, специализировались бы на храненіи старинъ въ своей памяти и могли бы передавать ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Старины въ Колымскомъ краѣ составляли общее достояніе и, вообще говоря, не сказывались, а распѣвались на разнообразныя пѣсенные голоса, подобно обыкновеннымъ пѣснямъ. Но даже Колымскіе «*посказатели*», существовавшіе, по рассказамъ, въ старину, никогда не смотрѣли на храненіе старинъ, какъ на особо важное дѣло, и не заботились о передачѣ ихъ молодому поколѣнію. Помимо того оспа, неоднократно опустошавшая населеніе края, каждый разъ уносила такую значительную часть стариковъ (какъ болѣе слабыхъ и немощныхъ элементовъ), что почти прерывала преемственную связь между поколѣніями. Благодаря опустошеніямъ, производимымъ оспою, терялись не только старины, но даже многіе ремесленные навыки, существовавшіе прежде. Наконецъ новыя «*россійскія*» пѣсни самаго разнообразнаго характера, во множествѣ заносимыя на Колыму ссыльными различныхъ категорій, издавна стали вытѣснять старинную старину и, отлагаясь рядомъ послѣдовательныхъ наслоеній, разрушили и наполовину погребли плоды исконнаго народнаго творчества, принесенные первыми казаками.

Содержаніе колымскихъ пѣсенъ дѣйствительно напоминаетъ рядъ геологическихъ наслоеній. Здѣсь можно встрѣтить обрывки «*старинныя*», Скопину пѣсню начала 17 вѣка, пѣсни казачьяго и разбойничьяго цикла, пѣсню о Петрѣ Алексѣевичѣ, пѣсню времянь семилѣтней войны, пѣсню объ атаманѣ Платовѣ, старинные романсы 20, 30, и 40 годовъ, «*Прощаніе Тамары*» изъ Демона, малороссійскую думу, наполовину переведенную на мѣстное нарѣчіе, а наполовину просто исковерканную, арестантскую пѣсню новѣйшей формаціи и продуктъ фабрично-лакейскаго просвѣщенія, основаннаго на пѣсенникахъ и на заимствованіяхъ отъ господъ. Все это существуетъ большею частью въ самомъ искаженномъ видѣ, ибо слова и выраженія, непонятныя для убогихъ жителей полярнаго края, искажаются или переиначиваются на болѣе понятный ладъ. Окончаніе одной пѣсни приставляется къ другой, отрывокъ, уцѣлѣвшій въ памяти, заканчивается совершенно без-

смысленнымъ наборомъ словъ мѣстнаго производства, безъ того, чтобы поощре замѣчали какое-либо различіе между составными частями.

Прилагаемые при семь старины записаны мною отъ мѣщанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, на заимкѣ Черноусовой, въ области Нижней Колымы, и дополнены отчасти вариантами, записанными отъ другихъ лицъ. Къ сожалѣнію, даже въ такомъ дополненномъ видѣ онѣ являются лишь скомканными и упрощенными вариантами старинъ, очевидно существовавшихъ еще недавно въ гораздо болѣе полномъ видѣ.

Отмѣтимъ прежде всего въ этихъ интересныхъ замѣчаніяхъ г. Богораза о колымскихъ пѣсняхъ его наблюденіе, что такъ наз. былины носятъ у Колымцевъ то же названіе *старинъ*, подъ которымъ онѣ извѣстны въ Олонѣцкой губерніи. Это вполне подтверждаетъ высказанное мною предположеніе, что названіе *былина* не народнаго, а литературнаго происхожденія и вошло въ нашу научную терминологию не раньше 60 годовъ. Естественно, что былевья пѣсни, перешедшія вмѣстѣ съ колонистами изъ Европейской Россіи въ Сибирь, сохранили свое прежнее названіе въ новыхъ мѣстахъ. Сообщаемъ теперь «старины», записанныя г. Богоразомъ.

I.

Старина про Михайла Данильевича ¹⁾.

- Что подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
Выступаетъ подратье великое,
Что подратье ли той силы незнамыя,
Что незнамыя силы неизсчетныя:
5. Еще сорокъ царей, братцы, царевичей,
Еще сорокъ королей, королевичей;
И подъ каждымъ царемъ, подъ царевичемъ,
Подъ каждымъ королемъ, королевичемъ,
Еще по три было тмы, по три тысячи.

¹⁾ Въ рукописи г. Богораза эта былина озаглавлена такъ: „Старина про Тита Фарасонтьевича“.

10. Еще смѣтою сила ей и счета нѣтъ.
 Какъ не видно отъ силы свѣтла мѣсяца,
 Какъ не видно во силѣ красна солнышка.
 Набольшимъ Тить Фарафонтьевичъ:
 Долиной онъ Тить двадесять сажѣнь,
15. Шириною онъ Тить во три сажени,
 Голова его какъ пивной котель,
 Ноги его, какъ два ясени,
 Руки у Тита желѣзныя,
 Персты то, какъ копыя булатныя.
20. Онъ и хвалится, похваляется:
 «Стольный Кіевъ я градъ безъ щита возьму ¹⁾,
 Божіа церкви во огнѣ спалю,
 Какъ дѣвиць и вдовиць всѣхъ на блудъ спущу,
 Еще мелкую сошку повырублю,
25. Солнышка-Владимира во котлѣ сварю ²⁾,
 Душеньку Евпраксію за себя возьму ²⁾.
 Тутъ и пали, перепали перенощички,
 Перенощички пали, пересказнички.
 Принесли они вѣсти ко Владимиру,
30. Что хвалится Тить Фарафонтьевичъ:
 Стольный Кіевъ градъ онъ безъ щита возьметъ,
 Божіа церкви всѣ въ огнѣ сожжетъ,
 И дѣвиць и вдовиць всѣхъ на блудъ отдастъ,
 Мелкую сошку повырубить,
35. Князя Владимира во котлѣ сварить,
 Душеньку Евпраксію за себя возьметъ.
 Закручинился тутъ солнышко-Владимиръ князь,
 Собираетъ онъ славныхъ витязей,
 Всѣхъ святорусскихъ могучихъ богатырей:
40. „Подступаетъ рать-сила великая, —
 Кто заступитъ за вѣру христіанскую,
 Что за мать Пресвятую Богородицу?
 Большой-отъ хоронится за средняго,
 Средній хоронится за младшаго,

1) Въмѣсто обычнаго въ былинахъ выраженія: „за щитомъ возьму“.

2) Вар. Князя Тимофея въ полонъ возьму,
 Молоду его княгиню за себя возьму.

45. Отъ младшаго, братцы, и отвѣта нѣтъ.
 Тутъ стояла та скамеечка дубовая,
 На скамеечкѣ сидѣль Данила Игнатьевичъ:
 «Ахъ ты гой еси, батюшка Владимиръ князь!
 Теперь я, Данилушка, состарился,
50. А еще далече-далече во чистомъ полѣ,
 Еще далѣе того за сине море,
 Тутъ стояло то дубище кокроковище ¹⁾;
 У этого дубища одинъ отростель,—
 У меня то у Данилы есть единый сынъ,
55. Что по имени Мишенька Данильевичъ.
 Кабы былъ то мой Мишенька во пятнадцать лѣтъ,
 Заступилъ бы за вѣру христіанскую,
 А то отъ роду Мишенька двѣнадцать лѣтъ,
 Не можетъ онъ, Миша, на конѣ сидѣть,
60. Отъ вострой отъ сабли укрывается,
 Отъ востраго копья онъ пужается!..
 Ну, поклонъ отдашь, самъ и вонъ пошелъ,
 Въ монастырь пошелъ Богу молитись.
 Тутъ спироговорилъ нашъ солнышко-Владимиръ князь:
65. Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
 Вы возьмите мою карету золоченую,
 Поѣзжайте вы къ Мишенькѣ Данильевичу,
 Помалешеньку къ окошечку подѣдете,
 Со молитвою въ окошечко постукайте.
70. Вы скажите Мишѣ: «Тея князь зоветъ!
 Ужъ про что тебя зоветъ, про то не вѣдаемъ».
 Подходили ко Мишѣ со молитвою,
 Говорили Мишѣ: «Тея князь зоветъ!
 А про что тебя зоветъ, про то не вѣдаемъ!»
75. И вставаль-то мой Миша на рѣзвы ноженки,
 Надѣвалъ онъ свою шубу черныхъ соболей,
 Надѣвалъ свою шубу на одно плечо,
 Надѣвалъ онъ свою шляпу на одно ухо,
 Онъ садился во карету золоченую,
80. Пріѣзжаетъ онъ ко солнышку-Владимиру,
 Воходить онъ во свѣтлу гриденку,

¹⁾ Искажено изъ *краковистое*.

- Онъ крестъ кладеть по писанному,
 Поклонъ отдаеть по ученому,
 Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
85. А князю со княгиней по особицѣ.
 Принимали-то Мишу съ честью, съ радостью;
 Вставаль-то тутъ солнышко-Владимиръ князь,
 Подходилъ къ поставцу бѣлодубову,
 Наливаль-то онъ чару зелена вина,
90. Зелена вина чару въ полтора ведра:
 «Кто приметъ чару единойъ рукой?
 Кто выпьетъ чару на единыйъ духъ?
 Кто заступитъ за вѣру христіанскую?»
 Подходилъ-то Миша къ чарѣ зелена вина.
95. Принималъ тое чару единойъ рукой,
 Выпивалъ тоѣ чару на единыйъ духъ,
 Самъ поклонъ отдалъ да и вонъ пошелъ.
 Садился тутъ Миша на добра коня,
 Подъѣзжаетъ онъ ко кельѣ новой рубленой,
100. Постучалъ онъ въ окошко со молитвою
 Своему батюшкѣ Данилѣ Игнатьевичу:
 «Дай ты мнѣ, батюшка, благословеньице:
 Выѣзжаю во далече во чисто поле,
 Заступаю за вѣру православную!»
105. И даль ему батюшка благословеніе:
 «Ты возьми съ собойъ крѣпкку палицу,
 Котора всѣхъ полегче—въ девяносто пудъ.
 Ты поди, поди во конюшенку
 И возьми ты коня поученѣй всѣхъ!»
110. Еще даль ему наставленьице великое:
 «Ты бейся, Миша, только трое сутки,
 Со подъема солнца на закатъ солнца,
 Со заката солнца на подъемъ солнца,
 На четвертыя сутки воротись домой».
115. Воходилъ-то онъ, Миша, въ нову горенку,
 Онъ палицу бралъ потяжелѣ всѣхъ,
 Еще вѣсомъ она въ полтораста пудъ,
 Проходилъ, братцы, Миша во конюшенку,
 Онъ коня выбиралъ посердитѣй всѣхъ.

120. Воѣзжаетъ онъ во силу во невѣрную.
 Тутъ спроговорилъ Титъ Фарафонтьевичъ:
 «Что это за пташечка за малая?
 Малая пташечка перелетывать,
 Перелетывать пташечка, перепархивать».
125. Не сталь онъ, Миша, разговоръ вести,
 Зачалъ Миша битися-рубитися.
 Первый день бился день до вечера,
 Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
 Не пиваючи Миша, не ѣдаючи,
130. Со добра коня Миша не вставаючи.
 Второй день бился день до вечера,
 Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
 Не пиваючи Миша, не ѣдаючи,
 Со добра коня Миша не вставаючи.
135. Третій день бился день до вечера,
 Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
 Не пиваючи Миша, не ѣдаючи,
 Со добра коня Миша не вставаючи.
 Тутъ приходили ему бои несносные,
140. На четвертыя сутки Мишеньку поранили.
 Поворачивалъ коня онъ круто на круто,
 Поскакалъ Миша въ стольный Кіевъ градъ,
 Подѣзжаетъ Миша къ своему двору.
 Тутъ встрѣчаетъ его Данило Игнатьевичъ,
145. Сонималъ онъ Мишу со добра коня,
 Положилъ его на лавочку дубовую,
 Покрылъ его платомъ алымъ шелковымъ,
 Самъ садился Данила на добра коня,
 Взялъ онъ съ собой тяжку палицу,
150. Что въсомъ та палица въ полтретьяста пудъ,
 И выѣхалъ въ силу во невѣрную.
 Куда махнетъ, туда улица,
 Перемахнетъ—съ переулочками.
 Невѣрную силу въ корень вырубилъ,
156. Тита Фарафонтьича ко коню за хвостъ связалъ.
 Пріѣзжаетъ Данилушка къ своему двору,—
 Его Мишенька Данильевичъ представился.

- Повернулъ онъ коня отъ нова крыльца,
 Онъ поѣхалъ ко солнышку-Владимиру:
160. «А къ чему вамъ было малаго запаивати?
 А къ чему вамъ было малаго подговаривати?»
 Тутъ спроговорилъ солнышко-Владимиръ князь:
 «Ахъ ты гой еси, Данилушка Игнатьевичъ!
 А мы похороны сиравимъ княженецкія,
165. Созовемъ поповъ съ сорока церквей,
 Сорокъ перваго владыку Софійскаго,
 И честнаго отца Печережскаго;
 Отноемъ ему память вѣчную,
 Еще тризну мы сиравимъ шестодневную,
170. Нищей братьѣ на угощеніе,
 Честному міру на поминаніе!»

Приведенная былина представляетъ уже тотъ интересъ, что рассказываетъ о подвигѣ богатыря, сравнительно мало извѣстнаго современнымъ сказителямъ. О богатырѣ-двѣнадцатилѣткѣ до сихъ поръ мы имѣли только четыре былинныя записи, изъ которыхъ въ двухъ онъ, впрочемъ, носитъ имя Ивана Даниловича. Колымская старина отличается отъ всѣхъ раньше извѣстныхъ весьма существенно, какъ покажетъ дальнѣйшее сравненіе. Для большей наглядности будемъ сравнивать ее по частямъ съ прежними записями.

1. Въмѣсто обычнаго пира у князя Владимира былина отъывается описаніемъ неизсчетной силы басурманской, подступившей къ Кіеву подъ предводительствомъ какого-то исполина Тита Фарафонтьевича, посылающаго обычныя эпическія угрозы князю. Князь вызываетъ охотника заступиться за вѣру христіанскую и за мать Пресвятую Богородицу. Послѣ обычнаго хороненія, отвѣтъ князю даетъ старый богатырь Данило Игнатьевичъ, который, указывая на свою старость и на дѣтскій возрастъ своего сына Михаила, затѣмъ уходитъ въ монастырь. Князь, надѣясь на силу богатырскаго мальчика—сына Данилы, посылаетъ за нимъ, угощаетъ его чарой зелена вина и подбиваетъ ѣхать битися съ басурманскою силою...

Запись *а* ¹⁾ открывается пиромъ у Владимира въ Кіевѣ. Обычное хвастанье богатырей. Одинъ Данила Игнатьевичъ сидитъ закручивившись. Князь спрашиваетъ, почему онъ одинъ ничѣмъ не хвастаетъ. Данило говоритъ о своей преклонной старости и проситъ отпустить его въ монастырь. На вопросъ князя, кто будетъ по его уходѣ защитникомъ Кіева, Данило указываетъ на своего сына, не говоря о его возрастѣ. По удаленіи Данилы въ монастырь, невѣрный царь подступаетъ къ Кіеву съ обычными угрозами и требованіемъ поединщика. Князь вызываетъ охотника. Откликается одинъ Михайло Даниловичъ 12-ти лѣтъ и собирается ѣхать противъ басурманскаго царя...

Запись *б* ²⁾ имѣетъ почти то-же начало, съ тѣмъ отличіемъ, что вмѣсто Владимира въ Кіевѣ сидитъ царь Иванъ Васильевичъ, и что уходящій въ монастырь Данило Игнатьевичъ обѣщаетъ, что защитникомъ города будетъ его сынъ, но не теперь, такъ какъ ему только 9 лѣтъ, а тогда, когда ему минетъ двѣнадцать. Однако, какъ только по уходѣ Данилы подступили къ Кіеву орды невѣрныя, богатырскій сынъ, названный здѣсь Иваномъ, вызывается ѣхать съ ними биться, испиваетъ обычную чару и выѣзжаетъ...

Весьма плохой вариантъ *в* ³⁾ съ полуразрушеннымъ стихомъ открывается краткимъ указаніемъ, что сильный могучій богатырь (неизвѣстнаго возраста) Данило Игнатьевичъ ушелъ въ монастырь. Затѣмъ къ Кіеву приступили орды невѣрныя. Къ расплававшемуся Владимиру приходитъ двѣнадцатилѣтній Иванъ Даниловичъ и обѣщается биться съ басурманами. Все это рассказано очень кратко.

Наконецъ въ вариантѣ *д*, «Исторіи о Кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ», извѣстной въ записи XVIII вѣка ⁴⁾, рассказывается, что на пирѣ Владимира приходитъ гонецъ съ извѣстіемъ о приближеніи изъ Большой орды царя Бахмета Тавруевича съ огромною силою. Князь вызываетъ изъ богатырей охотника, который вынялъ бы изъ-подъ знамени че-

¹⁾ Изъ Онеги, Арханг. губ. см. Кирѣвскій, вып. III, стр. 41—51.

²⁾ Гильфердингъ № 192 (отъ сказителя Лисыцына).

³⁾ Изъ Симбир. губ. См. Кирѣвскій, вып. III, стр. 39—41.

⁴⁾ Р. Былины старой и новой записи, изд. Тихоуравова и Миллера. Отд. I, стр. 61—67.

ловѣка перваго, вѣдующаго думу царскую. Вызывается малолѣтній Михайло Даниловичъ. Князь указываетъ на его молодость, но Михайло рѣшается всетаки ѣхать... Объ уходѣ его отца въ монастырь былина не говоритъ, такъ что начало ея, повидному, пострадало, несмотря на давность записи.

Сопоставленіе вариантовъ указываетъ на то, что въ основной редакціи въ разсмотрѣнной части былины были: а) уходъ стараго богатыря Данилы въ монастырь, б) приступъ къ Кіеву басурманской силы подъ предводительствомъ цзя, котораго имя нельзя опредѣлить (Бахметъ, Улянице, Титъ Фарафонтьевичъ), и в) вызовъ княземъ Владимиромъ охотника биться съ басурманами, причѣмъ вызывается малолѣтвій сынъ Данилы. Колымская былина содержитъ всѣ эти факты, но а и б помѣнялись мѣстами.

Прежде, чѣмъ пойти дальше, постараемся уяснить одинъ вопросъ, отъ котораго зависить, какъ увидимъ, оцѣнка достоинства Колымской былины: оставлялъ ли, въ основной редакціи, уходящій въ монастырь старикъ Данила безусловно своимъ замѣстителемъ своего сына-малолѣтка или нѣтъ? Въ Колымской былинѣ Данила, указывая на своего сына, говоритъ:

Кабы былъ то мой Мишенька въ пятнадцать лѣтъ,
Заступилъ бы за вѣру христіанскую,
А то отъ роду Мишенькѣ двѣнадцать лѣтъ,
Не можетъ онъ Миша на конѣ сидѣть и проч.

Въ вариантѣ б (Гильфердингъ, № 192) Данила также заявляетъ, что его сынъ раньше извѣстнаго возраста, котораго онъ не достигъ, не можетъ быть защитникомъ Кіева. Но въ вариантѣ а (Арханг. губ.) Данила безъ всякаго условія оставляетъ своимъ замѣстителемъ сына Михаила, не говоря о его возрастѣ. Однако, изъ дальнѣйшаго видно, что это условіе просто позабыто сказителемъ, такъ какъ отецъ впоследствии удерживаетъ сына, пришедшаго къ нему въ монастырь за благословеніемъ, и говоритъ, что онъ потеряетъ свою буйную голову. Такъ же удерживаетъ сына старикъ отецъ въ испорченномъ вариантѣ в (Симбир. губ.) и въ «Гисторіи» XVIII в., въ которыхъ въ началѣ вовсе не упоминается о томъ, что богатырь малолѣтокъ оставленъ отцомъ своимъ замѣстителемъ. Въ послѣдней версіи, какъ мы видѣли, не сохранилось даже разказа объ уходѣ Данилы въ монастырь.

Изъ сопоставленія всѣхъ наличныхъ записей можемъ вывести, что колымскій вариантъ сохранилъ въ наибольшей чистотѣ черты первоначальной редакціи, въ которой уходящій въ монастырь отецъ объявлялъ своимъ замѣстителемъ сына только по достиженіи имъ извѣстнаго возраста (вѣроятно пятнадцать лѣтъ, года богатырскаго совершеннолѣтія).

Продолжаемъ сравненіе другой части былины. Михайлъ (въ Колымской былинѣ) вмѣстѣ съ благословеніемъ отца получаетъ отъ него палицу, коня и наставленіе, причемъ былина указываетъ на то, что по юношеской самонадѣянности сынъ вопреки словамъ отца взялъ палицу не въ 90, а въ 150 пудъ, коня самаго сердитаго, и такимъ образомъ нарушилъ наставленіе. Послѣ трехдневнаго боя Михайло получаетъ рану и скачетъ домой. Данило, положивъ тяжело раненаго на лавку, выѣзжаетъ чтобы отомстить за него, вырубаетъ всю силу басурманскую и беретъ въ плѣнъ ея предводителя. Однако, по пріѣздѣ домой, онъ не застаегъ уже сына въ живыхъ и обращается съ упреками къ князю Владимиру, который въ утѣшеніе отцу заявляетъ, что справить торжественныя похороны его богатырскому сыну.

Вторая половина во всѣхъ прочихъ 4-хъ записяхъ значительно отличается отъ Колымской, причемъ однако эти записи не согласны во многомъ и между собой.

Въ вар. а Данило говоритъ, что не спустилъ бы сына въ чистое поле:

Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ:

Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

Однако, когда сынъ отъѣхалъ, отецъ кричитъ ему вслѣдъ, чтобъ онъ подождалъ и получилъ полное благословеніе. Затѣмъ указываетъ ему, какъ достать изъ подземелья богатырскаго коня, служившаго еще дѣду Михайлову, и богатырскую сбрую (т.-е. доспѣхи). Доставъ то и другое, Михайло рубится съ басурманами. Конь предупреждаетъ его о татарскихъ подкопахъ и говоритъ, что чрезъ первые два погреба онъ перескочить, а чрезъ третій не сможетъ перескочить. Михайло не слушаетъ коня и попадаетъ въ подкопъ. «Уланове поганые» берутъ его въ плѣнъ, заковываютъ и ведутъ къ царю Уланищу. Михайло, укрѣпленный молитвой, разрываетъ путы и ослѣдью желѣзною избиваетъ

татарь. Затѣмъ къ нему прибѣгаетъ его конь, и Михайло отсѣкаетъ голову царицу Уланищу. На возвратномъ пути въ Кіевъ онъ встрѣчаетъ въ полѣ отца, который, принявъ сына за Уланища, грозилъ разсѣчь его клякою. Послѣ опознавія старецъ возвращается въ монастырь, а Михайло въ Кіевъ, гдѣ Владимиръ дивится огромной головѣ царица Уланища и заводитъ пиръ.

Въ сильно скомканномъ вар. *в* (Симбир. губ.) рассказывается кратко, что Иванъ Даниловичъ, получивъ отъ отца благословеніе, коня и сбрую богатырскую, выѣхалъ на силу басурманскую, но слетѣлъ съ разъярившагося коня, который поскакалъ къ его отцу въ монастырь. Почему богатырь упалъ съ коня не объяснено, такъ какъ эпизодъ съ подкопами позабытъ. Затѣмъ Иванъ Даниловичъ пѣшій схватываетъ татарина и, махая имъ, избиваетъ всю силу басурманскую, послѣ чего ложится отдыхать въ шатрѣ. Между тѣмъ отецъ, узнавъ по прибѣжавшему коню о несчастьѣ сына, скачетъ въ поле и сшибаетъ стрѣлой шатеръ, гдѣ и открываетъ спящаго сына. Богатыри возвращаются въ Кіевъ, гдѣ князь Владимиръ встрѣчаетъ ихъ съ мѣстными образами.

Въ вар. *б* (Гильфердингъ № 192) Иванъ Даниловичъ, не доѣзжая до силы басурманской, ложится спать въ полѣ. Утромъ конь предупреждаетъ его о трехъ подкопахъ и говоритъ, что черезъ третій не перепрыгнетъ. Иванъ Даниловичъ не слушаетъ коня и попадаетъ въ подкопъ. Связанный путинками шелковыми и желѣзами нѣмецкими, онъ разрываетъ ихъ и татарининомъ убиваетъ всю непріятельскую силу. Этимъ былина кончается, очевидно, позабывъ объ отцѣ Ивана Даниловича.

Наконецъ весьма значительно отъ всѣхъ прочихъ варіантовъ отличается запись XVIII в. былины о Михаилѣ двѣнадцатилѣткѣ. Бой Михаила съ силами Бахмета Тавруевича описанъ очень странно: сначала онъ избиваетъ трехъ сильныхъ богатырей, братьевъ братовичей -- а съ ними силы по три тысячи; затѣмъ семь князей ширскихъ, а съ ними силы по семи тысячъ, потомъ сорокъ царевичей съ ихъ силами. Басурманы просятъ у него перемирія на три дня; онъ соглашается и три дня спитъ въ шатрѣ безъ просыпу. Во время его сна непріатели изготовляютъ подкопы. Предупрежденія богатырю отъ коня нѣтъ. Михаилъ, ввалившись въ подкопъ, попадаетъ въ плѣнъ. Бахметъ предлагаетъ ему служить у себя. Михаилъ съ презрѣніемъ отказывается. Когда

его ведутъ на казнь, онъ разрываетъ желѣза и осью ордынской тельги добиваетъ послѣднюю силу. Бахметъ проситъ пощадить его и отпустить въ Золотую орду. Михаилъ даетъ ему пощадку и возвращается въ Кіевъ. Роль отца Михаила въ этой былинѣ ограничивается наставленіемъ сыну, но за то былина не кончается, какъ прочія (кромѣ Колымской), счастливымъ возвращеніемъ юнаго богатыря. По наговору, Владимиръ не повѣрилъ разсказу Михаила и засадилъ его въ погребъ. Посланный для повѣрки его разсказа Илья Муромецъ убѣдился въ справедливости его словъ. Михаила выводятъ изъ ямы, и князь хочетъ его наградить; но оскорбленный богатырь уѣзжаетъ изъ Кіева къ отцу въ монастырь съ цѣлью постричься въ монашескій чинъ.

Итакъ, изъ сопоставленія всѣхъ доселѣ извѣстныхъ записей былины о Михаилѣ двѣнадцатилѣткѣ мы видимъ, что въ двухъ вариантахъ (Арханг. и Симбирскомъ) юный богатырь, совершивъ подвигъ, встрѣчаетъ почетъ у князя Владимира въ Кіевѣ; одинъ (Гильфердинга) ничего не знаетъ о возвращеніи богатыря къ царю Ивану Васильевичу, замѣняющему Владимира; въ одномъ Михайло засаживается Владимиромъ по наговору въ погребъ и затѣмъ, выпущенный, уходитъ навсегда изъ Кіева въ монастырь; въ одномъ (Колымскомъ) также сходитъ со сцены вслѣдствіе полученной раны. Спрашивается, каковъ былъ исходъ въ первоначальной редакціи былины и какимъ являлся князь Владимиръ по отношенію къ Михайлу? Намъ кажется, что Колымская былина сохранила, вмѣстѣ съ записью XVIII вѣка, черты болѣе вѣрности основной редакціи, чѣмъ варианты Архангельскій и Симбирскій, вѣрности въ томъ отношеніи, что въ обѣихъ кн. Владимиръ играетъ не совсѣмъ красивую роль. Въ Колымской былинѣ онъ, вопреки предупрежденію Данилы, что его сынъ еще не доросъ до совершенія подвиговъ, вызываетъ Михаила къ себѣ и побуждаетъ ѣхать на басурмановъ. Поэтому, когда малолѣтній богатырь умеръ отъ раны, отецъ его упрекаетъ Владимира за опаяванье и подговариванье его сына. Въ «Гисторіи» Владимиръ засаживаетъ юнаго героя въ яму. Кончалась ли основная былина смертью Михаила, или удаленіемъ его въ монастырь, во всякомъ случаѣ юный богатырь въ ней сходилъ со сцены, и былина не исходила пиромъ, заданнымъ въ его честь княземъ. Удаленье Михаила подтверждается кіевскими легендами о Михайликѣ или

Михалкъ, разобранными акад. Веселовскимъ ¹⁾ и мною ²⁾. Вспомнишь, что по версіи этой легенды у Кулипа Михайликъ удаляется изъ Кіева въ Царь-градъ, по версіи Трусевича уѣзжаетъ изъ города неизвѣстно куда, по версіи Драгоманова за какія-то горы,—словомъ всюду роль его ограничивается однимъ подвигомъ, по совершеніи котораго онъ исчезаетъ. Такимъ образомъ нужно думать, что былина о Михалкъ перешла въ Сибирь въ редакціи болѣе близкой къ первоначальной и что современныя ея записи въ Европейской Россіи являются результатомъ болѣе поздней ея переработки. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, и заключается главный интересъ Колымской былины.

II.

Старина про Добрыню Микитъевича.

- Оставалось у Микиты все житѣ бытѣ,
 Все житѣ-бытѣ осталось имѣніе,
 Все имѣніе осталось малу дѣтищу,
 А по имени Добрынюшкѣ Микитъевичу.
5. А не бѣлая береза землѣ клонится,
 А не шелкова трава въ полѣ устилается,
 Еще клонится родной сычъ передъ матерью:
 «Еще дай ты мнѣ, матушка, благословеніе
 Идти мнѣ стрѣлять гусей-лебедей,
10. Перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ!
 Ну хоть дашь—пойду и не дашь—пойду».
 Стала ему матушка наказывать:
 — Ахъ Добрыня, ты Добрыня, ты Микитъевичъ,
 Ахъ ты дѣтище мое ты любимое!
15. Ну захватятъ тебя зори Петровскія,
 Еще тѣже солнцопеки меженныя,
 Ну захочется помыться, покупатися,

¹⁾ Южно русскія былины, I, стр. 1--9

²⁾ Былины о Саурѣ и еродныя по содержанію, въ Жур. М. Н. Пр. 1893, № 10.

- А ты плавай, Добрыня, на перву струю,
 А ты плавай, Добрынюшка, на втору струю,
20. Не доплавливай, Добрыня, на третью струю.
 Еще третья та струя быстрымъ быстра,
 Унесетъ тебя на море, море синее,
 На синее море, море Греческо,
 Донесетъ тебя ко камешку Алатыру,
25. Ко тому ли ко змѣннищу Горынищу.—
 Захватили его зори Петровскія,
 Еще тѣ же солнцопеки меженные;
 Захотѣлося помыться, покупатися.
 Плавалъ Добрыня на нерву стую,
30. Плавалъ Добрыня на втору струю,
 Со второй струи назадъ ворачивается.
 Тутъ сказали его слуги вѣрные:
 «А не честь твоя хвала молодецкая,
 «А не выслуга твоя богатырская,
35. «Не доплылъ ты, Добрыня, на третью струю».
 Доплывалъ Добрыня на третью струю.
 А третья та струя быстрымъ быстра,
 Унесла его усть моря, моря синяго,
 Того ли синя моря, моря Греческаго,
40. Донесла его ко камешку Алатыру,
 Ко тому ли ко змѣннищу Горынищу.
 Вылеталъ то тутъ змѣннище Горынище,
 Вѣютъ крылья его гумажныя,
 Звенять его хоботы желѣзные:
45. «Ахъ Добрыня, ты Добрыня, сынъ Микитьевичъ!
 Святы отцы писали, прописалися,
 И волшебники волшили, проволшилися,
 Будто мнѣ отъ Добрыни то и смерть принять,
 А теперъ ты, Добрыня, во моихъ рукахъ.
50. Еще хошь ли, Добрыня, хоботомъ схвачу?
 Еще хошь ли, Добрыня, во огнѣ спалю?
 Еще хошь ли, Добрыня, цѣликомъ сглочу?
 А гораздъ то былъ Добрыня по водѣ ходить,
 Попередъ его нырнулъ, сзади вынырнулъ,

55. Выходилъ онъ Добрыня на крутой бережокъ.
 Не случился у Добрыни его добрый конь,
 Не случилась у Добрыни сабля вострая,
 А случилась только шляпа бѣлоеломка.
 Нагрѣбалъ онъ въ тоѣ шляпу хрущата песка,
60. Еще той ли земли, земли греческой,
 Ну стрѣлялъ онъ во змѣйнища Горынища,
 Отбивалъ онъ его хоботы желѣзные,
 Обрывалъ онъ его крылья гумажныя,
 Падалъ то змѣйнице на сыру землю.
65. Ретивъ былъ Добрынюшка Микитѣевичъ,
 Подбѣжалъ онъ ко змѣйнищу Горынищу,
 Вынималъ у него онъ булатный ножъ,
 Распоролъ ему груди бѣлыя,
 Отмахнулъ ему буйну голову,
70. Разрывалъ онъ змѣйнища по мелкимъ частямъ,
 Разбросалъ на всѣ четыре на стороны.
 Пошелъ Добрынюшка по бережку;
 Плынуть мимо корабельщики:
 «Ой вы гости, вы гости, корабельщики!
75. «Увезите меня въ стольный Кіевъ градъ,
 «Довезите къ родимой моей матушкѣ!»

Приведенная *старина* посвящена одному изъ наиболѣе популярныхъ эпизодовъ эпической біографіи Добрыни, и среди многочисленныхъ вариантовъ того же сюжета не можетъ претендовать на выдающееся мѣсто. Разсказъ о боѣ Добрыни со змѣемъ Горыничемъ въ ней значительно упрощенъ и скомканъ. Въ другихъ вариантахъ это происшествіе Добрыни разсказывается иногда въ нѣсколькихъ сотняхъ стиховъ. За первой стычкой Добрыни со змѣемъ слѣдуетъ уговоръ, заключаемый между бойцами: Добрыня пощадить змѣя на условіи, чтобъ онъ не леталъ на Русь, не похищалъ православный народъ въ свои пещеры. Затѣмъ Добрыня возвращается къ матери и по пути видитъ, какъ змѣй летитъ, похитивъ княжескую племянницу Запаву Путятичну. Добрыня пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Князь возлагаетъ на него службу—добыть Запаву отъ змѣя. Добрыня ѣдетъ къ матери, которая даетъ ему наставленія, какъ биться съ змѣемъ. Далѣе слѣдуетъ по-

дробное описаніе второго боя со змѣемъ и возвращенія Добрыни съ Запавой. Колымская былина утратила большую часть этого содержанія, но все-таки сохранила нѣкоторыя, на нашъ взглядъ, интересныя черты старины. Такъ, европейскіе пересказы этого сюжета начинаются или просьбой Добрыни къ матери дать ему благословеніе на отъѣздъ, т.-е. стихами:

А не бѣлая береза къ землѣ клонится,

Клонится родной сынъ передъ матушкой и проч., или наставленіемъ матери отъѣзжающему сыну, или описаніемъ сборовъ Добрыни въ чистое поле. Объ отцѣ его Никитѣ олонекіе варианты ничего не знаютъ. Колымскій же вариантъ запомнилъ, хотя не вполнѣ, кое-что о Никитѣ: начальные стихи вѣроятно говорили прежде о его смерти, послѣ чего уже слѣдовали стихи:

Оставалось у Микиты все житье бытѣе и проч.

Любопытно, что память объ отцѣ Добрыни сохранилась только въ Сибири, въ одной обширной былинь, записанной С. Гуляевымъ въ Барнаулѣ ¹⁾. Здѣсь подробно разсказывается о выѣздѣ богатыря Никиты Романовича изъ Рязани въ Кіевъ, о его приѣздѣ къ князю Владимиру и просьбѣ, обращенной къ князю отпустить его въ монастырь:

Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!

Ты давай мнѣ попа, отца духовнова,

Давай ты игумна и пострижника,

Давай монаха и учителя—

При старости мнѣ душу спасти».

И проговорить ласковый Владимиръ князь:

«Гой еси ты, удалой добрый молодець,

Гой еси Никита, сынъ Романовичъ!

На кого ты оставляешь стольный Кіевъ градъ?

На кого оставляешь меня, князя Владимира?»

Проговорить Никита, сынъ Романовичъ:

«Я надѣюся на чадо свое милое,

На того-ли на Добрыню на Никитича».

Проговорить ласковый Владимиръ князь:

¹⁾ См. Русскія былины старой и новой записи—Тяжонравова и Миллера, т. II, № 21.

— Гой еси, Никита, сынъ Романовичъ!
 Онъ малешенекъ ишшо и глупешенекъ,
 Глупешенекъ—только трехъ годовъ.—
 Онъ даетъ ему попа, отца духовнова,
 Даетъ игумна и пострижника,
 Даетъ монаха и учителя.

Немного Никита пожилъ—переставился;
 Остается у Никиты житье-бытье,
 Остается у Никиты все богатство,
 Остается у Никиты молодая жена,
 Молода Амельфа Тимоеевна;
 Остается у Никиты чадо малое,
 Молодой Добрыня Никитъевичъ и проч.

Приведенное начало Барнаульской былины представляетъ интересъ и для обѣихъ вышерассмотрѣнныхъ колымскихъ былинь. Очевидно, въ «старинахъ» о Добрыиѣ, занесенныхъ въ XVII в. въ Сибирь, еще была какая-то память объ отцѣ Добрыни, и нѣкоторые сказители представляли его себѣ такимъ же уходящимъ въ монастырь богатыремъ, какъ Данило Игнатьевичъ. Вѣроятно послѣдній и далъ краски для изображенія отца Добрыни. Такимъ образомъ барнаульская былина съ одной стороны подтверждаетъ извѣстность въ Сибири старины о Данилѣ Игнатьевичѣ и его сынѣ, записанной г. Богоразомъ, съ другой—даетъ нѣсколько стиховъ для восстановленія колымской же старины о Добрыиѣ. Изъ другихъ подробностей послѣдней можетъ быть отмѣчено названіе синяго моря *Греческимъ* (ст. 23), названіе, кажется, не встрѣчающееся въ другихъ былинахъ. Можетъ быть въ этомъ слѣдуетъ видѣть случайно сохранившуюся черту древней редакціи. Своеобразно также окончаніе былины—просьба, обращенная Добрыней къ корабельщикамъ отвести его къ матушкѣ въ Кіеву.

III.

Старина про Алешу Поповича.

Что изъ города изъ Чернигова
 Выѣзжаетъ Алеша Поповичъ младъ;
 За Алешею Акимъ, слуга паробокъ,
 И поѣхали ко стольному они Кіеву.

5. Что во Кіевѣ бѣда тамъ случилася:
 Покорился Кіевъ Тугарину Змѣевичу,
 Поклонился Тугарину поганому.
 Садился Тугаринъ въ оголовъ стола,
 Овладалъ онъ у Владимира Евпраксію,
10. Не неволей ее взялъ, а охотою;
 Опоганилъ онъ церкви православныя,
 Осмердилъ дѣвицъ, молодыхъ вдовицъ,
 Истопталъ онъ конемъ всѣхъ малыхъ дѣтей,
 Поплѣнилъ Тугаринъ всѣхъ купцовъ, гостей...
15. Приѣзжаетъ Алеша въ стольный Кіевъ градъ,
 Воходитъ Алеша во свѣтлу гриню:
 Онъ крестъ кладетъ по ученому,
 Онъ поклонъ отдаетъ по писанному,
 Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
20. А князю со княгиней на особицѣ,
 Принимали Алешеньку съ честью радостью.
 Тутъ спроговорилъ солнышко Владимиръ князь:
 «Ахъ Алешенька, Алеша, ты Поповичъ младъ!
 Первое тебѣ мѣстице переднее,
25. А второе тебѣ мѣстице подлѣ меня,
 А третье мѣсто, гдѣ вы хочете».
 Говоритъ тутъ Алешенька Поповичъ младъ:
 — Мое мѣстице за печкою!—
 Собираются къ столу хлѣба кушати,
30. И приходитъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
 И садится Тугаринъ въ оголовъ стола,
 А по право то княгиня Евпраксія,
 А по лѣво то Владимиръ красно солнышко.
 Поднесли ему лебедь бѣлую,
35. Онъ хватилъ ее, цѣликомъ сглотилъ.
 Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
 «Ахъ Якимъ, ты Якимъ, слуга паробокъ!
 Какъ у нашего попа, свѣта батюшки,
 У Семена у свѣта, у Ростовскаго,
40. Была то собака обжорчивая:

- По сметьямъ ¹⁾ собака волочилась,
 Костью собака подавилася,
 Отъ того ей смерть случилася.
 Тугарину Змѣвичу ту же смерть принять».
45. Принесли тутъ кашицу ведерную,
 Тугаринъ схватилъ, сразу выхлебнулъ.
 Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:
 «Ахъ Якимъ, ты Якимъ, слуга паробокъ,
 Ты помнишь ли, Акимъ, помятуешь,
50. Какъ у нашего попа батюшки,
 Какъ у Семена свѣта Ростовскаго
 Была корова обжорчивая.
 Она кашей бардой охлебалася,
 Отъ того то и смерть ей случилася.
55. Тугарину Змѣвичу ту же смерть принять».
 Тугарину эти рѣчи не влюбилися,
 Вынималъ онъ ножице-чингалище,
 Стрѣлялъ онъ Алешѣ во бѣлы груди.
 Не допустилъ тутъ Акимъ слуга паробокъ,
60. На полетѣ поймалъ онъ кинжалище:
 «Ахъ хозяйнѣ, ты хозяйнѣ, ты мой ласковый!
 Какъ дары эти мнѣ прикажешь ты
 Иль назадъ отдарить, иль себѣ сохранить?»
 — Не стрѣлай ты во Тугарина Змѣвича,
65. Не скверни ты палаты княженецкія
 Его кровію собачьею!
 Заутра я съ нимъ собакой перевѣдаюсь,
 Перевѣдаюсь съ Тугариномъ во чистомъ полѣ!—
 На зарѣ утромъ ранешенько
70. Приѣзжаетъ Алеша Поповичъ младъ.
 «Ты спишь ли, Тугаринъ, или такъ лежишь?
 Не докуда тебѣ спать, пора въ поле выѣзжать!»
 Вылетаетъ Тугаринъ изъ нова терема,
 Вылетаетъ изъ княгининой изъ спаленки.
75. Изъ того ли изъ окошка изъ косящата.
 Вѣютъ крылья его гумажныя,

¹⁾ Соръ, пыль и все, что вылетаетъ изъ избы.

- Звонять его хоботы желѣзные,
 Изъ ноздрей его какъ бы дымъ валить,
 Изъ рта его какъ огонь палить.
80. Налетѣлъ онъ на Алешеньку Поповича:
 «А-ха-ха, братцы, хо-хо, расхохонюшка!
 Святы отцы писали, прописалися,
 И волшебницы большіе ¹⁾ проволшилися,
 Будто мнѣ отъ Алешеньки я смерть принять.
85. А теперь Алеша во моихъ рукахъ;
 Что хочу надъ Алешей, то и сдѣлаю!»
 Тутъ взмолился Алешенька Поповичъ младъ:
 «Ахъ ты Мать Пресвятая Богородица!
 Ты нашли, нашли тучу грозную,
90. Тучу грозную со крупнымъ дождемъ!»
 Не откуль то взялась туча грозная,
 Туча грозная со крупнымъ дождемъ,
 Подмочила Тугарину крылья гумажныя,
95. Тутъ хваталь то Алеша саблю вострую,
 Срубиль онъ Тугарину буйну голову,
 Распоролъ онъ ему бѣлу грудь,
 Вынималь его ретиво сердце,
 Буйну голову поставиль на востро копьѣ,
100. Натыкаль его сердце на кинжалище,
 И поѣхаль назадъ въ стольный Кіевъ градъ,
 И поѣхаль ко княжому онъ терему.
 На крыльцѣ тутъ стоялъ Акимъ парубокъ:
105. «Еще знатно молодца по поѣздочкѣ!» —
 Ъдетъ то Алеша Поповичъ младъ
 И везетъ онъ голову Тугарина,
 Везетъ его голову на остромъ копьѣ!»
 Говорить тутъ княгиня Евпраксія:
110. «Еще знатно сокола по полеточкѣ!
 Что летить то Тугаринъ Змѣевичъ младъ
 И несетъ онъ голову Алешину
 И несетъ его голову на востромъ копьѣ» .
 Подъѣзжаетъ тутъ Алеша Поповичъ младъ,

¹⁾ Читай: волшьяи. Примѣч. г. Богораза.

115. Бросилъ голову объ сыру землю.

Говорить княгиня Евпраксія:

«Еще то, братцы, бывать—и свинья гуся съѣдать!»

Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:

«Ахъ кабы ты не княгиня была Евпраксія,

120. Я назвалъ бы тебя сукой б. . . . волочажною:

Волочилася ты подь Тугариномъ Змѣвичемъ!»

Прежде всего по поводу приведенной былины считаю нужнымъ отмѣтить интересный фактъ въ исторіи распространенія былинныхъ сюжетовъ: Алеша Поповичъ, какъ могучій богатырь, побѣдитель Тугарина Змѣвича, болѣе извѣстенъ въ Сибирскихъ, чѣмъ въ Олонецкихъ былинахъ. Бой Алеши съ Тугариномъ въ такомъ полномъ пересказѣ, какой представляетъ колымская былина и другія сибирскія, о которыхъ скажемъ ниже, не былъ отмѣченъ въ репертуарѣ лучшихъ олонецкихъ сказителей: Рябинина, Калинина, Шеголенка, Касьянова, Романова, Сорокина и др., хотя другія былины о томъ-же богатырѣ, въ которыхъ роль его представляется очень некрасивой, оказались хорошо извѣстными въ очагѣ нашей живой эпической традиціи. Изъ Олонецкихъ сказителей, извѣстныхъ Рыбникову и Гильфердингу, кое-что о боѣ Алеши съ Тугариномъ помнили только Чуковъ (Бутылка¹⁾ и Іевлевъ²). Но достаточно просмотрѣть эти краткія и крайне скомканныя былины, чтобъ убѣдиться, какъ слаба память объ Алешѣ змѣборцѣ въ Олонецкой губерніи. вмѣсто извѣстнаго сибирскимъ записямъ выѣзда Алеши съ его слугой Екимомъ (Акимомъ) въ Кіевъ, Бутылка началъ свою былину разговоромъ о томъ, что князь Владимиръ зазвалъ къ себѣ на пиръ объявившагося въ Кіевѣ Тугарина, который обжирался на пиру. Алеша иронизируетъ надъ объѣдалой и опивалой. Тугаринъ пускаетъ въ Алешу ножомъ, который на лету подхватываетъ его паробокъ Акимъ и спрашиваетъ Алешу:

«Ахъ же ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!

«Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь

«Съ Тугариномъ супротивиться?»

¹⁾ См. Рыбниковъ, III, № 21.

²⁾ Гильфердингъ, № 99.

Говориль Алешенька Левонтьевичъ:

— Не куда уйдетъ гагара безногая.—

Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.

Ко тому же времени на другой день

Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,

Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,

И убилъ Тугарина Змѣевича.

Этимъ былина кончается: сказитель не помнилъ никакихъ деталей боя и роли Опраксы, которая даже не упоминается. Въмѣсто обычнаго для олонецкихъ сказителей обширнаго объема былина сведена къ 50 стихамъ, а между тѣмъ отъ того же сказителя Рыбниковымъ (и другими) было записано нѣсколько пространныхъ и цѣнныхъ былинь другихъ сюжетовъ.

Былина Левлева (такого же размѣра, какъ предшествующая) начинается прямо съ встрѣчи Алеши съ Тугариномъ невѣрнымъ на полѣ. Алеша ѣдетъ, а Тугаринъ летитъ подъ облакомъ. Алеша молится о дождѣ. По его моленію омочило у Тугарина бумажныя крылья, онъ палъ на землю и послѣ короткаго боя убить Алешей, который отрѣзалъ ему затѣмъ голову. Привязавъ голову къ стремени, онъ, подѣвжая къ Кіеву, кричитъ какимъ то бабамъ портомойницамъ:

«Ай же вы бабы портомойницы!

«Я привезъ-то вамъ буцѣще со чиста поля,—

«Вы хоть платье мойте, а хоть зду варите,

«Хоть всѣмъ городомъ с . . . ходите».

О помощникѣ Алеши Екимѣ и объ отношеніи Опраксы къ Тугарину былина не помнитъ. Тугаринъ даже не представленъ въ Кіевѣ на пиру у князя Владимира.

Если отъ олонецкихъ былинь мы перейдемъ къ сибирскимъ о томъ же сюжетѣ, то немедленно увидимъ, что опѣ даютъ, въ 5-ти, извѣстныхъ намъ записяхъ, возможность довольно детально возстановить первоначальную редакцію этой полузабытой въ Европейской Россіи былины. Кромѣ давно извѣстной былины Кирши Данилова (№ 19), за послѣдніа десятилѣтія появились въ печати 3 сибирскія записи: С. И. Гулева (Сузунскій заводъ), И. А. Худякова (Верхоянскій округъ, Якутской области) и Г. П. Потанина (Бухтарма

въ юго-западной части, Томской губ.) ¹⁾ Ближе всего къ колымской подходит былина, записанная также въ Якутской области въ Верхоянскомъ округѣ въ сел. *Русское устье*, лежащемъ близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ. Это до сихъ поръ единственная былина, записанная (еще въ 60-хъ годахъ) покойнымъ Худяковымъ въ этихъ поселеніяхъ на крайнихъ предѣлахъ сѣвера Сибири. Замѣтимъ, что и г. Богоразъ въ концѣ своего предисловія къ присланнымъ имъ пѣснямъ упоминаетъ о существованіи былинъ въ этихъ поселеніяхъ: «Сколько мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, обрывки старинъ и остатки старинныхъ пѣсень поются также на *Русскомъ устьѣ* (устье р. Индигирки), въ Анадырскѣ и въ другихъ старинныхъ казачьихъ поселеніяхъ полярныхъ окраинъ восточной Сибири».

Якутская былина Худякова подробнѣ сохранила начало, чѣмъ колымская. Въ ней, какъ у Кириши Данилова и Гуляева, выѣзжающіе богатыри Алеша и Екимъ встрѣчаютъ камень съ надписью о трехъ дорогахъ и рѣшаютъ ѣхать къ князю Владимиру. Но за то былина уже не помнитъ о городѣ Кіевѣ, и неизвѣстно, гдѣ пребываетъ упоминаемый въ ней солнышко Владимиръ. Въ дальнѣйшемъ колымская осталась вѣрнѣ основной редакціи. Худяковская забыла и собственное имя Владимировой жены. Затѣмъ бой Алеши съ Тугариномъ рассказанъ въ ней довольно близко къ колымскому варианту, но послѣдній живописнѣ въ подробностяхъ. Въ окончаніи больше различій: въ колымской Алеша на негодующія слова Евпраксіи («Еще то, братцы, бываетъ—и свинья гуся съѣдаты!») обзываетъ ее грубыми словами; въ Худяковской онъ ругаетъ не только Владимирову жену, но и его самого. Когда пріѣхавшему съ головой Тугарина Владимиръ предлагаетъ 3 мѣста на выборъ, богатырь на любезность отвѣчаетъ грубостью:

«Какъ былъ бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвалъ тебя я бы прямо сводникомъ,
Какъ бы не тетюшка была бы, назвалъ курвой б...ю!»

Вариантъ, записанный въ Томской губерніи на Сузунскомъ заводѣ Гуляевымъ, также нѣсколько подробнѣ въ началѣ, чѣмъ

¹⁾ См. Русскія былины старой и новой записи. Отд. II, № 29, 30 и прилож. стр. 282 и слѣд.

колымскій. Выѣздъ Алеши съ Екимомъ, выборъ дороги, пріѣздъ въ Кіевъ къ князю Владимиру, приемъ оказанный богатырямъ, предложеніе мѣста на выборъ—все это рассказано довольно странно. Далѣе встрѣчается эпизодъ, отсутствующій въ другихъ сибирскихъ записяхъ, кромѣ прозаическаго пересказа г. Потанина, слышавшаго былинѹ въ предѣлахъ той же губерніи. Получивъ позволеніе сѣсть куда хотятъ, Екимъ говоритъ Алешѣ:

— Няси-го ты, Алешенька Поповичъ младъ,
 То ковришко волокитное.—
 Ковришку Владимиръ князь удѣвился:
 «Хорошо-де ваше ковришко волокитное».
 Краснымъ золотомъ оно было вышивано,
 Въ углахъ то было вшивано
 По дорогу камню самопѣтному:
 Отъ его отъ пацыря (?) какъ лучъ стоитъ,
 Какъ лучъ стоитъ отъ красна солнышка.
 «Стели ко его за пешной за столъ».
 И садятся они съ Екимомъ за пешной за столъ ¹⁾.

Сохранивъ въ этомъ эпизодѣ, повидимому, деталь, принадлежавшую основной редакціи, гуляевскій вариантъ далѣе спуталъ роль Екима и Алеши, т.-е. заставилъ ихъ помѣняться ролями. Екимъ трунить надъ Тугариномъ, вызываетъ его на бой, приказываетъ Алешѣ бѣжать къ нему на выручку, если не вернется съ боя черезъ два часа. Бой описанъ обычными чертами. Но когда Екимъ срубилъ Тугарину голову, прошло два часа, и Алеша, согласно приказа, явился на выручку. Не признавъ Екима второпяхъ,

Сбѣгался онъ съ Екимомъ на встрѣчу
 И билъ его палицей боевой
 И сшибъ со добра коня,
 Протыкаль ему грудь бѣлюю
 Копьемъ мурзомецкимъ,
 И угодилъ въ крестъ чувственный.
 Соскочилъ Алеша со добра коня,
 Бралъ его на руки бѣлыя,
 Садилъ въ сѣдло черкатское.

¹⁾ Р. был. старой и новой записи, II, стр. 95.

Затѣмъ богатыри ѣдутъ въ Кіевъ и отказываются отъ хлѣбосошества Владимира, говоря ему:

«На прїѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ не учествовати».

Укоровъ Опраксѣ вѣтъ, потому что былина не упоминаетъ объ ея отношеніяхъ къ Тугарину. Не зная Опраксы и спутывая роль Екима и Алеши, гуляевскій вариантъ, не смотря на большую полноту въ началѣ, значительно по достоинству уступаетъ колымскому.

Сличеніе всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше записей даетъ намъ возможность разъяснить ту нутаницу, которую представляетъ всѣмъ давно извѣстная обширная былина Кириши Данилова съ ея двойнымъ боемъ Алеши съ Тугариномъ. Разсмотримъ ея содержаніе, отмѣчая какимъ процессомъ складывались ея части.

Открывается она выѣздомъ могучихъ богатырей Алеши Поповича и Екима Ивановича изъ *Ростова*, сохранивъ въ указаніи города ченту глубокой старины, утраченную или искаженную прочими записями. Ростовское происхожденіе Алеши, точнѣе Александра Поповича, можетъ считаться вполне доказаннымъ. Богатыри встрѣчаютъ камень съ надписью о трехъ дорогахъ и рѣшаютъ ѣхать въ Кіевъ. Не доѣхавъ до Сафать рѣки, богатыри ночуютъ въ шатрѣ. Утромъ имъ встрѣчается калика въ обычной роскошной одеждѣ и заявляетъ, что видѣлъ Тугарина Эмѣвича:

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ, какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ валить.—

Алеша мѣняется съ каликой одеждой, беретъ съ собой его шелепугу въ 50 пудовъ и наѣзжаетъ на Тугарина. Тотъ спрашиваетъ, принимая его за калику, не видалъ ли онъ Алешу, и грозитъ при встрѣчѣ Алешу копьемъ заколотъ и огнемъ спалить. Переодѣтый Алеша, прикидываясь тугимъ на ухо, говоритъ ему подѣхать поближе и ударомъ шелепуги сшибаетъ его съ коня, затѣмъ срубаетъ ему голову и, надѣвъ на себя его платье, ѣдетъ обратно къ шатру, гдѣ его ждали Екимъ и калика. Последніе, не признавъ его, испугавшись, поскакали къ Ростову; но когда

Алеша сталь ихъ нагонять, Екимъ, обернувшись, такъ сильно ударилъ тридцатипудовой палицей Алешу въ грудь, что тотъ замертво упалъ съ коня. Принявшись пороть ему груди бѣлыя, Екимъ призналъ Алешу и привелъ его въ чувство. Затѣмъ Алеша переодѣвается въ свое богатырское платье, и оба ѣдутъ въ Кіевъ къ князю Владимиру.

Всѣ несообразности этого эпизода, а ихъ немало, объясняются тѣмъ, что сказитель внесъ въ былинѹ черты изъ другого сюжета, боя Ильи съ Идолищемъ, назвавъ Идолище Тугариномъ. Въ описаніи послѣдняго сквозятъ обычныя чудовищныя черты Идолица и нѣтъ тѣхъ бумажныхъ крыльевъ, съ которыми изображается Тугаринъ. Встрѣча съ каликой, какъ извѣстно, и переодѣваніе всегда предшествуютъ бою Ильи съ Идолищемъ, причемъ переодѣваніе въ послѣднемъ сюжетѣ имѣетъ свое основаніе, котораго нѣтъ въ разсматриваемой былинѣ. Вообще переодѣванье, почему-то, полюбилось ея слагателю-сказителю и введено три раза, хотя только въ одномъ случаѣ оно пригодно для объясненія ошибки Екима, едва не убившаго Алешу. Послѣдній эпизодъ, очевидно, передвинуть сюда изъ окончанія былины, какъ видно изъ вышерассмотрѣннаго варианта Гуляева и прозаическаго пересказа Потанина ¹⁾.

Разсказавъ отъ 35—155 стиха походженіе Алеши съ Тугариномъ, замѣнившимъ Идолице, былина описываетъ пріѣздъ Алеши съ Екимомъ въ Кіевъ и ласковый пріемъ, оказанный имъ Владимиромъ. Появленіе на пиру Тугарина и его обжорство изображены въ тѣхъ же чертахъ, какъ въ другихъ вариантахъ, также какъ шутки надъ нимъ Алеши. Но любовныя отношенія княгини къ Тугарину сильнѣе подчеркнуты. Когда она рушала лебедь бѣлую, то обрѣзала себѣ руку лѣвую и сказала:

Гой вы еси, княгини-боярини!
 Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
 Либо смотрѣть на милъ животъ,
 На молода Тугарина Змѣевича.

Эта деталь, какъ указано акад. А. Н. Веселовскимъ, внесена въ былинѹ изъ іудейскаго апокрифа о женѣ Пентефрія, влюблен-

¹⁾ Р. былины старой и новой записи, отд. II, прилож. стр. 283.

ной въ Іосифа. Трудно сказать, была ли она въ основной редакціи былины, но другая деталь, которую сейчасъ приведемъ, представляется несомнѣннымъ вторженіемъ изъ другихъ былинныхъ сюжетовъ. Алеша говоритъ о Тугаринѣ:

„Заутра я съ нимъ перевѣдаюсь;
 „Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
 „Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 „А бьюсь о своей буйной головѣ“.
 Втопоры князи и бояра
 Скочили на рѣзвы ноги,
 И всѣ за Тугарина поруки держать,
 Князи кладутъ по сту рублевъ,
 Бояра по пятидесяти, крестьяне по пяти рублевъ;
 Тутъ же случилися гости купеческіе,—
 Три корабля свои подписываютъ
 Подъ Тугарина Змѣевича,
 Всяки товары заморскіе,
 Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
 А за Алѣшу подписывалъ владыка черниговскій.

Не говоря уже о томъ, что такого заклада Алеша съ Тугариномъ нѣтъ въ остальныхъ намъ извѣстныхъ вариантахъ былины, онъ представляется очевидной несообразностью. Оказывается, что всѣ присутствующіе на пиру—князь, бояре, купцы—на сторонѣ чужого насильника, любовника ихъ вягини, а не на сторонѣ русскаго богатыря, за котораго ручается только владыка черниговскій. Несообразность пари передъ смертнымъ боемъ объясняется тѣмъ, что этотъ эпизодъ нектати попалъ сюда изъ другихъ сюжетовъ, гдѣ онъ умѣстенъ. Въ томъ же сборникѣ Кирши Данилова находимъ въ былинѣ объ Иванѣ Гостинюмъ (№ 7) такое же пари, но органически, а не эпизодически, входящее въ сюжетъ. Собственникъ богатырскаго коня Иванъ Гостиный на пиру у князя бьется съ нимъ объ закладъ „не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ“, что перескачетъ всѣхъ княжескихъ коней. И какъ въ былинѣ объ Алешѣ, такъ и здѣсь,—

За князя Владимира держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояре, туто-де гости корабельщики,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;

А никто-де тутъ за Ивана поруки не держать,—
 Пригодился тутъ владыка черниговскій,
 А и онъ-то за Ивана поруку держать,
 Тъ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.

Здѣсь закладъ доведенъ до конца, ибо, когда конь Ивана разогналъ коней княжескихъ, и князь объявляетъ пари недѣйствительнымъ, владыка велитъ захватить поставленные въ закладъ за Владимира корабли съ заморскими товарами. Въ былинѣ же объ Алешѣ сказитель ничего не сдѣлалъ изъ этого пари и, вѣроятно, какъ и мы, не представлялъ себѣ ясно, съ кого получили бы или кому отдали бы его участники деньги и корабли при томъ или другомъ исходѣ боя. Заимствуя указанный эпизодъ, вѣроятно, изъ былины объ Иванѣ Гостиномъ (или изъ какой-либо редакціи былины о Дюкѣ и Чурилѣ), сказитель такъ же мало затруднился его несоотвѣтствіемъ, какъ и тѣмъ, что только что окончательно убитый и лишенный головы Тугаринъ снова появляется въ Кіевѣ на пиру Владимира безъ всякихъ объясненій этого воскрешенія.

Въ дальнѣйшемъ былина Кирши Данилова описываетъ бой Алеши съ Тугариномъ въ обычныхъ чертахъ: по молитвѣ Алеши дождь подмочилъ крылья Тугарину, и онъ спустился на землю. Повторяются угрозы Тугарина Алешу конемъ стоптать, огнемъ спалить или кошемъ заколотъ. Но Алеша здѣсь прибѣгаетъ къ хитрости:

Говорилъ ему Алѣша Поповичъ младъ:
 „Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
 Бился ты со мною о великъ закладъ,
 Биться, драться единъ на единъ,
 А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
 На меня Алѣшу Поповича“.
 Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
 Втопоры Алѣша подскочилъ, ему голову срубилъ,—
 И пала глава на сыру землю, какъ пивной котельъ.

Эта деталь, нашедшая себѣ объясненіе въ книжномъ сказаніи о боѣ Александра съ Поромъ (попавшемъ давно на лубокъ) ¹⁾,

¹⁾ См. у Ровинскаго—Русскія народныя картинки. Ср. замѣтку В. Калаша въ Этнографич. Обзорѣніи, выига V, стр. 254.

повторяется въ якутскомъ вариантѣ Худякова¹⁾ и, вѣроятно, принадлежитъ основной редакціи былины.

По прїѣздѣ въ Кіевъ съ головой Тугарина, Владимиръ чувствуетъ Алешу и приглашаетъ его остаться въ Кіевѣ. Княгиня же, какъ въ другихъ вариантахъ, выражаетъ свое негодованіе за то, что онъ разлучилъ ее съ милымъ другомъ. На это Алеша отвѣчаетъ ей почти тѣми же словами, какъ въ колымской и якутской былинѣ, что свидѣтельствуетъ объ устойчивости традиціи въ исходныхъ словахъ этихъ записей:

„А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксѣвна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою“.

Такимъ образомъ, рассмотрѣвъ былину Кирши Данилова въ связи съ другими сибирскими записями того же сюжета, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ она превосходитъ другія и въ чемъ она уступаетъ имъ. Ея слагатель-сказитель крайне неуклюже распространилъ основной рассказъ, введя въ него, какъ эпизодъ, бой богатыря съ идолицемъ, переименовавъ это чудище Тугариномъ, и даже не счелъ нужнымъ объяснить двойное появленіе Тугарина. Онъ внесъ въ рассказъ некстати нѣкоторыя детали изъ другихъ сюжетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и нѣкоторыя черты старины, утраченныя или переименованныя другими вариантами: выѣздъ Алеши изъ Ростова, ошибку Екима (хотя, впрочемъ, перенесенную на другое мѣсто), отношенія Евпраксіи къ Тугарину, хитрость Алеши во время боя съ нимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ деталей старинной былины мы нашли въ довольно сохранномъ видѣ и въ колымской записи г. Богораза, что и составляетъ главный интересъ этого отголоска нашего эпоса, прозвучавшаго намъ съ отдаленной сибирской украинны.

Въ противоположность Европейской Россіи, почти развѣнчавшей древняго ростовскаго богатыря, сведя его къ роли „бабьяго пересмѣшника и судейскаго прелестника“, сибирская украинна еще твердо помнитъ Алешу, какъ могучаго богатыря, осилившаго чудовищнаго Тугарина Змѣевича, „мила друга“ сластолюбивой княгини Евпраксіи. Какъ объяснить такое нравственное паденіе Але-

¹⁾ Русскія былины старой и новой записи, Отд. II, № 29, стр. 100.

ши, происшедшее, повидимому, весьма поздно, такъ какъ оно не проникло въ сибирскія украинны — это вопросъ, который можетъ стать темой другого изслѣдованія.

Консерватизмъ сибирскаго эпоса, какъ мы уже указали, за свидѣтельствованъ и тѣмъ, что сибирскіе давніе поселенцы сохранили то же названіе для богатырскихъ пѣсенъ („старина“), которое до сихъ поръ живетъ въ Олонецкой губерніи. Помимо свидѣтельства г. Богораза, то же подтверждаютъ „Древнія русскія стихотворенія“ Кириши Данилова заключительными словами многихъ былинь: „То старина, то и дѣянье“ ¹⁾, или „Тѣмъ старина и кончилась“ ²⁾. Итакъ слѣдуетъ думать, что народное названіе для такъ называемыхъ былинь и историческихъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ XVII в., было „старина“. Но, считая это названіе народнымъ и стариннымъ, Е. В. Барсовъ утверждаетъ, что на ряду съ нимъ было употребительно въ старину и другое — „богатырскія слова“ ³⁾. Это убѣжденіе онъ выводитъ изъ заключительной строки изданнаго имъ по рукописи (вѣроятно) XVII в. варианта сказанія о семи русскихъ богатыряхъ. По поводу утвержденія г. Барсова позволю себѣ высказать слѣдующее сомнѣніе.

Памятникъ, изъ котораго г. Барсовъ извлекаетъ старинное названіе „богатырское слово“, извѣстенъ въ двухъ спискахъ, Буслаевскомъ (нач. XVIII в.) и Барсовскомъ, и въ обоихъ носитъ обычное названіе „Сказаніе“. У Буслаева: „Сказаніе о семи русскихъ бѣгатыряхъ“, у Барсова: „Сказаніе о кѣвевски^х богатырѣхъ какъ ходи^{ли} во црѣгра^х и ка^к побили цреградки^х богатырѣ^х зчин^и себѣ чѣ^х“. Мы не станемъ сравнивать обоихъ вариантовъ, такъ какъ это уже сдѣлано въ изслѣдованіи акад. Веселовскаго. Замѣтимъ только, что Барсовскій вариантъ болѣе полонъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и лучше сохранилъ метрическій складъ, но не умаляетъ интереса и Буслаевского списка, который, какъ нерѣдко бываетъ даже съ посредственными вариантами народныхъ произведеній, сохранилъ нѣкоторыя черты въ большей отчетливости. Обратимъ вниманіе только на окончаніе того и другого

1) См. № 3, 10, 19, 22, 23, 24, 27, 47.

2) № 12, 25.

3) См. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ живаго дружинной Руси, т. III, лексикология „Слова“, стр. 62.

списка, такъ какъ въ данномъ случаѣ оно намъ только и нужно. Въ обоихъ спискахъ разсказывается, что по совершеііи подвиговъ въ Царьградѣ, русскіе богатыри привезли съ собою въ Кіевъ на показанье Владимиру взятаго въ плѣнъ Тугарина Зміевича, но съ тѣмъ, чтобы отпустить его обратно въ Царьградъ, такъ какъ богатыри клятвенно обѣщали это царицѣ Еленѣ. И вотъ, съ согласія князя Владимира, „били ему челомъ богатыри (читаемъ у г. Барсова), взяли молода Тугарина Зміевича и всклали на себя всю збрую богатырскую, поѣхали во чисто поле; и какъ будутъ на рубежѣ, отпускаютъ во Царьградъ молода Тугарина и учили заклинать, чтобъ имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку, да отпустили съ радостію великою и простилися, и сами поѣхали въ чисто поле, богатырское слово во вѣки. Аминь“.

Здѣсь не совсѣмъ понятны слова: и учили (т.-е. богатыри) заклинать, чтобъ имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку. Подъ „имъ“, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть царьградскихъ богатырей, грозившихъ пріѣхать на Русь, а не русскихъ, хотя по неловкости выраженія синтаксически подъ имъ слѣдовало бы разумѣть именно послѣднихъ. Въ буслаевской записи этой неудобной фразы нѣтъ, и русскіе богатыри на рубежѣ говорятъ нѣчто болѣе сложное и умѣстное:

„Отпущаютъ же Тугарина Зміевича съ добрымъ конемъ и съ своею сбруею ратною и провожаютъ его до Царьграда до рубежа и отпустили его во Царьградъ. И зговарятъ ему богатыри таково слово: „Скажи ты, Тугаринъ Зміевичъ, государынѣ благовѣрной царицѣ Еленѣ: еще есмь въ правдѣ устояли и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена. И поѣхали богатыри назадъ въ Кіевъ градъ ко князю Владимиру кіевскому и стали славно жить во градѣ Кіевѣ, и ихъ храбрости слава не минуетца“. Сравненіе обоихъ окончаній говоритъ не въ пользу Барсовскаго варианта. Слова богатырей въ буслаевскомъ лучше мотивированы, умѣстнѣе, да и сами богатыри затѣмъ ѣдутъ служить Владимиру въ Кіевъ, гдѣ они раньше были, а не въ чистое поле, куда выѣзжаютъ для какихъ-нибудь подвиговъ. И вотъ въ соотвѣтствіи съ заключеніемъ барсовскаго варианта: „богатырское слово во вѣки“, въ буслаевскомъ читаемъ: „и ихъ храбрости слава не минуетца“. Это заключеніе можетъ считаться почти стереотипнымъ. Мы находимъ его въ нѣкоторыхъ старинныхъ запи-

сяхъ былинъ XVII и XVIII вѣковъ; наприм., въ обоихъ вариантахъ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ и Алешѣ Поповичѣ (Рукоп. Тихонравова, № 361 и 399) читается: „слава ихъ идетъ до вѣну. Аминь“ ¹⁾; то же въ повѣсти о сильномъ, могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ по списку XVII в. И. Публичн. библиотеки ²⁾: „тѣжь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка. Аминь“. Окончаніе со славой обычно и въ современныхъ олонечкихъ былинахъ, варьируясь на разные лады, напримѣръ: „имъ славу поють да вѣки до вѣку“ ³⁾; „туть же Ильѣ да славу поють“ ⁴⁾, „да туть Святогору да богатырю славу поемъ“ ⁵⁾, „да туть ли старинушки славу поемъ“ ⁶⁾ и т. п.

Въ противоположность буслаевскому варианту, въ барсовскомъ сказаніи о семи богатыряхъ мы находимъ заключительныя слова, не встрѣчающіяся ни въ рукописныхъ старинныхъ записяхъ былинъ, ни въ современныхъ, и невольно является сомнѣніе, не представляютъ ли они искаженіе болѣе обычного исхода, т.-е. не передѣланы ли слова: „богатырское слово во вѣки. Аминь“, изъ словъ: богатырская слава во вѣки. Аминь. Не сомнѣваясь въ палеографической опытности издателя, мы не думаемъ, чтобы г. Барсовъ могъ ошибиться въ прочтеніи этого мѣста текста ⁷⁾. Но полагаемъ, что ошибка стоитъ въ текстѣ и была внесена въ него какимъ-нибудь изъ переписчиковъ, смѣшавшихъ буквы о и а (слово и слава), которыя нерѣдко довольно сходны по начертанію въ позднихъ рукописяхъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи сомнительнаго исхода только одной старинной былинной записи едва ли можно утверждать, вмѣстѣ съ г. Барсовымъ, что былины встарину назывались „Богатырскими словами“, и едва ли онъ правъ, считая терминъ „Богатырское слово“ заглавіемъ, несмотря на то, что онъ помѣщенъ на необычномъ мѣстѣ—въ концѣ произведенія—и что

1) Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 46 и 39.

2) Тамъ же. Отд. I, стр. 4.

3) Гильердингъ, столб. 511.

4) Тамъ же, столб. 24. Срав. столбцы 627 и 634.

5) Тамъ же, столб. 646.

6) Тамъ же, столб. 662.

7) Къ сожалѣнію, подлинная рукопись, хранящаяся у г. Барсова, пока недоступна для изслѣдованія.

оно уже имѣетъ на надлежащемъ мѣстѣ обычное для XVII в. заглавіе: „Сказаніе“.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, вызванныхъ новыми записями былинь въ Якутской области, считаю пріятнымъ долгомъ выразить отъ имени всѣхъ, интересующихся нашимъ эпосомъ, признательность г. Богоразу за присылку Этнографическому отдѣлу цѣнныхъ образчиковъ поэтической сибирской старины.

Всев. Миллеръ.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ВѢРОВАНІЙ И СКАЗАНІЙ БѢЛОРУССОВЪ.

II¹⁾.

Неразрывно съ понятіемъ о нечистой силѣ стоитъ въ связи вѣра въ ея служителей и хранителей на землѣ, каковыми являются у бѣлоруссовъ «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы». Объ нихъ мы и намѣрены сказать подробнѣе. По мѣрѣ того, какъ старое міровоззрѣніе отходитъ въ вѣчность, «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы» все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе. Однако, вѣра въ нихъ въ настоящее время еще не изсякла среди бѣлоруссовъ; особенно она упорно держится между женщинами. Заболѣетъ ли дитя, станеть ли корова давать меньше молока, окажется ли въ молокѣ меньше сметаны, чѣмъ въ прежніе разы, и т. п.—бѣлорусска сейчасъ идетъ за совѣтомъ къ «вѣдзьмару» или «вѣдзьмѣ». Иной мужъ смотритъ на это дѣло скептически и въ удобную минуту подшучиваетъ надъ своей женой. Мнѣ нерѣдко случалось слышать отъ крестьянъ разсказъ, представляющій въ въ невыгодномъ свѣтѣ «вѣдзьмарей» и «вѣдзьмъ», на тему: «Когда ты, бабушка, ворожить стала?» — «Да когда хлѣба не стало». Привожу этотъ разсказъ.

— Намѣръ у бабы мужыкъ. Збѣднѣла яна такъ, што ня было навятъ чаго й ѣсьци. Пашла гѣтая баба къ пану прасиць хлѣба. Панъ даў ёй хлѣба, а посьля кажа: «Я цибе навучу, якъ свой хлѣбъ мѣць: стань ты знахаркою». — «Кали жъ я, паночку, ничога ни знаю», адказвая яму баба. — «Добра, я цибе навучу. Якъ хто прыѣдзя къ табѣ, дакъ ты пашапчы: «якъ жыў будзяшь, ту тутъ будзяшь; а помрешъ, тамъ будзяшь» — и дай посьля сьвянцонай воды напицца. Кали дасць Богъ каму на здароўе, ту выздаро-

¹⁾ См. Этногр. Обзор., XXVIII.

вѣя, а кали нѣ, ту намре». Абъявилася гэтакъ баба знахоркаю. Стала яна навятъ и памагаць иншымъ людзямъ. Вязли къ ёй адусюль хворыхъ, и яна ўсе лячыла. Пачала баба ниць сабѣ мѣнца. Захварѣў тымъ часамъ панъ, што навучыў бабу знахарству: выросла у яго ў роци скула. Вазили яго но ўсихъ дактарохъ, и никто яму ни могъ рады даць. Дачуўся панъ, што нядалёка живе знахорка. Паѣхаў ёнъ да яе. Панъ и ни пазнаў, што гэта тая самая баба, што ёнъ яе нѣкали вучыў знахорыць. Пачала баба надъ имъ шаптаць. Прислухаўся панъ, да якъ расемьяўся—скула прарвала, и панъ ачуняў.

Не взирая на все сказанное, часто въ трудныхъ обстоятельствахъ и самъ крестьянинъ обращается къ «вѣдзьмарамъ» и «вѣдзьмамъ» за помощью; но это бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; напр., когда онъ заболѣетъ тяжкой и изнурительной болѣзней, противъ которой всѣ усилія мѣстныхъ фельдшеровъ окажутся тщетными; или же прикинется такая хворь, въ лѣченіи которой компетентны, но его мнѣнію, лишь «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы». Въ подобныхъ случаяхъ нельзя винить особенно крестьянина: утопающій и за соломинку хватается.

Не всѣ «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы» пользуются одинаковой славою среди крестьянъ: есть между ними больше знающіе, есть и меньше знающіе. Бѣлоруссы подраздѣляютъ ихъ на множество рярядовъ. Самый низшій видъ знахарства существуетъ подя названіями—знахоръ и знахорка. Это люди, знающіе средство отъ какихъ-либо отдѣльныхъ болѣзней. Насобираетъ, напримѣръ, баба разныхъ растений (зѣлакъ), которыя отъ той или другой болѣзни «вельмы памоцны», какъ-то: чабору, порушенцу, расходнику, сухотнику, волосиннику и т. п., приготовитъ изъ нихъ какое-нибудь снадобье, или же только освятитъ ихъ въ положенное время (24 іюня, 6 и 15 августа, смотря, гдѣ какъ принято),—сосѣдки ужъ идутъ къ ней при нуждѣ за тѣми или другими «зѣлками», и баба слыветъ въ средѣ ихъ «знахоркаю». «Знахорками» также называютъ и тѣхъ женщинъ, которыя знаютъ, какъ вывести переполохъ, вылить колотье, заговорить рожу, помочь отъ уразу, вправить вывихъ, навязать навязку на вывихъ, остановить (замовить) кровь, исцѣлить отъ укушенія змѣй, погадать на картахъ и на рукахъ и т. п. «Знахоръ» также долженъ обладать однимъ изъ этихъ свѣдѣній, но слѣдуетъ замѣтить, что

этотъ видъ знахарства преимущественно распространенъ въ средѣ женщинъ; изъ числа перечисленныхъ свѣдѣній есть нѣкоторыя, какъ выливанье колотья, смыванье переполоха, навязыванье навязки, исключительно распространенныя среди женщинъ. Всѣ исчисленныя свѣдѣнія не считаются особенно трудными, и для пріобрѣтенія ихъ не требуется вступать въ сношенія съ чортомъ и продавать ему свою душу.

Иное дѣло «вѣдзьмарство» въ полномъ смыслѣ этого слова. Этотъ видъ вѣдовства обладаетъ гораздо большимъ запасомъ знаній, и не даромъ люди, посвященные въ эти тайны, носятъ названіе «вѣдзьмара» и «вѣдзьмы». Зато не дешевой цѣной и пріобрѣтаются они: ради ихъ нужно вступить въ сношеніе съ чортомъ и продать ему свою душу. Но и въ этомъ разрядѣ вѣдовства не замѣчается полного равенства; среди такихъ «вѣдзьмарей» и «вѣдзьмъ» есть также старшіе и младшіе. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что это неравенство происходитъ отъ неравносилности тѣхъ чертей, которые руководятъ тѣмъ или другимъ «вѣдзьмаромъ» (тоже «вѣдзьмой») и состоятъ прямыми ихъ пособниками. БѢлоруссъ это неравенство характеризуетъ словами: «Гэта не вялики ще вѣдзьмаръ, кали ўмѣя туюлькі зрабціцъ, а адрабціцъ ня ўмѣя; вотъ то вѣдзьмаръ, кали самъ зрабціцъ, самъ и адрабціцъ».

По своему усмотрѣнію вѣдзьмары и вѣдзьмы могутъ насылать на человѣка ту или другую болѣзнь, лѣчить ее, наносить ущербъ хозяйству, или же, наконецъ, предупредить и исправить наносимую порчу хозяйству. Поэтому они для бѢлорусса страшнѣе самаго представителя нечистой силы—чорта. Чортъ только старается заполучить душу у человѣка, и той, помимо воли человѣка, онъ не можетъ взять; на здоровье же и хозяйство человѣка онъ не заявляетъ никакихъ притязаній. Вѣдзьмаръ же и вѣдзьма, напротивъ, имѣютъ главнымъ образомъ вліяніе на здоровье и имущество человѣка. Такъ какъ это вліяніе выражается въ двоякомъ отношеніи, а именно въ принесеніи вреда и пользы человѣку, то бѢлоруссъ питаетъ къ вѣдзьмарамъ и вѣдзьмамъ не только страхъ, какъ къ чорту, но и уваженіе. Однако, все это не мѣшаетъ ему называть вѣдовство нечистой силой; быть можетъ, тутъ главнымъ образомъ виновенъ источникъ, изъ котораго получается эта сила.

Бѣлоруссъ всѣми зависящими отъ него средствами старается избѣгнуть воздѣйствія этой нечистой силы какъ на него самого лично, такъ и на его хозяйство. Кажется, самое вѣрное и надежное средство—это жить въ ладу съ лицами, обладающими вѣдовствомъ. Но тутъ нельзя не отмѣтить одного любопытнаго воззрѣнія бѣлорусса. Онъ увѣренъ, что вѣдзьмаръ и вѣдзьма не могутъ принести ему никакого вреда, если онъ будетъ дѣлать имъ однѣ лишь неприятели: злоба дѣлаетъ бессильными всѣ ихъ чары. Тутъ однако есть нѣкоторое противорѣчіе, потому что очень многія чарованія бывають слѣдствіемъ злобы, отмсткой за причиненную обиду. Также нельзя ожидать вредныхъ послѣдствій чаръ, если вѣдзьмару или вѣдзьмѣ напередъ будетъ выговорено за это; тутъ, должно быть, гласность мѣшаетъ производству очарованія, самыя же чары сохраняють свою силу и могли бы оказать дѣйствіе, еслибы были пущены въ ходъ.

Существуютъ также заговоры противъ чаръ. Такъ бѣлоруссъ увѣренъ, что коль скоро онъ получитъ какой-либо предметъ, наплюетъ на него и скажетъ: «Цѣфу, цѣфу! куры с. .ли, кабъ уроки ня брали»¹⁾,— то этимъ вполне застрахуетъ его отъ чаръ. Приведенная фраза, вѣроятно, служитъ выраженіемъ полного пренебреженія къ вещи, а отсюда прямой выводъ, что если кто принесетъ ей существенный вредъ, при помощи чаръ, то владѣтель ея этимъ ничуть не огорчится. Проходя мимо вѣдзьмара или вѣдзьмы, бѣлоруссъ, въ предупрежденіе очарованія себя, складываетъ въ рукавъ шишъ и произноситъ: «Ражонъ табѣ ў горла, дзеркачъ ў с. .ку, соль ў вочи». Послѣ этого очарованіе окажется недействительнымъ. Эта мѣра употребляется по преимуществу противъ «паганыхъ вачей» и завистливыхъ людей, такъ какъ, по мнѣнію бѣлорусса, зависть сама по себѣ оказываетъ вредное дѣйствіе на предметъ, возбудившій ее.

Еще не мудреная вещь избѣжать чаръ, если знаешь вѣдзьмара (или вѣдзьму), отъ котораго исходятъ онѣ; но часто бываетъ такъ, что человѣку вовсе неизвѣстенъ источникъ чаръ, онъ только ощущаетъ на себѣ воздѣйствіе ихъ. Въ данномъ случаѣ одно лишь средство избавиться отъ нихъ—это прибѣгнуть къ помощи другого вѣдзьмара (или вѣдзьмы), но хорошо, коли скоро попа-

¹⁾ Ср. поговорку: гдѣ куры с. .ли, тамъ жада хавали.

дешь на болѣе знающаго, въ противномъ же случаѣ всѣ старанія могутъ остаться тщетными. Для устраненія подобныхъ обстоятельствъ, бѣлоруссъ знаетъ средство, какъ узнавать, кто вѣдзьмаръ и кто вѣдзьма. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ народъ.

— На запуски трѣба ўзяць ядучы кусокъ сыра и схаваць яго, кабъ никто ни бачыў. Назаўтра трѣба пашыць маленьки мяшочакъ, ўлажыць туды гэты сыръ и насыць яго падъ пахаю ўвесь вялики постъ, туюльки на «хрэспы»¹⁾ трѣба дастаць яго и трошки аткусиць. На Вяликдзянь, якъ будзя попъ гаварыць на вутрани и на абѣдни—«Хрыстось васкрось!»—трѣба гаварыць: «у мине сыръ есьць». А зладзяё и вядзьмарэ ўсе будуць прасиць: «дай сыра, дай сыра!» але сыра даваць имъ ня можна. Тагды можна будзя бачыць, хто што кѣпская зрабйў; ўсѣ зладзяё будуць стояць съ тымъ, хто што украў; на вядзьмарохъ будзя гэтакъ сама адмѣтка, што хто изъ ихъ зрабйў. Посля абѣдни, якъ будуць людзи ици съ церкви, зладзяё и вядзьмарэ кругомъ абступяць чалавѣка съ сырамъ и будуць ўсё прасиць у яго: «дай сыра, дай сыра!»—але и циперь ня можна имъ даваць сыра, бу яго усимъ ня стая, и вядзьмарэ и зладзяё могуць разарваць таго чалавѣка. Дзѣля гэтага трѣба набраць поўны кишени канапель и, якъ стануць вядзьмарэ и зладзяё прасиць сыра, трѣба имъ ў вочы сыпнуць канапель и йци даляй. Яны стануць падбираць, а чалавѣкъ можа спакойна ици да хаты. Кали на дарози вѣдзьмарэ и зладзяё ище нагоняць яго, ту ёнъ сыпля имъ ббляй канапель. Дома, прышоўшы съ церкви, трѣба ва ўсихъ хлявахъ парабичъ крыжэ (кресты) надъ усими дзвьярыма грамничнаю сьвѣчкаю и трохи спалиць яе тамъ, кабъ вядзьмарэ ни магли пашкодзиць набытку. (Слышалъ въ с. Нивольскъ, Мин. у.).

Теперь является вопросъ: откуда почерпаютъ свое вѣдѣніе вѣдзьмары и вѣдзьмы? Они получаютъ его преимущественно другъ отъ друга. Передача обыкновенно совершается уже тогда, когда вѣдзьмаръ думаетъ самъ перестать заниматься этимъ дѣломъ,

¹⁾ Половина поста, среда на крестопоклонной недѣлѣ. Въ этотъ день бѣлоруссы пекутъ пирога изъ гречавой муки съ макомъ или же коноплянымъ сѣменемъ. Одинъ пирогъ печется въ видѣ креста (отчего, вѣроятно, и самый день получаетъ названіе), а остальные въ видѣ бороны, сохи и др. земледѣльческихъ орудій. Въ этотъ день еще катаются на качеляхъ и скачутъ „палапосту“.

преимущественно при смерти, потому что со времени передачи своихъ знаній вѣдзьмаръ становится безсильнымъ. Предъ смертью обыкновенно передается чародѣйство еще и потому, что вѣдзьмаръ (тоже и вѣдзьма), умирая, подвергаются невыносимымъ мученіямъ, коль скоро не передадутъ своихъ знаній другому чело-вѣку. Причина этого явленія та, что чортъ, помогая вѣдзьмару (или вѣдзьмѣ) весь его вѣкъ, въ благодарность за свои труды, старается получить его душу. Душа вѣдзьмара, предчувствуя или даже испытывая это на самомъ дѣлѣ, нестерпимо страждетъ, и страданія эти продолжаются до тѣхъ поръ, пока вѣдзьмаръ не передастъ кому-либо своего вѣдовства. Тогда, вѣроятно, чортъ не имѣетъ прямыхъ основаній забрать въ свое распоряженіе душу вѣдзьмара, и онъ спокойно умираетъ. Есть и другой способъ избавить умирающаго вѣдзьмара отъ излишнихъ мученій—это вынести его въ сѣни, на дворъ, или же разобрать потолокъ въ той ком-натѣ, гдѣ находится умирающій, чтобы дать тѣмъ вполне свобод-ный путь чорту унести душу вѣдзьмара; но этотъ способъ не хорошъ тѣмъ, что передаетъ душу вѣдзьмара прямо чорту въ руки, и вѣдзьмаръ, по этому, всегда старается передать предъ смертью свое вѣдовство другому чело-вѣку.

Не зная, въ чемъ собственно состоитъ «вѣдзьмарство», нельзя съ точностью опредѣлять, что именно сообщается при передачѣ: заговоры, составъ снадобья, или что-либо другое; самый же спо-собъ передачи отчасти можно прослѣдить. Въ д. Кнотовщинѣ, Мин. у., недавно умеръ вѣдзьмаръ. Разсказывали, что предъ смертью онъ налилъ полный стаканъ водки, пошепталъ что-то надъ нимъ, потомъ плюнулъ въ него и предлагалъ его выпить своему внуку, но тотъ отказался. О томъ, какъ сдѣлался этотъ чело-вѣкъ вѣдзьмаромъ, мнѣ доводилось слышать слѣдующій раз-сказъ.

— Ъхаў русски. Саўсимъ растрѣслися у яго калеса. Пачаў ёнъ прасиць у д. К. калесь, и кудольки ёнъ ни напрасаўся, ни хачѣў даць яму. Потымъ гэты чалавѣкъ зайшоў да Г., даць той и даў. Дакъ гэты русски и сказаў яму: я табѣ прышло пчоль, туюльки ты глядзи, пильнуй вотъ у такі и такі дзень. Г. ждаў, ждаў пчоль у той дзень и ничога ни прыждаў, Цяразъ тры дни пчолы аднаковажъ прыляцѣли. Съ таго часу у Г. раз-вялися пчолы. На други годъ русски прыѣхаў да яго, аддаў яму

калѣса и мусиць яму нѣшта адказаў, бу якъ разъ съ таго часу г. стаў вядзьмаромъ.

Еще разсказываютъ, что одинъ вѣдзьмаръ, умирая, хотѣлъ передать свое вѣдзьмарство кому-нибудь изъ родныхъ; но такъ какъ никто изъ родственниковъ не согласился принять его, то вѣдзьмаръ обратился со своимъ предложеніемъ къ вошедшему въ въ избу сосѣду; тотъ охотно изъявилъ свое согласіе на это. Тогда вѣдзьмаръ сказалъ ему: «пойди ты вотъ въ такое-то мѣсто, тамъ тебѣ встрѣтится сивая кобыла». Что это за сивая кобыла, трудно предположить; но этотъ человѣкъ дѣйствительно, пойдя на указанное мѣсто, встрѣтилъ сивую кобылу и съ той самой поры объявился вѣдзьмаромъ.

Вотъ еще одинъ случай передачи вѣдзьмарства, слышанный мною изъ вторыхъ рукъ. Въ одной изъ деревень, расположенныхъ въ окрестностяхъ г. Новогрудка, проживаетъ «велики вѣдзьмаръ Данила». Онъ будто бы сознался, что получилъ вѣдовство слѣдующимъ образомъ. Во время крѣпостного права жилось ему несма худо; былъ онъ настолько бѣденъ, что даже нуждался въ кускѣ хлѣба. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней пошелъ онъ на панщину. Присматривалъ за работниками престарѣлый экономъ. Въ обѣденное время этотъ экономъ отвелъ Данилу въ сторону и сказалъ ему: «Вотъ ты теперь бѣденъ, не имѣешь даже хлѣба; возьми отъ меня то, что я знаю, и будешь имѣть и деньги и хлѣбъ». Данила очень обрадовался случаю избавиться отъ бѣдности и съ большою охотою принялъ предложеніе. Тогда экономъ подвелъ его къ громадному камню. Отвернули они вдвоемъ этотъ камень и нашли тамъ какую-то книгу. Экономъ сказалъ Данилѣ, чтобы онъ, какъ только настанетъ ночь, легъ спать на этой книгѣ, и увѣрялъ его, что онъ черезъ это все узнаетъ. Данила, переутомленный отъ трудовъ, развернулъ книгу, прилегъ на ней и сладко задремалъ. Проспалъ онъ спокойно до самой ночи; ночью же пришелъ къ нему какой-то «паничъ ѱ капелюшы» и сталъ грозно приказывать читать книгу. Данила началъ отговариваться незнаніемъ грамоты, но «паничъ» все-таки принудилъ его взяться за книгу. Данила сталъ бѣгло читать по ней. Книга содержала въ себѣ сказанія, какъ творить на землѣ разныя «вѣдзьмарскія» дѣла. Данила прочиталъ всю книгу, и содержаніе ея до того вѣззалось ему въ память, что онъ и теперь помнить,

что и какъ слѣдуетъ дѣлать. Книгу, по всей вѣроятности, Данила забралъ съ собой, потому что, какъ передавали мнѣ, онъ будто бы показывалъ ее тому лицу, которому сознался относительно полученія вѣдовства. Но этого нельзя принять безъ оговорки, потому что подобныя книги, какъ мнѣ удавалось неоднократно слышать, обыкновенно кладутся на свои мѣста, и «вѣдьмары-чернокнижники» лишь получаютъ свободный доступъ къ нимъ.

Мнѣ передавали, что на Полѣсьи старики часто обучаютъ молодыхъ людей за извѣстную плату знахарству; но насколько это справедливо, не могу утверждать.

Говоря о полученіи вѣдовства, я считаю умѣстнымъ привести слѣдующій рассказъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ Мин. у.; при этомъ спѣшу оговориться, что бѣлоруссъ представляетъ, будто бы звуки звѣрей и птицъ служатъ для нихъ такіе же орудіемъ обмѣна мыслей и желаній, какъ для насъ наша рѣчь.

— Быў панъ, а ў таго пана да быў парабакъ. Бывала паѣдучь яны куды-нибудзь у дарогу, будучь гэта спяваць пташки ў лѣси, ци зарыкая волъ, ци забляе авечка, дакъ панъ кажа на парабка: ўсе, кабъ стаў, и самъ слухая. Парабакъ дзивицца, на што гэта пану патребна. Пачаў ёнъ гэта циковаць. Прыѣдучь яны, бывала, да дому, ци выѣжджаюць зъ дому, дакъ пану ўсе падаюць ъсыци нѣкую чорную полиўку. Адынъ разъ парабакъ ўзяў ды сарбануў нѣкуольки ложкавъ гэтаи полиўки. Паѣхали зноў ў дарогу панъ съ парабкамъ. Уже панъ и ни гаворыць, а парабакъ абы дзѣ тўольки што ци шаснула, ци бразнула, дакъ заразы становицца и слухая. Прыцкаваў гэта панъ да гаворыць да парабка: «чаго ты становисься; ласьня ты што знаешъ?» — «А вотъ добра паслухаць, какъ гэта жывѣла сама съ сабою гаворыць». Панъ дагадаўся, аткуль у парабка гэты розумъ ўзяўся ды пытая: «ци ня ѣў ты таѣ полиўки съ вужовага мяса, што мнѣ заўсюды падаюць?» — «Але паночку», адказвая яму парабакъ. — «Палядзімъ». Падыжджаюць яны трохи даляй—кукуя вязюля. Панъ пытая у парабка: «скажи ты мнѣ, што яна гаворыць». Парабакъ сказаў. Даляй ѣдучь—крычыць жаўна (иволга). Знаў парабакъ адгадаў, што яна гаворыць. Съ таго часу панъ ня стаў болей ѣздзиць зъ гэтымъ парабкамъ ў дарогу.

При помощи чаръ вѣдьмары могутъ оказать зліяніе на атмосферныя явленія, стихію, имущество чловѣка и, главнымъ обра-

зомъ, на его здоровье. Укажу на извѣстные мнѣ случаи примѣневія чаръ.

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ рассказывали, что на лугу, во время сѣнокоса, собралась было громадная туча; всѣ ждали дождя. Вдругъ человѣкъ изъ д. Падзеригъ Слуцк. у. началъ махать руками, и туча разсѣялась.

Вблизи с. Никольска Мин. у. р. Нѣманъ образуетъ довольно значительную извилину (лукѹ). Съ восточной стороны села онъ имѣетъ направленіе на юго-западъ, потомъ постепенно поворачиваетъ къ сѣверу, такъ что около с. Никольска течетъ прямо по направленію къ сѣверу. Версты 3—4 по направленію къ сѣверу отъ Никольска пролегаетъ лощина — «Гарановичаѹ лужокъ», тянущаяся по направленію отъ востока къ западу и упирающаяся обоими своими концами въ р. Нѣманъ. Про эту лощину существуетъ преданіе, будто бы по этому мѣсту протекала прежде р. Нѣманъ, но разъ случилось въ этомъ мѣстѣ утонуть съ бота сыну вѣдьмы; вѣдьма прокляла это мѣсто, и Нѣманъ измѣнилъ свое русло *). Иные же рассказываютъ, будто бы въ этомъ мѣстѣ протекала какая-то другая рѣка, а не Нѣманъ. Но какъ бы то ни было оба преданія единогласно утверждаютъ, что по этой лощинѣ протекала рѣка, и что она прекратила свое существованіе именно чрезъ проклятіе вѣдьмы. Одинъ проѣзжіи «русскій» (т.-е. великороссъ) будто бы объяснялъ, что вѣдьма, проклиная рѣку, заложила огромной сковородой ту дыру, чрезъ которую вода вытекала изъ-подъ земли на поверхность. Онъ обѣщалъ открыть эту сковороду, если только жители с. Никольска дадутъ ему сто рублей и хорошаго коня, который нуженъ ему будетъ для того, чтобы спастись отъ воды, которая огромнымъ ключемъ хлынетъ на поверхность земли всѣдъ за открытіемъ сковороды. Конечно, никто не согласился на предложеніе этого проходимца, и сковорода осталась не открытой.

Затронувъ вопросъ о «заклятыхъ мѣстахъ», я принужденъ отклониться нѣсколько въ сторону. БѢлоруссы твердо вѣрятъ въ существованіе «лихой гадзіны». Онъ убѣжденъ, что бываютъ такія минуты въ жизни, въ которыхъ стоитъ только пожелать какого-либо несчастья другому человѣку, и оно непременно постиг-

*) Срв. *Antoni Kruman: Wybór poezyi*, Warsz. 1896, p. 42.

нетъ его. Поэтому бѣлоруссъ, начиная рассказывать какое-нибудь печальное происшествіе, обыкновенно оговаривается: «ни на гѣтумъ грунци ўспамінаючы, ни на гѣтумъ мѣсцы кажучы, ни пры вась самыхъ, ни пры вашихъ дзѣткахъ гаворачы». Если рассказчикъ забудетъ про это, то слушатель обязательно, съ явнымъ неудовольствіемъ, напомнитъ ему объ этомъ. Даже разговоры о счастливыхъ случаяхъ жизни бѣлоруссъ начинается огражденіемъ отъ «лихой гадзіны» — «ў добры часъ сказаць, и ў лихи памаўчаць». Много несчастныхъ случаевъ бѣлоруссъ приписываетъ «лихой гадзіні», и большинство «заклятыхъ» мѣстъ, фигурирующихъ въ бѣлорусскихъ сказаніяхъ, можно, пожалуй, отнести къ этому же источнику. Дабы не быть голословнымъ въ данномъ случаѣ, привожу рассказъ о происхожденіи знаменитаго оз. Свитязь.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено оз. Свитязь, стояло село. Однажды проѣздомъ остановился въ немъ священникъ ночевать. Случилось въ это время пропасть яйцу у одной бабы, жительницы того села. Она стала страшно всѣхъ проклинать за это и, между прочимъ, сказала: «А кабъ гѣтая мѣсца затапилася?» Священникъ услышалъ въ это время голосъ: «Уѣзжай отсюда, невинная душа, чтобы и тебѣ не пришлось погибнуть вмѣстѣ со всѣми». Голосъ повторился три раза. Священникъ запрягъ свою лошадь и уѣхалъ. Отѣхавъ версть пять отъ села, онъ вспомнилъ, что забылъ въ той комнатѣ, гдѣ ночевалъ, требникъ. Онъ поспѣшилъ обратно, дабы захватить требникъ; но, приближаясь къ селу, онъ увидѣлъ, что вся мѣстность, на которой стояло село, была залита водой; по водѣ плавалъ столикъ, а на столикѣ лежалъ требникъ. Священникъ взялъ требникъ и уѣхалъ домой.

Иные рассказываютъ, что будто бы на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится оз. Свитязь, былъ убитъ богатый человѣкъ. Мотивъ убійства былъ слѣдующій. Одинъ небогатый молодой помѣщикъ влюбился въ дочь богатаго помѣщика. Дѣвушка тоже была равнодушна къ нему. Они готовы были соединиться узами брака, но этому мѣшало неравенство ихъ состояній; родители дѣвушки хотѣли видѣть дочь свою въ замужествѣ за богатымъ человѣкомъ и, конечно, могли воспрепятствовать этому браку. Чтобы устранить это препятствіе, дѣвушка предложила своему обожателю убить какого-нибудь богача, обобрать его на чистоту и такимъ образомъ разбогатѣть. Молодой человѣкъ въ точности исполнилъ со-

вѣтъ дѣвушки. Послѣ этого молодые люди вступили въ бракъ и наслаждались счастьемъ. Замѣчательно было то, что ничто въ ихъ хозяйствѣ не пропадало. Случилось какъ-то, что изъ ихъ хозяйства пропала какая-то мелочь. Хозяинъ слишкомъ удивлялся этому и беспокоился. Въ это время послышался съ неба голосъ: «Хоть теперь отомстится моя невинная кровь!» — и въ одинъ мигъ мѣсто, на которомъ стояла усадьба помѣщика, опустилось внизъ и было залито водой. Приключеніе со священникомъ и въ этомъ разказѣ присутствуетъ, но въ виду детальнаго его сходства съ прежде-изложеннымъ, я его опускаю здѣсь *). (Слышалъ въ м. Вселябъ, Нов. у.).

Упомяну мимоходомъ еще про два «заклятыхъ» мѣста.

Въ д. Стародворьи Нов. у. есть погребъ, сводовъ котораго невозможно пробить. Ходятъ слухи, что въ немъ находится заклятая женщина. Однажды послышался голосъ изъ этого склепа: «Позовите священника, пусть онъ отслужитъ въ этомъ склепѣ молебенъ; да накажите ему, чтобъ онъ всѣ необходимыя вещи захватилъ съ собой». Донесли объ этомъ священнику. Священникъ согласился отслужить молебенъ. Какъ только кончился молебенъ, и стали тушить свѣчи, то замѣтили, что не захватили съ собою щипцовъ для этого. Вмигъ поднялась въ склепѣ буря, и священникъ насилу могъ выбраться оттуда съ священными предметами. Кто-то изъ присутствовавшихъ тамъ принесъ церковную «завалу» и сталъ ею бить своды склепа. Какъ только пробилась небольшая дыра, «завала» съ неимоверной быстротой влетѣла въ склепъ и легла въ поперекъ дыры; въ такомъ положеніи она будто бы находится до настоящаго времени. Когда всѣ выбрались изъ склепа, то оттуда послышался страшный стонъ и голосъ: «Сидѣла я тутъ пятьсотъ годовъ и еще придется столько посидѣть». Иные говорятъ, будто бы этотъ склепъ былъ построенъ какимъ-то помѣщикомъ; но такъ какъ въ немъ воздухъ былъ нездоровый, то задѣлали въ немъ входъ, чтобы никто больше не посѣщалъ его.

Въ м. Городищѣ Нов. у. есть дыра, ведущая въ громадную яму. Если бросить въ эту дыру камень, то оттуда слышится глухой звонъ. Разказываютъ, что одинъ разъ дѣти, собравшись гурьбой, стали бросать въ эту дыру камни. Вдругъ какой-то

*) Для полноты срв. балладу Мицкевича „Switez“; см. статью объ оз. Свитава въ „Мин. Лис.“. 1892, № 55; Вил. Вѣсти. 1860, № 41. *Ред.*

сверхъестественной силой камни стали выбрасываться назадъ. Дѣти испугались и разбѣжались. (Слышалъ въ м. Вселюбъ Нов. у.).

Продолжаю сказанія о примѣненіи чаръ.

— Жыў сабѣ чалавѣкъ уже стары. Были у яго сынѣ, уже жанатыя. Гѣты чалавѣкъ да вельми упадабаў сваю малодшую нявѣстку. А быў ёнъ самъ вѣдзьмаръ. Вотъ разъ сказаў ёнъ, кабъ прыбрали столъ и поставили тамъ усялякаа яды. Посья самъ уже гѣты чалавѣкъ разаслаў палатно па хацц адъ самаа каморы да стала, а самъ пашоў ў камору. Заразъ съ каморы выпаўзъ за имъ вужъ и стаў паўсеци ажъ на столъ. Тутъ яго патрактывали, и чалавѣкъ ўзяў яго ды вынясъ у камору. Пярадъ Купаломъ нѣшта захварѣў гѣты вѣдзьмаръ. Пакликаў ёнъ малодшую нявѣстку и гаворыць ёй: «Вѣдаяшь што, мая милая, сходишь ты заўтра да сонца на полѣ и заломишь у каждага гаспадара па коласу». Разказаў ёнъ ёй, якъ гѣта рабиць и што пры гѣтумъ трѣба гаварыць. Назаўтра пашла нявѣстка да свѣту на полѣ ды думая: на што гѣта мнѣ ламаць каласэ? може за гѣта будзя мнѣ грѣхъ; заламлю я лѣпнай малады дубъ. Узяла гѣта яна ды зрабила, якъ думала. Нядзѣль нѣкӯольки прашло съ таѣ пары, ды ўсхадзилася вельми вяликая буре. Стала вельми грукадѣць усюды. Вѣдзьмаръ думаў, што зъ нячеўку можа нявѣстка заламала па нѣкӯольки каласоў. Пашоў гѣта ёнъ на дворъ посья нocy, адножь бачыць, што ўвесь дворъ завалила дубнякомъ и старымъ и маладымъ. Дагадаўся тагды вѣдзьмаръ, што гѣта за дзива, и бӯслышь уже ня пасылаў нявѣстки заломваць каласэ. (Вселюбъ).

— Пашоў адзинъ чалавѣкъ раницаю да ўзыхода сонца на Купалу на поля. Бачыць ёнъ, што нѣки чалавѣкъ матая торбаю па жыци, нѣшта гаворыць и абивая расу съ каласоў. Узяў гѣта и ёнъ торбу и стаў матаць па жыци ды ўсе гаворыць, што й той чалавѣкъ. Прышоўшы да дому, гѣты чалавѣкъ ўзяў ды павѣсиў торбу ў хлявѣ. Прыгледзяўся ёнъ, што съ торбы наўпяродъ ўсе капала малако, а потымъ стала капаць кроў. Тымъ часамъ у сусѣда, надъ чымъ ёнъ жытамъ махаў торбаю, пачала сохнуць карова. Сохла яна сохла, а посья и саўсимъ пярэкулилася. Тагды изъ торбы пакинула капаць. (Никольскъ).

— Одинъ крестьянинъ изъ м. Вселюба замѣтилъ, что у его коровъ совершенно пропало молоко. Онъ поѣхалъ къ знахарю въ д. Гавье Вил. губ. Знахаръ сказалъ ему: «Тебѣ это устрои-

ла твоя сосѣдка; она всадила палець въ молоко, и отъ того оно пропало у твоихъ коровъ. Если хочешь, то я сдѣлаю такъ, что она умретъ; иначе она будетъ тебѣ постоянно вредить». Но крестьянинъ отвѣтилъ знахарю: «Нѣтъ, я не хочу этого: боюсь грѣха! Лучше ты сдѣлай такъ, чтобы та женщина пришла ко мнѣ, и чтобы я узналъ её.—«Хорошо», сказалъ знахарь: «она придетъ къ тебѣ на кутю, какъ только ты усядешься со своей семьей за вечерю, и будетъ у тебя просить одолжить что-либо. Смотри же, не давай ей ничего и хорошенько наблюдай за ней, чтобы она ни въ комнатѣ, ни на дворѣ ничего не стянула; въ противномъ случаѣ тебѣ будетъ худо». Пріѣхалъ крестьянинъ домой и рассказалъ про все женѣ. Жена, подумавъ немного, сказала мужу: «Дѣйствительно, было разъ, что сосѣдка, придя къ намъ въ хату и увидя въ кувшинѣ накрытое молоко, спросила: что это у васъ? и, какъ бы невзначай, всадила въ кувшинъ средній палець». Между тѣмъ коровы этого крестьянина поправились и стали давать молока по прежнему. Вотъ пришла и кутя. Только что сѣлъ крестьянинъ за столъ, входитъ къ нему сосѣдка и проситъ его привезть ей дровъ. Потомъ, немного погодя, она стала просить у него одолжить ей два рубля денегъ, подѣ тѣмъ предложомъ, что у ней вышелъ весь кормъ для коровы и нужно купить. Тогда крестьянинъ смекнулъ, что эта сосѣдка и есть та вѣдьма, что отпала у его коровъ молоко; поэтому онъ «выговорилъ» ей за это и хорошенько ее выдралъ.

— Привѣзъ адзинъ чалавѣкъ свою жонку къ вѣдзьмару ў Рымаше (д. Слуцк. у.) и застаў тамъ у яго чалавѣка. Чалавѣкъ гѣты казаў, што яму пастаянна нѣшта звониць ў вушшу. Вѣдзьмаръ стаў заговорваць яму, дакъ нима вѣдама адкуль зьявилася пѣкая жонка *) и пачала каля таго чалавѣка курчыцца и кидацца; самъ вѣдзьмаръ навяць спалохаўся, мусиць и яму гѣта было за навпну. Икъ кончыў вѣдзьмаръ шаптаць, дакъ гѣтая жонка изноў нима вѣдама куды дзѣлася; а чалавѣкъ той стаў сусимъ здоровы. (Никольскъ).

— Жаниўся адзинъ салдатъ. А быў у томъ сялѣ вялики вѣдзьмаръ; ўсѣ яго кликали на вяселлѣ: баялися вельми, кабъ ёнъ ни-

*) Что собою представляетъ эта женщина—вѣдьму или болѣзнь, трудно рѣшить.

чога кепскага ни зрабиў. Сватъ стаў гаварыць салдату, кабъ в ёнъ пакликаў вѣдзьмара гэтага на вяселлѣ. А салдатъ адказаў яму: «да на што яво зваць, будзецъ зъ насъ и безъ яво людзей досыць». А салдатъ да быў ище лѣпшы вухарь, якъ той вѣдзьмаръ. У нядзѣлю адбыли усё у маладои и наѣхали да маладога. Вѣдзьмаръ якъ разъ на той часъ сядзѣў ў вакнѣ, мусиць пильнаваў ёнъ ихъ, ци што? Вотъ ёнъ якъ зрабиў, дакъ ўся дружба и набѣгла воўколаками. Салдатъ махнуў бѣлинькаю хустачкаю, дакъ ўсѣ зноў парабилися людзьми, а вѣдзьмару таму зрабиў, што у яго на галавѣ вырасли роги, а ср... ўспухла якъ бярвяно, дакъ ёнъ ни могъ ни туды, ни сюды вылясьци. На вяселли пачали прасиць салдата, кабъ ёнъ адрабиў яму. Салдатъ сказаў: «а што жъ, няхай уже прыдзя пагуляя зъ нами»,—и зрабиў такъ, што ср... у вѣдзьмара оттухла, а зъ галавы роги злѣзлы, тўбльки на ихъ мѣсцы асталися доўгія кишки. Прышоў вѣдзьмаръ на вяселлѣ ды кажа да маладога: «выпѣямъ уже мы съ табою на миръ», ды налиў чарку гарѣлки и зрабиў такъ, кабъ у маладога ўсѣ да аднаго зубы выпали. Малады выпиў гарѣлку, дакъ зубы у яго и павыпадвали. Енъ гэта усадзиў ихъ на мѣста и налиў чарку гарѣлки вѣдзьмару. Вѣдзьмаръ икъ выпиў тую гарѣлку, дакъ заразы у яго вочы и павыпирала наверхъ. (Вселюбъ).

Нѣчто подобное рассказываютъ и въ с. Никольскѣ.

— Въ одной корчмѣ выпивали двое знахарей и стали пробовать свою силу. Одинъ изъ нихъ, предлагая другому выпить, сдѣлалъ такъ, чтобы у того сейчасъ же выпали всѣ зубы. Тотъ, конечно, ничего не подозрѣвая, выпилъ залпомъ,—зубы сейчасъ же и выпали. Тогда потерпѣвшій знахарь попросилъ еще водки. Ему подали. Онъ налилъ въ рюмку, выплюнулъ туда свои зубы и выпилъ вдругорядь,—зубы стали на своемъ мѣстѣ. «Это, братъ, ничего», сказалъ тогда этотъ знахарь: «вотъ лучше возьми-ка ты выпей!»—и подаль своему товарищу полно налитой стаканъ. Лишь только тотъ опрокинулъ его въ ротъ, какъ сейчасъ выскочили у него изъ орбитъ глаза и задержались только на нервѣ.

— Въ д. Полонной (Нов у.) сошлись два стырники*). Подвыпили они хорошенько и стали хвастаться другъ предъ другомъ своими знаніями. На столѣ лежалъ сыръ. Одинъ изъ нихъ взялъ

*) Лоцманы на ботахъ. (Польск. sterować—направлять).

кусочекъ сыру и говорить: «я сдѣлаю этотъ сыръ чернымъ», — дунуль на него, и сыръ дѣйствительно сдѣлался чернѣй угля. Другой тоже взялъ кусочекъ сыру и также сдѣлалъ его чернымъ; а потомъ говорить: «это еще не диво; вотъ ты сдѣлай такъ, чтобы этотъ сыръ изъ чернаго обратился опять въ бѣлый», — и самъ обратно дунуль на сыръ, и дѣйствительно сдѣлалъ его бѣлымъ. Первый же «стырникъ» отказался сдѣлать это. Тогда товарищъ повалилъ его на землю и сталъ страшно бить его, приговаривая: «А, такъ ты только наводишь порчу на людей, а отогнать ее не умѣешь! Намъ Богъ позволилъ только «поздѣкавацца зъ людзей», а не до смерти ихъ мучить». Кровь ручьемъ полилась изъ этого знахаря; самъ же знахарь испускалъ дикіе стоны и унашивалъ товарища отпустить; но товарищъ говорилъ ему, что не отпустить его до тѣхъ поръ, пока онъ не поклянется ему, что больше не будетъ заниматься знахарствомъ. На крикъ прибѣжала шинкарка и начала также унашивать знахаря, отпустить своего товарища, и указала при этомъ на обиліе крови, излившейся изъ него; но знахарь отвѣтилъ ей на это, что только пустая кровь вылилась, а добрая осталась, — и все-таки принудилъ своего товарища поклясться въ отреченіи отъ дальнѣйшаго занятія знахарствомъ. (Вселюбъ).

— На Пасху, когда мы еще жили въ Новогрудкѣ (разсказывала мнѣ одна женщина), пришла ко мнѣ нищая. По городу въ это время особенно много нищихъ шатается, но я какъ-то примѣтила, что эта женщина зашла ко мнѣ уже во второй разъ, и поэтому спросила ее: «должно быть для тебя нѣтъ больше домовъ, кромѣ нашего, что ты второй разъ пришла?» — и хорошенько выругала ее. Она повернулась къ двери и говорить: «Будешь же ты хотѣть, чтобы я пришла къ тебѣ, но я не пойду!» и ушла съ этими словами. Я усмѣхнулась на ея угрозы и еще больше стала ругать ее. На третій день въ то самое время, когда я выгнала эту нищенку, начала сильно болѣть моя голова; мнѣ представлялись разные ужасы, въ родѣ разбоя, пожара и т. п. Какъ полоумная, бѣгала я по комнатамъ, хватала разные предметы и бросала ихъ куда попало. Мужъ мой ужасно безпокоился и думалъ, что я сошла съ ума. Сколько ни призывалъ онъ докторовъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ оказать мнѣ помощи, такъ какъ послѣ каждаго лѣкарства мнѣ дѣлалось все хуже. Положеніе мое было

самое отчаянное. Главное, съ утра я чувствовала себя вполне здоровою, но какъ только приближается урочный часъ, со мною дѣлался припадокъ, и притомъ съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе. Присовѣтовали моему мужу пригласить знахаря Данилу изъ окрестностей Новогрудка. Дослышалась я объ этомъ и настояла. Пригласилъ мой мужъ Данилу. Онъ заѣхалъ въ трактиръ и далъ мнѣ знать. Я поспѣшила къ нему. Какъ только вошла я въ комнату, онъ сталъ рассказывать мнѣ, какъ случилось мое несчастіе и, между прочимъ, упомянулъ, что нищая сдѣлала мнѣ такъ, чтобы мужъ на слѣдующую Пасху вмѣсто пасхальнаго стола поставилъ мой гробъ. Послѣ визита къ названному знахарю я стала вполне здорова.

— Покупалъ у насъ (рассказывала старая баба изъ м. Вселюба) человекъ поросенка. Во время распивки барыша я не дала ему закуски. Онъ выпилъ рюмку водки и, не проронивши ни одного слова, вышелъ изъ комнаты. Мнѣ это какъ-то бросилось въ глаза, но я все-таки ничего не сказала ему. Въ тотъ же день схватили меня какія-то боли. Я слегла въ кровать. Что день, то боль моя усиливается. Главнымъ образомъ болѣла спина. Я поѣхала въ Новогрудокъ и поставила шивки, но отъ этого боль моя еще усилилась. Такимъ образомъ я пролежала четыре недѣли въ кровати. Потомъ мнѣ посовѣтовали выпить «воронцу» *). Я выпила полтора стакана, и боль моя сразу пропала».

Отношенія людей также подвластны чародѣйству. Здѣсь главнымъ образомъ имѣются въ виду отношенія любовнаго характера; всѣ же остальные не настолько излюблены чародѣйствомъ, и про практическое примѣненіе къ нимъ чаръ мнѣ удавалось слышать лишь немногое.

Для привораживанія парня къ дѣвушкѣ или же, наоборотъ, дѣвушки къ парню рекомендуется слѣдующее довольно извѣстное средство. Нужно поймать летучую мышъ и вбросить ее въ муравейникъ; черезъ нѣкоторое время отъ нея останется лишь крючекъ и вилочки. Эти вещи и имѣютъ волшебное свойство. Стоитъ только крючкомъ зацѣпить любого человекъ, и въ немъ сейчасъ вспыхнетъ пламенная любовь къ тому человекъ, который

*) Растеніе, похожее на дерезу.

сдѣлаетъ это. Для прекращенія же любви совѣтуется тронуть человѣка, одержимаго ею, вилочками.

На практикѣ, какъ приходится слышать, подвергаются очарованію отношенія мужа къ женѣ. Мнѣ удалось записать одно изъ такихъ средствъ со словъ кр. д. Тростянки, Вселюб. вол., Нов. у. Разсказчикъ увѣрялъ меня, что это средство есть самое дѣйствительное и, какъ на примѣръ, указывалъ, что будто бы одинъ кр. изъ д. Кривичей, той же волости, вслѣдствіе подобной ворожбы, уже три года не живетъ со своей женой. Привожу описаніе самой ворожбы.

Нужно взять изъ той телѣги, въ которой ѣхали «молодые» къ вѣнцу, шкворень и чеку (чека должна быть непременно желѣзная) и перебросить ихъ черезъ крышу того дома, въ которомъ устроено ложе новобрачныхъ, когда они лягутъ спать. При этомъ слѣдуетъ сказать: «Якъ возъ бязъ шворна и загваздки ни паѣдзя, такъ няхай малады да маладон ни пойдзя». Шкворень обыкновенно опять засаживается въ телѣгу, а чека жжется въ кузницѣ въ горнѣ на мелкій порошокъ. Если продѣлать такую штуку, то не только «малады ни пойдзя да маладон», но и «адрабиць» никто не будетъ въ состояніи. Въ противовѣсъ этому совѣтуется взять небольшой ножикъ (сыпизорыкъ) и перенести его поперекъ надъ «молодыми», когда они улягутся на брачную постель, какъ будто что разрѣзая надъ ними, а потомъ уйти отъ нихъ. Во время выхода изъ комнаты нужно ножъ держать остриемъ впередъ, самое же остріе впослѣдствіи отломить и бросить въ кузницѣ въ горнѣ, чтобы оно тамъ перегорѣло на мелкій порошокъ. При соблюденіи всего сказаннаго никакія чары не могутъ имѣть силы.

Въ настоящее время еще живы въ с. Никольскѣ Мин. у. мужъ съ женой, не имѣющіе дѣтей. Разсказываютъ, что эта женщина отказала одному жениху; его мать и сказала: «будзяшъ жа ты помницъ мѣня увесь свой вѣкъ». Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на свадьбѣ этихъ людей будто бы видѣли, какъ скалился съ крыши ихъ дома какой-то свѣтлый шарикъ.

Изъ перечисленныхъ выше случаевъ чародѣйства мы видѣли, какъ послѣдствія его, такъ равно и самые способы совершенія его. Къ этому еще нужно добавить, что водка имѣетъ широкое примѣненіе при чародѣйствѣ; напр., прежде упомянутый знахаръ

изъ д. Кнотовщины, Мин. у., лѣчили всѣ болѣзни, нашептывая надъ водкой и предлагая ее выпить своему пациенту. Для чародѣйства также употребляются разныя травы и снадобья, секретъ которыхъ извѣстенъ одному лишь употребляющему ихъ знахарю. Знахари иногда отрачиваютъ очень длинныя ногти, для того, чтобы удобно было подъ ними носить порошокъ изъ травъ, который они часто незамѣтнымъ для потребителя образомъ всыпаютъ въ пищу или питье.

Чары можно производить не только надъ тѣми предметами, которымъ хотятъ принести вредъ или пользу, но и надъ тѣми, которые имѣютъ съ первыми какое-либо соприкосновеніе или отношеніе; такъ, напр., чары производятся надъ слѣдомъ чловѣка: берутъ со слѣда, изъ-подъ лѣвой пяты, немного земли, скатываютъ ее въ пять шариковъ и кладутъ ихъ сохнуть въ какое-нибудь теплое мѣсто, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы такъ-же сохъ тотъ чловѣкъ, со слѣда котораго взята земля. Одна «знахарка», проживающая въ д. Окинчицахъ, Столѣнци. вол., Мин. у., смываетъ «перецолохи» съ дѣтскихъ шапокъ и волосъ; другая «знахарка», проживающая въ м. Сверженѣ, Мин. у., дѣлаетъ заговоры надъ пучками коровьей шерсти для того, чтобы коровы, съ которыхъ взята эта шерсть, давали большо молока. Многія вещи прямо «кладуца на чары», т.-е. для того, чтобы чловѣкъ, взявшій такую вещь, подвергся извѣстному очарованію. Изъ сказаннаго можно заключить, что чары передаются черезъ разные предметы; главнымъ же образомъ передача ихъ совершается по воздуху. Но надъ чѣмъ бы ни совершенно было очарованіе, и какія бы средства при этомъ ни употреблялись, его постоянно сопровождаетъ заговоръ. Отъ чего, собственно, зависитъ очарованіе —отъ средства ли, при этомъ употребляемаго, или отъ заговора —трудно сказать; но какъ то, такъ и другое считается необходимымъ при чарованіи.

Ворожба часто производится надъ совершенно посторонними предметами; такъ, въ с. Никольскѣ, Мин. у., для открытія вора берутъ рѣшето или сито, ставятъ на раздвинутые концы ножницъ и перечисляютъ имена тѣхъ лицъ, которыхъ подозрѣваютъ въ кражѣ; если при произнесеніи какого-либо имени рѣшето придетъ въ движеніе, тотъ чловѣкъ, значитъ, и виновенъ въ похищеніи вещи. Сходно съ этимъ и для этой же цѣли производится

замалываніе въ ручныхъ жерновахъ; къ сожалѣнію, частности этого способа мнѣ не извѣстны. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть про даваніе «на звоны», на «жыдоўскую школу», про ломаніе свѣчей и лежаніе «крыжемъ»; всѣ эти способы ворожбы мнѣ приходилось наблюдать въ с. Никольскѣ, Мин. у. Если случаемъ пропадетъ у крестьянина какая-либо вещь, то онъ идетъ къ церковному старостѣ и проситъ его позвонить во всѣ колокола, въ той увѣренности, что виновный въ кражѣ ея непременно умретъ, коль скоро не возвратитъ ея. Самый трезвонъ, по всей вѣроятности, имѣетъ близкое сходство съ погребальнымъ звономъ. Вѣра въ дѣйствительность приведеннаго средства дотога сильна, что часто, послѣ звона, воръ отбрасываетъ украденную вещь. Въ подобныхъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ бѣлоруссы жертвуютъ на «жыдоўскую школу», чтобы «жыдэ выкляли» (прокляли на смерть) какого-либо человѣка, сдѣлавшаго ему большую неприятность. Съ этой же цѣлью ставится въ церкви свѣча, предварительно переломленная. Переломъ свѣчи въ данномъ случаѣ служитъ символомъ того, чтобы такъ случилось и съ тѣмъ человекомъ, «на кого» эта свѣча поставлена. Нѣкоторые, поставивъ свѣчу, ложатся среди церкви ницъ, распростерши руки («крыжемъ»), и лежатъ такъ въ продолженіе церковной службы, моля Господа объ исполненіи ихъ замысловъ. Въ м. Вселобѣ, Нов. у., когда ставятъ свѣчу за спасеніе себя, то обводятъ ея вокругъ головы «по сонцу» три раза.

Скажу здѣсь, кстати, про «заломы», или «завитки». Заломы производятся во ржи и пшеницѣ, когда онѣ станутъ наливать, что совпадаетъ съ Купалою; заломанную пшеницу обыкновенно перевязываютъ красной шелковой лентой или ниточкой. Формы залама бываютъ разнообразныя; по преимуществу мнѣ приходилось видѣть заломы такой формы: четыре приблизительно равныхъ пучка соломы, взятыхъ накрестъ, переломаны на корню около нижнихъ междоузлій; верхи переломанной соломы наклонены вверху къ срединѣ и завиты. Цѣль заломовъ — повредить самому хозяину или его имуществу; по всей вѣроятности, форма залама тутъ играетъ маловажную роль; главный же центръ тяжести падаетъ на заговоръ, произносимый при производствѣ залама. Во время жатвы жнецы хорошенько присматриваются, чтобы не зацѣпить залама, а не то, чтобы ужъ сжать его, потому что, при подоб-

ной только предосторожности, заломъ не можетъ возымѣть своего дѣйствія. Иные крестьяне совѣтуютъ, кромѣ этого, вырывать заломъ съ молитвой (самое лучшее, съ заговоромъ, если кто знаетъ) и сжигать его подъ дырявымъ горшкомъ на полѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ произведенъ.

Привожу два разсказа, слышанныхъ мною относительно «заломовъ».

— Пасвили два хлопчыки быдла. Адзинъ зъ ихъ стаў ламаць жыта ды гаворыць: «ламлиу заломы!» А други пыталъ: «на што?» — «Кабъ падохли пановы каровы». Узяли гэта у папа каровы и падыхали (Никольскъ).

— Злавили аднаго хлопчыка, ломячы заломы. Стали у яго распытвацца: «На што ты ламаў заломы?» — «А я ни вѣдаю, на што ихъ ломяць», адказаў хлопцяць: «тўолька бачыў, што гэтакъ робиць мой дзядзька, дакъ и я рабиў». — «Што-жъ ты гаварыў?» — «А тоя, што гаворыць мой дзядзька: ўнизъ каласэ — на яго валэ; каласэ ў землю — на яго ссмыю» (Вселюбъ).

III.

Со знахарствомъ тѣсно сязывається народная медицина. Лѣченіе болѣзней, полученныхъ чрезъ очарованіе, доступно лишь вѣдзьмарству; но болѣзни, происшедшія отъ другихъ причинъ, лѣчатся и простыми знахарями. Есть болѣзни, за лѣченіемъ которыхъ крестьяне никогда не обращаются къ фельдшеру или доктору, считая ихъ безсильными относительно этихъ болѣзней — «ня вѣдаюць, што зрабиць и якоя лікарство даць». Къ такимъ болѣзнямъ принадлежатъ колтунъ, «ружа», «уразъ», «грызь», «переполохъ», вывихъ, укушеніе змѣей и бѣшеной собакой и отчасти зубная боль и лихорадка; остановка крови подвѣдомственна тоже знахарству.

Скажу нѣсколько словъ относительно этихъ болѣзней и ихъ лѣченія.

Колтунъ. О происхожденіи колтуна мнѣ не удалось ничего слышать. Какъ только онъ появится у кого-нибудь на головѣ, то этотъ челоуѣкъ обыкновенно не расчесываетъ и не остригаетъ сипетшихся волосъ, чтобы подобнымъ дѣйствіемъ не раздражить

колтуна, такъ какъ это раздраженіе можетъ навлечь дурныя послѣдствія, напр., слѣпоту или что-либо др. Бѣлоруссы, страдающій часто болью головы, прибѣгаетъ часто къ выливанію олова для опредѣленія своей болѣзни: если растопленное олово, впущенное въ воду, образуетъ фигуру со многими неправильными извилинами, то это вѣрный признакъ, что колтунъ ищотъ себѣ выхода на поверхность головы, и расчесывать волосы въ данномъ случаѣ строго воспрещается. Совѣтуется обыкновенно не трогать колтуна до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не отпадетъ; одинъ только «вѣдзьмаръ» можотъ состричь колтунъ ранѣе этого срока.

«Ружа» лѣчится большею частью при помощи заговора. Заговоры эти очень разнообразны, и многія лица знаютъ ихъ. Заговаривается «ружа» два раза въ день: утромъ, предъ восходомъ солнца, и вечеромъ, какъ только солнце зайдетъ. Говорятъ, что «ружу» можно заговаривать лишь въ томъ случаѣ, когда заговаривающій будетъ имѣть болѣе сильную волю, чѣмъ пациентъ. Привожу одинъ польскій заговоръ противъ ружи, записанный мною. «Святою крайдою» (мѣломъ, освященнымъ 6 янв. на uroczyście Trzech Króli) кладется крестъ на больномъ мѣстѣ и говорится: «W imię Pana Naszego Jezusa Nazarańskiego zaklinam cię róza, uspokój się»; потомъ читается Zdrowaś Marya,—и все это повторяется три раза *). Кроме заговоровъ, ружу еще лѣчатъ, прикладывая къ больному мѣсту тонкую ржаную муку, легкимъ слоємъ посыпанную на полотно или же (что считается лучшимъ) на оберточную синюю бумагу; муку эту иные совѣтуютъ смѣшивать съ яйцомъ, а другіе прикладываютъ одну безъ примѣсей. Прикладываютъ также еще и кору бѣлой сирени, обращая внутреннюю часть къ больному мѣсту.

Противъ «ураза» выливаютъ олово и «кидаюць на животъ шклянку».

«Грызъ» можно заговаривать и выгрызать. Выгрызаньемъ его занимаются знахари, но, кажется, это можетъ еще сдѣлать единственный сынъ у отца.

*) Подобный заговоръ отъ рожи сообщила намъ г-жа Мос—ва изъ Черниг. губ. на вѣмецк. яз.: „Rose, ich beschwöre dich im Namen Gottes des Vaters, des Sohns und des Heiligen Geistes. Amen“. Этотъ заговоръ не могутъ передавать другъ другу лица одного пола, иначе онъ потеряетъ силу. Отъ рожи также прикладываютъ лягушечью ивру (Свѣлецк. губ.). Ред.

Чтобы отогнать *переполохъ*, катаютъ яйцо по тѣлу человѣка, одержимаго имъ, главнымъ образомъ по желудку, въ надеждѣ яйцомъ выбрать переполохъ; во время катанія яйца произносится особый заговоръ. Послѣ этого вливается въ какой-либо сосудъ вода, яйцо разбивается, и желтокъ изъ него выпускается въ воду. Смотря по тѣмъ фигурамъ, какія приметъ въ водѣ жидкій желтокъ, опредѣляютъ, чего больной испугался. Практикуется также смываніе переполоха: смывашіе производится надъ самимъ испугавшимся или надъ клочкомъ его волосъ, или же, наконецъ, надъ какой-либо его одеждой. Противъ переполоха употребляется выливаніе олова. При этомъ растопленное олово выливается въ миску съ водой надъ головой больного. Если при выливаніи олова послышится громкій рвзкій звукъ, то это означаетъ, что больной выздоровѣетъ. Если человѣкъ нечаянно попадетъ въ воду и сильно испугается, то для предупрежденія дурныхъ послѣдствій переполоха совѣтуется выжать изъ намокшей одежды воды на руку и выпить ее. Существуютъ обычай испугавшагося собаки, лошади и др. животныхъ окуривать шерстью, выстриженною съ того животнаго, которое причинило испугъ; выстрижки волосъ даже не избѣгаетъ и человѣкъ. Противъ переполоха окуриваютъ еще «трецяголтнею грацкаю саломая», которая считается «памоцнаю» и въ другихъ случаяхъ.

Въ лѣченіи *вывиха* обращаетъ на себя вниманіе павязываніе «навязки». На мѣстѣ вывиха, послѣ вправки кости, привязывается 27 междуузлій ржаной соломы, заверченныхъ въ тряпку; это и есть «навязка». Междуузлія берутся изъ 9 соломинокъ, нмѣющихся ихъ по три. При павязываніи «павязки» говорится кака-либо молитва. «Навязка» носится до тѣхъ поръ, пока вывихъ не перестанетъ болѣть. Между прочимъ, упомяну, что «навязки» разнаго сорта: въ большемъ ходу въ Бѣлоруссіи; такъ, красная нитка, павязанная на рукѣ, служитъ предохранительнымъ талисманомъ; съ этою же цѣлью павязывается на пальцахъ «сыровѣя» (небѣленая) нитка; при нѣкоторыхъ болѣзняхъ больного подпоясываютъ шелковой лентой; ношеніе на шеѣ зубовъ мертвеца предохраняетъ отъ зубной боли, желѣзнаго кольца — отъ лихорадки, золота — отъ желтухи, «дѣгиля» — отъ холеры; красная лента (жычка), павязанная на жеребенка, предохраняетъ его отъ порчи глаза. Если вывихъ большой, то это мѣсто забинтовывается въ

лубки (увязваяца у ляцѣтки), и въ нему прикладываютъ припарку изъ растенія «скѣчки». Костоправами обыкновенно бывають знахари.

Противъ укушенія змѣй наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ признается заговоръ. Привожу одинъ изъ такихъ заговоровъ, записанный въ м. Вселюбѣ, Нов. у.:

Прышла змяіа	Панъ Езусъ жыве
Да майго кіа	И истносьць яго.
И укусила яго;	А я тую змяю
А у томъ кіа	На сибѣ бяру.

Збирайся да мене гадзны—
Падрубная, паддубная... *)
Каторы укусиў,
Кабъ той самъ ня жыў!

Слонцу незахадзімаму,
Мѣсяцу сьвяцімаму,
Морю сіняму.
А на томъ моры камянь ляжыць,
На камяні трыдзявляць дзявиць сядзиць;
Яны на ўсѣмъ сьвѣці страдали,
Усімъ людзямъ дапамагали—
Дапамажэца и мяѣ!

Проговоривши этотъ заговоръ, слѣдуетъ растереть соли, высыпать на хлѣбъ и дать съѣсть ужаленному змѣей.

Бѣлоруссъ убѣжденъ, что змѣя, ужаливъ челоувѣка, тотчасъ спѣшитъ наитися воды; если при этомъ ужаленный челоувѣкъ скорѣе, чѣмъ змѣя; добѣжитъ до воды и обмоетъ рану, а также напьется, то не только укушеніе пройдетъ безслѣдно, но и ужалившая змѣя должна непременно издохнуть. Особенно вреднымъ считается укушеніе «насланѣи» змѣи, т.-е. приславной для этого какимъ-либо знахаремъ. По понятію бѣлорусса, есть много людей, которые могутъ по своему желанію созывать змѣй къ себѣ, посылать ихъ жалить людей и наказывать за самовольное жаленіе.

*) Тутъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ змѣй; въ несчастію, лицо, передававшее мнѣ заговоръ, забыло эту важную часть.

Отъ укушенія *бѣшеной собакой* даютъ хлѣбъ, собранный съ девяти хатъ, со святою солью; въ предупрежденіе заболѣванія бѣшенствомъ собакъ, нѣкоторые бѣлоруссы даютъ имъ хлѣбъ, освященный на Пасху, хотя это и считается большимъ грѣхомъ.

По представленію бѣлорусса, *зубы болятъ* у человѣка отъ того, что ихъ грызетъ небольшой бѣленькій червячекъ съ черною головкой. Чтобы выгнать его оттуда, запариваютъ бѣлену (воўчы макъ) въ чашкѣ горячей воды, и страдающій зубной болью долженъ стать надъ этой чашкой, накрыть сверху чѣмъ-либо свою голову и вдыхать испаренія; червячки весьма не любятъ этихъ испареній, и всѣ попадаютъ въ чашку. Противъ зубной боли употребляютъ еще слѣдующій заговоръ:

Пытая малады у старѳга:
 Ци баляць зубы у няжывога?
 Стары гавѳрыць: нѳ!
 Няхай ня баляць мяѳ!

Произнесши единымъ духомъ этотъ заговоръ три раза, слѣдуетъ изъ-подъ правой пяты взять песку и приложить его на ночь къ той щекѣ, съ которой стороны болятъ зубы. Заговаривать такимъ образомъ зубную боль можно только «ў маладзійкѣ». (Вселюбъ).

Когда зубы выкрашиваются, то бѣлоруссъ видитъ въ этомъ прямое слѣдствіе небрежнаго обращенія съ вишней, рябиной, «крушынаю», или калиною; поэтому, для избавленія отъ этой болѣзни, совѣтуется присягнуть предъ которымъ-нибудь изъ названныхъ деревьевъ. Присяга совершается «ў маладзійкѣ», утромъ, до восхода солнца. При этомъ нужно становиться на колѣни и говорить: «Присягаю табѳ, крушынка (вярабинка, вишанька, калинка), што вѳкъ цибе ня буду ни крышыць, ни ламаць». Это повторяется три раза; за каждымъ разомъ нужно поклониться дереву и поцѣловать его.

Лихорадка (фѳбра, фыбра, хвѳбра, трасца) очень упорная болѣзнь и особенно трудно поддается она лѣченію въ крестьянской средѣ, гдѣ не соблюдается никакая діета. Крестьяне говорятъ: «уже кали хвѳбра вѳйдзя ў косьци, ту яѳ трудна выгнаць». Поэтому для лѣченія этой болѣзни у крестьянскихъ ворожей существуетъ много различныхъ средствъ. Иные совѣтуютъ потворствовать всѣмъ прихотямъ больного лихорадкой; другіе, наобо-

ротъ, считаютъ за лучшее всѣ желанія больного, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, оставлять безъ удовлетворенія. Въ обоихъ случаяхъ признается, что желанія больного не его собственные, а исходятъ отъ болѣзни, и оба лѣченія имѣютъ одну исходную точку — представленіе лихорадки, какъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, въ человѣческомъ образѣ. Для изгнанія лихорадки часто пугаютъ больного, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ испугать лихорадку, дабы она оставила его. Чѣмъ больше испугается больной, тѣмъ считается лучше; бывали даже случаи смертельныхъ переполюховъ. Упомяну про отбрасываніе лихорадки. Рано утромъ, до восхода солнца, больной лихорадкой идетъ съ яйцомъ на перекрестокъ дорогъ и оставляетъ тамъ яйцо, стараясь при этомъ, чтобы никто не догадался про его дѣло. Сдѣлавъ это, больной спѣшитъ домой, боясь оглянуться назадъ, чтобы болѣзнь обратно къ нему не пристала. Иные совѣтуютъ отбрасывать яйцо не на перекрестокъ, а куда-нибудь въ болото «падъ азярыну». Отброшеннаго съ подобною цѣлью яйца никогда не слѣдуетъ брать, иначе къ смѣльчаку непременно пристанетъ лихорадка; поэтому весной, въ сезонъ лихорадки въ деревнѣ, часто приходится на перекресткахъ дорогъ видѣть яйца. Кромѣ того, лѣчатъ лихорадку при посредствѣ заговоровъ и различныхъ снадобій, на которыя особенно изобрѣтательны бываютъ деревенскія «знахорки». Совѣтуется также, какъ вполне радикальное средство, послѣ того, какъ перестанетъ лихорадка трясти человѣка, закрыть всѣ окна въ домѣ, заколотить, хоть для формы, двери, приклеить вездѣ таблички съ надписью: «его нѣтъ дома, уѣхалъ», и оставить такъ приблизительно на недѣлю. Лихорадка походить по двору, посмотритъ на таблички и уйдетъ, оставивъ въ покоѣ больного. Мнѣ указывали на нѣсколько случаевъ излѣченія подобнымъ образомъ лихорадки.

«*Вошникъ*» — нѣчто въ родѣ лишая у дѣтей на подбородкѣ. Онъ появляется, по повѣрью бѣлорусса, у тѣхъ дѣтей, которыя позволяютъ себѣ плевать на огонь. Болѣзнь эту лѣчатъ такъ: больной высаживаетъ голову чрезъ окно, кто-нибудь изъ домашнихъ изъ хаты обводитъ вокругъ его головы горящими углями и отбрасываетъ ихъ на улицу.

Отъ «*дзѣцинца*» ребенка, когда тотъ очень раскритится, протаскиваютъ чрезъ хомуть.

Кровь астамавливаютъ въ ранѣ при помощи заговоровъ. Привожу заговоръ, записанный мною въ м. Вселюбѣ.

Стань кроў ў рани,
 Якъ Пань Езусъ ў Ёрдани.
 У Ёрдани вада ни рушылася,—
 Кабъ кроў ў рани астанавилася.

Заговоръ этотъ произносится три раза. Послѣ перваго произнесенія его говорится «Anioł Pański» и «Zdrowaś Marya»; послѣ второго—«Oto ja Służebnica» и «Zdrowaś Marya»; послѣ третьяго—«A Słowo Stało się Ciałem», и «Zdrowaś Marya» и наконецъ «Wieszny pokój!...

Чтобы покончить съ болѣзнями, скажу нѣсколько словъ про холеру.

Холера, какъ болѣзнь въ высшей степени заразительная и скоротечная, особенно страшна бѣлоруссу по своимъ послѣдствіямъ. Промежуточное посѣщеніе ею Бѣлоруссіи глубоко врѣзалось въ память обитателямъ ея. Проклиная кого-нибудь, бѣлоруссъ говорить: «Кабъ цибе халера задушыла!» Въ видѣ брани произносятся: «Халера ты тридцатаго году!» Уже изъ этого одного можно заключить, насколько бѣлоруссъ считаетъ непріятной гостьей для себя холеру. Поэтому, немудрено, что онъ придумалъ средства избавиться отъ посѣщенія ея; и тѣмъ легче было ему придумать ихъ, что онъ представляетъ, какъ мы ниже увидимъ, холеру въ человѣческомъ образѣ и съ человѣческими слабостями.

Прежде всего нужно принять предохранительныя мѣры. Для этого собираются бабы и подростки дѣвочки почти со всего села къ кому-нибудь изъ крестьянъ въ избу съ прялками и куделью. Тутъ, при пѣніи святыхъ пѣсенъ, они стараются напрясть за ночь нитокъ и выткать изъ нихъ полотно. Утромъ, до солнечнаго восхода, выносятся это полотно на улицу, или даже за село, и тамъ сожигается. Всѣ жители поголовно должны «акурыцца гѣтымъ дымамъ» — постоять нѣсколько времени въ дыму отъ полотна. Когда полотно сгоритъ, да и раньше этого, подбрасываютъ въ огонь лошадиный навозъ и корни «дзягиля»; эти корни въ холерное время совѣтуется носить въ ладонкѣ въ качествѣ предохранительнаго талисмана; а также на нихъ настаиваютъ водку, и эта водка служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ противухолерныхъ лѣкарствъ.

О важности этой настойки можно судить по слѣдующему разсказу, слышанному мною прошлый годъ въ с. Никольскѣ Мин. у.

— Икъ была даўнѣй халера, дакъ вельми стали пиць гарѣлку зъ дзягилямъ. Вотъ халера пабачыла, што ёй уже ни можна людзей душыць, дакъ усё ходзиць па вёскахъ ды гаворыць: «Тыцьмыць! ¹⁾ Навучылися зъ дзягилямъ гарѣлачку пиць».

Для защиты отъ холеры ставятъ кресты при вѣздахъ въ село; такой крестъ былъ поставленъ въ прошломъ году въ с. Никольскѣ Мин. у.; въ м. Вселюбѣ Нов. у. еще понынѣ на базарной площадкѣ стоитъ крестъ, который былъ поставленъ съ этой цѣлью въ 60-хъ гг.

Въ особенности нельзя говорить и вспоминать про холеру въ холерное время. БѢлоруссъ говорить: «хваробу ня треба кликаць,—сама прыдзя», да и вообще онъ неодобрительно смотритъ на всякія заочныя воспоминаія, тѣмъ болѣе, что они вызываютъ иканье, что неособенно приятно, и бѢлоруссъ при всякомъ иканьи не замедлитъ сказать: «Кабъ яму (тому лицу, которое про него воспоминаетъ) гэтакъ икалася на томъ сьвѣци». Поэтому бѢлоруссъ увѣренъ, что и холера не любитъ, если кто про нее воспоминаетъ. Любопытный въ этомъ отношеніи разсказъ мнѣ удалось слышать въ прошломъ году въ с. Никольскѣ.

— Ъхаў салдаты. Сустрачая яго нѣкая жонка и гаворыць: «Ты мне не спужаўся?» — «Нѣ!» кажа салдаты: «чаго-жъ мнѣ и палóхаца, кали пры мнѣ есьць ружѣ съ пикаю». — «Ну дакъ злазь съ каня!» Салдаты злѣзь. «Паглядзи мнѣ цяразъ лѣвая плячо». Салдаты стаў глядзѣць». — «Што бачышь?» — «Бачу урóжай вялики». — «Добра! Паглядзи циперь цяразъ правая плячо». Салдаты зноў стаў глядзѣць. «Ну што бачышь?» — «Я сусимъ злѣкса (испугался): вельми многа бачу трупоў». — «Вотъ вѣдаешъ што, я — холера! Ъдзъ жа ты ў гэтую вёску и скажи, кабъ-буóльшь мне ня ўспаминали, бу ўсѣ яны паўмираюць». Салдаты гэта паѣхаў ў вёску и расказаў людзямъ ўсё. Людзи ни паслухали яго и за тоя ўсѣ паўмирили ²⁾.

Насколько важны для борьбы съ холерой указанныя предохранительныя мѣры, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною въ томъ же селѣ въ прошломъ году.

¹⁾ Ткнулся и назадъ, ни съ чѣмъ воротился.

²⁾ Срав. „Этногр. Обзор.“, XVIII, указатель (холера).

— У адно сяло прышла жонка и гаворыць: «Циперъ вы вельми разумныя стали: панарывали дзягилю, палыну панабирали газы, дегтю, мяѣ навятъ нельга и зайци къ вамъ. Дайца мяѣ лапци и анучы, и я пайду адъ васъ». А гэта была халера. Людзи съ тае вѣски дагадалися, дали ёй новыя лапци и бѣлыя анучы, и яна пашла сабѣ.

Въ заключеніе о холерѣ привожу разсказъ, записанный мною въ м. Вселюбѣ.

— Ъхаў адзинъ чалавѣкъ да дому. У лѣси нагнаў ёнъ нѣкаго другога чалавѣка. Адзѣты гѣты чалавѣкъ быў, якъ панѣ. Пачаў ёнъ прасицца на возъ. Гаспадаръ, вядома, кажа: садзися! У дарози яны разгаварылися. Дакъ той чалавѣкъ, што йшоў, пытая у гаспадара: «А вѣдаяшь, каго ты вязешъ?» — «А хто цибе вѣдае, хто ты такі», адказвая яму гаспадаръ. «Я — халера». Спужаўся гѣты гаспадаръ, але прывѣзъ таки халеру къ сабѣ да хаты. Павячeralи навятъ разамъ халера зъ гаспадаромъ. Па вячеры пашла халера спаць ў адрынку. У ночы мужыкъ прызнаўся жонцы, што ёнъ прывѣзъ ў вѣску халеру. Жонка стала на яго крычаць, на што вѣзъ; а посьля настала таки на яго, кабъ ёнъ пашоў ды забиў халеру. Мужыкъ гэта раздумаўся, ўзяў тапоръ и пашоў ў адрынку. Прышоў ёнъ туда, адно жъ халера спиць сабѣ выпягнуўшыся. Мужыкъ, доўга ня думаячы, скроиў ёй тапаромъ па галавѣ, дакъ яна и духу навятъ ниўказала. Тагды енъ стаў мацаць па кишэняхъ и нашоў тамъ пятеоть рублёў. Забраў гаспадаръ гѣтыя грошы, а халеру заташыў ў салому. Назаўтра ранинка пашоў гѣты мужыкъ ў карчму и кажа жыдоўцы, кабъ налила яму гарѣлки. Жыдоўка ни хацѣла яму даваць гарѣлку, бу вѣдала добра, што у гэтага гаспадара николи и ў заводзи грошай ня было. Мужыкъ дастаў гэта грошы съ кишени и паказвая жыдоўцы. Жыдоўка сумѣлася и пытая у яго: «Дзѣ жъ ты гѣтульки грошай дастаў?» — «Дай гарѣлки, дакъ скажу», адказвая гаспадаръ. Дала гэта жыдоўка мужыку выпиць, вотъ ёнъ и сазнаўся ей, якъ забиў халеру. Жыдоўка заразъ данясла начальству пра гэта. Прыѣхала начальство. Абравідавали адрынку у мужыка и знайшли тамъ трупъ. Мужыкъ сазнаўся ва ўсѣмъ. Пачали равидоваць трупъ, дакъ знайшли пры ёмъ семъ тысячь грошай и цѣлы пачокъ парашкоў, што труиць воду, кабъ людзи мерли. Была ище пры ёмъ записка, што гэтакихъ людзей ходзиць па сьвѣци сем-

дзясятъ. Дакъ усѣ яны гэта сами съ сабою пяраніску мѣли, дзѣ каторы абарачаѣцца. Вотъ ўсіхъ гэтыхъ людзей, што труили воду и рабили халеру, палавили, дакъ цперъ и халеры ня чувачъ.

IV.

Отъ болѣзни прямой переходъ къ смерти; тѣмъ болѣе это умѣстно сдѣлать въ данномъ случаѣ что, по представленію бѢлорусса, смерть есть существо нечистое. По виду своему смерть представляетъ скелетъ. Необходимою принадлежностью смерти считается коса; однако она не служитъ орудіемъ смерти, а скорѣе только эмблемой ея. БѢлоруссъ, говоря про смерть, характеризуетъ дѣйствіе ея словомъ «душыць», вѣроятно, представляя при этомъ, что смерть сдавливаеъ челоѡѡку горло, отъ чего дыханіе у него останавливается и онъ умираетъ. Должно быть, смерть по этому и становится при послѣднихъ минутахъ челоѡѡка у его изголовья. По представленію бѢлорусса, «духъ» вообще характеризуетъ смерть. «У яго саўсімъ духу нима», «ёнъ и духу свайго ни збярэ; навятъ и духу ни аццягне»,—говоритъ бѢлоруссъ про слабо-сильнаго челоѡѡка.

«Душыць» смерть людей не по своему усмотрѣнію, а «каго Богъ прызначаць». Поэтому смерть передъ отправленіемъ за людьми, постоянно спрашиваетъ у Бога, кого брать. Постояннымъ мѣстопробываніемъ смерти на «томъ свѣѡци», кажетъся, служитъ адъ. Смерть представляется бѢлоруссу слишкомъ страшнымъ существомъ. Въ общежитіи употребляется сравненіе—«страшны, якъ смерць». Любопытный разсказъ удалось мнѣ слышать въ с. Никольскѣ Мин. у. о томъ, какъ изъ-за страха по нѣсколько разъ претерпѣвать предсмертныя мученія, люди лишились возможности воскресать—«ўставаць съ таго свѣѡту». Памѣрь першы чалаѡѡкъ Адамъ. Дзѣѡци яго вельми плакали па ёмъ. Богу стала жалка ихъ, и ёнъ сказаў Адаму: «Устань сабѣ и пажыви ище кѡольки гадоў». Адамъ стаў прасицца у Бога, каѡъ ёнъ ни посылаў яго назадъ на гэты свѣѡтъ, бу яму вельми пѡжка было умираць. Богъ ня стаў яго прымушваць, а Адамъ самъ ни захаѡѡў ўставаць. Вотъ пѡразъ гэта другія людзі ни ўстаюць съ таго свѣѡту. «Съ таго свѣѡту ище ниhto ни вярнуўся»,—говоритъ бѢлоруссъ.

Когда челоѡѡкъ находится въ предсмертной агоніи, то запре-

щается по немъ плакать, потому что иначе онъ можетъ «збицца зъ дароги» и протрадать еще нѣсколько времени на гэтумъ свѣци». Вообще на излишній плачь по умершемъ бѣлоруссъ смотреть неодобрительно. Это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа.

— Памерла у аднаé жонки дачка. Яна па ёй вельми плакала и ёй надта хацѣлася пабачыць свас дачки. Вотъ нарэили (посоветовали) ёй, кабъ яна на «Усѣ святыя» (1 ноября) пашла ў церкоў и стала ў прытворы. Зрабила яна гэтакъ. У самую уже поўначъ начали ици сьмярцьвицэ. Угледзяла на самы перадъ гэтая жонка сваю хрыщовую матку. Хрыщоная матка сказала ёй, кабъ яна стала ў кутчакъ и схавалася тамъ, бу сьмярцьвицэ якъ угледзяць, дакъ гатовы зѣсьсци. Схавалася гэта тая жонка ў кутчакъ. Бачыць — идзе яе дачка и валаче за сабою вялики цэбаръ слезъ, што выплакала маці па ёй. Замардавалася бѣдная, ажъ рачи ¹⁾ па ёй цякуць. Стала мацяры вельми жалка яе и посьля гэтага яна прыстала плакаць. (Никольскъ).

Смерть только вводитъ душу человѣка на тотъ свѣтъ (вымѣя яе съ цѣла), а тамъ, смотря по тому, сколько эта душа содѣяла грѣховъ на этомъ свѣтѣ, она поступаетъ или въ распоряженіе чертей, которые ведутъ ее въ адъ, или же въ распоряженіе ангеловъ, которые сопровождаютъ ее въ рай. Для опредѣленія степени грѣховности души, ея грѣхи и добрыя дѣла взвѣшиваются на вѣсахъ предъ лицомъ Бога. Бели чертъ напередъ убѣжденъ, что душа именно будетъ принадлежать ему, напр. онъ имѣетъ запись на эту душу, то прилетаетъ самъ за ней и сей часъ же беретъ ее у смерти, какъ только та разлучитъ ее съ тѣломъ. При насильственной смерти душа человѣка непременно поступаетъ въ вѣдѣніе чертей, и они цѣлой ватагой прилетаютъ за нею; поэтому обыкновенно всѣ насильственные смерти сопровождаются бурей; то же бываетъ и при смерти «вѣдзьмара» и «вѣдзьмы». Самыя мѣста насильственной смерти бѣлоруссъ считаютъ нечистыми и, по всей вѣроятности, стараются сокрыть ихъ отъ своихъ глазъ, онъ набрасываетъ на нихъ камни, или же, если близко есть лѣсъ, то вѣтви деревьевъ. Я слышалъ, что такія мѣста находятся въ Почаповской вол. Нов. у., гдѣ повѣсилъ человѣкъ, и по дорогѣ изъ д. Криничной въ м. Еремичи тоже

¹⁾ Обильный потъ, какъ говорятъ „потъ градомъ катится“ (рачи—ручьи?).

Нов. у; здѣсь иные говорятъ, будто бы похоронены двое заблудившихся и замерзшихъ дѣтей; другіе утверждаютъ, что это могила двухъ братьевъ, убившихъ другъ друга за дѣвушку, въ которую они оба были влюблены. На оба мѣста существуетъ обычай накладывать хворостъ, и этотъ обычай свято соблюдаютъ всѣ идущіе вблизи этихъ мѣстъ.

Слѣдуетъ тутъ отмѣтить одинъ любопытный фактъ. БѢлоруссы вполне увѣрены, что душа утопленника непременно должна нѣкоторое время проплавать въ видѣ синей утки. Достоинно примѣчанія также то, что вода особенно подмываетъ тотъ берегъ, на которомъ похороненъ утопленникъ (утопленниковъ хоронятъ на берегу рѣкъ); вообще вода почему-то всегда силится омыть тѣ берега, на которыхъ устроены кладбища.

Есть множество примѣтъ, по которымъ можно опредѣлить приближеніе смерти; напр., станетъ трещать натопленная печь съ лѣвой стороны, — умереть хозяйка; затрещитъ съ правой стороны, — умереть хозяинъ; запоетъ курица пѣтухомъ, — непременно въ домѣ долженъ быть покойникъ. Для отогнанія отъ себя такой бѣды, бѢлоруссы обыкновенно, заслышавъ пѣніе курицы, говорятъ: «спѣвай на сваю голува», — и начинаетъ ею мѣрить комнату; если при этомъ на порогъ упадетъ голова, то отсѣкаетъ ей голову; если же упадетъ хвостъ, то же дѣлаютъ съ хвостомъ. Если не закроются у покойника глаза, то это вѣрный признакъ, что въ скоромъ времени умереть кто-либо изъ его односельчанъ. Брить бороду и усы у покойника тоже считается предосудительнымъ, такъ какъ черезъ это могутъ умирать люди.

Человѣкъ, умирая, не разрываетъ связи съ этимъ міромъ. Умершіе очень часто являются во снѣ живымъ и предупреждаютъ ихъ о приближеніи смерти; на «дзѣды» они всей ватагой приходятъ въ родной домъ и ужинаютъ то, что имъ оставляютъ на столѣ; на «Всѣ сьвятыя» всѣ умершіе собираются въ ближайшую церковь или костелъ на молитву.

Мѣстопробываніемъ душъ умершихъ людей «на томъ сьвѣци» служатъ — для грѣшныхъ адъ (пекло), а для праведныхъ рай. Адъ бѢлоруссы представляетъ себѣ огромнѣйшимъ болотомъ, находящимся гдѣ-то далеко внизу подъ землею и водою. Въ немъ постоянно обитаютъ черти, которые занимаются мученіемъ грѣшниковъ. Смотря по роду грѣховъ, черти задаютъ душамъ грѣшни-

ковъ самыя разнообразныя муки. Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ считается кипѣніе въ котлѣ съ горячею смолою: сообразно важности грѣховъ черти иныхъ грѣшниковъ всаживаютъ въ котель по поясъ, другихъ по шею, а великихъ грѣшниковъ опускаютъ совсѣмъ въ котель и поверхъ ихъ еще вбрасываютъ людей; лица, носившія Szkaplery, всаживаются въ смолу до тѣхъ мѣстъ, куда достигали при ношеніи Szkaplery. На иныхъ грѣшникахъ черти возятъ смолу; людей, ругавшихся скверными словами, однихъ заставляютъ лизать горячія сковороды, а другимъ накалываютъ языкъ иглой; тѣхъ же лицъ, которыя при жизни имѣли неосторожность бросать гдѣ попало части своего тѣла (волосы, обрѣзки ногтей), черти принуждаютъ ползать по всему свѣту и собирать ихъ. Особенно страшнымъ мученіемъ почитается катаніе человѣка по острымъ предметамъ — «наўпяродъ на нажэ, а посьля на брытвы». Есть множество другихъ мученій, но они, кажется, не самостоятельны. (?) Про рай у бѣлорусса еще болѣе смутныя представленія. Онъ только знаетъ, что «тамъ вельми добра, и авѣлки спѣваюць вельми хбраша».

Если умершему на томъ свѣтѣ весьма плохо, то онъ является во снѣ своимъ живымъ родственникамъ. Тогда эти послѣдніе, для оказанія помощи своему умершему собрату, даютъ что-либо нищимъ, чтобы тѣ помолились за его душу; въ с. Никольскѣ Мин. у существуетъ обычай всю исподнюю одежду умершаго раздавать нищимъ для поминовенія его души. Вообще бѣлоруссъ при всякой возможности старается помянуть своихъ умершихъ родственниковъ; почти каждый нищій получаетъ для этой цѣли яйцо, кусокъ полотна или что-либо другое; при этомъ всѣ умершіе родственники перечисляются поименно и въ заключеніе говорится — «помныя и непомныя».

Замѣчательно то, что тѣло человѣка, по представленію бѣлорусса, находясь въ землѣ, сохраняетъ свою чувствительность, хотя положительно нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключить, что душа находится по смерти съ тѣломъ. Одинъ священникъ рассказывалъ мнѣ, что въ с. Плотницѣ Нов. у., гдѣ домъ священника находится на мѣстѣ упраздненнаго кладбища, приходилось ему слышать очень частыя рассказы о появленіи въ этомъ домѣ мертвецовъ. Между прочимъ тамошній церковный староста ему передавалъ: «Одинъ разъ я заснулъ въ этомъ домѣ на

землѣ, подостлавши подъ себя немного соломы. Ночью я слышу зоветь кто-то меня по имени: Александръ, Александръ! Я проснулся; вотъ голосъ и говоритъ мнѣ: отвернись немного на бокъ, а то ты меня слишкомъ придавилъ. Я отвернулся, легъ на другую сторону и цѣлую ночь проспалъ спокойно».

По понятію бѣлорусса, мертвые наслаждаются невозмутимымъ покоемъ; онъ говоритъ—«тѣолька на томъ свѣѣци и можна сапачыць». Нарушать этотъ покой бѣлоруссъ считаетъ предосудительнымъ, тѣмъ болѣе, что и сами мертвецы мстятъ за это; въ особенности бѣлоруссъ боится взять что-либо съ кладбища, не говоря уже про вещи, лично принадлежащія мертвецу. Вотъ два разсказа, повѣствующіе о вразумленіи и наказаніи живыхъ людей мертвецами за нарушеніе ихъ покоя.

— Въ с. Никольскѣ Мин. у. гончарь углублялъ въ своей хатѣ яму, въ которой онъ обыкновенно мѣшалъ глину. А нужно замѣтить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ его домъ, было кладбище. Случайно этотъ гончарь выкопалъ двѣ кости голени. При шѣрлалъ онъ эти кости къ себѣ, и оказалось, что онѣ принадлежали человѣку, много превосходящему его по росту. Эти кости гончарь показалъ еще нѣкоторымъ изъ своихъ сосѣдей и зарылъ ихъ, только въ другомъ мѣстѣ. Ночью во снѣ къ этому гончарю явились два казака на сивыхъ коняхъ и стали спрашивать его, зачѣмъ онъ перенесъ ихъ кости въ другое мѣсто. На завтра гончаръ перенесъ эти кости изъ новаго мѣста на старое. Съ тѣхъ поръ ни разу не являлись ему во снѣ эти казаки.

— Было разъ игрыща. Паслали ў сусѣднюю вѣску аднаго хлопца па гарѣлку. Треба было яму ѣхаць каля могилакъ. Прыѣхаўшы назадъ, ёнъ пачаў расказваць, што вельми спалохаўся на дарозі каля могилакъ. Стали у яго распытвацца, што ёнъ тамъ такая бачыў; дакъ гэты хлопяць и расказвая, што нѣкая баба зъ могилакъ, ўся ў бѣлумъ, абудва разы кидалася яго каню падъ ноги. Пачали гэта на игрыщы гаворыць пра сьмярцѣвицоў. Вотъ адзінъ зухъ абабраўся и гаворыць, што ёнъ адзінъ сходзиць на могілкі и прынясе аттуль адзежу сьмярцѣвица. Пашла спрэчка Паспирачалися трохі и пашоў гэты хлопяць на могілкі; аткапаў. ёнъ тамъ яму, дастаў труну, зняў сь сьмярцѣвица ўсю адзежу и прынесъ ў хату. Якъ тѣолькі ёнъ ўвайшоў ў хату, дакъ зараць падъ акномъ пачаў сьмярцѣвецъ крычаць: «Няси мнѣ маю адзежу!»

Усѣ папалохалися, якъ няжывыя стаяць, маўчаць, навятъ и духу ня укажуць. А тутъ сьмярцьвецъ уходзиць ў хату и ўсѣ крычыць: «Аддай мнѣ маю адзежу; я табѣ гавару, аддай мнѣ маю адзежу!» Зблядзѣў гэта той хлопаць, якъ сьмерць, вышаў у яго уже увесъ хмель зъ галавы. Падышоў гэта сьмярцьвецъ падъ яго и кажа: «Чого жъ ты стайш? Кладзи на мне маю адзежу!» Хлопаць стайць, якъ пень. Вотъ сьмярцьвецъ якъ загалялящыў яму па мордзи, дакъ ёнъ навятъ и духу ни ўказаў.

Іныя разказывають, будто бы этотъ парень носилъ мертвецу одежду на дворъ, и тамъ уже расправился съ нимъ мертвецъ. (Слышалъ въ с. Никольскъ Мин. у.).

Мнѣ приходилось въ названномъ селѣ слышать подходящій разказъ съ тѣмъ только различіемъ, что былъ принесенъ трущъ, а не платье мертвеца. Этому трупу была воткнута въ зубы горячая лучина. Вотъ онъ кривился-кривился, а потомъ обхватилъ того молодца, что принесъ его, и сколько ни старались освободить этого бѣдняка отъ объятій мертвеца, всѣ усилія оказались напрасными, и пришлось похоронить ихъ обоихъ вмѣстѣ.

Приведенныхъ явленій мертвецовъ нельзя смѣшивать съ хожденіемъ умершаго по землѣ «вупоромъ»: бѣлоруссъ строго разграничиваетъ эти два понятія. Явиться во снѣ или наяву, вслѣдствіе нарушенія постороннимъ лицомъ его священныхъ правъ покоя, можетъ всякій мертвецъ, свойствомъ же ходить по смерти «вупоромъ» по землѣ обладаютъ преимущественно умершіе знахари и знахарки, запродавшіе чорту свою душу. Самые цѣль и образъ явленій «вупора» отличны отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ явленій: «вупоръ» выходитъ на поверхность земли по собственнымъ побужденіямъ для нанесенія вреда людямъ, самый выходъ ихъ изъ гроба совершается безъ посторонней помощи, и вообще для тѣла ихъ не существуетъ естественныхъ преградъ. Къ тѣлу «вупора» во все время его хожденій по землѣ не прикасается тлѣніе, и оно лежитъ въ гробу, какъ живое, съ открытыми глазами. Есть повѣрье, что если челоувѣкъ, умирая, будетъ о чемъ-либо сильно сожалѣть, то онъ непременно ради этого предмета будетъ приходитъ съ того свѣта «вупоромъ». Привожу разказъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ Минск. у, о томъ, какъ одна женщина приходила «съ таго свѣту» кормить грудью свое дитя.

— Памерла адна жонка и заставила дзиця ище ў калубели. Вотъ,

бывала, прыдзя яна ў хату, пакалыша дзвца, дасьць яму цыпки; а якъ пѣўни заспяваюць, дакъ яна возьма ды пойдзя съ хаты. Нѣ-к(ольки разъ мужыкъ яе сустрачаў, якъ яна ишла и ў хату и съ хаты. Бывала, енъ стана пытацца чаго-нибудзь у яе, дакъ яна а ни славецка яму ни скажа,—заверняцца и пойдзя. Ня разъ гэта жонка, бывала, и гаршки и миски памыя и ў хаці прыбяре,—старацца татыкъ добрая гаспадыня—ды й годзи! Дзивицца яе гэта мужыкъ, и самъ ни вѣдая, што яму рабиць. Стаў ёнъ гэта даходзиць рады у бабъ, якъ бы гэта яму зрабиць, кабъ жонка ня приходзила съ таго сьвѣту. Парáдзили гэтакъ яму, кабъ ёнъ напросиў павà, схаdziў зь имъ на могилки, адкапаў труну жончыну и адсѣкъ жонцы голаву. Вотъ гэта мужыкъ той и зрабиў гэтакъ. Икъ аткапали труну яго жонки, дакъ яна ляжыць, вочы вытращыўны, сусимъ татыкъ жывая. Дакъ ей узяли ды адсѣкли голаў. Паѣхаў гэты чалавѣкъ тае нocy на нашлегъ. На дарози ўсѣ нашлезники убачыли, што нѣхто напуская ўяго якъ бы гаршкомъ. Разгледзялися яны добра, адножь за ихъ коньми идзе жонка таго чалавѣка и нясе ў рукахъ голаў. Падыдзя, падыдзя трохи—ды якъ папусьциць головою ў свайго мужыка, и гэтакъ празъ усю дарогу. Усѣ нашлезники папалохалися на сьмерць. Назаўтра пашли гэта зноў на могилки, адкапали труну тае жонки и ўбили ёй ў спину асиनावы колъ. И па той часъ яна бубольшь ни хадзила вупорамъ.

Разскажу кстати еще два загадочные случая появленія «вупора», слышанные мною въ томъ же селѣ.

— У аднаго чалавѣка начали прападаць дрóва изъ дрывотни. Пачаў енъ прыпилюноўваць, хто бъ гэта таки краў яго дрóва. Адзинъ разъ енъ примѣдиў, што нѣки чалавѣкъ приходзиў къ яму ў адрыну, съ палачкаю навить, набраў сабѣ дроў и павѣсь на могилки. Чалавѣкъ той пазнаў, што гэта яго быў бацька. А бацька яго ише нядаўно памеръ. Вотъ пашли на други день на могилцы, адкапали яго, а енъ, татыкъ сягонни памерши, ляжыць сабѣ здравюсеньки. Вотъ яму адсѣкли голаў и ўбили ў спину асиनावы колъ, дакъ ёнъ и пакинуў съ таго часу дрóва красьци.

— Сядзѣў адзинъ плитникъ якъ разъ ў самая поўдня на плыци и варыў сабѣ кашу. Бачыць ёнъ, што нѣшта лѣзя зъ вады. Пригледзяўся ёнъ добра, адножь нѣки чалавѣкъ вылязъ зъ вады и йдзе падъ яго ды ўсе мармыча сабѣ падъ носъ: «якъ иду, дакъ

прыду; якъ иду, дакъ прыду». Спалохауса прытннкъ и самъ ня вѣдая, што яму рабиць. А страхъ тымъ часамъ падышоў падъ самага яго, стаў у яго надъ каркамъ ды ўсе мармыча: «якъ ишоў, дакъ прышоў; якъ ишоў, дакъ прышоў». Глядзѣў гэта на яго прытннкъ, вытраццѣшы вочы, глядзѣў, а посьля якъ лinya яму гарачаю кашаю ў вочы, дакъ страхъ завярнуўся и пашоў назадъ, мармычучы сабѣ падъ носъ: «якъ прышоў, дакъ пашоу; якъ прышоў дакъ пашоў», и кинуўся ў воду падъ плыць.

Какъ поступать съ «вупоромъ» для того, чтобы онъ прекратилъ свои ночные визиты и не беспокоилъ живыхъ людей, можно видѣть изъ вышеприведенныхъ разсказовъ, поэтому я этотъ вопросъ обойду молчаніемъ и скажу только, что бѣлоруссъ слишкомъ ненавидитъ «вупора», и однимъ изъ страшнѣйшихъ проклятій у него служить «кабъ ты вупоромъ хадзиў на томъ сьвѣци».

Мой очеркъ о нечистой силѣ будетъ слишкомъ не полонъ, если я не скажу нѣсколькихъ словъ относительно возможности возложить на челоуѣка нечистый образъ—обратить его «у воўкалака»¹⁾.

Представленія бѣлорусса о превращеніяхъ слишкомъ обширны; но указанный случай въ его глазахъ имѣетъ болѣе отчетливую и ясную форму, такъ какъ это превращеніе чаще другихъ бываетъ, и бѣлоруссъ не только можетъ указать на очевидцевъ его, но даже и на самихъ носителей образа волка.

О происхожденіи «воўкалакоу» въ с. Никольскѣ Мин. у. мнѣ разсказывали слѣдующее.

— Любиў адзінъ хлопяць дзяўчыну, да ня захацѣў яе ўзяць, а ўзяў другую. Пярадъ шлюбамъ пашоў ёнъ клаянца ды зайшоў къ своей першуй палобоўницы ў хату. Маці яе ды кажа яму: «вотъ бачышь, якая добрая твая маладая, навятъ и на шыю ничего табѣ ни дала! На, вазьми хоць гэту ху-

1) Уже по одному тому, что волкъ былъ сотворенъ чортомъ, можно заключать о нечистотѣ этого образа, но есть еще и другія данныя, подтверждающія это. Бѣлоруссъ говоритъ, что волка нельзя бить камнемъ, потому что камень его братъ, и виѣсть съ тѣмъ, какъ мы прежде вѣдали, считатьъ камень братомъ и чорту. При встрѣчѣ съ волкомъ для охраненія себя слѣдуетъ сказать ему: „Чаму ты тагда ня явиуса, якъ панъ Езусъ нарадзвуса“—тогда волкъ непременно убѣжитъ къ кучѣ камней и станетъ кататься по ней.

стачку и завяжы, кабъ шыя ни была голая», — и падала яму бѣ-
линькую хустачку. Малады гэта ничога ни зразумѣў, ўзяў ды завя-
заў яе сабѣ на шыю. Вышаў ёнъ съ хаты, аглядваяцца, адножь
и руки и ноги яго абростаюць воучаю шерсцю, тўольки на шыи,
дзѣ была хустачка, засталася бѣлая лапинка. Далай стаў ёнъ
глядзѣць, дакъ и сусимъ уже абрось, а замижь рукъ и ногъ
парабиліся у яго воўчыя лапы. Страшна стала яму ў селѣ. Стаў
ёнъ ракамъ и пабѣгъ ў лѣсъ и доўга жыў тамъ зъ ваўками.
Зъ таго часу и стала можна зрабиць чалавѣка воўкалакамъ.

Въ этомъ разказѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятель-
ство, что первое превращеніе въ «воўкалака» было совершено
во время свадьбы. И въ настоящее время свадьба считается од-
нимъ изъ самыхъ удобныхъ моментовъ для превращенія «ў воў-
калака». Иной разъ, рассказываютъ, были обращаемы «ў воўка-
лаки» дѣлы свадебныя поѣзда, при этомъ поѣзжане кувыркалися
черезъ что-либо, или пролѣзали черезъ хомуть. Мнѣ приходилось
слышать, будто-бы на Полѣсьѣ есть такое желѣзо, черезъ которое
перекувыркнувшись, человѣкъ, помимо всякихъ знахарскихъ наго-
воровъ, можетъ сдѣлаться «воўкалакомъ»; для того, чтобы опять
стать человѣкомъ, употребляется обратное кувырканье. Какъ для
обращенія человѣка «ў воўкалака», такъ и для снятія съ него
этого образа никакихъ сроковъ не опредѣлено, и всякое время
считается удобнымъ. Если обращаетъ «ў воўкалака» кого-либо
знахарь, то онъ обыкновенно опредѣляетъ лишь только срокъ («тѣр-
минъ»), который человѣкъ долженъ прожить «воўкалакомъ» по
истеченіи этого срока «воўкалакъ» самъ собою обратно становится
человѣкомъ. «Воўкалака», даже и до истеченія срока, если уда-
рить чѣмъ-либо хотя и простой человѣкъ, не знахарь, то онъ
превращается въ человѣка.

Жизнь «воўкалака» особенно трудна на первыхъ порахъ, такъ
какъ онъ не можетъ сразу привыкнуть ѣсть сырое мясо. «Воўка-
лакъ» добръ и дазитъ скотъ только тогда, когда бываетъ слишкомя
голодень¹⁾; но и въ подобныхъ случаяхъ, если для утоленія го-
лода дадутъ ему человѣческой пищи, то онъ ее непременно пред-
почтетъ сырому мясу. Интересенъ въ этомъ отношеніи разказъ,
записанный мною въ с. Никольскѣ Мин. у.

1) Иные, напротивъ, утверждаютъ, что „воукалакъ“, нападаая на стаю,
почти поголовно набиваетъ его, хотя ѣсть и не ѣсть.

— Прыбѣгъ къ пастуху ваўкалакъ, стаў каля яго и глядзиць яму ў вочы. Пастухъ думаў, што гэта сабака, и даў яму хлѣба. Воўкалакъ зьбѣў хлѣбъ и ўсе стайць ды аблизвалаца каля пастуха. Пастухъ бачыць, што сабака галодны, прылащыў яго и стаў вармиць хлѣбамъ. Воўкалакъ бѣў, ажъ покуль ни зьбѣў ўсяго хлѣба у пастуха. Тагды пастухъ наказаў яму, што ў торби нима нічога, и ёнъ пабѣгъ ў лѣсъ.

Привожу еще два рассказа относительно жизни «воўкалака».

— Вышаў адзінъ чалавѣкъ на дворъ, дакъ бачыць ёнъ, што на пругмени каля яго кабылы ўвихаяцца воўкъ. Ёнъ зачаў гукаць на яго. Выбягла ўся сямья, гоняцца за тымъ воўкамъ, а воўкъ нѣкъ тымъ часамъ ухвациў кабылу за горла и задушыў, а самъ уцякаць. Погналіся тагды ўсѣ гуртамъ за воўкамъ. Воўкъ цяракуліўся цяразъ кола, поясь на емъ лопиуў, и ёнъ зрабиўся чалавѣкамъ. Разгледзяўся тагды той чалавѣкъ, адно жъ гэта яго сынъ. А сыну яго да было уже семь гадоў, якъ ёнъ прапаў. Вотъ бацька и гаворыць гэтакъ на сына: Чаму ты, сынку, гэтакъ насъ пакрыўдзиў! Чаму ты задушыў нашу кабылу? А сынъ яму адказваў: ци гэтуольки я за семь гадоў шкоды нарабяў,—и пачаў расказваць, якъ ёнъ жыў зь ваўкамі. Потымъ пашли ўсѣ ў хату, и воўкалакъ той пашоў разамъ съ усими. Але и ни пазнаць навяць, што зь имъ гэтакъ было, т(у)ольки быў надта замершы, нищёмны, худы—татыкъ шепка! Доўга таки ни пажыў, змарнѣў вельми. (Слышалаъ въ ж. Вселюбъ; дало будто-бы происходило въ д. Кривигахъ, Всек. вол., Нов. у.).

— Адзінъ разъ гэтакъ сама да пабыў адзінъ чалавѣкъ трохи воўкалакомъ, дакъ посьля уже расказваў, якъ ёнъ жыў. Дакъ казаў, што вельми кепска на яду—ўсе сыроя мяса, дакъ и яки бѣ, бывала, кажа, ни быў галодны, дакъ иншаи падлы а ни ў губу навяць ни возьмашь. Прыбяжышь, бывала, кажа, ў грумаду авецъ, ци ў быдла, дакъ тая, што трѣба хватаць, кабъ была и вайхудшая, дакъ стайць такая пазорыстая, сытая, ажъ сьвицицца, здаецца, ўся. Задушышь адну, здаецца нисмачна; задушышь другую—ўсе шукаешь смачнѣйшаи, а яны ўсѣ роўныя; дакъ цярадушышь гэтакъ многа скацины и пойдзешь галодны. Разъ, казаў, прыбягаў ёнъ зь ваўкамі на свой надворакъ и начали хапаць парасята: дакъ ваўке бяруць што б(у)ольшая и лѣпшая, а ёнъ ўсе што меньшая и горшая—нѣкъ таки шкода свайго. Спаць лажыўся, казаў, разамъ зь воўкамі, але цѣнгля за вѣтрамъ, кабъ сивярамъ (вѣт-

ромъ) ни цягнула на ваўкоў, бу яныбъ яго разарвали. На паслѣдку нѣкъ уже енъ легъ проциў вѣтру. Прачнуўся енъ, дакъ тращыць яго шура. Енъ гэта барждей ўсхваццўся, да дай Божа ноги—ў сяло! А ваўке за имъ. Лѣдзьвя-ня-лѣдзьвя пѣкъ енъ ускочыў ў сѣни, кульнуўся цяразъ парогъ и зрабиўся чалавѣкамъ зноў. На гэты часъ у сѣняхъ было яго дзця. Дакъ бѣдная на ўсѣ сѣни каля нарабила крыку: мама, воўк! Выбягла маці ў сѣни, адно жъ стоиць тамъ яе мужыкъ. Чалавѣкъ той жыў ище доўга. Ничога, быў сабѣ здаровы, тудльки сподняя губа была вельми тоўстая.

Приведенныя мною въ настоящемъ очеркѣ свѣдѣнія составляютъ лишь тысячную долю того, что таятся еще въ Бѣлоруссіи. Еще много таинственнаго и неизвѣданнаго сокрыто въ этой странѣ волшебниковъ, и это лишь капля воды изъ обширѣйшаго моря. Потребуется не мало труда и времени для того, чтобы собрать этотъ любопытный этнографическій матеріалъ (и должно сознаться, что много чего погибнетъ невосвратно подъ напоромъ новѣйшей культуры); еще болѣе потребуется усиленныхъ трудовъ и времени для того, чтобы свѣтъ науки озарилъ эту темную суетвѣрную сѣть традиціи.

П. П. Демидовичъ .

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНЫМЪ ВѢРОВАНІЯМЪ ВЕЛИКО-РУССОВЪ.

Содержаніе. Предисловіе (описаніе матеріала). I. Домовой. Лѣшій. Водной и болотный. Русалия. II. Колдуны и вѣдьмы. Знахари и знахарки. III. Варь въ нечистую силу и ея вліаніе на древнія вѣрованія. Заключеніе (характеръ и значеніе матеріала; вліаніе школы на народное міросозерцаніе). Помѣженія.

Пять лѣтъ тому назадъ Этнографическимъ Отдѣломъ И. О. Л. Е., А. и Э. была сдѣлана попытка пополнить имѣющійся въ этнографической литературѣ матеріалъ по народнымъ вѣрованіямъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы она дала блестящіе результаты. На разосланные въ 1891-мъ году въ центральныя губерніи „Вопросные пункты по (обычному праву в) вѣрованіямъ“ получены отвѣты отъ 26 лицъ изъ губервій: Тульской, Рязанской, Владимірской, Смоленской, Калужской и Курской. Число полученныхъ отвѣтовъ весьма незначительно въ сравненіи съ числомъ разосланныхъ программъ, оставшихся безъ отвѣта, о чемъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что доставленный матеріалъ не отличается новизною сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ большинствѣ доставленныхъ отвѣтовъ полиѣе другихъ затронуты народныя представленія о небѣ и небесныхъ свѣтилахъ, а также вѣрованія въ духовъ, населяющихъ лѣса, воды, жилища, и вѣрованія въ колдовство. Въ восьми рукописяхъ находятся между прочимъ тексты народныхъ пѣсенъ (въ нѣкоторыхъ съ нотами), въ трехъ—списки лѣчебныхъ травъ, употребляемыхъ знахарями, въ пяти—довольно подробныя описанія свадебныхъ, похоронныхъ и другихъ обрядовъ, въ трехъ собраны примѣты и небольшое количество пословицъ, въ трехъ заключаются легенды о свв. Іоаннѣ Златоустѣ (о его золотыхъ „усахъ“), Николаѣ Чудотворцѣ, Алексѣѣ, челоѣкѣ Божіемъ, и легенда о сотвореніи дорогъ Богомъ и сатаною и, наконецъ, въ одной рукописи есть заговоръ противъ опухоли во рту (зубной боли).

Приведу перечень полученныхъ отвѣтовъ съ краткимъ указаніемъ на ихъ содержаніе; помѣщенные здѣсь цифры указываютъ № того

вопроснаго пункта программы, на который имѣются отвѣты въ данномъ сообщеніи *)).

- № 1. Тульской г., Новосильскаго у., с. Подтолтское. Собратель законоучитель о. *Поповъ*. 2. 3. 4. 6. 7. 8.
- № 2. » » Епифанскаго у. с. Бобрики. Соб. учителя гг. *Спекулевъ и Макъевъ*. 1. 2. 3. 4. (разсказы). 6 (разсказы).
- № 3. » » Алексинскаго у. Соб. учительница г-жа *Вишинская*. 6. 8 (пѣсня).
- № 4. » » Ефремовскаго у. Соб. уч. г. *Доброхотовъ*. 1. 5. Свадебные обычаи.
- № 5. Рязанской г. и уѣзда, д. Волянь. Соб. уч-ца г-жа *Кельцева*. 1. 2. 3. 4. 6. 7. Пѣсни овсен. и подблюдныя. Гаданья.
- № 6. » » Сапожковскаго у., с. Путятино. Соб. уч. г. *Кожевниковъ*. 1. 2. 3. 6. Лѣчебн. травы.
- № 7. » » Пронскаго у., с. Носилово. Соб. уч. г. *Соколовъ*. 2. 7. 8. Похорон. обряды. Пѣсни съ нотами. Копія съ дарств. записи 1803 г. о надѣленіи земель свободн. хлѣбопашцевъ с. Носилова.
- № 8. » » Пронскаго у., с. Красное. Соб. уч. г. *Арцевъ*. Обычаи при крестинахъ, свадьбѣ; пѣсни съ нотами. 2. 3. 4 (разсказы). 7. Гаданья. Пѣсни подблюдн. съ нотами. Лѣчебн. травы. Примѣты.
- № 9. » » Рязанскаго у., с. Оедакино. Соб. уч. г. *Тверитиновъ*. 1. 2. 3. 4. 6. 7.
- № 10. » » » с. Вышетравинское. Соб. уч-ца г-жа *Востросаблина*. 4. 7.
- № 11. » » » с. Новоселки. Соб. уч. г. *Дмитревскій*. 2. 4. 6. 7.
- № 12. » » » д. Наумовская. Соб. уч. г. *Аленовъ*. 1. 2. 3. 4. 6.
- № 13. » » » с. Дяшлево. Соб. уч-ца г-жа *Рикманъ*. 4. 6. 7. 8.

*) Въ общихъ чертахъ эти пункты слѣдующіе: 1) Какія представленія существуютъ у мѣстнаго населенія о небѣ? 2) — о солнцѣ, лунѣ, кометахъ, над. звѣздахъ, радугѣ, млечн. пути, свѣ. сіяніи, затмевіяхъ? 3) — о грозѣ, вѣтрахъ, дождѣ, морозѣ и т. п.? 4) — о духахъ, васеляющихъ лѣса, воды, поля, дома? 5) Какіе разсказы ходятъ о сотвореніи міра? 6) Существуетъ-ли вѣров. въ колдуновъ, вѣдьмъ, знахарей и т. п.? 7) Какіе дни считаются особенно святыми и какъ они правдуются? Нѣтъ-ли особыхъ обрядовъ, исполняемыхъ въ вѣкоторые дни? 8) Нѣтъ-ли особыхъ празднованій, приуроченныхъ къ временамъ года? (см. „Вопр. пункты по обычному праву и вѣрованіямъ“. М. 1891.).

- № 14. > > > с. Константиновское. Соб. уч. г. *Ильинъ*. 4. 6. 7. Пословицы. Пѣсни.
- № 15. > > > с. Кузьминское. Соб. уч. г. *Ивановъ*. 3. 6. Обрядъ опахиванія села. Русальское загов. Сказаніе объ Іоаннѣ Златоустѣ (объ его золотыхъ «усахъ»). Легенда о дорогахъ.
- № 16. > > Раненбургскаго у., с. Лебяжье. Соб. уч. г. *Михайловъ*. 1. 2. 4. (разказы). 6. Свадебные обряды, пѣсни. 5. 7. Пѣсни съ нотами. Пословицы. Нѣкоторыя мѣстныя выраженія.
- № 17. Владимір. г., Шуйскаго у., д. Данилово. Соб. уч-ца г-жа *Стрѣва*. 1. 2. 3. 7. Пѣсни семицкія и другія.
- № 18. Смоленск. г., Порѣчскаго у. Ковширская вол. и Юхновскаго у. Знаменск. вол. Соб. уч. г. *Кузнецовъ*. 7. Пѣсни волочевниковъ съ нотами. Никольскія легенды. 4. 6. Лѣчебныя травы 8.
- № 19. > > Ельнинскаго у. Волко-Егорьевская вол. Соб. г-жа *Новицкая*. 4. 6. Заговоръ противъ опухоли во рту.
- № 20. Калужской г., Мещовскаго у., Утешевская вол. Соб. уч. г. *Мошинъ*. 6. 3. Легенда объ Алексѣѣ, чел. Божіемъ.
- № 21. > > Медынскаго у. Соб. уч. г. *Предтеченскій*. 4. Представленія о смерти и загробной жизни. Похор. обряды. Гаданья. 7. При-мѣты. 6.
- № 22. > > Мещовскаго у., с. Мѣстничи. Соб. уч-ца г-жа *Ландышева*. 1. 2. 3. 4. 6. 7.
- № 23. > > Медынскаго у., с. Адуево. Соб. уч. г. *Воронинъ*. 3. 4. 6. 7.
- № 24. > > Соб. законоуч. о. *Смирновъ* и уч. г. *Климовъ*. 1. 2. 3. 4. 6. 8.
- № 25. > > Мещовскаго у., с. Барятинское. Соб. уч. г. *Зиновьевъ*. 2. 3. 4. 6. 7.
- № 26. Курской г., Рыльскаго у., с. Переступино. Соб. уч. г. *Рыжковъ*. 4 (разказы). 6.

Сверхъ того доставленъ былъ г. *Марковичъ* матеріалъ, собранный имъ въ различныхъ мѣстностяхъ Москов., Смолен., Рязан., Владим. и Калужск. гг. и по содержанию вполне подходящій къ отвѣтамъ на «Вопросные пункты» (№ 27).¹⁾

¹⁾ Нѣкоторые отвѣты, не вошедшіе въ настоящій сводъ, имѣются въ виду для напечатанія отдѣльно. Ред.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь привести въ систему матеріаль по вѣрованіямъ въ домового, лѣшаго, водяного, колдунъ, вѣдьмъ и знахарей, что представить намъ картину (хотя и неполную) современнаго состоянія этихъ вѣрованій у части великоруссовъ. Свѣдѣнія же по народной космографіи, а также указанія на обряды, совершаемые въ нѣкоторые праздники, и на празднованія, приуроченныя къ временамъ года, я собралъ въ приложеніяхъ къ этой статьѣ.

I.

Домовой.

Духи, населяющіе жилища, въ огромномъ большинствѣ случаевъ носятъ названіе домового или домового дѣда (25)¹⁾; кромѣ этихъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются имена: доможилъ, хозяинъ (16, 19), домовикъ и жена его домовичка (18, 19), дворный (дворной) или дворовый (дворовой). Два послѣднія названія предпочтительно передъ другими употребляются въ Калужской губ., при чемъ въ одной мѣстности Медынскаго уѣзда названіе «домовой», употребленное вмѣсто «дворовой», считается оскорбительнымъ (21). Другихъ названій, извѣстныхъ въ Великороссіи, какъ напр. подполянникъ, запеченникъ, гуменникъ и т. п., въ нашемъ матеріалѣ не встрѣчается²⁾. Иногда домовому духу не дается названія, и, упоминая о немъ, крестьяне говорятъ: «онъ» или «тотъ-то»; это, конечно, не характерно именно для домового, такъ какъ избѣгать произнесенія имени духа—явленіе весьма распространенное (и не только въ Россіи); но этотъ обычай въ данномъ случаѣ мѣшаетъ выясненію вопроса о томъ, населяло ли первоначально «дворъ» нѣсколько духовъ съ различнымъ мѣстомъ жительства (изба, хлѣвъ и проч.), которые впослѣдствіи слились въ одномъ «домовомъ», или наоборотъ, различныя стороны дѣятельности одного оберегателя домашняго очага и хозяйства получили въ народномъ представленіи каждая своего представителя. Домовой находится въ *каждомъ* домѣ, и въ *каждомъ* домѣ по *одному* домовому. Больше одного домового не уживается въ одномъ

¹⁾ Цѣлыя, приведенныя въ скобкахъ, указываютъ № рукописи, откуда взято сообщаемое свѣдѣніе.

²⁾ Есть, впрочемъ, одно неясное упоминаніе объ «овиещикѣ». (27, Вязем. у. Смолен. г.).

домѣ; а сталкиваясь двумя домовымъ приходится въ томъ случаѣ, если при переходѣ дома во владѣніе другого лица новый домовый уже успѣлъ вмѣстѣ съ новымъ хозяиномъ переселиться, а прежній домовый еще не приглашенъ своимъ хозяиномъ слѣдовать за нимъ на новое жилье (2); домовые разныхъ дворовъ обыкновенно враждуютъ между собою, такъ какъ имъ въ заботахъ о своемъ дворѣ часто приходится дѣйствовать въ ущербъ сосѣднему двору (о чемъ ниже).

Итакъ въ большинствѣ мѣстностей, откуда мы имѣемъ отвѣты, извѣстенъ лишь одинъ духъ жилья, котораго мы далѣе и будемъ называть вообще «домовымъ».

Что касается въ частности Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи, гдѣ, какъ сказано выше, наиболѣе употребительнымъ названіемъ является «дворный» или «дворовой», то въ однихъ мѣстностяхъ уѣзда духъ, носящій это имя, признается тождественнымъ съ «домовымъ», въ другихъ же — «домовой» и «дворовой» считаются различными духами: первый живетъ въ домѣ и имѣетъ, повидимому, болѣе отношеніе къ людямъ, второй живетъ на «дворѣ» и вѣдаетъ скотину. И тотъ и другой находятся опять таки въ *каждомъ* дворѣ (25) ¹⁾. Изъ того же Мещовскаго уѣзда сообщается между прочимъ, что дворный находится въ «каждомъ домѣ, гдѣ остъ скотина» (20); къ сожалѣнію, въ этомъ именно сообщеніи ничего не говорится о различіи «дворнаго» отъ «домового», такъ что остается неизвѣстнымъ, существуетъ ли «домовой» въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ скотины, между тѣмъ какъ знать это было бы важно для опредѣленія различія между «домовымъ» и «дворовымъ» и ихъ взаимныхъ отношеній.

Своимъ мѣстопребываніемъ домовый указываетъ на преимущественныя отношенія къ скоту: живетъ на дворѣ, чаще всего въ лошадиномъ хлѣвѣ, гдѣ любитъ сидѣть на переметѣ (1, 11, 13, 16). Но въ числѣ мѣстъ его пребыванія указываются и строенія, имѣющія другое назначеніе въ хозяйствѣ: овицъ, клуни, рига (16, 26). На жительство домового въ самой избѣ нѣтъ указаній: извѣстно лишь, что иногда онъ стонетъ въ подпольѣ (избы). Кромѣ того извѣстно, что при сношеніяхъ съ домовымъ обыкновенно

¹⁾ „Кромѣ домового, при каждомъ домѣ есть дворовой, который ухаживаетъ за всѣмъ, находящимся на дворѣ“.

даже оставляютъ избу, напр., въ случаѣ его гнѣва умилоостивительную жертву (о чемъ ниже) ему выносятъ въ сѣни (19),—фактъ, заставляющій видѣть въ современномъ духѣ жилья именно «двораго» духа въ болѣе узкомъ смыслѣ термина (т. е. если «дворъ» понимать не въ смыслѣ всей крестьянской усадьбы).

Въ большинствѣ случаевъ домовый одинокъ или, по крайней мѣрѣ, о семьѣ его ничего неизвѣстно (1). Въ нашемъ матеріалѣ есть только одно косвенное указаніе въ этомъ родѣ, гдѣ сказано, что домовые «плодятся» (3), и одно вполне ясное, идущее изъ Смоленской губерніи, свидѣтельство о томъ, что домовый (тамъ онъ называется хозяиномъ) женатъ, что жена его называется домовичкой и что они имѣютъ дѣтей, плачь которыхъ иногда можно слышать (19).

Что касается образовъ, въ которыхъ является домовый, то ихъ можно раздѣлить на два разряда: или домовый имѣетъ видъ человѣка, или видъ животного. Въ первомъ случаѣ домовый представляется частію «старымъ-престарымъ» старикомъ (11) и притомъ иногда лохматымъ (8), частію же домовый—человѣкъ средняго роста, сутуловатый, широкоплечій, коренастый; обросъ длинной шерстію (по цвѣту шерсти: гнѣдой, вороной, бѣлый или пѣгій—26); одѣтъ въ старый зипунъ и лапти. ¹⁾

Кромѣ роста обыкновеннаго человѣка домовый можетъ имѣть и огромный ростъ, напр. выше дерева, съ сосну ростомъ.

Помимо образа человѣка вообще, преимущественно стараго, домовый является и именно чаще всего въ видѣ какого-либо *известнаго* человѣка, принадлежащаго къ той семьѣ, на дворѣ которой онъ живетъ. Такъ, въ нашемъ матеріалѣ мы встѣчаемся или съ представленіемъ домового въ видѣ *отсутствующаго* члена семьи (мужчины), или съ наиболѣе распространеннымъ и известнымъ въ наукѣ представленіемъ домового въ образѣ хозяина дома, старшаго члена семьи, какъ живущаго, такъ и умершаго. Похожъ на хозяина онъ цвѣтомъ волосъ, одеждой, ростомъ (21) и можетъ явиться въ такомъ видѣ самому же хозяину (16).

На ряду съ человѣческимъ видомъ домовый можетъ принимать

¹⁾ Иногда домовый является одѣтымъ въ непривычный для него костюмъ, который онъ получалъ, очевидно, вполне случайно, а именно—черный фракъ, лаковыми ботинки и черную шляпу (26).

образы кошки, собаки, зайца (16). Насколько естественными являются представляема дуа, имѣющаго столь близкое отношеніе къ домашнему очагу, въ образѣ домашнихъ животныхъ, настолько мало понятнымъ представляется упомянутый образъ зайца. Надо замѣтить, что этотъ послѣдній образъ домового является одинъ только разъ въ нашемъ матеріалѣ на всю массу случаевъ перваго рода (т.е. образовъ домашнихъ животныхъ). Домовой, какъ кажется, долженъ былъ уже утратить въ народномъ представленіи характерныя черты своей фізіономіи, чтобъ явилась возможность заподозрить домового въ зайцѣ, выбѣжавшемъ съ одного двора и пропавшемъ на другомъ дворѣ, какъ это было въ рассказѣ, который я здѣсь имѣю въ виду.¹⁾ Какъ въ человѣческомъ видѣ домового имѣетъ волосы одного цвѣта съ хозяиномъ дома, такъ и цвѣтъ шерсти собаки или кошки, въ видѣ которыхъ онъ является, одинаковъ съ хозяйскими волосами (6). Можетъ быть, въ связи съ представленіемъ домового въ видѣ собаки существуетъ повѣрье о дружбѣ его съ собаками (26).

Что касается способовъ увидѣть домового, то въ нашемъ матеріалѣ сообщаются слѣдующіе. Домового обыкновенно можно видѣть черезъ хомутъ или черезъ хомутъ и борону (16), наконецъ,—съ небольшимъ, но характернымъ видоизмѣненіемъ перваго способа—черезъ хомутъ, при которомъ непременно есть гужи: «чтобъ вышелъ крестъ» (1). Можно также увидѣть его на святой недѣлѣ, смотря по угламъ со свѣчей отъ свѣтлой заутрени: отъ этой свѣчи домового не можетъ укрыться (21). Днемъ домового не виденъ (26). Стараться увидать его вообще не слѣдуетъ, потому что онъ очень страшенъ и потому еще, что онъ не любитъ любопытныхъ, «глядитъ» ихъ, обдирая лицо или спину, или, наконецъ, толкаетъ ихъ въ яму, погребъ, сталкиваетъ съ лѣстницы, съ сѣновала и т. п.; поэтому, изъ боязни разсердить домового, не слѣдуетъ выказывать излишняго любопытства и выходить, напр., изъ дому на шумъ, если при этомъ не лаютъ собаки, друзья домового

¹⁾ „Два брата раздѣлились: одинъ переселился на новое жилище. Вскорѣ послѣ этого сосѣди замѣтили, что изъ прежняго дома выскочилъ заяцъ, ударился бѣжать по „порядку“ и пропалъ на новомъ жилищѣ. Это былъ, по ихъ мнѣнію, хозяинъ-домового. Братъ, который остался на старомъ мѣстѣ, скоро оvdовѣлъ и переселился въ брату, уже отдѣльному“ (16).

(26). Такъ или иначе, а увидѣть и даже ощупать ¹⁾ его все-таки удается; такъ, каждый хозяинъ знаетъ своего домового (26).

Теперь обратимся къ занятіямъ домового и его отношенію къ дому и семьѣ. Выше уже было упомянуто, что домовый по современнымъ представленіямъ имѣетъ больше отношенія къ скотинѣ, чѣмъ къ людямъ. Изъ скотины особой любовью его пользуются лошади. Но у него есть также и нелюбимая скотина, именно, несходная съ нимъ самимъ по масти.

Либимый скоть онъ чиститъ, кормитъ, поитъ, выбирая для него кормъ у нелюбимаго; любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, которой обыкновенно и не расплетаютъ хозяева, чтобъ не прогнѣвить домового (22). Если онъ не полюбитъ какого-либо животного, то можетъ извести его: онъ гоняетъ нелюбимыхъ лошадей, такъ что тѣ оказываются на утро всѣ въ мылѣ, отнимаетъ у нихъ овесъ, наконецъ, заваливаетъ ихъ даже въ корыто или чанъ, изъ котораго ихъ съ трудомъ приходится освобождать. Такую, пришедшую не ко двору или «не въ руку» (16), скотину сибшатъ продать и справляются у домового, какой масти ему нужно; при этомъ нужно смотрѣть черезъ хомутъ, и домовый, говорятъ, иногда даетъ отвѣтъ съ указаніемъ желаемой масти (16). Кромѣ своихъ, такъ сказать, специальныхъ заботъ о скотѣ, домовый не чуждъ заботъ о благосостояніи всего дома вообще (5): охраняетъ домъ, бережетъ отъ бѣды семью и даже посылаетъ ей счастье (2). Являясь сторожемъ хозяйскаго добра, онъ въ случаѣ кражи ходитъ въ домъ вора и воетъ тамъ въ переднемъ углу до тѣхъ поръ, пока воръ не возвратитъ похищеннаго (5, 25). Наконецъ, въ случаѣ пропажи скота, онъ иногда отправляется на поиски въ лѣсъ, поля и пригоняетъ его домой (21).

Домовый между прочимъ является и предвѣстникомъ будущаго (обыкновенно будущаго несчастія), что дѣлаетъ или по своей собственной инициативѣ, или же бываетъ вызванъ на это. Такъ, когда онъ ночью «наваливается» на спящихъ, то его можно спросить: «къ добру, или къ худу?» и получить тотъ или другой отвѣтъ. Отвѣчаетъ онъ или прямо, человѣческимъ голосомъ, или условно: если ему надо отвѣтить «къ добру» — онъ молчитъ ²⁾, въ

¹⁾ какиимъ способомъ, неизвѣстно.

²⁾ или дышать теплымъ воздухомъ на спящаго, какъ мнѣ извѣстно.

противномъ случаѣ—издаетъ звукъ «х» (26). Передъ бѣдою, напр., передъ покойникомъ, пожаромъ, онъ окликаетъ хозяевъ, плачетъ и стонетъ подъ поломъ. Самое появленіе домового въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается предвѣстіемъ бѣды, большею частію смерти; въ этомъ случаѣ онъ является въ видѣ хозяина, или умершаго дѣда, или хозяйскаго сына. Знаніемъ домовымъ будущаго можно воспользоваться и слѣдующимъ образомъ. Иногда въ различныхъ частяхъ жилья вдругъ слышится—и слышится всегда только одному лицу—плачь ребенка: это плачетъ дитя домового; въ этомъ случаѣ можно покрыть платкомъ то мѣсто, откуда слышится плачь (скамью, столъ, кустъ, если дѣло происходитъ внѣ избы), и «домовичка», мать, не находя скрытаго ребенка, отвѣчаетъ на задаваемые ей вопросы, лишь бы только открыли ребенка; спрашивать въ этомъ случаѣ можно все, что угодно (19).

До сихъ поръ домовая являлся у насъ болѣе или менѣе добрымъ существомъ, расположеннымъ къ людямъ; но онъ не всегда добръ. Въ перемѣнѣ же отношеній его къ людямъ виноваты бываютъ обыкновенно послѣдніе. Обидѣть его можно, между прочимъ, божбой, бранными словами, произносимыми за ѣдой и т. п. (18). Обиженный домовая или вымѣщаетъ свою злобу на скотинѣ¹⁾ или чаще, по своему миролюбивому характеру, просто уходитъ изъ дому и уходитъ на бѣду семьѣ и дому: обитатели дома по его уходѣ болѣютъ, умираютъ, на здоровыхъ людей находятъ уныніе, скотина худѣетъ и мретъ (19). Кажется, единственная непріятность, которую онъ причиняетъ людямъ безъ видимой причины, это то, что онъ наваливается на нихъ во время сна и душитъ²⁾, при чемъ принимаетъ видъ кошки или лохматаго старика (9).

Такъ какъ обида, причиненная домовому, не влечетъ за собой ничего хорошаго, то его стараются всячески ублажать и въ случаѣ ссоры—возстановить съ нимъ добрыя отношенія тѣмъ или инымъ способомъ. Въ Медынскомъ у. Кал. губ. въ чистый четвергъ втыкаютъ на дворѣ можжевелникъ, подъ вереву льютъ святую воду, курятъ ладономъ,—все это домовая очень любитъ (21);

¹⁾ Какимъ образомъ, указано выше.

²⁾ Для домового, наваливающагося на спящихъ, мнѣ извѣстно, между прочимъ, названіе „постѣвъ“.

въ Мещовск. у. той же губ. передъ масляницей въ заговѣнне ему выносятъ остатки скоромной пищи и оставляютъ ихъ подъ косягой (25); въ Рыльскомъ у. Курской губ. послѣ ужина въ «хорошихъ семьяхъ» на столѣ всегда оставляется на ночь «харчъ» для домового (26). Разсерженнаго домового умилостивляютъ обыкновенно тѣмъ, что отправляются во дворъ съ хлѣбомъ-солью (17). Въ Ельнинскомъ у. Смоленской губ. это называется «относить относы», при чемъ тамъ названный обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: берутъ кусокъ хлѣба, посыпанный солью и завернутый въ чистую бѣлую тряпку, прошитую красной ниткой, выходятъ въ сѣни или на улицу (на перекрестокъ) и, положивъ на что-нибудь хлѣбъ-соль въ тряпкѣ, кладутъ четыре земныхъ поклона на всѣ стороны, читаютъ Отче нашъ, а также заклинанія, призывающія «хозяина» возвратиться въ домъ и переложить гнѣвъ на милость; бѣлая тряпка съ красной ниткой, какъ объясняется, изображаетъ рубаху, жертвуемую домовому; для исполненія этого обряда приглашаются обыкновенно люди, которые «знаютъ» или «шуютъ»; кромѣ Отче нашъ ими читаются еще молитвы къ Б. Матери, Миколѣ. Прасковѣ-Пятницѣ, а также къ семи сестрицамъ, къ бѣль-горючь-камню; текстовъ этихъ молитвъ и заклинаній собирательницѣ не удалось записать (19).

Кромѣ такихъ просительныхъ средствъ, въ случаѣ, если разсерженный домовый начинаетъ тревожить домочадцевъ или мучить скотину, прибѣгаютъ также и къ принудительнымъ средствамъ, обращаются къ какимъ-то другимъ силамъ, которыя заставляютъ его смириться. Интересныхъ фактовъ такого рода можно привести только три: чтобъ усмирить домового, хозяинъ машетъ по всему двору лутошкой (липовой палкой безъ коры—25), или втыкаетъ ножъ надъ дверью (21), или, наконецъ, его усмиряетъ бабка съ помощью наговоренной воды (1). Въ тѣхъ же случаяхъ прибѣгаютъ также къ изображенію мѣломъ крестовъ на потолкѣ, притолкахъ и проч. (2), или къ служенію въ домѣ молебна, окуриванію ладномъ скотины, кропленію ея святой водою (16).

Итакъ, для благополучія семьи весьма важно имѣть домового въ домѣ и сохранять съ нимъ дружественныя отношенія. Поэтому при перемѣнѣ жилища хозяева всегда зовутъ его съ собою съ хлѣбомъ-солью. Приглашеніе производится въ такихъ выраженіяхъ: «иди, хозяинъ, съ нами жить» (16), или: «дворный, дворный, иди

со мной» (12), или: мой домовой, пойдемъ со мной» и т. п. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обходить три раза вокругъ дома, взявъ въ руки часть павоза (21). Въ Курской губ. при приглашеніи домового ставятъ въ трубу водку и закуску для домового, или берутъ первую ковригу хлѣба, испеченную въ новой избѣ и, вынеся ее на дворъ передъ полуночью и обратившись къ востоку, зовутъ: «хозяинъ, пожалуйста ко мнѣ на новоселье!» Хлѣбъ этотъ вмѣстѣ съ солью ставятъ на ночь на припечкѣ или на столѣ въ избѣ; если все это будетъ тронуто, то, значитъ, домовый являлся (26).

Безъ приглашенія домовый не покидаетъ вполне стараго дома, и потому ему приходится вступать въ споръ съ вновь пришедшимъ домовымъ (7). Неприглашенный домовый жалобно плачетъ (7, 18) и нерѣдко мститъ какъ прежнему, уже выѣхавшему, такъ и новому хозяину дома. Местъ его выразится въ томъ, что онъ переведетъ всю скотину на новомъ мѣстѣ (5); новыхъ же хозяевъ онъ щиплетъ по ночамъ до синяковъ или швыряетъ въ нихъ, чѣмъ попало, наваливается на нихъ, душитъ у нихъ скотъ, разбрасываетъ ночью по избѣ дрова, растворяетъ на морозѣ двери, прячетъ разныя вещи, — словомъ, старается выжить новыхъ хозяевъ, чѣмъ бы то ни было.

Въ области повѣрій объ отношеніяхъ домового къ семьѣ я долженъ отмѣтить нѣсколько весьма архаическихъ чертъ, указывающихъ косвеннымъ образомъ на происхожденіе вѣрованія въ домового или, точнѣе сказать, подтверждающихъ наиболѣе достовѣрную теорію его происхожденія. Мы уже видѣли, что въ трогательныхъ заботахъ о своемъ домѣ домовый доходитъ до того, что воруетъ съ чужого двора кормъ для своего скота. Приведу еще факты, указывающіе на то, что чужой домовый считается врагомъ.¹⁾ Отъ чужого домового втыкаютъ надъ воротами чертенолохъ (21). Домовой чаще тревожитъ по ночамъ гостей, чѣмъ своихъ (въ этомъ случаѣ для избавленія отъ него втыкается ножъ надъ дверью—21).—На тѣснѣйшую связь домового съ семьей указываетъ также повѣрье о томъ, что голосъ и привычки домового бываютъ похожи на голосъ и привычки одного изъ прапрадѣдовъ (особенно любившихъ хозяйство); напр., если предокъ любилъ

¹⁾ Ср. *Ковалевскій*. Происх. семьи и собственности, 58 стр.

коровъ, то и домовой любить рогатый скотъ (26). Здѣсь интересно припомнить названіе «домовой дѣдъ» и поставить его въ связь съ названіемъ извѣстнаго бѣлорусскаго поминальнаго обычая «дзѣды».

Въ заключеніе изложенія матеріала о домовомъ приведу еще черту его характера. Являясь духомъ не злымъ, онъ большій шутникъ и любитъ попугать, особенно дѣвушекъ, занятыхъ гаданьемъ. Кромѣ того, онъ является (одинъ лишь разъ—26) даже сластолюбомъ и «не стѣсняется пользоваться чужими (?) женами, на что, впрочемъ, послѣднія не особенно претендуютъ». Эта черта является мнѣ непонятной.

Л ъ ш і й.

Вѣрованія въ духовъ, населяющихъ лѣса, находятся, повидимому, въ болѣе сильной степени разложенія, чѣмъ вѣрованія въ домового. Причиной этого является, кромѣ общихъ и повсемѣстныхъ причинъ разложенія древнихъ вѣрованій, также мѣстное исчезновеніе лѣсовъ. Такъ, въ иныхъ мѣстностяхъ совершенно не знаютъ о лѣшемъ, такъ какъ мѣстности безлѣсныя, въ другихъ слышали о лѣшемъ, но сами сообщить о немъ ничего не могутъ, а если и сообщаютъ что либо, то по преданію, по рассказамъ старожиловъ, во времена которыхъ лѣсъ еще не былъ сведенъ.

Лѣсные духи тамъ, гдѣ они извѣстны, носятъ имена: «лѣшій», «лѣсовикъ» (19), а также общее съ домовымъ названіе «хозяинъ» (19). Одиноко стоитъ въ нашемъ матеріалѣ идущее изъ Ельнинъ уѣз. Смол. губ. свидѣтельство о томъ, что при хозяйнѣ въ лѣсу есть и хозяйка (сравни. идущее оттуда же и также единственное извѣстіе о женѣ домового домовичкѣ—19).

Живетъ лѣшій преимущественно въ глухихъ лѣсахъ (21), а также въ болотахъ (6) и на поляхъ, которыя вмѣстѣ съ лѣсомъ и лугами составляютъ его владѣніе (25), обходимое имъ дозоромъ въ ночное время (15). По другимъ извѣстіямъ власть его ограничивается только лѣсомъ (1).

Въ лѣсу живетъ чаще одинъ только лѣшій, рѣже ихъ нѣскольکو; въ послѣднемъ случаѣ надъ ними есть старшіе (2), которымъ иногда дается особое имя «лѣсничаго» (1).

Являются лѣшіе, подобно домовымъ, или въ образѣ животнаго, или въ образѣ человѣка. Къ первому разряду относятся образы краснаго пѣтуха (13), волка, зайца, поросенка (26); являясь въ видѣ человѣка, лѣшій обыкновенно волосатый и нагой, съ длинными бѣлыми волосами и бородой, съ зелеными глазами (6); встрѣчается и величественный образъ старца съ сѣдою бородой и въ коронѣ (2). Роста лѣшій громаднаго, съ дерево или выше, но можетъ стать и маленькимъ (13)—фактъ общеизвѣстный ¹⁾. Надо замѣтить, что лѣшій часто имѣетъ при себѣ кнутъ или дубину.—Кромѣ такихъ образовъ, хотя и человѣческихъ, но все-таки фантастическихъ, лѣшій встрѣчается прохожимъ въ лѣсу также и въ видѣ обыкновеннаго человѣка, напр., старика, въ старомъ кафтанѣ и съ веренькой ²⁾ худой (17). Весьма часто онъ принимаетъ видъ знакомаго прохожѣму лица, при чемъ является верхомъ (2, 11), а еще чаще—видъ ямщика, кучера (какъ знакомаго, такъ и незнакомаго), между прочимъ на тройкѣ (8, 16). Срав. кнутъ, носимый лѣшимъ даже и тогда, когда онъ является не въ видѣ ямщика,—видѣ, преобладающемъ вообще въ разсказахъ о продѣлкахъ лѣшаго надъ путниками.

Главное занятіе лѣшаго—охраненіе лѣса (1); въ его вѣдѣніи находятся всѣ лѣсные звѣри и птицы (26) ³⁾; онъ гоняетъ стада зайцевъ и волковъ, а являясь, между прочимъ, властелиномъ не только лѣса, но и полей, къ этимъ стадамъ онъ присоединяетъ также и стада полевыхъ мышей и крысъ (26) ⁴⁾.

Свое присутствіе лѣшій проявляетъ громкимъ свистомъ, хохотомъ, хлопаньемъ кнута или въ ладоши; поетъ пѣтухомъ, кричитъ курицей (17), кошкой, малымъ ребенкомъ (24).

Извѣстное сбиваніе лѣшимъ съ пути прохожихъ объясняется народомъ или злой природой лѣшаго, желаніемъ повредить человеку (21), или же просто шуткой съ его стороны, при чемъ въ

¹⁾ См. *Аванасьевъ*. Повѣстическія воззрѣнія славянъ на природу. II, 330. *Mannhardt*. Wald und Feldkulte I (Baumkultus), 138—139, каждый со своимъ объясненіемъ факта.

²⁾ *Даль*. Словарь, „веренька нѣж. вязавка; вѣд. кошолка, плетушка.. Веренька или ковшь, рыболовный снарядъ; плетется изъ ивняка“. Наше извѣстіе изъ Владим. губ.

³⁾ Сравн. зависимость охотника отъ лѣшаго. *Аванасьевъ*. Назв. соч.

⁴⁾ Сравн. *Дикаревъ*. Мышиный царь. Этногр. Обзор., кн. XXIV.

подтвержденіе послѣдняго объясненія прибавляется, что лѣшій по существу добрый и зла не станетъ дѣлать (2, 18). Для того, чтобы сбить съ пути прохожаго, лѣшій прибѣгаетъ къ самымъ различнымъ способамъ. Часто, въ видѣ ямщика, лѣшій предлагаетъ путнику свои услуги подвезти его; если послѣдній соглашается, то въ концѣ концовъ обыкновенно оказывается или сидящимъ на крышѣ мельницы (13), или на плотинѣ надъ самой водой (8), или на вершинѣ высокаго дерева, или, наконецъ, въ какомъ-нибудь отдаленномъ городѣ. Однажды лѣшій (въ образѣ ямщика) повѣсилъ крестьянина, котораго передъ тѣмъ везъ на своей телѣгѣ, за ноги на дерево; въ концѣ же концовъ тотъ очутился въ своей избѣ, привязанный за ноги къ брусу (16). Чтобы заманить въ чашу или оврагъ свою жертву, лѣшій является передъ нею въ видѣ животныхъ, появленіе которыхъ въ лѣсу является страннымъ для прохожаго (въ видѣ пѣтуха, поросенка), и, углубляясь все далѣе и далѣе въ лѣсную глушь, онъ ведетъ за собой и удивленнаго путника; наконецъ, онъ можетъ достигъ своей цѣли, вовсе не появляясь передъ человѣкомъ, а какими-либо иными способами. Заманить въ лѣсную глушь онъ особенно любитъ дѣвицъ ¹⁾ и дѣтей, которыя, спустя долгое время, возвращаются оттуда «поврежденными» и ничего не говорятъ о своемъ пребываніи у лѣшаго (19). Уводитъ онъ часто также и скотину, которую бываетъ нелегко воротить назадъ, хотя бы ищущіе и видѣли ее при поискахъ, звали къ себѣ: эти поиски напрасны; пропавшая скотина или не вернется совсѣмъ, или явится сама по истеченіи извѣстнаго срока; въ этихъ случаяхъ, какъ выше было указано, можетъ помочь домовоѣ.

Для заблудившагося въ лѣсу черезъ козни лѣшаго есть средства выйти на дорогу; для этого нужно вывернуть наизнанку одежду (18), или надѣтъ задомъ напередъ рубаху (26), или правый сапогъ на лѣвую ногу (21), или, наконецъ, нагнуться и посмотреть назадъ себѣ подъ ноги (27). Отогнать его можно словами: «приди вчера» (16). О какихъ-либо сношеніяхъ съ лѣшимъ или договорахъ, извѣстныхъ въ этнографической литературѣ ²⁾,

¹⁾ Черта, непонятная для *Mannhardt's*, *Wauerkultus* I, 152. Сравни. *Аванасеевъ*. Поэт. возвр. II, 348; III, 33.

²⁾ *Аванасеевъ*. II. В. *Харузинъ*. Изъ матеріаловъ, собр. среди крестьянъ Пудожск. уѣз. Олонецкой губ. Труды Этн. Отд., кн. IX.

въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ свѣдѣній; однако, сообщается, что лѣшаго можно *позвать* словами «приди завтра», но остается неизвѣстнымъ, какая можетъ встрѣтиться надобность звать лѣшаго. Кромѣ упомянутыхъ выше средствъ избавиться отъ козней лѣшаго, существуетъ средство болѣе новое — молитва (2, 6). Насколько жива память о болѣе древнихъ способахъ, способахъ закляпательныхъ, — среди народа, уже прибѣгающаго въ тѣхъ же случаяхъ къ помощи молитвы, показываетъ одинъ разсказъ, въ которомъ сообщается, что лѣшій не пропалъ, несмотря на молитву путника, а пропалъ лишь послѣ того, какъ тотъ началъ его бранить (17).

Скудный матеріалъ о лѣшемъ я закончу сообщеніемъ еще двухъ фактовъ, гдѣ онъ является полнымъ хозяиномъ лѣса, старающимся не допустить вторженія туда чело­вѣка. Онъ прячетъ топоръ у дровосѣка и тѣмъ сокращаетъ время его разрушительной работы; онъ не любитъ, если кто-нибудь долго остается въ лѣсу, а остающагося тамъ ночевать старается прогнать, бросая въ него сучьями (16, 7).

Водяной и болотный.

Какъ мы видѣли, матеріалъ о лѣсныхъ духахъ по полнотѣ уступаетъ матеріалу о домовомъ, еще менѣе свѣдѣній мы имѣемъ о духахъ водяныхъ.

Воды населяетъ водяной или водяной царь (9); живетъ онъ преимущественно въ омутахъ рѣкъ, глубокихъ лѣсныхъ озерахъ, въ болотахъ, а также близъ мельницъ или даже въ старыхъ пустыхъ мельницахъ (26). Въ большинствѣ случаевъ онъ имѣетъ видъ сѣдого старика, чаще — нагого, рѣже — одѣтаго въ красную рубаху (21). Онъ любитъ выйти изъ воды, стать на какой-нибудь мостикъ или что-либо въ этомъ родѣ, чтобъ умыться и расчесать свою длинную бороду (16). Иногда этотъ древній, худой старикъ является посинѣлымъ и облѣпленнымъ тиной и грязью. Кромѣ такого болѣе обычнаго вида, водяной можетъ имѣть видъ чело­вѣка съ рыбьимъ хвостомъ вмѣсто ногъ (13). Подобно домовому и лѣшему, водяной можетъ являться въ образѣ лица, знакомаго тому, кто его видитъ.

Относітельно происхожденія домовыхъ и лѣшихъ въ нашемъ матеріалѣ не было свѣдѣній; о водяныхъ же извѣстно между прочимъ, что они произошли отъ воивовъ фараона, потовувшихъ при переходѣ евреевъ черезъ Черное море (13).

Водяному подвластны рыбы ¹⁾, лягушки, а также русалки и утопленницы (26). Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ водяной перегонялъ стадо раковъ изъ одного озера въ другое, при чемъ водяной обратился къ нему съ вопросомъ, хорошо ли его стадо (26).

Водяной въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ является преимущественно злымъ существомъ, такъ какъ всѣ его отношенія къ нимъ ограничиваются тѣмъ, что онъ старается затащить въ глубину купающихся и утопить ихъ. Особенно опаснымъ, въ виду такихъ козней водяного, является купанье въ полдень и полночь; это повѣрье, какъ и повѣрье о томъ, что купаться безъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ (особенно въ очень раннее или очень позднее время дня) опасно, существуетъ едва ли не повсемѣстно. Одного мальчика, утащенного водянымъ, нашли послѣ долгихъ поисковъ стоящимъ въ тинѣ головою внизъ (5). Исключеніемъ изъ общаго числа людей являются мельники, съ которыми водяной обыкновенно находится въ дружескихъ отношеніяхъ, и отчасти рыбаки, хотя и у нихъ водяной рветъ иногда сѣти (21). Про одного изъ мельниковъ, этихъ постоянныхъ посредниковъ между человѣкомъ и духами, разсказывается, что онъ нырялъ каждый вечеръ въ глубину рѣки и ночевалъ каждую ночь въ гостяхъ у водяного; поэтому на мельницѣ у него всегда былъ порядокъ (21). Мотивъ этотъ очень распространенъ и весьма извѣстенъ; но въ нашемъ матеріалѣ это единственный случай.

Кое-гдѣ сохранились вѣрованія въ болотнаго, точнѣе сказать, кое-гдѣ болотный отличается отъ водяного; въ болотахъ, какъ мы видѣли выше, народная фантазія помѣщаетъ не только водяныхъ, но и лѣшихъ (6). Особый духъ болота отличается отъ воднаго духа своей безвредностью (5). Видъ имѣеть человѣка съ длинными руками, тѣло покрыто сѣрой шерстью, сзади длинный хвостъ крючкомъ. Этотъ видъ болотнаго приближаетъ его къ чертямъ; и дѣйствительно, если, съ одной стороны, болотный, какъ

¹⁾ Ловить которыхъ онъ иногда мѣшаетъ людямъ — 27.

особый духъ, исчезаетъ изъ народнаго представленія, замѣнив-
шись между прочимъ водянымъ, то, съ другой стороны, и болото,
его исконное мѣсто жительства, народъ населяетъ теперь чертями,
т.-е. представителями другого порядка вѣрованій—нечистой силы.

Русалки.

Что касается русалокъ, этого наиболѣе поэтичнаго созданія
народной фантазіи, то относящійся сюда матеріаль рисуеъ намъ
традиціонную картину. Русалки—нагія женщины („дѣвы“) съ длин-
ными, распущенными, большею частію зелеными, волосами (3, 5, 6);
глаза русалокъ горятъ, какъ огни (6). Этотъ, такъ сказать, клас-
сическій образъ русалки является иногда нарушеннымъ тѣмъ,
что народная фантазія надѣваетъ на нее бѣлую рубашку (24).
Красотой своей онѣ привлекаютъ людей и могутъ защекотать ихъ
до смерти; наибольшая опасность погибнуть отъ русалки представ-
ляется въ полдень и полночь (5). Согласно своей любви щекотать,
онѣ носятъ также названіе „щекоталокъ“ (15) ¹⁾.

Въ локализациі русалокъ является колебаніе: онѣ живутъ
какъ въ водѣ, такъ и въ лѣсу и въ полѣ (1, 3). Соответствен-
но мѣсту жительства русалокъ, ихъ видятъ сидящими на вѣтвяхъ
деревьевъ въ лѣсной глуши, гдѣ онѣ смѣшати прохожихъ и, за-
влекая въ глушь, щекочутъ ихъ (6),—или же рассказываютъ, что
въ свѣтлыя лунныя ночи русалки играютъ и плещутся въ сере-
бристыхъ волнахъ рѣки или выходятъ на берегъ покачаться на
вѣтвяхъ прибрежныхъ деревьевъ и расчесать свои длинные зеле-
новатые волосы. Желая погубить человѣка, водяныя русалки за-
влекаютъ и топятъ его (26). Русалки любятъ купаться утренними
и вечерними зорями, почему купаться въ то же время человѣку
является опаснымъ (5). Такимъ образомъ, купанье на утренней и
вечерней зорѣ, какъ въ полдень, такъ и въ полночь представля-
етъ опасности и со стороны водяного, и со стороны русалокъ.

Итакъ, русалки являются, съ одной стороны, водяными, съ
другой—лѣсными духами. Эту двойственность отмѣчаетъ и Ава-
насьевъ ²⁾, говоря, что русалки весною, „выходя изъ глубокихъ

¹⁾ Сравни. названіе въ Харьк. губ. „лоскоталка“. *Аванасьевъ*. II. в. III, 125.

²⁾ Поэт. возвр. III, 125.

водѣ, разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунами“ 1).

Выше было отмѣчено, что въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ указаний на какія-либо женскія олицетворенія специально лѣсныхъ духовъ, если не включать сюда жену лѣшаго—„хозяйку“, о которой есть одно лишь извѣстіе (19). Поэтому невозможно видѣть, насколько русалки смѣшались съ женскими лѣсными духами, или, по крайней мѣрѣ, въ какомъ положеніи это смѣшеніе находится въ современныхъ вѣрованіяхъ. Напомню, что между лѣсными и водяными русалками у насъ не дѣлается различія ни во внѣшнемъ видѣ, ни въ занятіяхъ ихъ: и въ лѣсу онѣ не теряютъ своей прекрасной наружности, которой привлекаютъ людей, купаясь при свѣтѣ мѣсяца; въ описаніи ихъ внѣшняго вида нѣтъ ни малѣйшаго намека на ту безобразную черту, съ которой являются лѣсуны (см. сноску). Женскія олицетворенія духовъ (домашнихъ, лѣсныхъ) почти вовсе исчезли изъ народнаго воображенія; русалки, въ свою очередь, не имѣющія соотвѣтствующихъ имъ мужскихъ духовъ, не стали, однако, на мѣсто исчезнувшихъ женскихъ духовъ, населявшихъ прежде воды и лѣса. Локалізація же русалокъ и въ водахъ, и въ лѣсахъ представляетъ, повидимому, очень древній фактъ и указываетъ на то, что онѣ не были по своему происхожденію ни духами лѣса, ни духами водъ. Олицетворяя въ русалкахъ души умершихъ, въ дохристіанскую эпоху—всѣхъ вообще, а въ послѣдствіи — души младенцевъ, умершихъ некрещеными, или души утопленницъ (26), народъ для разнообразной локалізаціи этихъ созданій своей фантазіи, надо думать, находилъ особыя основанія въ различныхъ сторонахъ своего быта (наприм., способахъ и мѣстѣ погребенія и т. п.).

Воспоминаніе о „русальной недѣлѣ“, „великомъ днѣ руса-

1) „Лѣсуны—лѣсныя дѣвы и жены—то же, что лѣшіе, только въ женскомъ олицетвореніи“; ихъ огромныя дѣвныя груди, которыя онѣ принуждены закрывать за плечи, чтобъ свободно ходить и бѣгать, по теоріи Леавассьева, обличаютъ въ нихъ полнотрудныхъ облачныхъ вимѣвъ, такъ какъ „самыя облака уподоблялись женскимъ грудямъ, проливающимъ изъ своихъ сосцовъ обильное молоко—дождь“ (II. в. II, 343). Mannhardt со своей точки зрѣнія объясняетъ эту черту иначе: „ihre grossen Brüüste dürften als ein sinnlich symbolischer Ausdruck der Vegetationsfülle betrachtet werden“. Wald u. Feldkulte. I, 147.

локъ“, сохранилось между прочимъ въ томъ вѣрованіи, что русалки бѣгаютъ по лѣсамъ и щекочутъ людей особенно, или даже исключительно (1), передъ Троицынымъ днемъ въ Семикѣ. Сохранилось оно и въ слѣдующихъ переживаніяхъ. Помимо повсемѣстнаго (напр., даже подмосковнаго) празднованія Семика, по своему характеру уже ничего общаго съ культомъ русалокъ не имѣющаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приуроченныя сюда празднества носятъ названія, ясно указывающія на ихъ происхождение, а именно: „проводы русалки“ (5) и „русальское загованіе“ (15) или „заговѣніе“ (8). Проводы русалки состоятъ въ томъ, что въ воскресенье передъ Петровымъ днемъ (5) или, въ другой мѣстности, въ воскресенье за Троицынымъ днемъ (8), крестьяне собираются на средину выгона и поютъ пѣсни (тексты ихъ не приводятся, но онѣ могутъ уже и не заключать specialнаго содержанія); это называется проводить русалку (5) Русальское загованіе въ Рязанскомъ уѣздѣ справляется слѣдующимъ образомъ. Послѣ обѣдни, едва только успѣютъ крестьяне пообѣдать, какъ нѣсколько лицъ, болѣе другихъ знающихъ народныя обычаи и радѣющихъ объ ежегодномъ ихъ выполненіи, начинаютъ бѣгать отъ одного дома къ другому, приглашая молодыхъ бабъ и дѣвокъ на площадь среди села; вскорѣ молодежь, разодѣтая въ лучшіе наряды, сходится въ назначенное мѣсто и проводитъ здѣсь время до вечера въ пѣсняхъ, хороводахъ и играхъ. Въ сумерки дѣлается чучело женщины, называемое русалкой; его несутъ избранныя женщины вдоль села и въ сопровожденіи поющей толпы выносятъ далеко изъ села, гдѣ уже заранѣе бываетъ приготовленъ ребятишками большой костеръ изъ дровъ и хвороста, который, по прибытіи русалки, зажигается; когда онъ достаточно разгорится, въ него бросаютъ чучело и начинаютъ поочередно прыгать черезъ огонь. Каждый, перескочившій черезъ пылающій костеръ, предохраняется тѣмъ самымъ отъ болѣзней, злыхъ духовъ и колдуновъ (15). Надо прибавить, что собиратель записалъ это со словъ старушки, рассказывавшей про „свое“, старое время.

II.

Колдуны и вѣдьмы.

Гораздо въ болѣеишей неприкосновенности, чѣмъ вѣрованія въ духовъ, сохранились среди народа вѣрованія въ существованіе людей, обладающихъ таинственными знаніями и способностями или находящихся въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Пасколько еще крѣпки (относительно) эти вѣрованія, указываетъ хотя бы то обстоятельство, что у насъ самый обильный матеріалъ приходится именно на долю этихъ вѣрованій. Одиноко стоитъ заявленіе изъ Раненбургскаго уѣзда (16) о томъ, что вѣрованія въ колдуновъ нѣтъ, но въ знахарей нѣкоторые вѣрятъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ на вопросъ о существованіи колдуновъ, получаемъ утвердительный отвѣтъ. Чуть ли не въ каждомъ селеніи оказывается одинъ или нѣсколько колдуновъ, вѣдьмъ, знахарей. Прежде всего, ихъ боятся, избѣгаютъ сношеній съ ними и обращаются къ нимъ въ случаѣ лишь необходимости (о чемъ ниже). Не только среди такъ называемаго народа живы эти вѣрованія, но встрѣчаются также среди интеллигенціи и даже духовенства (25, 26) ¹⁾. При всемъ томъ часто отмѣчается, что колдуновъ, вѣдьмъ и знахарей въ прежнее время было гораздо больше, чѣмъ теперь,—такъ самъ народъ отмѣчаетъ постепенное исчезновеніе своихъ древнихъ вѣрованій. Причины уменьшенія числа колдуновъ и вѣдьмъ выставляются различныя: или „попы нашли отъ нихъ заклятье“ (3), или „прежде жить было труднѣе, и поэтому находилось больше охотниковъ съ выгодой продать душу нечистому“ (2), или, наконецъ, „теперь много стало ученыхъ людей, которые и предсказываютъ, когда ведро, когда погода“ (17).

Колдуны и вѣдьмы кореннымъ образомъ отличаются отъ знахарей: первые получили свой даръ отъ нечистаго, вторые—отъ Бога; первые существуютъ на зло, вторые—на пользу людямъ. Сначала мы остановимся на вѣрованіяхъ въ колдуновъ и вѣдьмъ, а затѣмъ перейдемъ къ знахарямъ.

¹⁾ которыя, впрочемъ, несвободны часто и отъ тѣхъ вѣрованій, о которыхъ говорилось до сихъ поръ.

Есть преданіе, что колдуны и вѣдьмы завелись первоначально въ Кіевѣ и оттуда уже разбрелись по всей землѣ (13). Обыкновенно же происхожденіе ихъ народъ не связываетъ ни со своей колыбелью, ни съ какою-либо другой мѣстностью.

Колдуны, иначе вѣдьмаки (18), и вѣдьмы или бываютъ природенные, или же рождаются обыкновенными людьми, но получаютъ свое знаніе отъ другого колдуна, обыкновенно при его смерти. Въ одной и той же мѣстности могутъ существовать обѣ категоріи колдуновъ и вѣдьмъ; чаще же существуетъ только одна и именно послѣдняя категорія,—другими словами, болѣе распространеннымъ является вѣрованіе въ преемственность колдовства и связанное съ нимъ вѣрованіе въ то, что колдунъ не можетъ умереть, не передавъ кому-нибудь своего знанія. Какъ передаетъ умирающій колдунъ свое знаніе, удобнѣе разсмотрѣть впослѣдствіи, теперь же упомяну о способѣ, которымъ всякій желающій можетъ получить отъ колдуна его чародѣйскую силу; для этого нужно снять съ шеи крестъ, положить его подъ пятку и три раза отречься отъ Бога (5).

Что касается менѣе распространеннаго вѣрованія въ природенныхъ колдуновъ и вѣдьмъ, то таковыми считаются или родившіеся отъ колдуна (11), или незаконнорожденные отъ третьяго поколѣнія незаконнорожденныхъ (25); послѣдніе прямо рождаются съ хвостами.

Болѣе распространенное вѣрованіе въ то, что колдунъ и вѣдьма получаютъ свой даръ не путемъ наслѣдственности, а путемъ преемства, гармонируетъ съ вѣрованіемъ въ зависимость ихъ отъ нечистой силы; въ виду этой зависимости даже указывается невозможность колдуну родиться на свѣтъ уже колдуномъ: „нечистый не можетъ погубить души невиннаго младенца“ (20).

Узнать колдуна или вѣдьму по внѣшнему виду нелегко (или даже невозможно, 1, 4) тѣмъ болѣе, что они стараются не выдавать себя, ведутъ себя во всемъ такъ же, какъ и обыкновенные люди, напр., для отвода глазъ исповѣдаются и пріобщаются (25). Несмотря на то, колдунъ любитъ при случаѣ показать свою силу. По нѣкоторымъ же чертамъ лица и характера удается заподозрить колдуна: онъ обыкновенно необщителенъ, суровъ въ обращеніи (12, 21), обидчивъ (2, 29); лицо колдуна обыкновенно некрасиво (2), со сросшимися бровями; глаза часто горятъ, какъ

огонь (6,21); онъ не смотритъ прямо, днемъ не любитъ показываться (2); или, наконецъ, онъ постоянно у всѣхъ чего-нибудь проситъ, но надо остерегаться удовлетворять его просьбу, такъ какъ вмѣстѣ съ отдаваемой вещью можно отдать и свое счастье (3). Кромѣ такихъ примѣтъ, существуютъ еще нѣкоторые способы узнать вѣдму или колдуна. Для этого надо надѣть на себя новое платье и подѣ Свѣтлый день итти къ заутренѣ; проходя черезъ извѣстное (въ данномъ селѣ) мѣсто, услышишь ихъ голоса и увидишь ихъ (14); затѣмъ, всякая вѣдма непременно обернется, если ей показать сзади кукишъ (26); если колдуну подать ножъ лезвеемъ къ сердцу, то онъ уйдетъ прочь съ бравью (5); у вѣдмы и вѣдмака въ глазахъ „ангели кверху ногами сдаются“ (кажутся—18) ¹⁾; наконецъ, колдуновъ можно узнать еще потому, что колдунъ передъ другимъ колдуномъ чернѣетъ (20), а вѣдмъ—по тому, что онѣ иногда ходятъ на четверенькахъ въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами (26). Къ характеристикѣ колдуновъ и вѣдмъ можно сказать, что они любятъ почетъ и не упускаютъ случая показать свою силу безъ намека, конечно, на то, что она отъ нечистаго (18).

Оборотнями являются почти исключительно вѣдмы; съ одной стороны у насъ есть свидѣтельство о томъ, что колдунъ можетъ явиться въ видѣ собаки, кошки, свиньи (15), но съ другой стороны другое свидѣтельство говоритъ, что колдунъ (не вѣдма) не можетъ перемѣнить своего человѣческаго образа (11); оба факта единичные во всемъ матеріалѣ.

Вѣдма обращается въ свинью и ночью до полуночи, нападъ на человѣка, любитъ въ такомъ видѣ ѣздить на немъ верхомъ (11, 26). Кромѣ того она можетъ обернуться кошкой (22, черной—25), собакой (20, бѣлой—26) ²⁾, чаще всего сорокой (19, 26...), а кромѣ того, клубкомъ и рѣшетомъ. Оборотнями ходятъ онѣ по ночамъ до пѣтуховъ. Въ видѣ свиньи и кошки онѣ проникаютъ черезъ заборы; прогнать ее въ этомъ случаѣ можно осиновымъ коломъ (22).

¹⁾ Какъ на практикѣ воспользоваться этой особенностью колдуна, чтобы узнать его, неизвѣстно.

²⁾ Однажды вѣдма, въ видѣ собаки, бросилась въ повозку съ невѣстой; эту собаку избилъ до полусмерти; на другой день одна старуха на селѣ (но дозрѣвавшая вѣдмой) оказалась избитой (20).

Свѣдѣнія относительно существованія хвоста у колдуновъ и вѣдьмъ довольно сбивчивы: то его имѣютъ однѣ вѣдьмы, то также и колдуны (13); то колдуны и вѣдьмы (или однѣ послѣднія) имѣютъ хвостъ лишь въ томъ случаѣ, если они колдуны и вѣдьмы прирожденные, а не получившіе даръ колдовства впоследствии,—то и тѣ и другіе (14); у колдуна не прирожденного начинается расти хвостъ съ того времени, какъ онъ впервые примѣнить на дѣлѣ полученное искусство; этотъ хвостъ съ теченіемъ времени увеличивается и впоследствии достигаетъ почтенныхъ размѣровъ (15) ¹⁾. Чаше о хвостѣ колдуна ничего не говорится, вѣдьма же, новидимому, всегда представляется съ хвостомъ (съ маленькимъ—26).

Объ отношеніяхъ между собою лицъ, занимающихся колдовствомъ, мало извѣстно. Сюда относятся упоминанія о собраніяхъ вѣдьмъ на горѣ въ полдень (2); въ сборное мѣсто онѣ слетаются сороками. Въ Рыльскомъ уѣз. Курской губ. есть понятіе о Лысой горѣ—надо думать, какъ о мѣстѣ собранія вѣдьмъ (26). Вѣдьмы и колдуны, затѣвая ссору, ломаютъ другъ другу пальцы; отъ этого остаются такъ назыв. „чертовы пальцы“ (27).

Разсмотримъ теперь, чѣмъ и какъ занимаются колдуны и вѣдьмы и какъ относятся къ обыкновеннымъ людямъ.

Общераспространенное мнѣніе о колдунахъ и вѣдьмахъ то, что они находятся въ сношеніяхъ съ нечистой силой и дѣйствуютъ съ помощью злыхъ духовъ; они, какъ и злые духи, существуютъ на свѣтѣ лишь для совершенія зла (11, 12, 18, 15 и др.). Душа ихъ принадлежитъ нечистому. Получивъ посредствомъ акта богохульства особая таинственныя знанія и силу и обрешки себя вреду ближнему, вѣдьмы и вѣдьмаки не могутъ уже не употреблять своей силы и не могутъ уже, стало быть, не вредить людямъ, при чемъ примѣнить въ дѣло свои способности они должны непременно извѣстное число разъ въ годъ (15). Какъ *должна* колдунъ испортить человека, при всемъ нежеланіи этого дѣлать, видно изъ слѣдующаго случая: выдавалъ колдунъ внучку замужъ; ему и жаль испортить ее, разстроить свадьбу, но воздержаться

¹⁾ Сравни. *Адамскае* П. в. I, 712 о хвостѣ вѣдьмы: „вѣдьманъ и въ Руси и въ Германіи придаютъ *коровамъ* хвосты“.

отъ причиненія вреда свыше его силъ; во избѣжаніе этого, онъ попросилъ сноху запереть себя въ чуланъ на то время, когда пріѣдутъ за невѣстой, и выпустить себя оттуда, когда ее уже увезутъ; по окончаніи церемоніи сноха цѣлый часъ не вспоминала о запертомъ свекрѣ, когда же отперла чуланъ, нашла колдуна мертвымъ (20).

Вредъ, приносимый колдуномъ и вѣдьмой, касается какъ самаго человѣка, такъ и его достоянія: они портятъ людей и разстраиваютъ ихъ взаимныя отношенія, изводятъ скотину, отнимаютъ молоко у коровъ и спорость у хлѣба. „Великіе они грѣшники передъ Господомъ, имъ и прошенія не полагаются. Вотъ и стихъ про нихъ поется: у Господа три души согрѣшили; первая душа согрѣшила—златъ вѣнецъ разлучила, вторая душа согрѣшила—младенца во чревѣ проклинала, третья душа согрѣшила—въ хлѣбѣ спорость вынимала; этимъ тремъ душамъ прошенія не будетъ“ (15).

Сначала мы обратимся къ тому, какой вредъ они приносятъ людямъ и какими средствами портятъ ихъ. Они насылаютъ болѣзни, сводятъ въ могилу; испорченный начинаетъ чахнуть или дѣлается припадочнымъ (14), или такъ называемой „кликушей“ („крикушей“), т.-е. кричить и бьется во время богослуженія и при видѣ иконъ. Порча производится посредствомъ травъ, собираемыхъ ими подъ Ивана Купала (26) ¹⁾, или съ помощью наговоровъ на пищу или питье,—при чемъ при наговариваніи надъ водою опускаютъ иногда въ нее крестъ (9, 11, 15), или же съ помощью заклинаній надъ вещью ²⁾, принадлежащей ихъ жертвѣ, наконецъ, путемъ осыпанія наговоренной солью порога жилища того лица, котораго хотятъ испортить (1, 19, 21). Болѣзни они могутъ пустить и по вѣтру (11, 13). Одному крестьянину порча влетѣла въ ротъ, словно муха, послѣ чего онъ два года лаялъ и мяукалъ (6). Особенно часто колдуны сажаютъ своей жертвѣ килы (мясистые наросты на тѣлѣ), прикасаясь къ человѣку палочкой или ударяя его рукой (15 и др.). Наиболее характерными средствами порчи

¹⁾ Въ эту же ночь вѣдьмы караулятъ цвѣтъ папоротника, отермивающій людямъ знаніе кладовъ и дающій пониманіе рѣчи растений и животныхъ (26); вѣдуть также (для чего-то) уголья изъ погостовъ.

²⁾ Сравни. *Лѣбозъ*. Начало цивилизаціи, стр. 109.

являются: выниманіе слѣда ¹⁾ и вырѣзываніе на стѣнѣ тѣни того человѣка, котораго желаютъ испортить. Вынувъ слѣдъ, т. е. небольшой пластъ земли съ отпечаткомъ ноги своей жертвы, колдунъ вѣшаетъ эту землю въ мѣшочкѣ въ трубу (26), или кладетъ подъ матицу потолка (1): по мѣрѣ высыханія земли сохнетъ и человѣкъ. Вырѣзываніе на стѣнѣ тѣни употребляется, кажется, лишь по отношенію къ дѣтямъ.

Вообще, колдуны весьма избобрѣтательны и, если хотятъ кого извести, непременно добьются своего. Одинъ колдунъ, желая извести крестьянина, положилъ ему на завалинку ложку съ наговореннымъ масломъ; вполне естественно, что крестьянинъ, проходя мимо, увидѣлъ ложку и съ удивленіемъ взялъ ее съ собой въ избу, чтобъ спросить своихъ домашнихъ, зачѣмъ имъ понадобилось выложить ложку съ масломъ. Этого было достаточно, чтобъ порча возымѣла свое дѣйствіе: крестьянинъ затосковалъ и черезъ годъ умеръ (14). Наконецъ, колдунъ можетъ испортить человѣка путемъ одного лишь разговора съ нимъ.

Особенно часты случаи порчи на свадьбахъ, при чемъ жертвами являются молодые или одинъ изъ нихъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ уже приведенъ выше (о колдунѣ и его внучкѣ); этотъ случай указываетъ на какую-то роковую необходимость для колдуна такъ или иначе помѣшать семейному счастью. Подобные факты рассказываются почти въ каждомъ отвѣтѣ изъ нашего матеріала; большинство ихъ, однако, показываетъ, что колдунъ вредитъ на свадьбѣ большею частію въ отместку за плохое угощеніе или за то, что его не позвали на свадьбу. Часто колдунъ въ такихъ случаяхъ ограничивается тѣмъ, что своей силой останавливаетъ лошадей свадебнаго поѣзда и затѣмъ, какъ бы насладившись плодами своего могущества, пускаетъ ихъ. Приведу одинъ изъ такихъ фактовъ, отличающійся по своему содержанію отъ прочихъ тѣмъ, что здѣсь злая воля колдуна была парализована какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ. Дѣло было такъ. Играли свадьбу и не позвали вѣдьмака. Боятся всѣ гости, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Былъ въ деревнѣ въ это время прохожій какой-то: „ти солдатъ ²⁾, ти кто“; тотъ ободрилъ всѣхъ гостей, взялся

¹⁾ Срав. *Аванасьевъ*. II. в. I, 37. (Символическое значеніе слѣда).

²⁾ Сравня роль *сладата* въ нашихъ сказкахъ о нечистой силѣ.

самъ быть дружкой. Поѣхали подь вѣнецъ. Ъдутъ мимо хаты вѣдьмака; тотъ сидитъ подь окномъ. Вдругъ лошадь подь молодыми упала и сразу издохла. Дружка прохожій живо пересадилъ молодыхъ на другую повозку, и поѣхали. Выбѣгаетъ изъ хаты вѣдьмакъ, бросается къ мертвому коню и начинаетъ рвать зубами его мясо: накинулся на него, какъ волкъ на падалъ. Выбѣжали за нимъ дѣти—взрослые сыновья—хотятъ оттащить отца отъ лошади и не могутъ: вѣдьмакъ рветъ зубами мясо лошади. Ъдетъ свадьба назадъ; стали дѣти вѣдьмака просить прохожаго дружка за отца. Тотъ потребовалъ, чтобы были возвращены деньги за павшую лошадь ея хозяевамъ, и потомъ сдѣлалъ что-то (?), и вѣдьмакъ отошелъ отъ лошади, какъ ни въ чемъ не бывало“ (18).

Есть средства уничтожить чары колдуна и тѣмъ спасти молодыхъ отъ порчи. Прежде всего слѣдуетъ избѣгать навлечь гнѣвъ колдуна; для этого его стараются пригласить на свадьбу, радушно угощаютъ и проч. Застраховать молодую отъ порчи можно, натыкавъ иголокъ въ ея платье (21). Съ тою же цѣлью молодымъ при возвращеніи ихъ изъ церкви стелать въ дверяхъ овчины, по которымъ они и должны пройти въ избу (3). Наконецъ, въ томъ случаѣ, если порча уже начала дѣйствовать, и молодые стали тосковать или худѣть, то можно «отбаситься» (вылѣчиться) у другого колдуна (5); къ сожалѣнію не указано, какимъ образомъ это дѣлается ¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ сторонамъ вредной дѣятельности колдуновъ и вѣдьмъ, приведу еще нѣсколько случаевъ примѣненія колдунами своей силы. Одинъ извозчикъ, встрѣтившись съ колдуномъ въ шинкѣ, несмотря на просьбу колдуна, не поднесъ ему водки; выйдя изъ шинка, онъ никакъ не могъ заставить лошадей своихъ тронуть съ мѣста, пока не вернулся обратно въ шинокъ и не угостилъ разсерженного колдуна (16). Двое колдуновъ состязались между собою въ силѣ и оба обратили бѣлую рѣдьку въ черную; такъ какъ одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи изъ черной рѣдьки сдѣлать опять бѣлую, то другой кол-

¹⁾ Замѣчу, что такихъ случаевъ, гдѣ-бы колдуны освобождали молодыхъ отъ нечистой силы, которая строитъ имъ козни, какъ говоритъ *Леванисъ* (П. в. III, 439), въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ. У насъ колдунъ является врагомъ молодыхъ.

дунъ, исполнившій это, былъ очень доволенъ прибрѣтенной репутаціей сильнѣйшаго колдуна (8).

Выше было упомянуто между прочимъ, что вѣдьмы не любятъ показываться днемъ и обдѣлываютъ свои дѣла чаще по ночамъ. Поэтому запоздавшій прохожій рискуетъ встрѣтиться ночью съ вѣдьмой, которая можетъ свалить его съ ногъ, подкатившись подъ ноги въ образѣ какого-нибудь животнаго, или даже сѣсть на него верхомъ и заставить возить себя (26).

Злая дѣянія колдуновъ и вѣдьмъ не ограничиваются самимъ человѣкомъ, но распространяются также и на его скотъ. Я имѣю въ виду известное ¹⁾ „отыманіе“ вѣдьмами молока у коровъ, о чемъ у насъ есть свидѣтельства изъ четырехъ мѣстностей (18, 19, 20, 26). Вѣдьма выдаиваетъ чужихъ коровъ или таинственнымъ образомъ, или обыкновеннымъ способомъ. Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ его сосѣдка, считавшаяся колдуньей, съ подойникомъ въ рукахъ вошла въ хлѣвъ и стала доить только что пригнанную корову его, которая уже нѣсколько дней перестала давать молоко; догадываясь, что сосѣдка отнимаетъ молоко его коровы, слѣдовательно она вѣдьма, крестьянинъ схватилъ ружье и хотѣлъ въ нее выстрѣлить; но вдругъ и корова и сосѣдка раздвоились: появилось 2 коровы и 2 сосѣдки въ разныхъ углахъ хлѣва; не зная, въ какую стрѣлять, онъ опустилъ ружье,—тогда одна пара исчезла; но лишь только онъ хотѣлъ снова выстрѣлить, какъ онъ опять раздвоились, и такъ продолжалось, пока вѣдьма не кончила доить и не ушла изъ хлѣва (19).

Надо особенно слѣдить, чтобъ вѣдьма не выдоила коровы въ первый разъ послѣ телу: такую корову она будетъ доить цѣлый годъ (26). Отнимаетъ вѣдьма молоко большею частью по ночамъ и особенно въ ночь подъ Ивана Купала. „Чтобъ сдѣлать это, вѣдьма выходитъ рано утромъ въ поле, куда выгоняютъ коровъ на росу. Она окликаетъ коровъ, у которыхъ хочетъ отнять молоко (напр. буренушка! чернушка! и т. д.), а сама въ это время загибаетъ къ себѣ руками росу на травѣ“ (18)²⁾.

¹⁾ См. *Аганасовъ* П. и II, 561.

²⁾ „Если вѣдьма будетъ угощать отнятымъ у чужихъ коровъ молокомъ, то его нельзя много выпить“ даже при сильномъ аппетитѣ: вѣдьма заворачиваетъ его (18).

Наконецъ, сохранилось еще вѣрованіе въ то, что отнимаемое молоко приносить вѣдьмѣ огненный змѣй. Такъ, разсказывается, что работникъ одной женщины, которая вѣдьмовала, „замѣтилъ какъ-то, что хозяйка ставитъ въ нежилой хатѣ пустыя крынки; на утро всѣ крынки оказались полными молока. Онъ смегнулъ, въ чемъ дѣло, и въ другой разъ, когда вѣдьма поставила тамъ же пустыя крынки, закрестилъ ихъ знаменіемъ креста. Змѣй не могъ налить этихъ крынокъ принесеннымъ молокомъ и разлилъ его по полу избы“ (18).

Я сдѣлаю маленькое отступленіе и изложу здѣсь кстати тѣ немногія вѣрованія въ огненнаго змѣя, которыя находятся въ нашемъ матеріалѣ. Огненнаго змѣя видятъ иногда летающимъ по небу въ видѣ падающей звѣзды съ тою, впрочемъ, разницей, что звѣзда падаетъ сразу, быстро, змѣй же летитъ порывисто, скачками (18) или дѣлаетъ дугообразный полетъ (6). Представленіе о змѣѣ у старика-разсказчика, сообщавшаго вышеприведенныя повѣрья о змѣѣ—слугѣ вѣдьмѣ, „связано съ изображеніемъ змѣя на иконѣ Георгія Побѣдоносца и отчасти съ видѣннымъ имъ въ Ригѣ изваяніемъ какого-то морского чудовища“ (18). Разсказывается, что близъ села Ковширь, Порѣчскаго уѣз., Смоленской губ., когда-то давно лежалъ убитый змѣй. Его хотѣли засыпать землею. Стали возить землю на лошадяхъ; привезутъ, сыплютъ ее на змѣя, а ее всю такъ и разбрасываетъ. Возили, возили—ничего не могли сдѣлать. Наконецъ кто-то надумалъ возить землю на пѣтухахъ; привезутъ возочекъ (много ли на пѣтухѣ можно свезти!), кинуть на змѣя, а земля на немъ разрастается; привезли возочковъ десятокъ и закидали змѣя. И теперь тамъ стоитъ курганъ и зовется „змѣемъ“ (18).

Наконецъ, существуетъ повѣрье, что змѣй, въ видѣ огненной массы, летаетъ ко вдовамъ и солдаткамъ, тоскующимъ по своимъ мужьямъ; долетѣвши до избы, змѣй рассыпается и дѣлается затѣмъ человѣкомъ, котораго ждетъ женщина (5).

Вернемся къ вѣдьмамъ. Кромѣ отнятія молока, мы находимъ въ нашемъ матеріалѣ не менѣе извѣстное ¹⁾ вѣрованіе въ отнятіе вѣдьмами спорости у хлѣба (19, 20, 21, 24, 25). Это дѣлается путемъ заломовъ на зеленомъ хлѣбѣ, завязываніемъ „куколокъ“

¹⁾ Ср. *Августовскій*. П. в. III, 596.

во время цвѣтенія ржи, сшибаніемъ ржаныхъ колосьевъ, или же путемъ прожиновъ. Если въ полѣ окажется на хлѣбѣ заломъ, то слѣдуетъ его жать осторожно, чтобъ не срѣзать заломленныхъ колосьевъ; если же рожь съ заломомъ попадетъ подъ серпъ, то жнецъ непременно захвораетъ, и помочь тогда уже ничѣмъ нельзя. То же постигнетъ того, кто отвѣдаетъ хлѣба, испеченнаго изъ зерна, замороженнаго такимъ способомъ. Какъ о средствѣ избавиться отъ губительнаго дѣйствія заломовъ, сообщается объ ихъ „отчитываніи“. Одна колдунья открыла на духу священнику, что имѣетъ дѣло съ чертями и пользуется ихъ услугами; священникъ наложилъ на нее эпитимію и лишилъ причастія. Колдунья долго упрашивала снять съ нее эпитимію, но священникъ настоялъ на своемъ. Желая отомстить, колдунья забралась въ огородъ къ священнику и сдѣлала на капустѣ заломы. Замѣтивъ ихъ, священникъ принесъ въ огородъ книгу и сталъ читать надъ капустой; къ концу чтенія является въ огородъ колдунья и, бросившись въ ноги священнику, молить о прощеніи. Священникъ простилъ съ условіемъ никогда больше не дѣлать заломовъ. Но вскорѣ священникъ замѣтилъ заломы на своихъ яблоняхъ. Тотчасъ же сходилъ за книгой и началъ отчитывать ихъ; во время чтенія вновь прибѣгаетъ колдунья и проситъ не дочитывать книги и простить ее. На этотъ разъ священникъ дочиталъ книгу до конца и выгналъ изъ сада колдунью, не простивъ ея. Уничтоживъ затѣмъ заломы, онъ успокоился. Вскорѣ прибѣгаетъ къ нему сынъ колдуньи и проситъ священника пріобщить его умирающую мать. Тотъ долго не соглашался, но затѣмъ исповѣдовалъ и пріобщилъ колдунью. Тогда колдунья сползла съ постели на *порогъ* и умерла въ страшныхъ мученіяхъ (25).

Существуютъ средства предохранить поля отъ порчи со стороны вѣдьмъ, которую онѣ насылаютъ путемъ заломовъ и прожиновъ. Для этого нужно протянуть кругомъ поля нитку или же заперчь въ соху трехъ дѣвушекъ или набожныхъ вдовъ и опяхать на нихъ поле ¹⁾: какъ черезъ протянутую нитку, такъ и черезъ

¹⁾ Ср. *Аванасьева*. II. в. III, 790. Этотъ обрядъ опаживанія поля на женщинахъ напоминаетъ обрядъ опаживанія села во время эпидеміи или падежа скота; несомнѣнно, оба эти обряда родственны по происхожденію. Объ обрядѣ опаживанія села у насъ есть нѣсколько свѣдѣній. Пользуясь случаемъ напо-

борозду, проведенную послѣднимъ способомъ, вѣдьма не переступить (20).

Покоячивъ съ дѣйствіями колдуновъ и вѣдьмъ, клонящимися ко вреду человѣка, укажу нѣкоторые случаи, гдѣ сила ихъ приобрѣтаетъ служебный по отношенію къ человѣку характеръ, и гдѣ колдунъ уже приближается къ знахарю. Такъ, при желаніи, можно войти съ колдуномъ въ соглашеніе и при помощи его таинственныхъ средствъ заставить желаемаго человѣка полюбить себя или возненавидѣть кого-либо (11); кромѣ этихъ „приворотовъ“ и „отворотовъ“ колдунъ можетъ еще быть полезенъ при пропажѣ указавшемъ похитившаго лица или мѣста, гдѣ находится пропажа. Но и тутъ злая воля его даетъ себя знать; такъ, разсказывается, что однажды колдунья воспользовалась такимъ обращеніемъ къ ней, чтобъ извести сноху того лица, которое потеряло деньги: деньги были изжеваны телкой, колдунья же указала на сноху, какъ на вора, съ тѣмъ, чтобъ та затосковала и зачахла (16). Сюда же

жить относящійся сюда матеріалъ. Изъ Рязан. у. (14): „Около полудни бабы, дѣвки и мужики собираются за селомъ; всѣ вооружаются топорами, мотыками и т. п. и берутъ съ собою соху. Одна вдовая баба (дочь) впрягается въ соху, а вдова — мать пашеть. Остальные идутъ вслѣдъ за ними. На перекресткѣ толпа останавливается, и одна изъ бабъ спрашиваетъ: „кто на комъ пашеть?“ Ей отвѣчаютъ: „мать на дочери“. Послѣ этого всѣ оборачиваются назадъ и съ криками: „свѣи его, руби его!“ начинаютъ рубить землю. Такъ дѣлаютъ на всѣхъ перекресткахъ до тѣхъ норъ, пока не опашутъ всего села. Говоритъ, что плохо бываетъ тѣмъ, которые выйдутъ на встрѣчу второй неистой толпѣ“. Собиратель замѣчаетъ, что опахиваніе не повторялось лѣтъ пять (писано въ 1892 г.). Изъ того же уѣзда (изгнаніе злого духа, насланшаго падежъ на скотъ): „Въ назначенный день тайно было оповѣщено всѣмъ ~~вдовымъ~~ женщинамъ и дѣвщинамъ собраться къ концу села къ 12 час. ночи; замужнія присутствовать на собравшіе не могутъ; всѣ женщины и дѣвушки вадѣваютъ на себя одиѣ чистыя бѣлыя рубашки, расплетаютъ косы и впрягаютъ соху въ назначенное мѣсто. Въ нее впрягаются четыре старыя вдовы: одна въ оглобли, двѣ по бокамъ и одна свади, всѣ же остальные съ кольями, метлами, рогачами и кочергами идутъ вокругъ сохи и поютъ страннымъ, равидрающимъ душу, напѣвкомъ молитву Святыи Воже. Въ это время во всѣхъ домахъ должны быть потушены огни... Когда процессія пройдетъ вдоль села и убѣдится въ томъ, что всѣ огни на селѣ потушены, она снова выходитъ вонъ изъ села, и при пѣніи той же молитвы начинается пропахиваніе борозды вокругъ села; если кто случайно встрѣтится въ это время на пути и не исполнить вѣкоторыхъ (?) требованій, то его начинаютъ бить чѣмъ попадо, такъ какъ видятъ въ немъ злого духа. Проведши борозду во

можно отнести рассказъ о томъ, какъ колдунья, по просьбѣ одной матери, показала ей ея отсутствующаго сына. (Это происходило въ полночь; колдунья совѣщалась о чемъ-то съ налетѣвшей стаей черныхъ птицъ; мать же, желавшую видѣть своего сына, она посадила при этомъ на осиновый колъ.—25).

Теперь мы обратимся къ вѣрованіямъ и обычаямъ, связаннымъ съ кончиной колдуна или вѣдьмы. Повсемѣстно существуетъ повѣрье объ ихъ страшныхъ предсмертныхъ мученіяхъ, продолжающихся до тѣхъ поръ, пока они не передадутъ кому либо своей силы, своего знанія. Мученія происходятъ отъ того, что таинственная сила колдуна удерживаетъ его въ этой жизни и борется съ природой, со смертью. Поэтому, не передавъ своей силы, колдунъ (вѣдьма) не можетъ умереть, а будетъ мучиться въ безысходной агоніи (22), въ это время тѣло его точатъ черви, по угламъ дома скребутъ кошки... (9).

Ниже будутъ указаны средства, какими можно избавить умирающаго отъ мукъ и дать ему возможность умереть. Но что будетъ съ колдуномъ, если сила его остается при немъ и окружающими не принимается никакихъ мѣръ къ уничтоженію его страданій? На это у насъ есть только одно указаніе, которое я приведу дословно, въ виду неполной ясности заключающагося въ немъ отвѣта на поставленный выше вопросъ: „если колдунъ не будетъ въ состояніи передъ смертью передать свой талантъ другому, то онъ подвергается страшнымъ мученіямъ; приходитъ къ нему домовою его, сдираетъ съ колдуна шкуру и уноситъ туло-

кругъ села, женщины опять съ пѣвнємъ проходятъ вдоль села, переплывая дорогу на перекресткахъ и заматая слѣды сохи метлами. Этой борозды алой дужъ не переступить болѣе (15). Изъ Юхновскаго и Вяземскаго уѣздовъ Смол. губ. (18) сообщается о такомъ же обрядѣ съ тѣми отличіями, что участницами являются старухи и молодыя дѣвушки-подростки; впригаетъ одна женщина хорошей жизни, двѣ другія берутся за обжи; остальные бьютъ въ заслоны и несутъ съ собою метлы, палки и проч.; поются духовные стихи въ честь Владимірской иконы Б. М., чтимой въ Вязем. у.; всѣ участницы одѣты въ однѣ бѣлые рубахи, не подпоясаны и съ распущенными волосами. Изъ Мещовскаго у. Калужск. губ. (25) сообщается о подобномъ обрядѣ, какъ о постоянномъ, приуроченномъ къ навѣстному дню: „29 іюня, въ день свв. ап. Петра и Павла, запрагаютъ въ соху вдову и съ пѣснями ошаживаютъ деревню или село для предохраненія отъ порчи“.

више его къ себѣ, оставивъ одну кожу; конечно, послѣднее бываетъ незамѣтно никому“ (1). Фактъ интересный, но весьма неясный.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не находится желающихъ стать преемниками умирающаго колдуна, то всѣ остерегаются брать что-либо изъ его рукъ (21), чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ не принять его силы, и принимаютъ, въ случаѣ необходимости, не иначе, какъ съ крестомъ и молитвой. Колдуну приходится въ этомъ случаѣ прибѣгать къ хитрости. Онъ схватываетъ за руку неосторожно приблизившагося къ нему человѣка и словами: „на тебѣ“ совершаетъ актъ передачи своей силы (1). Часто умирающей колдунъ или вѣдьма пользуется неопытностью окружающихъ и выбираетъ своими жертвами дѣтей. Такъ, одинъ маленькій мальчикъ принялъ отъ умирающаго колдуна кружку съ водою; послѣ смерти колдуна, стали слышаться голоса, раздававшіеся изъ этого мальчика: „давай намъ работы, давай намъ работы!“ Вскорѣ мальчикъ умеръ (21). Подобный же случай былъ съ дѣвочкой, которой умирающая вѣдьма, когда никого изъ старшихъ не было около, дала баранку; передавъ вмѣстѣ съ баранкой свою силу, вѣдьма тотчасъ же испустила духъ; дѣвочка побѣжала за матерью, работавшей въ полѣ, и между прочимъ показала баранку; мать поняла весь ужасъ случившагося, но помочь уже ничѣмъ было нельзя. Дѣвочка стала вѣдьмой, а бѣсы по ночамъ стали приставать къ ней съ требованіемъ работы; но, такъ какъ дѣвочка ни на кого еще не могла имѣть зла, то и не могла примѣнить въ дѣло своей силы; видя, какъ дочку мучать бѣсы, мать рѣшила обратиться къ колдуну; послѣдній избавилъ дѣвочку тѣмъ, что посоветовалъ заставить трудолюбивыхъ бѣсовъ вить безконечныя веревки. Впрочемъ, прибавляетъ отъ себя рассказчица, „должно быть мать у нея колдовство-то взяла“ (20). Позволю себѣ привести еще одинъ подобный случай. Одна вѣдьма собралась умирать: „умреть, положить ее на столъ, покроютъ, а она черезъ минуту опять живетъ и опять начинаетъ умирать, мечется, охаетъ, кричитъ: „нате! нате!“ Разъ шесть она такъ умирала и никакъ умереть не могла, пока правнукъ ея не подошелъ къ ней и не произнесъ: „давай, бабушъ! Священникъ, по просьбѣ внука, *заклялъ* вѣдьму при погребеніи“. Вскорѣ мальчикъ (правнукъ вѣдьмы) началъ поражать окружающихъ сверхъестественнымъ знаніемъ и впоследствии сталъ большимъ знахаремъ“ (26).

Такимъ образомъ совершается передача колдовства и такимъ-то образомъ появляются на свѣтъ новые колдуны и вѣдьмы.

Выше было упомянуто, что при смерти колдуна окружающими принимаются мѣры къ прекращенію его мукъ. Такъ какъ страданія колдуна происходятъ отъ столкновения разрушительнаго дѣйствія смерти съ задерживающимъ вліяніемъ колдовской силы, то эти мѣры направлены бывають къ тому, чтобы дать выходъ этой силѣ изъ колдуна. Существуетъ повѣрье, что душа человѣка (обыкновеннаго) уходитъ черезъ окно (18) ¹⁾, душу же вѣдьмака или вѣдьмы бѣсы уносятъ въ отверстіе, сдѣланное въ потолокъ (18). Поэтому, чтобъ дать колдуну умереть, открываютъ потолочину (2, 13, 18, 20 и др.). Другое средство, направленное къ тому же, состоитъ въ томъ, что умирающему подаютъ вѣнникъ или подкладываютъ подъ него метелку (2, 13); нечистая сила, выйдя изъ колдуна, садится на вѣнникъ ²⁾; этотъ вѣнникъ выбрасывается и зарывается въ землю; мимо того мѣста, гдѣ зарыты такіе вѣнники, не слѣдуетъ ходить, чтобъ не пристала порча. У насъ есть разсказъ о томъ, какъ умирающій колдунъ просилъ дать ему вѣпикъ, а затѣмъ отдавалъ его назадъ, но никто не рѣшался взять вѣнникъ; тогда колдунъ бросилъ его на полъ, и вѣнникъ *заплысалъ* по избѣ (21). Есть повѣрье о томъ, что колдуны умирають на порогахъ (25).

Хотя колдунъ, умирая, теряетъ, повидимому, свою силу, но тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ быть опаснымъ и послѣ смерти. Даже упоминаются нѣкоторыя средства, гарантирующія безвредность колдуна, уже умершаго. Трупъ одного старика, напр., про котораго ходили „дурные слухи“, по совѣту захожаго солдата (sic) для безопасности былъ окаченъ кипяткомъ изъ трехъ котелковъ, при чемъ послѣ окачиванія изъ третьяго котелка трупъ съ шумомъ провалился сквозь землю (2) ³⁾.

¹⁾ Это повѣрье можно встрѣтить и въ похоронныхъ причитаніяхъ. См. *Барсовъ*. Причитанія сѣверн. краев, т. I, Сравн также обычай отворять окно при кончинѣ и при помянкахъ (чтобы душа могла прийти), напр., въ белорусскомъ обычѣ, такъ пазыв. „дзѣды“.

²⁾ Связь нечистаго съ металой: вѣдьма на помельѣ.

³⁾ Характеренъ способъ, которымъ солдатъ узналъ, что покойникъ былъ дѣйствительно колдунъ: онъ повѣсилъ надъ печкой около трубы хомутъ (ер. о домовомъ), черезъ который и видѣлъ, какъ появились „съ рожками“ и, подлетая къ покойнику, тормошили его (2).

При похоронахъ колдуна и вѣдмы, также совершаются различные предохранительные обряды для того, чтобъ они не появлялись послѣ смерти. Съ этой цѣлью трупъ выносится изъ дому и несется далѣе не ногами, а головою впередъ, и на перекресткахъ гробъ поворачивается кругомъ, чтобъ колдунъ не могъ найти дороги (1, 5); при этомъ можно сдѣлать такъ, чтобъ колдунъ по смерти сталъ ходить въ извѣстный домъ: стоить только повернуть трупъ ногами къ этому дому (5).

Какъ извѣстно, колдуны и колдуньи — великіе грѣшники передъ Богомъ; кромѣ того, что ихъ ждуть страшныя муки въ загробной жизни (12), сама земля не принимаетъ богоотступниковъ ¹⁾, и они, какъ тѣни, бродятъ по землѣ (15). Блуждая по землѣ, они подчасъ приходятъ домой за пищей (9); такъ, вѣдма, въ образѣ свиньи, проникала сквозь заборы и влѣзала ночью въ печь, надѣясь найти тамъ пищу (2). Не имѣя пищи, выходцы изъ могилъ воютъ и пугаютъ людей (3). Чтобъ избавиться отъ такихъ посѣщеній, нужно выставлять на ночь кушанья на окна, съ внѣшней стороны (3). Есть повѣрье, что блужданіе колдуновъ и вѣдмъ по землѣ продолжается 6 недѣль послѣ ихъ смерти (11); съ другой стороны есть повѣрье, что они являются лишь передъ бѣдою (22). Противъ посмертнаго блужданія колдуновъ и вѣдмъ не помогаютъ и тѣ заклатья, какія нашли отъ нихъ попы (3); одно изъ такихъ заклатій состоитъ въ чтеніи при похоронахъ вѣдмы молитвы, въ которой есть слова „вѣдма и не вѣдма“ (т. е. „вѣднїемъ и невѣднїемъ“ — 26).

Наиболѣе распространеннымъ средствомъ прекратить выходы этихъ мертвецовъ изъ могилъ — является извѣстное ²⁾ забиваніе осиноваго кола въ ихъ могилу (2, 5, 9, 15, 22 и др.). Забивается онъ родственниками или близкими умершаго, а также священникомъ при чтеніи особыхъ (?) молитвъ (9).

Выше были не разъ приведены средства избавиться отъ чаръ колдовства (напр., на свадьбѣ). Нѣкоторыя указанія на такія средства, по ходу изложенія, не могли быть приведены; поэтому я перечислю теперь не упомянутыя выше такія средства. Главнѣй-

¹⁾ „Потому что она святая“, объясняетъ *Аванасевъ*. (II. в. I, 142) и напоминаетъ исповѣдь стригольниковъ землѣ.

²⁾ Сравн. *Аванасевъ*. II. в. II, 305—308, 407 и др.

шей обороной отъ колдуна и вѣдмы служить крестъ и молитва (13, 15), въ особенности же „Да воскреснетъ Богъ“, при чемъ эта послѣдняя молитва дѣлается болѣе дѣйствительнымъ заклинаніемъ, если читать ее до 3-хъ разъ и не съ начала, а съ конца (5). Дѣйствительнымъ средствомъ является также — ударить колдуна или вѣдму кулакомъ на-отмашь (5, 15), или воткнуть ножъ въ исподъ стола при разговорѣ съ ними (18). Вѣдма вообще уязвима; ее можно подстрѣлить въ какомъ бы видѣ она ни являлась, при чемъ, хотя стрѣляли, напр., въ собаку, подстрѣленной оказывается какая-нибудь женщина (16, 26). Кромѣ перечисленныхъ средствъ, къ которымъ можно прибѣгнуть непосредственно, въ случаѣ порчи обращаются за помощью также и къ знахарямъ, какъ лицамъ, знающимъ отъ Бога, что въ Смоленской губ. называется „итти въ отходы“ (19, о чемъ ниже).

Въ заключеніе очерка о колдовствѣ, замѣчу, что есть люди, которые застрахованы вовсе отъ козней вѣдмъ. Такими являются первенцы (26). Любопытно, что такое преимущество первородства распространяется и на животныхъ. Собаки никогда не могутъ одолѣть вѣдмы, даже если она сама обернется собакой, и, хотя всегда бросаются на вѣдму, но тотчасъ же отскакиваютъ прочь. Однако, вѣдмы далеко обходятъ такіе дворы гдѣ есть собака, родившаяся первою отъ суки, въ первый разъ щенящейся. Даже лай такихъ собакъ страшенъ для вѣдмъ. Поэтому вѣдмы, узнавъ, что гдѣ-нибудь собака принесла въ первый разъ щенятъ, всегда стараются украсть перваго изъ нихъ.

Знахари и знахарки.

Отличіе знахарей и знахарокъ отъ колдуновъ и вѣдмъ состоитъ въ томъ, что первые имѣютъ знаніе отъ Бога, а не отъ нечистой силы, какъ вторые; поэтому и дѣйствуютъ они не съ помощью злыхъ духовъ, а съ помощью молитвъ, къ которымъ народъ относитъ и заговоры. Дѣятельность ихъ всецѣло посвящена на пользу людямъ. У знахарей также наблюдается преемство, но не въ видѣ таинственной передачи силы, какъ у колдуновъ, а скорѣе путемъ выучки; обыкновенно знахарь передаетъ свои знанія кому-либо изъ своихъ родственниковъ (2). Открывая познанія

свой своему преемнику, знахари отъ прочихъ лицъ держатъ ихъ въ строжайшемъ секретѣ (16). Про этихъ людей, обладающихъ знаніями отъ Бога, говорятъ, что они „знають“ или „шупять“ (19), или „знають такое слово“ (16).

Надо, однако, замѣтить, что, не смотря на такія коревныя различія между знахарями и знахарками съ одной стороны и колдунами и вѣдьмами—съ другой,—нерѣдко замѣчается смѣшеніе этихъ двухъ категорій. Смѣшеніе это въ большинствѣ случаевъ выражается въ совпаденіи различныхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Какъ примѣръ болѣе глубокаго смѣшенія этихъ классовъ лицъ, приведу существующее въ Смоленской губ. (18) вѣрованіе въ такъ называемыхъ „уроженцевъ“, противопологающихся вѣдьмамъ и вѣдьмакамъ. „Уроженцы“ сильнѣе вѣдьмаковъ; рождаются съ хвостомъ; будучи посланы отъ Бога, они не приносятъ людямъ зла, а помогаютъ имъ. Хвостъ (характерная принадлежность нечистой силы и людей, съ ней знающихся), придаваемый уроженцу, ставитъ его скорѣе въ разрядъ колдуновъ, но характеръ дѣятельности его обличаетъ въ немъ знахаря. Что касается этимологіи имени уроженца, то она заставляетъ предположить между вѣдьмакомъ и уроженцемъ первоначальное различіе такого же характера, какъ различіе между прирожденнымъ колдуномъ и колдуномъ, получившимъ свое знаніе впоследствии.

Какъ бы то ни было, но знахари по преимуществу благодѣтели человѣчества.

Въ ихъ дѣятельность входитъ прежде всего лѣченіе болѣзней, почему знахаря и называютъ иногда „лѣчейкой“ (2), и отысканіе пропажи. Помочь знахарь можетъ и въ другихъ случаяхъ и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ, напр., избавить амбары отъ полевыхъ мышей (2)¹⁾, заговорить клоповъ и таракановъ въ избѣ, чтобъ они не беспокоили домочадцевъ (14); наконецъ, знахарки могутъ узнать будущее посредствомъ гаданія.

Разсмотримъ лѣчебную дѣятельность знахарей и прежде всего отмѣтимъ, что въ этой сферѣ дѣятельности знахари преимущественно являются цѣлителями тѣхъ болѣзней, которыя причинены колдуномъ (килы, порча). Приведу рассказъ о томъ, какъ бабка

1) Знахарь утопилъ мышей въ рѣкѣ, совзавъ ихъ свестомъ въ очерченный имъ на берегу кругъ, и затѣмъ согналъ ихъ въ воду кнутомъ.

лѣчить больного, испорченнаго колдуномъ. Она наливаетъ воды въ чану, опускаетъ въ воду крестъ, ставитъ на блюдо три зажженныхъ свѣчи, молится Богу, читая „да воскреснетъ Богъ“, псаломъ Давида, Отче нашъ, Богородице Дѣво и всѣ молитвы, которыя знаетъ. Упомянутыя молитвы она произноситъ громко, а затѣмъ говоритъ очень тихо слѣдующія слова: „гробъ да могила— третія кадило“. Послѣ молитвы бабка беретъ съ блюда три свѣчи, изъ коихъ каждой капаетъ воскъ (по три капли) въ наговоренную воду. Если эти капли, застынувъ, сойдутся другъ съ другомъ, то желаемый результатъ достигнутъ. Наговоренную воду она даетъ нить больному. Во время наговариванія на воду бабка накликаетъ на колдуна проклятіе, тоску и грусть „съ синихъ морей, съ зеленыхъ луговъ, съ темныхъ лѣсовъ и съ чистыхъ полей“ (1).

И прочія болѣзни, полученныя не путемъ колдовства, лѣчатъ знахари и знахарки при помощи наговоренныхъ снадобій (воды и др.), а также при помощи разныхъ травъ (списки ихъ приведены въ рукоп. 6, 8, 18), умываній и заговоровъ¹⁾. Заговариваютъ зубы „сибирку“ (16), рожу, обвода больныя мѣста руками (14); заговоры употребляютъ отъ „летучаго огня“ (струпья по лицу—8 при этомъ выводятъ больного подъ вечеръ на улицу и дожидаются первозажженного огня или высѣкаютъ изъ кремня искры на лицо больного черезъ сито), отъ крика дѣтей (8, 14), отъ укуса змѣи, отъ бѣшенства (23); заговоромъ останавливаютъ кровь при обрѣзахъ, лѣчатъ бѣсноватыхъ (при чемъ бѣсы кричатъ по адресу знахаря: „дошелъ насъ, сѣдой!“—14). Упоминается одинъ знахарь, который „отписывалъ“ лихорадку (16). Умываніе и опрыскиваніе съ уголька употребляются при лѣченіи болѣзней, приключившихся „съ глазу“ (16). Этими общими указаніями на сред-

¹⁾ Вотъ текстъ единственнаго въ нашемъ матеріалѣ заговора „противъ опухли во рту“ (зубной боли): „Заря моя, зорюшка, заря вечерняя, какъ ты утихнешься, какъ ты улегнешься, пускай у (младенца Кузьмы) зубъ желанный утихается, улегается, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ ретивого сердца, съ жила, съ поджилъ, съ составъ, съ полуставъ. Зубище, зубище, иди ты на дубище; не пойдете на дубище, — пойду къ Господу Богу, къ Михаилу Архангелу. Михаилъ Архангелъ возьметъ острую мечу, высѣчетъ, вырубитъ, корень вашъ вырубитъ съ сучьемъ, съ вѣтьемъ, съ зеленымъ листьемъ. Какъ дубу не стоять, зелеными вѣтвями не махать, такъ этому зубу по костяхъ не ходить, костей его не ломить, бровь его не томить. Во имя Отца и Сына и святого Духа (2, Смол. г., Ельн. уѣз.).

ства лѣченія, въ виду ихъ общей извѣстности, я и ограничусь: рукописи, заключающія матеріалъ по этому вопросу, указаны мною въ предисловіи. Укажу лишь еще на обычай протаскивать ребенка „на здоровье“ сквозь расколотое вдоль тонкое дерево въ лѣсу (8) и на „опахиваніе на помелѣ“, какъ лѣчебное средство (6). Послѣдній обрядъ состоитъ въ томъ, что къ парню во время болѣзни, бывающей, какъ говорятъ, нередъ ростомъ усовъ, приглашаютъ дѣвушку—знахарку; дѣвушка, расчесавъ свои волосы и накрывшись полотномъ, садится верхомъ на помело и скачетъ кругомъ больного парня три раза, приговаривая: „здравствуй, добрый молодецъ! Тебѣ, молодцу, усъ да борода, а мнѣ честь да красота!“

Что касается нахождения знахарками и знахарями пропажи или, лучше сказать, иносказательнаго указанія мѣста ея нахождения, то въ этомъ случаѣ ими употребляются или карты, или бобы, или стаканъ съ водою, въ который смотрятъ, чтобъ указать мѣсто, гдѣ скрывается пропавшая вещь (11). Ворожба на водѣ употребляется также въ случаѣ надобности кого-либо „приворожить“, а карты и бобы—какъ средство гаданія о будущемъ (15),—здѣсь уже знахарки обращаются въ простыхъ гадалокъ.

II.

Нечистая сила.

Уже при поверхностномъ знакомствѣ съ народными вѣрованіями, даже въ предѣлахъ нашего скуднаго матеріала, можно замѣтить что они находятся въ настоящее время въ состояніи разложенія; при болѣе близкомъ ихъ изученіи оказывается, что, кромѣ того, они подверглись и продолжаютъ подвергаться существенной переработкѣ. Переработка эта началась съ укорененіемъ въ народныхъ массахъ христіанскихъ понятій и заключается въ томъ, что древніе объекты вѣрованій, древніе духи, не были вытѣснены новыми религіозными представленіями, но, ужившись на ряду съ ними, теряютъ свой прежній характеръ. При торжествѣ новой религіи часто бываетъ, что прежніе предметы обожанія становятся въ рядъ противниковъ новаго божества или новыхъ божествъ; такъ

было съ древне-греческими хтоническими божествами при появленіи олимпійскихъ боговъ, бывшихъ уже плодомъ болѣе чистой абстракціи въ представленіи грековъ; подобный процессъ совершился въ религіозныхъ вѣрованіяхъ индусовъ еще въ ведійскую эпоху; такъ было и у насъ на Руси по распространеніи христіанства. Образъ злого духа, выработанный въ христіанской догматикѣ,—образъ діавола—сильно повліялъ на народное воображеніе и породилъ весьма многочисленныя и разнообразныя вѣрованія въ нечистую силу. Къ этому-то разряду „нечистыхъ“ духовъ и стали относиться мало-по-малу древніе духи—хранители домашнего очага, духи, населяющіе лѣса, воды. При этомъ надо замѣтить, что тѣмъ вѣрнѣе держалось древнее вѣрованіе въ такого духа, тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе перерабатывалось оно въ указанномъ смыслѣ. При изученіи современныхъ вѣрованій необходимо приходится считаться съ этой стороной дѣла, такъ какъ свѣдѣнія, получаемыя между прочимъ и изъ нашего матеріала, указываютъ, что вѣрованіе въ нечистую силу красной нитью проходитъ по всемъ остальнымъ народнымъ вѣрованіямъ. Такъ, вѣра въ колдовство теперь уже неразрывно связана съ нею; многія черты домового, лѣшаго, какъ мы увидимъ ниже, являются болѣе новыми и заимствованными ими у злыхъ, нечистыхъ духовъ.

При такомъ смѣшеніи двухъ порядковъ вѣрованій, существующемъ въ народномъ представленіи, мы и въ нашемъ матеріалѣ часто находимъ лишь одну категорію духовъ, именно нечистыхъ, куда относятся на ряду съ чертями и домовые, и лѣшіе, и водяные. Въ этомъ случаѣ имъ дается иногда общее названіе „недобрики“ (Рязан. губ.) ¹⁾. Яснымъ выраженіемъ такого синкретическаго представленія является приводимое Аванасьевымъ („Поэт. возвр.“) преданіе о томъ, что изъ падшихъ ангеловъ, по низверженіи ихъ съ неба, одни упали въ лѣса, другіе въ воды, третьи въ жилые дома: такъ произошли лѣшіе, водяные, домовые. Глубокой стариной дышитъ обыкновеніе скрывать имена духовъ, бояться ихъ произнесенія и давать имъ иносказательныя названія, какъ напр. „анчутка, врагъ“ или „онъ, тотъ-то“ ²⁾, которыя озна-

¹⁾ Другое названіе „шутки“ (Зарайск. уѣз., 27) указываетъ, что нечистые „могутъ лишь шутить, а серьезнаго зла не дѣлаютъ“.

²⁾ Въ качествѣ бранныхъ словъ въ той же мѣстности употребляются: демонъ, вдожь, дьяволъ (18).

чаютъ какъ чертей, такъ и домовыхъ съ лѣшими и водяными; лишь на прямо поставленный вопросъ: „кто же именно, наприм., наваливался ночью на спящаго кошкой?“—отвѣчаютъ: „домовой, дворный“.

Однако, наряду со смѣшеніемъ духовъ различныхъ категорій извѣстно и строгое ихъ разграниченіе, при которомъ домовые, лѣшіе не считаются злыми, нечистыми духами. Въ такомъ болѣе или менѣе чистомъ видѣ ихъ можно видѣть во многихъ вышеприведенныхъ повѣрьяхъ.

Теперь я приведу вкратцѣ то, что извѣстно изъ нашего матеріала о происхожденіи и дѣятельности злыхъ, нечистыхъ духовъ и возьму тѣ повѣрья и рассказы, гдѣ они являются внѣ сліянія съ домовыми, лѣшими и проч.

Нечистые, черти, бѣсенята (2) являются арміей злого духа, свергнутаго Богомъ съ неба за то, что тотъ, желая сравниться съ Богомъ, сталъ строить себѣ престоль; при этомъ отъ имени его „Сатанайлъ“ Богъ отнялъ окончаніе „иль“, и злой духъ сталъ называться „Сатана“ (22).

Есть одна легенда о томъ, какъ сверженный сатана добился все-таки того, что люди поминуютъ и его въ качествѣ участника въ твореніи міра. Въ ней рассказывается слѣдующее. По сотвореніи Богомъ міра, къ Нему явился сатана съ вопросомъ, каковы будутъ устроены Имъ дороги для человѣка? Богъ отвѣчалъ, что дороги, какъ и подобаетъ имъ быть въ мірѣ, сотворенномъ на блаженство человѣку, должны быть удобны, прямы, ровны и широки. Сатана умолялъ Бога сдѣлать на ряду съ хорошими и плохія дороги. Богъ уступилъ просьбамъ сатаны,—и теперь, проѣжая по хорошей дорогѣ, люди прославляютъ Бога и бранятъ сатану на плохихъ дорогахъ (15). Ставши при самомъ твореніи міра врагомъ человѣка, сатана и его сообщники продолжаютъ вредить ему и мѣшать въ достиженіи его желаній; напр., даже клады, до которыхъ такъ падохъ человѣкъ и отыскивать которые онъ старается съ помощью травъ и другихъ чаръ,—эти клады оберегаются чертями (5).

Черти-оборотни; принимая различные образы, какъ звѣриные, такъ и человѣческіе, они являются чаще всего въ видѣ волосатаго, покрытаго шерстью старика, съ хвостомъ и руками (19). Особымъ мѣстопробываніемъ чертей повсемѣстно считаются болота.

Весьма распространено вѣрованіе о борьбѣ божественной, свѣтлой силы съ нечистою. Борьба эта выражается въ грозѣ: ангелы и Ілія пророкъ со своей громовой колесницы мечутъ огненные стрѣлы-молніи въ нечистыхъ духовъ ¹⁾. Поэтому черти боятся грозы и, обратившись въ кошекъ и собакъ (2, 5), стараются укрыться въ это время въ жильѣ человѣка. Чтобы обезопасить домъ свой отъ грозы, крестьяне обыкновенно выгоняютъ кошекъ и собакъ изъ избы. Повѣрье о боязни чертей грозы легло въ основу многочисленныхъ сюжетовъ для рассказовъ о томъ, какъ черти въ различныхъ образахъ просили пріютить ихъ отъ нея, то въ жильѣ, то въ полѣ подъ телѣгой, куда спрятался отъ дождя путникъ и т. п. Обыкновенно, случайное произнесеніе имени Божьяго собесѣдникомъ черта заставляеть исчезать этого послѣдняго.

Средствомъ оградиться отъ нечистаго является молитва и крестное знаменіе. Есть молитвы, обладающія особенной силой: сюда прежде всего относится „да воскреснетъ Богъ“.

Я позволю себѣ привести содержаніе одного рассказа, изъ котораго мы узнаемъ, что надъ чертами есть старшіе, которые надзираютъ за дѣятельностью своихъ подчиненныхъ и отбираютъ у нихъ отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, враждебныхъ человѣку. Рассказывается, что инокъ одного монастыря однажды безъ молитвы зачерпнулъ изъ колодца ведро воды; по дорогѣ отъ колодца монахъ споткнулся и разлилъ всю воду. Вернувшись обратно, онъ почерпнулъ въ другой разъ и опять безъ молитвы; возвращаясь, онъ замѣтилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было разлито первое ведро, плачущаго ребенка. Изъ жалости онъ взялъ его въ монастырь, гдѣ мальчикъ былъ воспитанъ и впоследствии сталъ большимъ грамотеемъ и начетчикомъ. Занимаясь, между прочимъ, переплетомъ книгъ, онъ, переплетая монастырское евангеліе, вписалъ въ него слова: „разрѣшается законный бракъ владыкъ“, т. е. архіерею. Евангеліе попало къ одному архіерею, который, прочитавъ вписанныя слова и принявъ ихъ за истину, собрался жениться. На свадьбу стала собираться вся епархія. Въ числѣ другихъ и одинъ дьячокъ отправился ко владыкѣ на свадьбу. По дорогѣ онъ остано-

¹⁾ „Стрѣлы“ эти находятъ и лѣзутъ ими отъ колодца въ боку. 20. См. прил. I.

вился ночевать; въ самую полночь, какъ только пропѣли пѣтухи, налетѣли въ избу нечистые, и старшій, командующій всѣми, сталъ отбирать отъ нихъ отчетъ, кто и что успѣлъ сдѣлать... Одинъ изъ нечистыхъ сталъ хвалиться, что живетъ при архіереѣ и до того соблазнилъ его, что тотъ женится; дѣло въ ходу, — только нельзя нечистому быть при немъ въ херувимскую пѣснь: ему дѣлается тошно и онъ выходитъ тогда изъ церкви. Дьячокъ, подслушавъ это, рѣшилъ спасти отъ дьявольскихъ козней архіерея. Пришедши въ городъ и съ большимъ трудомъ добившись аудіенціи у владыки, онъ разсказалъ ему о своемъ видѣніи. Архіерей приказалъ запереть двери храма во время херувимской и никого не впускать и не выпускать. Какъ только на клиросѣ запѣли „иже херувимы“, вдругъ монахъ-переплетчикъ, бывшій подлѣ архіерея, какъ вихрь, съ крикомъ взвился подъ куполъ, прошибъ сводъ и вылетѣлъ вонъ. Тутъ архіерей вполне убѣдился въ томъ, что это былъ за монахъ, раздумалъ жениться и самую книгу, введшую его въ заблужденіе, велѣлъ сжечь (8).

Черти, какъ жители ада, имѣютъ, повидимому, близкое отношеніе къ загробнымъ мученіямъ грѣшниковъ. Такъ, однажды нечистый въ видѣ кучера на тройкѣ предложилъ прохожему крестьянину, большому пьяницѣ, подвезти его по дорогѣ. Дорогой завязался разговоръ. Нечистый открылъ между прочимъ сѣдоку, что лошади, составляющія тройку, не простыя: всѣ онѣ оказались недавно умершими насильственной смертью горькими пьяницами, которыхъ знавалъ и съ которыми пивалъ сѣдокъ (это были: священникъ, дьяконъ и дьячокъ). Открывъ это, нечистый еще пуще сталъ нахлестывать лошадей. Пьяница изумился: „неужели на томъ свѣтѣ на людяхъ ѣздятъ?“ — „А развѣ будемъ баловать? Куда же намъ дѣвать такихъ!“ отвѣтилъ нечистый. — „Господи!“ вырвалось у сѣдока... Мигомъ все пропало — и тройка, и кучеръ, а самъ пьяница очутился сидящимъ на высокой плотинѣ надъ омутомъ (8, 27).

Вѣра въ нечистую силу крѣпко держится въ народѣ, даетъ ему объясненіе нѣкоторыхъ явленій природы, указываетъ виновника людскихъ невзгодъ и неудачъ и проч. Если припомнить, что въ разрядъ вѣрованій въ нечистую силу входятъ постепенно такія вѣрованія, которыя первоначально по имѣли съ ней ничего общаго, то можно сказать, что эта вѣра даже развивается. Но

съ другой стороны, мы встрѣчаемъ характерное повѣрье, что черти стали теперь переводиться (13), прежде же всей „нечисти“ было гораздо больше: такъ самъ народъ отмѣчаетъ признаки исчезновенія своихъ вѣрованій. Теперь эта нечисть заклата нѣкимъ святымъ (26). Рассказывается преданіе о какомъ-то отдаленномъ времени, когда существовала болѣе тѣсная связь между человѣкомъ и духовнымъ міромъ; тогда по землѣ ходили съ одной стороны Богъ и святые угодники, а съ другой бѣсъ и нечистая сила, но Иисусъ Христосъ „усихъ позаказалъ ходить“ (19).

Изъ всего вышесказаннаго ясно лишь то, что злые, нечистые духи—исконные враги Бога и человѣка, ведутъ происхождение отъ падшихъ ангеловъ и находятся въ борьбѣ съ божественной силой. Если въ произведеніяхъ народнаго творчества, въ сказкахъ, чертъ является болѣею частью въ комическомъ видѣ простака и жертвы людскихъ обмановъ¹⁾, то въ повѣрьяхъ, относящихся до мелкихъ подробностей обыденной жизни народа, онъ—врагъ и врагъ сильный, упорно стремящійся вредить людямъ всевозможными средствами и во всякое время.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, были ли въ языческую эпоху славянства, въ частности Руси, даны условія для образованія подобнаго типа злого духа, т.-е. наслоились ли черты дѣвола въ христіанскую эпоху на какого-либо демона языческой эпохи, или же вѣрованія въ нечистаго духа развились всецѣло изъ христіанской догматики; вмѣстѣ съ тѣмъ остается въ сторонѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли теперешній дуализмъ, существующій въ народныхъ вѣрованіяхъ и выражающійся въ представленіи о борьбѣ божественной силы съ нечистою,—имѣетъ ли этотъ дуализмъ основы въ языческихъ дуалистическихъ вѣрованіяхъ¹⁾. Какъ бы то ни было, черты типа злого духа, чѣрта, какъ врага креста, какимъ онъ является въ современныхъ повѣрьяхъ, указываютъ если не на возникновеніе, то во всякомъ случаѣ на коренную переработку его уже въ христіанскую эпоху.

Принимая обликъ нечистой силы, наши древніе духи, духи очага, лѣсовъ и друг. взяли у нихъ ихъ злую природу и антаго-

¹⁾ См. *Аванасьевъ*. Повт. возз. т. II, 750.

²⁾ Ср. съ одной стороны *Аванасьевъ*. Повт. воззр. II, 750, съ другой—*Kreck* Einleitung in. d. Slav. Litterat. 404—405.

низмъ свѣту и кресту. Приведу нѣсколько чертъ домашнего, ука-
зывающихъ на то, какъ измѣняется представленіе объ этомъ
древнемъ родовомъ духѣ въ сферѣ христіанскихъ представленій.
Мы видѣли, что по существу домашой является духомъ добрымъ,
ласковымъ, доброжелательнымъ къ семьѣ, полнымъ трогательныхъ
заботъ о домашнемъ скотѣ. Онъ становится злымъ, если его пе-
рестаютъ холить и ублажать. Въ обрядахъ, совершаемыхъ для
поддержанія дружественныхъ отношеній къ домовому, необходи-
мыхъ для благополучія семьи, мы встрѣтили такія вещи, любимыя
домовымъ, какъ: можжевелникъ, втыкаемый на дворѣ въ великій
четвергъ, святую воду, выливаемую подъ вереву, куреніе ладо-
номъ. На ряду съ этими (и съ другими, еще болѣе архаическими
средствами заклинательнаго характера, напр. «относы» Смол. губ.)
являются средства заставить смириться разбуневашагося домо-
вого, — средства болѣе новыя, какъ изображеніе мѣломъ крестовъ
на потолокъ, окуриваніе ладономъ скотины и кропленіе ея святою
водой: тѣ же предметы, которые въ извѣстную эпоху стали упо-
требляться въ культѣ домашнего, какъ ладонь, святая вода и т. п.,
съ теченіемъ времени являются уже какъ разъ съ обратнымъ на-
значеніемъ т.-е. не умилостивить, а усмирить домашнего.

Молебень, теперь служимый въ домѣ для избавленія его отъ
козней домашнего (уже злого духа), первоначально не былъ для
него страшень, пока онъ сохранялся въ болѣе чистомъ видѣ духа,
оберегателя домашняго очага; переживаніемъ этого взгляда на
домового осталось повѣрье о томъ, что домашой во время молеб-
на сидитъ на припечкѣ и спокойно смотритъ на семейное тор-
жество (26); тѣ же самые люди, раздѣляющіе такое повѣрье,
могутъ при случаѣ обратиться къ молебну, какъ къ средству про-
тивъ домашнего.

Мы знаемъ, что домашнего можно увидѣть черезъ хомутъ. И
на это повѣрье наслаивается новая черта: сила хомута, отъ ко-
торой домашой не можетъ укрыться, заключается, по объясненію
народа, не въ немъ самомъ, а въ подобіи креста, образуемомъ
двумя торчащими по сторонамъ хомута гужами. (Такое повѣрье
мною было выше приведено; существуетъ въ Тульской губ.).

Въ кругу такихъ представленій домашой измѣнилъ частію и
свой внѣшній видъ. Онъ, какъ духъ, имѣющій столь близкую связь
съ семьей, является чаще въ видѣ хозяина, какъ живого, такъ и

умершаго, даже съ его голосомъ и привычками (26). И тотъ же самый домовый можетъ встрѣтиться уже въ образѣ черта съ хвостомъ и рогами ¹⁾).

Изъ одной мѣстности (26) сообщается, что «домовой креста и молитвы боится, но не въ такой степени, какъ нечистая сила». Дѣйствительно, будучи гораздо древнѣе креста на Руси, онъ сначала не могъ имѣть къ нему никакого отношенія. Съ теченіемъ времени утрата домовымъ оригинальныхъ чертъ и постепенное приобрѣтеніе имъ облика нечистой силы породило двойственность представленій о немъ. При этой двойственности архаическія черты его фізіономіи не стираются совершенно, но живутъ въ народномъ вѣрованіи на ряду съ болѣе новыми представленіями о немъ.

О домовомъ у насъ имѣется сравнительно гораздо больше матеріала, чѣмъ о другихъ духахъ; поэтому и вліяніе вѣры въ нечистую силу на вѣрованія въ древнихъ духовъ яснѣе можно видѣть на типѣ домового. Свѣдѣнія о лѣсныхъ и еще болѣе о водяныхъ духахъ какъ-то блѣдны и отрывочны; они не рисуютъ съ достаточной полнотой современныхъ вѣрованій въ этихъ духовъ и тѣмъ менѣе даютъ возможности отмѣтить измѣненіе ихъ типовъ. А что и они теперь нерѣдко представляются нечистой силой, это видно изъ ихъ боязни креста и молитвы.

Что касается колдовства, то такъ какъ его представители, колдуны и вѣдьмы, являются лишь враждебными человѣку, то они безъ всякаго колебанія признаются противниками божественной, благотѣльной для человѣка, силы. Вотъ почему вѣра въ колдовство въ томъ видѣ, какъ она сейчасъ существуетъ, находится въ неразрывной связи съ вѣрой въ нечистую силу; но на ней основаны дѣйствія колдуновъ и вѣдьмъ, въ частности ихъ видъ и самое ихъ происхожденіе: припомнимъ ихъ хвосты, помощь имъ со стороны злыхъ духовъ, ихъ боязнь молитвъ (напр. приведенный выше случай „отчитыванія“ священникомъ заломовъ), продажу души дьяволу и проч., а также и то обстоятельство, что неосвященное бракомъ рожденіе дѣтей можетъ повести къ появленію кулдуна или вѣдьмы, этихъ „сосудовъ дьявольскихъ“, въ извѣстномъ колѣнѣ. Такова связь вѣры въ колдовство съ вѣрой

¹⁾ Въ Вязем. у. Смол. г. домовые и дворовые считаются душами умершихъ безъ покаянія мужчинъ (27).

въ нечистую силу, хотя несомнѣнно, что колдуны и вѣдьмы существовали гораздо раньше той эпохи, когда могли быть названы „*дѣвольскими* сосудами“.

Въ настоящей статьѣ мною исчерпанъ почти весь матеріалъ по вѣрованіямъ, доставленный въ Этнографическій Отдѣлъ. Я старался между прочимъ указать на то измѣненіе народныхъ вѣрованій, которое началось со времени утвержденія въ народныхъ массахъ христіанскихъ представленій и продолжаетъ совершаться параллельно съ независящимъ отъ послѣднихъ разложеніемъ древнихъ вѣрованій. Теперь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о характерѣ и значеніи нашего матеріала. Не смотря на свою незначительность, онъ указываетъ все-таки на то, какъ еще живы древнія вѣрованія въ народномъ міросозерцаніи и насколько еще густою сѣтью, хотя и порѣдѣвшею въ теченіе вѣковъ, оно опутано. Слѣду оговориться и замѣчу, что картина современнаго состоянія народныхъ вѣрованій, вырисовывающаяся изъ всего вышеизложеннаго, есть картина мозаическая, и слѣдовательно нельзя ожидать, чтобы вѣрованія каждаго изъ лицъ, опрошенныхъ собирателями, сложились изъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ. Было бы очень интересно сдѣлать попытку прослѣдить географическое распространеніе вѣрованій съ цѣлью дальнѣйшаго изученія условий, способствующихъ или сохраненію, или разложенію ихъ; но дѣлать это на основаніи одного лишь нашего матеріала при такой разнохарактерности составляющихъ его отдѣльныхъ отвѣтовъ, какъ по содержанію, такъ и по объему и по приемамъ собиранія,—было бы рискованнымъ, въ томъ случаѣ, если бы мы хотѣли получить нѣчто достовѣрное, въ другихъ случаяхъ—безполезнымъ.

Переходя къ другой точкѣ зрѣнія для оцѣнки нашего матеріала, мы видимъ, что онъ не блещетъ новизною сообщаемыхъ фактовъ: почти всѣ они, за исключеніемъ развѣ немногихъ, болѣе или менѣе уже извѣстны въ этнографической литературѣ. Едва-ли можно надѣяться, что и при гораздо большемъ числѣ отвѣтовъ (въ особенности изъ центральныхъ губерній) мы получили бы какіе-либо новые характерные факты, способные подвинуть впередъ рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о происхожденіи вѣрованій и т. п. Но, конечно, отъ этого не уменьшается интересъ полученныхъ и могущихъ получиться въ настоящее время

свѣдѣній. Современное состояніе народныхъ вѣрованій представляетъ собою извѣстную ступень въ духовномъ развитіи народа, и изученіе одного этапа на этомъ пути развитія, конечно, не можетъ остаться безполезнымъ при отысканіи его законовъ. Сообщаемыя свѣдѣнія указываютъ какъ на забвѣніе старинныхъ вѣрованій, такъ и на переработку ихъ; изученіе условій того и другого явленія не только теоретически интересно, но можетъ быть даже и практически полезно. Постоянно указывается собирателями, что носителемъ древнихъ вѣрованій, старинныхъ обычаевъ, преданій является преимущественно женское населеніе: мужчины часто съ презрѣніемъ отсылаютъ собирателя къ „бабамъ“. Но у насъ есть факты, говорящіе за то, что скептицизмъ въ области древнихъ вѣрованій коснулся уже и болѣе консервативнаго элемента — женщинъ (4, 21). Кромѣ столкновенія древнихъ вѣрованій съ христіанскими понятіями, поведшаго къ синкретизму, факторами разложенія этихъ вѣрованій въ крестьянствѣ являются, между прочимъ, отхожіе промыслы, особенно въ города. Надо замѣтить, что городъ взамѣнъ нравственной порчи, которую онъ часто вноситъ въ народъ, въ умственномъ отношеніи даетъ ему болѣе трезвое міросозерцаніе.

Болѣе могучимъ факторомъ здѣсь, конечно, должна явиться школа. Уже въ фактахъ, сообщаемыхъ нашимъ матеріаломъ, замѣтно ея вліяніе на народныя вѣрованія. Но это вліяніе пока еще не достаточное: въ большинствѣ случаевъ, свѣдѣніе, полученное въ школѣ, не устраняетъ стариннаго воззрѣнія, а наоборотъ, оно само искажается подъ вліяніемъ этого послѣдняго. Приведу нѣкоторые факты. Молодое поколѣніе часто помнитъ твердо библейскіе рассказы о сотвореніи міра и другія свѣдѣнія изъ библейской исторіи. Но вопросъ въ томъ, что они вносятъ въ народное міросозерцаніе, въ основу объясненія какихъ явленій они полагаются. И вотъ мы видимъ, что паденіе ангеловъ объясняетъ темному уму, почему повсюду разбѣяна нечистая сила; потонувшіе вонны фараона при переходѣ черезъ Черное море явились родоначальниками водяныхъ; радуга, посланная Ноемъ въ знаменіе того, что больше не будетъ потопа, является въ народномъ представленіи средствомъ, уничтожающимъ самую возможность потопа, — именно тѣмъ, что она пьетъ, вбираетъ въ себя дождевую воду, могущую залить землю (2). Впрочемъ, видѣтъ въ подоб-

ныхъ случаяхъ исключительное вліяніе школы не приходится, такъ какъ подобныя представленія могли сложиться въ народѣ и литературнымъ путемъ, подѣ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній.

Съ большей увѣренностью можно видѣть вліяніе школы въ выработкѣ представленій о небесныхъ свѣтилахъ, формѣ земли и явленіяхъ природы. И здѣсь дѣло не обходится безъ искаженія свѣдѣній, полученныхъ въ школѣ; и здѣсь еще не видно ихъ полной побѣды надъ традиционными воззрѣніями. Приведу примѣръ. Молодому поколѣнію извѣстно уже, что звѣзды отстоятъ гораздо дальше отъ земли, чѣмъ луна и солнце, но все-таки еще, по ихъ понятію, падающая звѣзда означаетъ смерть человѣка. Извѣстно уже, что затменіе солнца происходитъ отъ закрытія луною солнечнаго диска, но все-таки затменіе означаетъ гнѣвъ Божій за людскіе грѣхи. Небо еще открывается Богомъ во время дождя, но съ другой стороны оно уже понимается, какъ воздушное пространство. Въ представленіи о солнцѣ хочется видѣть какіе то намеки на нѣкоторые свѣдѣнія: солнце—огненный шаръ, оно совершаетъ свой путь по невидимой полосѣ, называемой «осью». Все это уже не архаическія воззрѣнія, какъ и тѣ представленія, напр., что радуга происходитъ отъ того, что солнце купаетъ свои лучи въ дождѣ, что вѣтеръ—движеніе воздуха и т. д. и т. д. Что касается представленій о грозѣ, то въ иныхъ изъ нихъ нельзя не заподозрить нѣкоторыхъ свѣдѣній объ электричествѣ: напр., во время грозы существуетъ обыкновеніе убирать съ оконъ желѣзныя вещи, такъ какъ «железо притягиваетъ громъ». Свѣдѣнія о шарообразности земли искажаются иногда въ такой формѣ: земля—шаръ, но плаваетъ на водѣ; или—земля плоская, но стоитъ на двухъ шарахъ или полушаріяхъ; самое это послѣднее искаженіе появилось не безъ вліянія опять-таки школьныхъ свѣдѣній: ученикъ слышалъ въ школѣ о двухъ полушаріяхъ, можетъ быть, видѣлъ ихъ изображенія на географической картѣ; но, выйдя изъ школы, онъ опять увидалъ себя среди раздолья полей, кончающихся тамъ, гдѣ „небо сходится съ землею“ и куда невозможно дойти; опять земля въ его представленіи стала безпредѣльною плоскостью а вспоминающимися ему шаромъ, полушаріями онъ замѣнилъ старинныхъ китовъ, служившихъ для поддержки земли въ представленіи его отца и дѣда.

Можно бы привести и другіе примѣры, но и изъ приведенныхъ уже видно, что какъ бы ни искажалось школьное свѣдѣніе, все-таки первое дѣло—разбить традиціонное вѣрованіе—оно дѣлаетъ. Есть основанія заподозрить, что совершенно вѣрныя въ научномъ отношеніи представленія народа о мірозданіи, если таковыя и общались, то естественно не всегда отмѣчались собирателемъ, какъ не характерныя и не интересныя. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было далеко отъ разложенія традиціонныхъ воззрѣній до полной реконструкціи народнаго міросозерцанія, факты говорятъ сами за себя, указывая, что представленія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ природы у молодого поколѣнія болѣе здравы, болѣе научны, чѣмъ у стариковъ, а у мужского населенія, какъ наиболѣе посѣщающаго школу,—болѣе научны, чѣмъ у женщинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Представленія и вѣрованія о небѣ, солнцѣ, лунѣ и проч.

Н е б о.

Небо—облака, за ними небо ясное, открывающееся по волѣ Божіей; оно безконечно,—2, 16, 22, 24; сколько волосъ на головѣ у людей, столько шаговъ до неба—2. На небѣ живетъ Богъ съ ангалами и святыми—5, 9, 13, 16. Голубой небесный сводъ сдѣланъ изъ твердаго вещества—6. Небо—воздушное пространство—24. Небо одно—5. Небесъ нѣсколько, второе небо видно во время грозы—6. Небо (первое) открывается во время дождя: Илией пророкомъ—2, 24,—открывается самимъ Богомъ—5;—открывается во время грозы Богомъ, при чемъ является свѣтъ—4. Про небо во время дождя говорятъ, что оно „прогнило“, „провалилось“—8.

З е м л я.

Земля сотворена Богомъ, стоитъ на водѣ, вода на камнѣ, камень на *тарѣ* (тартаръ¹⁾), тара на адѣ, адъ на трехъ немилостивыхъ головахъ—2. Земля—шаръ, половина котораго плаваетъ на водѣ—2; стоитъ на двухъ полушаріяхъ. Земля плоская, держится на водѣ: „по водѣ вмѣстѣ съ травами и растеніями посѣяна,—22. Стоитъ на китахъ—23, на водѣ—23.

¹⁾ Объясненіе подлинника.

С о л н ц е.

Солнце на небѣ поддерживается Св. Духомъ; ходитъ вокругъ земли, погружаясь вечеромъ въ море, чтобъ, выкупавшись, появиться снова яснымъ,—2; уходитъ вечеромъ въ другой свѣтъ—5; солнце—кругъ блестящій, ночью уходитъ подъ землю—6, 11; солнце—огненный шаръ—13; совершаетъ свой путь по невидимой полосѣ, называемой осью; оно всегда „сыто и одѣто, ни въ чемъ не нуждается, нѣтъ у него родныхъ”—17. Люди не могутъ смотрѣть на солнце по своей грѣховной нечистотѣ—27 (Вяз. у. Смол. губ.); солнце—олень—27; играетъ въ Свѣтлое воскресенье—27.

Л у н а.

Луна поддерживается св. Духомъ; ходитъ вокругъ земли вслѣдъ за солнцемъ; свѣтитъ тогда, когда солнце отдыхаетъ; на лунѣ видна голова Каина или же Каинъ, убивающій Авеля—2. Луна—кругъ—6. Луна—голова Авеля, носимая Каиномъ: Абель праведный и потому виденъ, а Каинъ неправедный и не виденъ намъ—22.

Солнце и луна сходятся передъ разсвѣтомъ; луна рассказываетъ солнцу, какъ прошла ночь; если хорошо—солнце радуется и день ясный, иначе солнце печалится—и днемъ облачно—5.

З а т м е н і я.

Затменія—предвѣстія бѣдствій за грѣхи—2, 5, 6, 8,—конца вѣка—12. Во время солнечнаго затменія луна находитъ на солнце, совершая свой путь, и закрываетъ его—17.

З в ѣ з д ы.

Звѣзды поддерживаются св. Духомъ; дальше отстоятъ отъ земли, чѣмъ солнце; днемъ не видны за солнечнымъ свѣтомъ—2. Звѣзды—свѣтлыя точки—6. Звѣзды—праведники, сколько звѣздъ—столько и святыхъ—27.

Паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка—1, 2. Если падающая звѣзда красная—къ войнѣ—5, 6, 7, 8, 16, 17, 25. Паденіе звѣзды—перелетъ нечистаго—2, 27; нечистый разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ происходитъ ссора; про это говорится: „какая ворожда идетъ!“—27. Паденіе звѣзды—сверженіе нечистаго

духа съ неба—22,—смерть праведнаго чловѣка—13. Паденіе звѣзды (особенно дугообразное—6)—полетъ „змѣя“—6, 27; онъ разсыпается и превращается въ желаемое лицо у того дома, гдѣ по комъ-либо тоскуютъ—27. (Ср. выше стр. 78—80).

К о м е т ы.

Комета—предвѣстница бѣдствій (града, пожара, засухи, войны)—2, 6, 7, 8, 13. Кометы называются „планидами небесными“—16, 22, 23. Кометы предвѣщаютъ „важныя“ событія—9, 27. Комета—наказаніе отъ Бога—5. Если хвостъ ея кверху, то будетъ война, внизъ—морь—27. Передъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права на небѣ летала комета въ продолженіи 6 недѣль—27 (Колом. у.).

М л е ч н ы й п у т ь.

Мл. путь—„бѣлая дорожка,“ ведетъ въ старый Іерусалимъ—2, 25,—изъ Кіева въ Іерусалимъ—24. Мл. путь—Батыева дорога, по ней шелъ Батый на Русь—5. Мл. путь—облако, показывавшее Моисею путь въ Обѣтованную землю по переходѣ черезъ Черное море—6. Мл. путь состоитъ изъ множества звѣздъ—22,—путь Моисея на небо—22.

Р а д у г а.

Радуга пьетъ воду (чтобъ избавить землю отъ потопа)—2, 6, 8, 9, 13, 16, означаетъ, что не будетъ больше дождя—5,—потопа—22. Радуга является слѣдствіемъ того, что солнце купаетъ свои лучи въ дождѣ—22.

Г р о з а.

Гроза—ѣзда пр. Іліи—2, 5, 8, 9, 17, 24. Ілія бросаетъ стрѣлы—20, поражая ими нечистыхъ духовъ и грѣшниковъ—2, 6, 23, 25. Гроза—ѣзда *двухъ пророковъ* Ілій на тройкахъ и столкновеніе ихъ; передъ концомъ міра пророки, столкнувшись, прольютъ кровь; отъ этой святой крови загорится земля; обойдетъ всю землю Богородица и потомъ придетъ во славу Іисусъ Христосъ—15. Упомянутыя выше стрѣлки Іліи находятъ (черезъ 7 лѣтъ—27) и лѣчатся ими отъ колотья въ боку—20, покалывая большое мѣсто. Или кладутъ ее въ воду и даютъ воду пить больному: если полегчаетъ, стало быть выздоровѣетъ, если же суждено уми-

реть, то умереть немедленно—22. Г. Марковъ (въ рук. 27) отличаетъ эти стрѣлки отъ такъ называемыхъ „чертовыхъ пальцевъ“ (происхожденіе которыхъ приписываютъ также дѣйствию молніи), описывая первая такъ: „вершковъ 5 длины, въ толстомъ концѣ толщины въ $\frac{1}{2}$ вершка), другой конецъ острый, какъ булавка“.

Гроза—споръ нечистыхъ съ ангелами, при чемъ молнія означаетъ сверженіе съ неба нечистыхъ и бросаніе ими стрѣлъ, громъ же—ѣзда Иліи—22. Гроза происходитъ отъ скопленія тепла между облаками—13, или паровъ—16,—отъ столкновенія облаковъ—17. Черти боятся грозы—2, обращаются въ это время въ кошекъ и собакъ—5. Молнія очищаетъ воздухъ—24. Людей, въ которыхъ ударила молнія, зарываютъ для излѣченія по шею въ землю—2, 6, 7. Убитыхъ же хоронятъ, не обмывши, чтобъ не было ливней,—7.

Пожаръ отъ грозы не тушится (воля Божія),—1, 6; заливается молокомъ—1, 2, 6, 25,—парнымъ молокомъ—12, 20, 23,—квасомъ—5,—крещенской водой—25. Для прекращенія и предупрежденія пожара зажигается четверговая свѣча. Желѣзо притягиваетъ громъ—17.

Умываются дождевою водою во время грозы: для здоровья—5, 6, 7, 12, 16, 17, 23,—съ яйцомъ въ рукѣ и серебрянымъ кольцомъ для бѣлизны лица—5, 7, 8, 9, чтобъ не быть убитымъ грозой—25.

По первому грому судятъ объ урожаѣ: громъ на югъ—хорошій, на западъ—средній, на востокъ или сѣверъ—плохой—6, 16; чѣмъ сильнѣе первый ударъ, тѣмъ лучше будетъ урожай—9.

Люди, убитые грозой, считаются счастливыми.

Сѣверное сіяніе.

Случается къ бѣдѣ—6, 9, 12, 17, 23. „Божья планета не можетъ предвѣщать худа“—17.

Зарница.

Если зарницы нѣтъ—слѣдовательно въ Россіи нѣтъ государя: жуда-нибудь выѣхаль—2.

Вѣтеръ.

Вѣтеръ—движеніе воздуха—16. Вѣтеръ, вихрь и буря—три родные брата, женаты на 3-хъ родныхъ сестрахъ. Если бросить

ножь въ столбъ вихря, то ножь упадетъ окровавленный—20.
Вѣтеръ называютъ „безрукимъ“—27.

Морозъ и градъ.

„Происходятъ отъ холода“—6.

Туманъ.

Туманъ—„отходить земля“—6.

Облака.

Облака весною иногда падаютъ на землю; образуется студенистая влага, которая не таетъ, когда ее берутъ въ руки—27. (Колом. и Зарайск. у.).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Обряды, исполняемые въ некоторые дни, и празднованія, приуроченныя къ временамъ года.

1. Праздники не переходящіе.

Канунъ новаго года. Гаданья—1, 8, 5, 16. Моленіе поросятъ (постылаютъ на столъ снопь хлѣба, сверху скатерть и кладутъ вареную свиную голову; объѣдки даются свиньямъ—1). Кликаніе Овсеня—5, 11, 16. Ряженіе—7, 8, хожденіе съ чучеломъ по домамъ—7. Рядиться дѣвушкамъ считается неприличнымъ—9.

Крещенье. Отгоняютъ нечистую силу отъ скотины: кропленіе ея святою водою; обходятъ три раза сложенные крестообразно снопы хлѣба, высѣкаютъ топоромъ крестъ на землѣ и бросаютъ топоръ на крышу черезъ скотину—1. Гаданье объ урожаѣ: бросаютъ зерна различныхъ хлѣбовъ въ печь, какое закоптится, то не уродится—1. Наканунъ крещенья въ 12 ч. ночи пьютъ швъ проруби цѣлительную воду. Въ крещенье купаются рядившіеся на святкахъ—5. Гаданье подь крещенье—8, 25. Изображеніе мѣломъ крестовъ на стѣнахъ—25.

11 февраля. Св. Власій почитается „богомъ коровъ“—5.

Св. Касьянъ считается „громнымъ“; его болятъ и ждуть, какъ онъ „взглянетъ“; обыкновенно онъ взглянетъ плохо, т. е. случаются несчастія—22.

1 марта. (Св. Евдокія)—„сороки“. Пекутся изъ муки чувилки (птички); ребята поютъ:

„Чувиль-виль-виль

„Прилетите къ намъ, принесите намъ

„Время теплаго, хлѣба новаго“—14.

4 марта пекутъ изъ муки грачей.

9 марта (40 мучениковъ). Прилетъ сорока видовъ птицъ—8. Пекутъ жаворонковъ—5, 8, 16, 21. „Сороки“—пекутъ „бабашки“—шарики изъ муки и даютъ овцамъ. Устраиваются на каждомъ дворѣ качели—18. Подрѣзываютъ хвостъ лошадямъ—21.

17 марта „Алексѣй—съ горъ потоки“. Если курица напьется изъ лужицы—урожай будетъ—14.

Благовѣщенье. Вдять рыбу, играютъ въ горѣлки—5; выпускаютъ на свободу птицъ—8. Сберегается просфора до слѣдующаго Благовѣщенья; тогда въ ней окажется червякъ, цвѣтъ котораго укажетъ цвѣтъ скотины, какую нужно водить; если же червяка не окажется—скота не будетъ—9. Благовѣщенская просфора съѣдается пахаремъ при первомъ выѣздѣ въ поле—11;—кладется въ рожь при посѣвѣ—22. Въ Благовѣщенье солнце „играетъ“—18. Заклинаніе „весны“—22.

23 апрѣля (св. Георгій). Крестьяне не работаютъ въ этотъ день для того, чтобы волки не трогали скота—5. Подрѣзаютъ хвосты и гривы лошадямъ—8. Выгонъ скота—вербами—14.

9 мая. Микола—покровитель хлѣбонашества—10.

24 іюня (Иванъ Купала). Въ ночь подъ Ив. К. собирается на ветошку цѣлебная роса—14. Собираются травы (разрывъ-трава), «цвѣтъ» папоротника—8, 9. Повѣрье объ «игрѣ» солнца—18. Хожденіе съ пѣснями: «роди, Боже, чистое жито, колосисто, ядренисто», пѣвцамъ дается приготовленная въ этотъ день «кулага»; прыганье черезъ костеръ—18. Въ этотъ день всѣ купаются въ платьяхъ—4.

Ильинская пятница (передъ 20-мъ іюля)—постъ—16.

30 іюля (Іоаннъ-воинъ). Зажигается свѣчка, чтобъ Іоаннъ воинъ наказалъ вора—5.

1 августа (1-й Спасъ). Освященіе сѣмянъ ржи—16.

6 августа (2-й Спасъ, Преображенье). До 2-го Спаса запрещается ѣсть яблоки тѣмъ родителямъ, у которыхъ умерли дѣти, иначе умершимъ дѣтямъ не будетъ дано райскихъ яблокъ—14.

18 августа (Фроль и Лавръ—покровители лошадей). Кропле-ніе святою водою лошадей у церкви—5, 8, 10.

29 августа (Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя). Не ѣдят скоромнаго и ничего *крутали*—5. Запрягаютъ въ соху вдову и съ пѣснями опахиваютъ село для предохраненія его отъ порчи—25.

2 сентября (Семинь день). Погребеніе мухъ (и блохъ): въ гробикъ, сдѣланный изъ моркови, кладутъ муху (и блоху) и зарываютъ—21.

14 сентября (Воздвиженье). Въ этотъ день собираются всѣ змиѣ и прячутся, когда отзвонитъ «къ достойнѣ»—25.

Дмитровская суббота (передъ 26 октября). Поминовеніе усопшихъ—5. Блины носятъ въ церковь къ попамъ; поговорка: «какъ пришла Дмитріева суббота, началась у поповъ работа»—5.

1 ноября (Козьма и Даміанъ). Рѣжутъ куръ (чтобъ куры были цѣлы)—1, 5. Причтъ собиралъ «въ прежнее время» по дворамъ домашнюю птицу—8. Причтъ собиралъ по домамъ пеньку, коноплю и ленъ. Поговорка: «что хромо да слѣпо, то Козьмѣ-Демьянъ»—8.

25 декабря. Пастухъ ходитъ между утреней и обѣдней по избамъ и обсѣваетъ овсомъ со словами: «на живущихъ, на плодущихъ, на здоровье хозяйину и хозяйонкѣ», за что получаетъ пирогъ (ситникъ)—8, или: «сѣю, посѣваю яровой пшеницей, овсомъ, гречихой на телятъ, на ягнятъ и на всѣхъ крестьянъ»—16.

Среда и пятница—не работаютъ. «Въ пятницу, матушку Прасковою, грѣшно тревожить землю, ибо во время крестной смерти Спасителя было землетрясеніе»—23. Молитва: «Матушка, пятница, помилуй насъ»—3.

2. Праздники переходящіе.

Масленица. Блины и катанье съ горъ—5, 8, 9. Въ прощенное воскресенье зять тещѣ возитъ въ подарокъ собственнаго издѣлія лапти—8. Сжиганіе масленицы (въ воскресенье): въ концѣ села въ сумерки дѣтьми сжигается куча соломы и мусора; говорится, что здѣсь сгорѣло все, что ѣли за недѣлю: и рыба, и масло, и пироги, и молоко, теперь надо ѣсть одинъ черный хлѣбъ—17; сжигается снопъ соломы на шестѣ при пѣніи пѣсни: «гори, гори, масленица, у меня селедокъ не осталось, муки на блины тоже нѣтъ» и т. д.—21. Вывозъ невѣсть—18. Катанье съ горъ жениховъ съ невѣстами—5. Сплошная недѣля (передъ масленицей) называется «арциурной»: одинъ армянскій епископъ установилъ

постъ на этой недѣлѣ по случаю смерти своей собаки «Арціура»; православные же установили на этой недѣлѣ мясоѣдъ—22.

4-я недѣля Великаго поста. Въ среду пекутъ кресты, запекая въ нихъ различныя зерна: какое зерно сгоритъ, тотъ хлѣбъ не уродится или погоритъ—16, 14. Кресты даются скоту—21; крестъ съѣдается пахаремъ и его лошадю при первомъ выѣздѣ въ поле—8.

Вербное Воскресенье. Мѣтять ягнать, лѣчать поросять. Сгоняютъ скоть, даютъ пастуху пирога и яицъ—8.

Великій Четвергъ. Умываются утромъ у ручья, чтобъ смыть болѣзнь. Рѣжутъ свиней. Умываютъ дѣтей до перваго луча, пока воронъ не умылъ своихъ дѣтей и не унесъ цѣлительной силы воды. Собираютъ золу для лѣченія животныхъ. Разсѣваютъ до свѣта снѣгъ по избѣ, отъ насѣкомыхъ. Кладутъ въ печь узелокъ соли и берегутъ ее потомъ, какъ лѣкарство («четверговая соль») — 8, 14. Ставятъ на ночь соль, мыло, золу, воду, чтобъ сдѣлать ихъ цѣлительными (называется «класть на зорю») — 18. повѣрье объ игрѣ солнца въ этотъ день—18.

Воскресенье Христово. Катанье по землѣ дьячка бабами послѣ молебна для урожая льна—14, 16. Освященіе зерна—16. Повѣрье объ игрѣ солнца—18.

Омино воскресенье (Красная юрка). Благословеніе священникомъ 1-го пахаря, выбираемаго изъ благочестивыхъ крестьянъ; послѣ первой пахоты онъ получаетъ пирогъ, бывшій на столѣ за молебномъ на Красн. горку—14.

Вторникъ 2-й недѣли по Пасхѣ (Радуница). Блины, поминовеніе усопшихъ, христосованіе съ ними. Крестьяне зажигаютъ ладонь въ глиняныхъ кадилницахъ—18.

Вознесенье. Пекутъ изъ муки лѣсенки, часть которыхъ выносятся въ ржаное поле—8; пѣсня при этомъ: «Христось, иди на небеса, ржицу возьми за колоса» — 14.

Троицкнй день. Завиваніе вѣнковъ—9. «Кумовство» между молодежью: цѣлуются черезъ заплетенный вѣнокъ и зовутъ другъ друга кумовьями и кумами до заговѣнья, когда приходятъ опять въ лѣсъ къ тому же вѣнку «раскумиться», т. е. поцѣловаться черезъ него, и расплетаютъ этотъ «вѣнокъ» — 21. Крестники и крестницы «прощаются» съ крестными отцами и матерями—16.

Духовъ день. Завиваніе вѣнковъ и бросаніе ихъ въ воду (гаданье)—7.

3. Полевая работа и проч.

Первый выгон скота. Выгоняют вербами, шишки вербныя даются ягнятамъ. Пастуху даютъ ковригу хлѣба, стаканъ соли и 2 яйца—1, 5. Обходятъ стада 3 раза съ образомъ; пастухъ бросаетъ черезъ стадо яйцо: если оно не разобьется, то стадо будетъ цѣло—3. Вербы, всторыми выгоняли скоть, бросаютъ въ избѣ на потолокъ, чтобъ ягнать было больше—13. Пастухъ съ иконой и святой водой обходитъ все стадо, а каждый хозяинъ свою скотину, со словами: «волче, волче, гдѣ ты былъ, когда Христось народился?» Вербы употребляются тѣ, съ которыми стояли заутреню въ Вербное Воскресенье—5.

Первая пахта. Пахарь и лошадь сѣдаютъ передъ началомъ работы крестецъ, испеченный на «средокрестной» недѣлѣ Велик. поста—8.

Посѣвъ. Сѣятель выходитъ съ благовѣщенской просвирой, положенной въ мѣшокъ съ овсомъ; овесъ и часть «благословеннаго хлѣба» отдается лошади, остальное зарывается въ полѣ, а также зарывается склянка съ богоявленской водой—для предохраненія нивы отъ градобитія—21.

Покосъ. Послѣ покоса крестьяне собираются по вытѣмъ (участкамъ) становятся на колѣни, молятся Богу, просятъ другъ у друга прощенія, звонятъ въ косы и съ пѣснями идутъ домой—14.

Зажинь. Зажинаетъ женщина и, нажавъ одинъ снопь, уходитъ домой—21. Зажинаютъ подъ вечеръ—18. 1-й снопь отдаютъ овцамъ, чтобъ дружнѣй плодились—8. Зерна съ 1-го снопа приносятъ въ храмъ въ Преображенье; этими зернами засѣваютъ—1. Зажинаетъ благочестивая женщина—21. Молодуха накрываетъ 1-й снопь платкомъ, который идетъ въ подарокъ свекрови—21. По окончаніи жатвы бабы катаются по жнивью со словами: «жнивка, жнивка, отдай мою силку на яровую уборку»—3, или: «нива, ни-ва, отдай мою силу»—13, или съ прибавленіемъ: «я тебя жала—силу теряла»—18. Послѣдніе колосья оставляются въ полѣ несжатыми, связываются въ узель, что называется «оставить Богу бороду»—18, или «Христу на бородку»—8, 17, или «завязать Ильѣ пророку бороду»—22, при чемъ въ этотъ пучекъ колосьевъ кладется иногда ломоть хлѣба (съ солью—18),—7, 13, 21. Послѣдній снопь приносится на головѣ хозяину—17. Послѣ жатвы соби-

рають березовые вѣники и, придя домой, обмахиваютъ ими стѣны со словами: «муха, муха, мы изъ поля, а вы въ поле!»—17.

Молотѣба. Первый сногъ вымолачивается отдѣльно, зерна его, освященныя въ Преображенъе, идутъ на начало посѣва—1, 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Представленія о смерти и загробной жизни крестьянъ Калужской губ. Медынскаго уѣзда.

(Сообщ. г. Претечевскій, № 21).

«Смерть, по народнымъ вѣрованіямъ, ходитъ изъ одного дома въ другой. Въ рукахъ у ней чаша съ желчью». Смерть можно видѣть, какъ она въ длинномъ бѣломъ одѣяніи идетъ въ какой-нибудь домъ за своей жертвой. «Передъ кончиной всякій человѣкъ видить смерть, оттого-то онъ и пугается. Она подноситъ чело-вѣку чашу съ желчью, какъ Христу разбойники (?), оттого-то всякій человѣкъ передъ смертью морщится. Когда человѣкъ умретъ, то изъ него вылетаетъ душа. Рассказываютъ, будто ее нѣкоторые видѣли. Около умирающаго ставятъ стаканъ или чашку съ водой. Въ этой водѣ душа, вышедши изъ человѣка, обмывается. Обычай этотъ существуетъ даже у нашихъ дворянъ. Говорятъ, нужно присмотрѣться къ водѣ въ стаканѣ, и вы увидите, какъ вода колышется, когда обмывается тамъ душа.—Послѣ смерти тутъ же наши крестьяне начинаютъ обмывать тѣло; женщину обмываютъ женщины, мужчину—мужчины. Покойника сажаютъ на лавку, стелютъ подъ него соломы, моютъ и вытираютъ его этой же соломой. Солома и посуда, изъ которой обмывали, вывозятся на чужое поле и тамъ бросаются. Это для того, чтобы хворость и смертность изъ своей деревни перегнать въ чужую. Послѣ обмыванія тѣло одѣваютъ и кладутъ на лавку; дѣлаютъ передъ иконой три земныхъ поклона и земно кланяются покойнику, прося у него прощенія... «Покойники послѣ смерти ходятъ, иногда и очень долго. Вотъ что рассказываютъ про одного священника. Преемнику этого священника, какъ только станетъ онъ совершать первую литургію, явится священникъ, весь обвязанный желѣзными цѣпами, и указываетъ подъ престолъ. Новичекъ испугается и умретъ. Такъ было до восьмого священника. Восьмой оказался очень смѣлымъ. Когда ему явился обвязанный цѣпами священникъ и показывалъ подъ престолъ, онъ по-

смотрѣлъ туда и тамъ нашель синодикъ. Оказывается, что умершій священникъ деньги за поминаеніе бралъ, а помянуть не поминалъ. За такой обменъ, въ загробной жизни онъ несъ тяжкое наказаніе. Теперь онъ явился просить своихъ преемниковъ, чтобы они за него поминали записанныхъ въ синодикѣ. Новый батюшка сталъ помянуть ихъ каждую обѣдню, и связанный священникъ пересталъ показываться». Про одну вдову рассказываютъ, что, оставивши послѣ себя круглыхъ сиротъ, она «каждую ночь приходила къ нимъ, обмывала ихъ, мыла ихъ бѣлье, чесала ихъ и т. п.».

«Иногда покойники ходятъ мстить ненавистнымъ имъ людямъ, а иногда ихъ хожденіе бываетъ совершенно бездѣльнымъ. Они приходятъ въ домъ, гдѣ раньше жили, ходятъ по комнатамъ, скрипятъ дверями и половицами; безъ свѣта ихъ даже можно замѣтить, но какъ только зажигаютъ огонь, они скрываются. Особенно много подобныхъ рассказовъ ходитъ про запущенные дома въ помѣщичьихъ усадьбахъ. И что особенно интересно, ихъ распускаютъ люди интеллигентные. Чтобы покойники прекратили хожденіе, въ ихъ могилы забиваютъ осиновый колъ. Если человѣкъ умираетъ скоростижно, то, по народнымъ повѣрьямъ, въ моментъ его смерти, его приобщаетъ ангелъ, и такимъ образомъ онъ наслаждается царство небесное».

«До страшнаго суда, по рассказамъ однихъ, съ людьми ничего не бываетъ, а по рассказамъ другихъ, всѣ люди мучатся. Страшный судъ будетъ такъ: всѣ люди возстанутъ изъ мертвыхъ одинаковые по возрасту и соберутся на большое поле. Праведники будутъ во всемъ бѣломъ, лица ихъ будутъ свѣтлы, какъ солнце, а грѣшники будутъ во всемъ черномъ, и лица ихъ будутъ какъ уголь. Всѣ дѣла людскія, какъ хорошія, такъ и дурныя, станутъ ясны для всѣхъ: всѣ и все узнаютъ другъ про друга. Знакомые люди тамъ узнаютъ другъ друга, только сынъ не узнаетъ своего отца и матери, и мужъ не узнаетъ своей второй и третьей жены, а первую узнаетъ. Потомъ грѣшники станутъ по лѣвую сторону, а праведники по правую, и грѣшники пойдутъ въ адъ (огонь, смола, разные гады, темнота и т. п.), а праведники въ рай (хорошій садъ). Средніе люди будутъ однимъ бокомъ на холодѣ другимъ на жарѣ. Любовницы на томъ свѣтѣ всѣ повиснутъ на шеѣ того человѣка, съ которымъ грѣшили». (21).

Д. Ушаковъ.

Восточноордынскія параллели къ кельтскому роману о чашѣ св. Граля.

Чаша св. Граля была принесена въ Англію Іосифомъ Ариматейскимъ, но гдѣ она теперь находится, при дворѣ короля Артура не знаютъ, а имѣть ее было желательно. Находится же она у короля Рыбака, который раненъ обломкомъ меча и лежитъ въ немощи. Рыцарь короля Артура, Персиваль, ѣдетъ искать чашу св. Граля и пріѣзжаетъ къ королю Рыбаку; во время бесѣды короля съ гостемъ въ комнату входитъ процессія: несутъ чашу, копье и престолъ; чаша и копье издаютъ свѣтъ. Персиваль желаетъ узнать значеніе этого явленія, и король Рыбакъ передаетъ ему исторію чаши св. Граля, послѣ чего онъ объявляетъ, что было предсказано, будто-бы рыцарь, который будетъ имѣть силу спросить о значеніи этого явленія, освободитъ немощнаго короля отъ его страданія. Исторія болѣзни такая. У короля былъ братъ; нѣкто Partinal убилъ его, при чемъ мечъ въ рукахъ убійцы изломался надвое. Дочь убитаго взяла трупъ отца и два обломка меча и принесла къ дядѣ, королю Рыбаку. Король взялъ обломокъ меча и нечаянно уронилъ его, былъ раненъ имъ и съ того времени находится въ немощи. Partinal, убійца брата короля, можетъ быть убить только этимъ самымъ мечемъ, но предварительно нужно сварить обломки меча. Персиваль берется за это дѣло, потому что еще на пути къ королю Рыбаку ему было рассказано, гдѣ живетъ кузнецъ Trebucet, который его коваль и который одинъ можетъ сварить обломки. Персиваль беретъ обломки меча, находитъ кузнеца Trebucet, проситъ его сварить обломки, получаетъ цѣлый мечъ и убиваетъ Partinal'я. Тотчасъ же король Рыбакъ получаетъ исцѣленіе. Когда король умеръ, Персиваль получаетъ въ наслѣдство чашу св. Граля ¹⁾.

¹⁾ Этотъ схематическій сюжетъ романа мы составили по книгѣ Nutt's Studies on the legend of the Holy Grail, London, 1888.

Къ этой исторіи монгольской фольклоръ даетъ параллель въ сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ (Бурятск. сказки и повѣрья, въ Записк. Вост.-Сиб. Огдѣла Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1, Иркутскъ, 1889, стр. 61). Ханъ-Гужиръ на службѣ у Гули-хана и по его порученію ѣдетъ добывать цѣлительное масло изъ печени Наранъ-Гэрэла. На дорогѣ онъ находитъ лежащаго человѣка, у котораго верхняя часть тѣла цѣлая съ мясомъ, а нижняя безъ мяса, совершенно голая кости. Ханъ-Гужиръ спрашиваетъ у лежащаго человѣка, кто онъ такой и зачѣмъ онъ тутъ лежитъ. Тотъ отвѣчаетъ, что зовутъ его Хоходой-моргонъ, что онъ воевалъ съ Наранъ-Гэрэломъ, къ которому теперь Ханъ-Гужиръ ѣдетъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ билъ Наранъ-Гэрэла громомъ и молніей, но ничего не могъ сдѣлать, и вотъ теперь онъ лежитъ едва живой. Хоходой-моргонъ отговариваетъ Ханъ-Гужира ѣхать къ Наранъ-Гэрэлу, но тотъ не слушается. Когда Ханъ-Гужиръ пріѣхалъ къ Наранъ-Гэрэлу, тотъ спрашиваетъ его, видѣлъ ли онъ Хоходой-моргона, а затѣмъ посылаетъ Ханъ-Гужира взять волшебный ножъ, который Хоходой вырвалъ у него изъ рукъ во время битвы и положилъ около себя. Ханъ-Гужиръ возвращается къ Хоходой-моргону, находитъ его умирающимъ и получаетъ ножъ. Вернувшись къ Наранъ-Гэрэлу, онъ разсѣкъ его ножомъ отъ головы до ногъ, но разрубленныя половины тотчасъ же начали срастаться. Тогда Ханъ-Гужиръ рубить во второй разъ и Наранъ-Гэрэль падаетъ, разрѣзанный пополамъ. Ханъ-Гужиръ вырѣзалъ желтое масло изъ печени и поѣхалъ къ Гули-хану. Дорогой онъ еще увидѣлъ Хоходой-моргона; онъ уже умеръ. Ханъ-Гужиръ опустил на него нѣсколько капель желтаго масла; Хоходой-моргонъ ожилъ, сѣлъ на облако и съ страшными громовыми ударами поднялся на небо.

Въ этой бурятской сказкѣ многія черты отвѣчаютъ кельтскому роману. Ханъ-Гужиръ, ѣдущій за печенью Наранъ-Гэрэла, это Персиваль, ѣдущій за чашей св. Граля; Хоходой-моргонъ, лежащій съ полуотгнившей половиной тѣла, отвѣчаетъ королю Рыбаку. Волшебный ножъ— вмѣсто меча; онъ принадлежалъ Наранъ-Гэрэлу, противнику Хоходоя, какъ и въ кельтскомъ романѣ мечъ принадлежалъ Партиналю, убійцѣ брата короля Рыбака. Послѣ того, какъ Наранъ-Гэрэль былъ убитъ, Хоходой-моргонъ получаетъ исцѣленіе и поднимается на небо; подобно этому въ

кельтскомъ романѣ король Рыбакъ тотчасъ выздоравливаетъ послѣ смерти Партиналя, а потомъ умираетъ. Ханъ-Гужиръ возвращается къ Гули-хану обладателемъ цѣлительнаго желтаго масла изъ печени Наранъ-Гэрэла и волшебнаго меча; Персиваль везетъ чашу Граля и мечъ. Не забыто и разсѣченіе пополамъ, но приурочено иначе: въ бурятской сказкѣ разсѣченъ пополамъ враждебный персонажъ Наранъ-Гэрэлъ и нужно помѣшать срощенію половинъ; въ кельтскомъ романѣ мечъ изломался пополамъ, и рыцарь долженъ сростить обломки. Партиналю въ бурятской сказкѣ соотвѣтствуетъ Наранъ-Гэрэлъ, цѣлительная сила котораго такъ велика, что воскрешаетъ изъ мертвыхъ. Въ кельтскомъ романѣ сдѣлано одно измѣненіе: чаша Граля находится въ рукахъ у короля Рыбака; она перенесена сюда подъ вліяніемъ какихъ-то неизвѣстныхъ соображеній редакціи; вѣрнѣе бы ей находиться въ рукахъ Партиналя, соотвѣтствующаго бурятскому Наранъ-Гэрэлу съ цѣлебной печенью.

Бурятскую сказку мы уже сближали съ русской объ Ерусланѣ Лазаревичѣ (Бурятск. сказки и повѣрья, стр. 149). Отецъ Еруслана и царь, ослѣпленные Данилой Бѣлымъ, посылаютъ Еруслана достать желчи изъ печени царя Огненнаго щита-Пламеннаго копья. Ерусланъ наѣзжаетъ на поле, усыянное костями, среди которыхъ лежитъ голова богатыря Росланей. Росланей долго бился съ царемъ Огненнымъ щитомъ, но былъ побитъ имъ; подъ его головой лежитъ мечъ, единственное орудіе, которымъ можетъ быть убитъ царь Огненный щитъ. Ерусланъ сначала поступаетъ на службу къ царю (какъ это дѣлаетъ и Гужиръ, поступая къ Наранъ-Гэрэлу въ пастухи), потомъ берется достать мечъ и получаетъ его отъ Росланей, при чемъ Росланей учитъ Еруслана ударить царя мечемъ только разъ, потому что отъ второго удара царь снова оживетъ (Ровинскій, Народн. картинки, I, 61—64). Въ старинномъ вариантѣ Ундольскаго эпизода съ головой пѣтъ; вмѣсто того разсказывается, что Уруслану попасть въ царство Зеленаго царя, печень котораго нужно добыть, помогаетъ дѣвица, умѣющая обращаться въ птицу *хохотуня* (*ibid.*, IV, 139). Примѣнительно къ бурятской сказкѣ эпизодъ о птицѣ хохотунь стоитъ на мѣстѣ эпизода о Хоходой-моргонѣ.

Если мы сопоставимъ всѣ три сюжета, — бурятскую сказку, русскую сказку и кельтскій романъ, — то получимъ такія соотвѣтствія:

Ерусланъ отвѣтитъ Персивалю и Ханъ-Гужиру; на мѣстѣ немощнаго короля Рыбака и полусгнившаго Хоходой-моргона въ русской сказкѣ голова Росланей; у нея мечъ, какъ мечъ въ рукахъ короля Рыбака и какъ волшебный ножъ въ рукахъ Хоходой-моргона; только этимъ мечемъ можетъ быть убитъ царь Огненный щить, подобно тому, какъ только мечемъ, находившимся у короля Рыбака, можетъ быть убитъ Партиналь. Богатырь Росланей вель войну съ царемъ Огненнымъ щитомъ и истощился въ ней подобно тому, какъ Хоходой-моргонъ впалъ въ немощь вслѣдствіе борьбы съ Наранъ-Гэрэломъ. Въмѣсто желтаго масла изъ печени Наранъ-Гэрела въ русской сказкѣ желчь изъ печени царя Огненный щить-Пламенное копье. Самъ этотъ царь отвѣчаетъ Наранъ-Гэрэлу бурятской сказки и Партиналю кельтскаго романа. Онъ пожигаетъ своихъ враговъ; о Наранъ-Гэрэлѣ этого не говорится, но это свойство заключается въ имени этого персонажа; паранъ-гэрэль (по-монгольски „лучъ солнца“ или „свѣтъ, сіяніе солнца“). Въ другихъ монгольскихъ сказкахъ есть персонажъ Наранъ-ханъ, „царь Солнце“, который своихъ враговъ сжигаетъ своими лучами (см. Сказанія бурятъ, записанн. разн. собирателями, Иркутскъ, 1890, стр. 132); можетъ быть полная форма имени въ этихъ сказкахъ была Наранъ-Гэрэль-ханъ.

Члены этого имени: „солнце“ и „лучъ“ замѣнены щитомъ и копьемъ; щить имѣетъ такое же круглое очертаніе, какъ и солнце. Мы думаемъ, что эти щить и копье въ кельтскомъ романѣ явились подъ видомъ чаши Граля и копья;и чаша и копье издають свѣтъ; и въ русской сказкѣ приставлены эпитеты: огненный и пламенное ¹⁾). Немощному королю Рыбаку въ русской сказкѣ, какъ мы видели, отвѣчаетъ богатырь Росланей (по всей вѣроятности нѣсколько измѣненное имя Ерусланъ); въ Didot—Perceval, Queste и Grand st. Graal король Рыбакъ носитъ имя Alain li Gros; не перестановка ли членовъ имени русскаго богатыря Рос—ланей, Ерус—ланъ?

Г. Безсоновъ подыскалъ еще одну параллель къ Рослансевой головѣ. Онъ нашелъ у Чулкова слѣдующій эпизодъ: богатырь Агрикановъ завѣщаетъ кладовую съ оружіемъ тому, кто на его тризнь побѣдитъ всѣхъ богатырей; онъ умеръ; голова его ле-

¹⁾ Збгущій щить мы находимъ въ смоленской сказкѣ объ Ирѣ.

жить на костяномъ полѣ; наѣзжаетъ Добрыня, находитъ подъ головою ключъ, отпираетъ кладовую, освобождаетъ запертаго Торопа (не отвѣчалъ ли онъ въ болѣе подробныхъ редакціяхъ кузнецу Trebuset кельтскаго романа?) и добываетъ мечъ (Рыбник., Пѣсни, II, № 64) ¹⁾.

Король въ немощи напоминаетъ намъ Гуменъ-хана китайскаго въ Гэсэриадѣ (Die Thaten Bogdo Gesser chan's, St.-Ptb., 1839, S. 95—111). Ханъ въ тоскѣ по умершей женѣ, и эта тоска повергаетъ все его царство въ мертвое состояніе подобно тому, какъ Британія, утративъ чашу Граля, остается безъ жизни. Царство Гуменъ-хана выводитъ изъ этого состоянія Гэсэръ-ханъ; онъ совершаетъ съ этой дѣлюю экскурсію на небо за эрдени. Для того, чтобы получить эти эрдени, онъ долженъ былъ поднести небожительницѣ, у которой эти эрдини находились, вино въ семи чашахъ, сдѣланныхъ изъ человѣческихъ череповъ. Эрдени можетъ быть амплификація, и въ другихъ вариантахъ для спасенія страны отъ постигшей ее безжизненности достаточно было однѣхъ чашъ изъ череповъ ²⁾. Черепа для чашъ сдѣланы изъ головъ семи братьевъ кузнецовъ. Интересно, что какъ Гэсэриада ввела въ свой рассказъ кузнеца, такъ и въ кельтскомъ романѣ упоминается кузнецъ Trebuset. Въ Гэсэриадѣ кузнецъ вовсе не исполняетъ кузнечнаго дѣла; онъ идетъ только посломъ изъ царства Гумевъ-хана къ Гэсэру за совѣтомъ, какъ быть царству въ такой бѣдѣ. Но въ бурятской сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ, которую выше мы уже сближали съ кельтскимъ романомъ, кузнецъ куетъ для Ханъ-Гужири металлическія вещи, необходимыя ему для полоненія собаки Гуниръ; это уже ближе къ темъ о Trebuset. Сказка же о Ханъ-Гужирѣ дѣльнымъ рядомъ параллелей связывается съ Гэсэриадой, такъ что въ Ханъ-Гужирѣ мы видимъ Гэсэра см. нашу статью „Монгольское

1) Тутъ появляется новый внѣшскій объектъ—ключъ, который извѣстѣе изъ легенды о кровосмѣстелѣ. Епископъ находитъ ключъ въ морѣ, отпираетъ колодезь или темницу и освобождаетъ Андрея Критскаго.

2) Человѣческіе черепа, габала, входятъ въ число принадлежностей ламайскихъ храмовъ; надъ ними совершаются религіозные обряды; они обдѣлываются въ серебро, бирюзу и кораллы. Имъ приписывается способность доставлять богатство тому краю, въ которомъ онѣ находятся. Самая знаменитая габала, вѣроятно, та, которая находится въ монастырѣ Гумбуиъ и приписывается матери Цзонкавы.

сказаніе о Гэсэрѣ⁴ въ Вѣстн. Европы, 1890, сентябрь). Въ народныхъ повѣрьяхъ также замѣтно это сліяніе Хань-Гужира съ Гэсэромъ; въ бурятской Гэсэриадѣ говорится, что чаши изъ череповъ семи кузнецовъ обратились въ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы (Тангутотиб. окраина Китая, II, 83), а изъ бурятскаго повѣрья мы знаемъ, что семь звѣздъ Б. Медвѣдицы—это семь череповъ Хожироевыхъ кузнецовъ, и что небесный кузнецъ, который первый открылъ кузнечное дѣло, назывался Гужиръ (Бурятск. сказки и повѣрья, Иркутскъ, 1889, стр. 126; Извѣст. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2); полный эпитетъ кузнецовъ въ Гэсэриадѣ *домон-худжунур-тарханъ*, „семь паршивыхъ кузнецовъ“; отъ опущенія вставнаго слога *у*, что очень часто практикуется въ монгольскомъ языкѣ, и отъ перехода монгольскаго *дж* въ бурятскомъ въ *ж*, изъ формы *ходжунуръ* получается форма *хожуръ*; отсюда и происходятъ Хожир (ой) и Гужиръ бурятскихъ легендъ о звѣздахъ. Хотя изъ этого не вытекаетъ тождества персонажей Хань-Гужира и Гэсэра, все-таки это указываетъ на связь между сказкой о Хань-Гужирѣ и повѣстью о Гэсэрѣ.

Въ моихъ „Очеркахъ с.-з. Монг.“, IV, 495 помѣщена сказка о Гумь-ханѣ; она состоитъ изъ двухъ частей; первая половина начинается въ родѣ калмыцкой сказки объ Ойо—чикиту, переданной по-нѣмецки Бергманомъ въ его *Nomadische Streifereien*, Riga, 1805); вариантъ ея въ моихъ «Очеркахъ» IV, 283 — 285; вторая половина представляетъ намеки на эпизодъ Гэсэриады о Гумень-ханѣ. Содержаніе сказки такое: у Гумь-хана два сына Дава („мѣсяцъ“ по-тиб., слѣдовательно по-монгольски его имя было Сара или Хара) и Нема (по-тибетски „солнце“; по-монгол. Нара). Мачеха заболѣла и говоритъ хану, что выздоровѣетъ только, когда съѣстъ сердце царевичей. Царь отдаетъ приказаніе вынуть сердца царевичей, но вельможа спасъ ихъ и выпроводилъ въ другое государство. Здѣсь они выросли, и когда пришли въ возрастъ, они возвратились къ отцу. Старшій царевичъ украдкой отъ царя дунуль на его жену, и она умерла; она была шультмусъ (дьяволица). Гумь-ханъ начинаетъ тосковать по умершей женѣ, какъ Гумень-ханъ Гэсэриады¹⁾, и подобно послѣднему не отлучается отъ мертваго тѣла. Одинъ изъ царевичей и вельможа постепенно отучаютъ

1) Ханъ въ сказкѣ Ойо—чикиту также тоскуеть.

хана отъ тоски, трупъ жены похищаютъ и хоронятъ за семью горами въ глубокой ямѣ и испѣляютъ хана.

Въ сказкѣ сборника „Шиддикуръ“, которою мы уже пользовались для сравненія въ статьѣ „Персонажъ Наранъ-Гэрэлъ“ (въ Этн. Об., кн. XV, стр. 65), гонимые царевичи, сердца которыхъ требуются, какъ цѣлебное средство для заболѣвшей ихъ мачихи, носятъ названія Наранъ-Гэрэлъ (лучъ солнца) и Саракъ-Гэрэлъ (лучъ мѣсяца).

Въ виду сходства въ сюжетахъ двухъ послѣднихъ сказокъ мы можемъ допустить, что въ сказкѣ о Гумъ-ханѣ вмѣсто имени царевича Нема стояло монгольское Наранъ-Гэрэлъ, и что рассказчикъ замѣнилъ его тибетскимъ Нема, можетъ быть, желая щегольнуть своимъ знакомствомъ съ тибетскимъ языкомъ; Гумъ-ханъ, конечно, тотъ же Гуменъ-ханъ, и имя это явилось въ эту сказку вмѣстѣ съ эпизодомъ о тоскующемъ ханѣ, а что этотъ эпизодъ не по капризу одного какого-нибудь сказочника пришить къ рассказу о гонимыхъ царевичахъ, указываютъ намеки на ту же тоску и въ сказкѣ, переведенной Бергманомъ.

Имена Гуменъ-ханъ и Наранъ-Гэрэлъ могли, слѣдовательно, встрѣчаться въ одномъ и томъ же сюжетѣ; они могли являться и въ другихъ сюжетахъ также вмѣстѣ. Могъ существовать рассказъ о томъ, какъ Гэсэръ для исцѣленія Гуменъ-хана отправлялся за печенью или сердцемъ Наранъ-Гэрэла, какъ это рассказывается въ бурятской сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ. Тогда эта печень стала бы на мѣстѣ чанъ изъ череповъ и эрдени, о которыхъ рассказываетъ Гэсэриада.

Гэсэръ, какъ цѣлитель лежащаго въ немощи царя Гуменъ-хана, отвѣчаетъ Персивалю кельтскаго романа. Мы укажемъ и еще на одинъ эпизодъ, который сближаетъ Гэсэра съ Персивалемъ. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, мы припомнимъ нѣкоторые другія сближенія, уже сдѣланныя нами. Мы имѣемъ въ виду смоленскую сказку объ Игрѣ (см. Этн. Об., кн. XVI, стр. 110). Эту сказку мы сближали съ рассказомъ Гэсэриады о хожденіи Гэсэра на небо по эрдени къ небожительницѣ Мандзанъ—Гөрмю; Игръ наѣзжаетъ къ дѣвицѣ, застаётъ ее спящей, оставляетъ у нея знаки своего посѣщенія, похищаетъ нѣкоторые предметы и убѣгаетъ; проснувшись, дѣвица чувствуетъ стыдъ и гонится за оскорбителемъ; въ рукахъ ея щитъ, который жжетъ на двѣнадцать верстъ и напо-

мнѣетъ намъ Огненный щитъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Въ Гэсеріадѣ похищеніе совершается также во время сна небожительницы, но Гэсеръ застаетъ ее не спящей; она засыпаетъ послѣ того, какъ Гэсеръ подпоилъ ее виномъ. Кромѣ того, эпизодъ о небожительницѣ и тѣмъ еще не сходенъ съ смоленской сказкой, что дѣвица въ концѣ сказки становится женою, тогда какъ такія отношенія къ небожительницѣ невозможны; она бабушка Гэсера. Но въ Гэсеріадѣ есть другой эпизодъ о спящей дѣвицѣ, болѣе подходящій къ данному случаю. Это эпизодъ о дѣвицѣ Тумень-жаргаланъ. Гэсеръ нашелъ ее спящей въ полѣ и подложилъ ей въ складки платья жеребенка, а потомъ, когда она проснулась, онъ началъ ее стыдить, что она прижила жеребенка. Дѣвица должна была согласиться выйти за него замужъ, лишь бы только онъ не разглашалъ въ народѣ, что съ ней случилось. Въ кельтскомъ романѣ также есть отголосокъ темы о спящей дѣвицѣ; у Chrestien'a Персиваль наѣзжаетъ на палатку въ лѣсу, находитъ въ ней спящую въ постели дѣвицу, цѣлуетъ ее, беретъ у нея кольцо, ѣсть и пьетъ у нея (Nutt, Studies, p. 10); у Тарнтона Персиваль беретъ кольцо у дѣвицы и на мѣсто его оставляетъ кольцо своей матери (ibid., 37).

Въ статьѣ «Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла» (Эти. Об., кн. XVIII, стр. 23) мы высказали догадку, что въ монгольской сказкѣ «Эрдени-Хараликъ» въ эпизодѣ о встрѣчѣ Эрдени-Харалика съ асурами скрывается искаженный рассказъ, который въ первоначальной редакціи былъ въ родѣ рассказа о Росланеевой головѣ или о Хоходой-моргонѣ. Встрѣча происходитъ на пути Эрдени-Харалика къ чудовищной коровѣ Ракша-Куринъ, которая выдыхаетъ пары съ молніями. По нашей догадкѣ Ракша-Куринъ стоитъ на мѣстѣ Наранъ-Гэрэла; на мѣстѣ нынѣшнихъ асуровъ могъ стоять богатырь Асуръ; онъ изображался, можетъ быть, въ такомъ же видѣ, какъ Хоходой-моргонъ. Тамъ же мы по поводу асуровъ припомнили форму Кузуръ изъ сказки сибирскихъ тюрковъ и сблизили ее съ именемъ Гэсеръ. Сказка рассказывалась сходно съ бурятской о Ханъ-Гужирѣ, но самъ Ханъ-Гужиръ переименованъ въ Эрдени-Харалика; имя Ханъ-Гужиръ, которое могло замѣняться формами Гэсеръ, Кузуръ, Асуръ, сдѣлалось вакантнымъ и перенесено на богатыря, изнемогаго отъ борьбы въ полѣ. И въ русской сказкѣ мы видимъ, что имя Еру-

слана переходить на богатыря, лежащаго въ немощи (Росланей). Въ настоящей редакціи сказки объ Эрдэни-Хараликѣ, подъ вліяніемъ буддійскихъ разсказовъ о злыхъ существахъ, асурахъ, эпизодъ о немощномъ богатырѣ Асурѣ измѣнился въ разсказъ о встрѣчѣ съ асурами; такъ мы понимаемъ происхожденіе этого эпизода въ сказкѣ объ Эрдэни-Хараликѣ. Спрашивается, какъ назывался этотъ богатырь въ немощи въ тѣхъ вариантахъ, въ которыхъ главный герой вмѣсто имени Эрдэни-Хараликъ носилъ имя Асуръ или Гэсэръ? Русская и бурятская сказки даютъ намъ на этомъ мѣстѣ имена Росланей и Хоходой; въ Гэсэриадѣ есть немощный царь Гумень-ханъ; Гумень притяжательная форма отъ Гумъ; въ одной сказкѣ, какъ мы видѣли, Гумъ-ханъ (можетъ быть по моей недослышкѣ вмѣсто Гума-хана ¹⁾). Не онъ ли иногда занималъ мѣсто Росланей и Хоходоя?

В. Ө. Миллеръ въ «Экскурсахъ въ область русск. народн. эпоса» (М. 1892, стр. 159) къ сравненію съ эпизодомъ объ Ерусланѣ и Росланеевой головѣ привлекъ осетинскую сказку о Каурбекѣ, сынѣ Аслана (т. е. Арслана). На краю свѣта живетъ могущественный ханъ, котораго царство погружено въ мракъ. Каурбекъ ѣдетъ туда; въ пещерѣ, въ томъ царствѣ, лежитъ остовъ Хасана съ мечемъ, вложеннымъ нѣкогда въ черепъ. Хасанъ—отецъ Аслана и дѣдъ Каурбека. Изъ другихъ богатырей никто не могъ вынуть мечъ изъ черепа; Каурбекъ вынимаетъ, при чемъ голова дѣда поручаетъ Каурбеку отомстить хану и наставляетъ его, чтобы онъ только разъ ударилъ по головѣ хана и не повторялъ удара. Къ этому г. Миллеръ дѣлаотъ примѣчаніе: «Въ кавказской редакціи любопытна та черта, что исполинскій богатырь, владѣлецъ меча-кладенца, оказывается дѣдомъ героя, и послѣдній, убивая убійцу-исполина, исполняетъ кровную месть: этимъ и мотивируется та подробность, что исполинская голова охотно отдаетъ мечъ-кладенецъ юному богатырю, какъ своему потомку».

Намъ кажется, что и бурятская сказка о Хоходой-моргонѣ или,

¹⁾ Въ „Очеркахъ с.-в. Монг.“ (IV, подъ № 118) помѣщена сказка о мальчикѣ, который, заночававъ въ полѣ, отбираетъ насильно у живущаго въ норѣ Оромына цѣлебное вещество „цаганъ-эрдэни“, а потомъ въ полѣ находитъ палочку, отъ взмаховъ которой умираютъ люди. Обѣ вещи были выкрадены у Арши-ламы, который вслѣдствіе этого не могъ вести войну съ Оромыномъ. Оромынъ на мѣстѣ Росланей, Арши-лама на мѣстѣ Еруслана.

вѣриѣ, бурятскія культовые легенды знали о подобной родствѣ, но современная редакція этой сказки забыла его. Хоходой-моргонъ извѣстенъ не изъ одной только сказки о Ханъ-Гужирѣ, но и изъ шаманскихъ легендъ. Подобно тому, какъ Гужиръ находитъ мѣсто на шаманскомъ небѣ, такъ и Хоходой упоминается въ шаманскихъ легендахъ въ числѣ небожителей. Одна легенда рассказываетъ, что Хоходой, оставивъ семью, отправился въ путь, проѣхалъ розстани трехъ дорогъ и пріѣхалъ къ пустому дому; онъ нашелъ въ немъ только ящикъ и крылатая платье, развѣшанныя на стѣнахъ. Вскорѣ пріѣхали четыре человѣка, побыли съ нимъ и вновь уѣхали, приказавъ ему караулить домъ, но не заглядывать въ ящикъ. Онъ не утерпѣлъ, заглянулъ и нашелъ тамъ каменные наконечники стрѣлъ. Въ это же время онъ увидѣлъ въ окно, какъ какой-то воръ воровалъ картофель; Хоходой бросилъ въ него наконечникомъ стрѣлы. Пріѣхали четыре человѣка и говорятъ, что отъ кинутого имъ камня на землѣ была гроза и сгорѣло цѣлое селеніе. Съ той поры Хоходой сдѣлался завѣдующимъ громомъ (Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы о шаманствѣ» въ Извѣст. Вост.-Сиб. Отд., т. XIV, № 1—2, стр. 7) ¹⁾. И въ сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ Хоходой является съ чертами громовника; онъ поднимается на небо на облакъ съ страшными громовыми ударами. Монгольскій

¹⁾ Сходныя легенды на Кавказѣ рассказываются о Тамарѣ. Тамара поймала утреннюю звѣзду и посадила ее въ девять ящичковъ, вложенныхъ одинъ въ другой; отъ этой звѣзды завистли свѣтъ и хорошая погода. Отправляясь осматривать царство, она поручила ящикъ служанкѣ, запретивъ открывать его. Служавка же утерпѣла, открыла, и утренняя звѣзда вылетѣла и сейчасъ же напала на землю небывалый свѣтъ (Сборникъ матеріаловъ для опис. плем. и мѣст. Кавказа, выш. XIII, стр. 44—45; В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, III, 174—176). Шенеръ указываетъ на ветоискую сказку, доставленную ему Крейцвальдомъ: Сиротка была обречена молотъ; колдунъ снабдилъ ее ящичкомъ съ волшебными жерновами самомолами. Ховайка, у которой служила сиротка, хотѣла полюбопытствовать, что въ шумливый ящикъ, открыла крышку, изъ ящика вылетѣло пламя и сожгло ее (Шенеръ, «Сампо. Опытъ объясненія сваяи ениск. сказокъ съ русскими» въ Записк. Акад. Наукъ, 1862, стр. 143). А. Н. Веселовскій въ своихъ «Сказаніяхъ о Соломовѣ» (Спб., 1872, стр. 196) приводитъ рассказъ о Юліанѣ, влестителѣ Сидона, который любилъ жевачицу, но при ея жизни ему не удалось быть ею любимымъ; когда она умерла, онъ проникъ къ ней въ гробницу. Голось велеть ему придти въ пору рожденія; онъ находитъ при трупѣ человѣческую голову. Голось велеть ее беречь: отъ нея будетъ большое счастье. По другому сказанію Юліанъ отразилъ голову

звѣздный эпосъ сходное имя даетъ стрѣлку, охотившемуся за тремя оленухами, подъ которыми обыкновенно разумѣются три звѣзды Оріона. Варіанты легенды даютъ для этого персонажа версіи: Когудей, Когутей, Кокде, Когодей (Очерки с.-з. Монг., IV, 205, 206); эти имена записаны у бурятъ и у сойотовъ.

Въ «Матеріалахъ о шаманствѣ» Агапитова и Хангалова о Хоходѣ сказано, что народныя легенды даютъ ему жену Холто и сына Хорсо. Не являлся ли этотъ Хорсо на мѣстѣ Ханъ-Гужира, спасителя Хоходой-моргона, какъ это надо бы ожидать по аналогіи съ осетинской сказкой? Если это бывало, то въ такихъ случаяхъ Хорсо являлся на мѣстѣ Уруслана; имя бурятскаго небожителя похоже на первую половину имени русскаго богатыря.

Сходное имя Хорису встрѣчаемъ въ книжномъ сказаніи о чингисъ-ханѣ. Хорису-маджу найманскій вельможа, который убилъ Вана кирейскаго въ то время, какъ тотъ спустился съ лошади, чтобы утолить свою жажду. Хорису отрубилъ голову Вана и отвезъ ее къ наймавскому хану Таяну. Жена Таяна, Гурбесу, потребовала, чтобы ей подали голову (Труды Пекинск. дух. миссіи., IV, 100). Мы не разъ уже сближали этого Хорису-маджу съ героемъ сказки Арджи-борджи, именно съ Бегерь-меджитомъ или съ Гэгерь-меджитомъ, какъ въ моихъ Очеркахъ, II, 154 (см. Очерки с.-з. Монг., IV, 834; Тангутотиб. окраина Китая, II, 139). Бегерь-меджитъ убиваетъ насильника, захватившаго царство Бегерова отца; можетъ быть этотъ насильникъ былъ и убійца отца; передъ пораженіемъ насильника Бегерь-меджитъ поить его виномъ допьяна. Въ моемъ варіантѣ (Очерки I, 154) насильникъ названъ Уланъ-нидунъ Ухыръ-Бама ханъ, т. е. Красный глазъ Корова Бамаханъ. Въ имени Бама-хана я видѣлъ Ванъ-хана (тюрки южной Сибири монгольское легендарное Ванъ произносятъ Банъ, Убанъ); убить онъ также въ то время, какъ пилъ; пилъ повидимому воду; но Тохтамышъ въ тюркской сказкѣ, котораго мы сближаемъ съ Ваномъ, въ подобномъ же положеніи пилъ кумысъ и, прибавлено,

у жертвой. Надо эту голову держать закрытой; на что она взглянетъ, то подвергается разрушенію. Юліанъ плылъ на кораблѣ къ Ковстантинополю, съ намѣреніемъ разрушить его; во нянька случайно открыла ящикъ, въ которомъ хранилась голова, и вслѣдствіе этого началась буря, отъ которой погибъ корабль, а вмѣстѣ съ тѣмъ утопула и голова. Г. Веселовскій сообщаетъ это преданіе въ связи съ повѣрьями и разсказами о чашѣ св. Граля.

разгорячился отъ кумыса; сходно и то, что товарищъ Бегера называется Шялъ, а товарищъ Хорису-маджу, убійцы Вана, называется Тунгъ-Шялъ. Наконецъ, въ именахъ Хорису-баджу и Бегерь-меджитъ сближаются вторые члены: баджу и меджитъ. На этомъ основаніи я отождествилъ Бегерь-меджита съ Хорису-баджу. Въ книжномъ сказаніи членъ Хорису замѣстило имя Бегерь. Бегерь убиваетъ Ухыръ-Бама-хана т. е. чудовищнаго Корову-царя; мы думаемъ, что въ вариантахъ могло стоять такъ: Хорису (или Хорсо) убивалъ корову. Эта корова та самая Ракша-Куринъ, которую убивалъ Эрдэни-Хараликъ; послѣдній вырѣзываетъ изъ коровы сердце; въ сказкѣ о Бегерь-меджитѣ этотъ мотивъ есть, но онъ отдѣлился отъ коровы; Бегерь-меджитъ вырѣзываетъ драгоценность (эрдэни) изъ бедра мертваго человѣка, плывущаго по рѣкѣ; обладаніе этой драгоценностью должно привести его къ царскому престолу, что съ нимъ и случилось; онъ убилъ насильника, чудовищнаго Корову-царя и возвратилъ себѣ отцовскій престолъ. Сближеніе это приводитъ насъ къ чудесной головѣ; голова Ванъ-хана, когда ее во дворцѣ Таяна положили на престолъ, улынулась (о другихъ сближеніяхъ см. въ нашей статьѣ объ «усѣченной головѣ» въ Этн. Об., XVI, 92); голову окружили почетомъ.¹⁾ Не намекаютъ ли эти подробности на то, что передъ нами какой-то фетишь, предметъ поклоненія; не было ли это нѣчто въ родѣ нынѣшней габалы? Легенды о Вановой головѣ, а также и о головѣ кузнеца Тархана въ бурятской Гасэриадѣ, можетъ быть, слѣдуетъ признать за культовые легенды о народномъ фетишѣ, который состоялъ изъ человѣческаго черепа, обдѣланнаго въ видѣ чаши и украшеннаго серебромъ и кораллами.

Исторію Вана кирейскаго мы сближали съ татарской сказкой о Тохтамышѣ, Идыге-би и его сынѣ Мырадылѣ.

У Вана голова была отрублена въ то время, какъ онъ, почувствовавъ жажду и спустился къ рѣкѣ пить; и у Тохтамыша голова была отрублена въ то время, когда онъ, мучимый жаждой, пилъ кумысъ; слѣдовательно, редакція болѣе близкая къ Арджи-Борджи, чѣмъ разсказъ о Ванѣ; Ванъ пилъ повидимому воду, Тохтамышъ

¹⁾ По Юань чао ми ши передъ головой Вана стали играть музыку и принесли ей жертву (Труды Пек. дух. мисс., IV, 100); по Рашидъ-эддину Таанъ оправилъ голову въ серебро и глаголющее ея въ некоторое время на своемъ тронѣ для выраженія уваженія и почета.

кумысь, Ухыр-Бама-хапъ вино. Тохтамышъ убить Мырадыломъ въ отмщеніе за гоненіе на его отца; Тохтамышъ замышлялъ убить Идыге, отца Мырадыла, и тотъ должепъ былъ бѣжать. И здѣсь слѣдовательно убійство имѣетъ видъ мести, какъ въ осетинской сказкѣ. Форма, сходная съ Хорису, здѣсь тоже есть, только не въ отвѣчающихъ условіяхъ; это въ эпитетѣ Орусъ. Идыге, бѣжавшій отъ Тохтамыша, встрѣчаетъ въ степи русскаго богатыря Анисима, *орус патыр Анисим*. Слово «орусъ», мы думаемъ, первоначально было не эпитетомъ, а собственнымъ именемъ, и понято въ смыслѣ эпитета только впоследствии, при появленіи импонирующаго имени русскаго народа; и вѣроятно оно было именемъ сына Идыге, которое подставилось откуда-то взявшимся Мырадылѣ.

Въ Гэсэриадѣ нѣтъ формы, которая подошла бы къ формамъ Хорису, Хорсо и пр. по своему мѣсту; есть только въ числѣ богатырей Гэсэра одинъ, по имени Барсъ (Die Thaten, 194). И въ Шиддикурѣ XXIII глава кончается заявленіемъ, что парица родитъ четырехъ царевичей, изъ которыхъ одинъ называется Гэсэръ, другой Барсъ (Этн. Сб., изд. Геогр. Общ., Спб., т. VI, стр. 102). Въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ, кромѣ Хорису, найдутся еще другія сходныя формы; это во-первыхъ Цорось или Чорось, предокъ олетовъ, который сближается съ Чингисъ-ханомъ тѣмъ, что это такой-же найденышъ, выкармливаемый деревомъ (Очерки с. з. Монг. IV, 326; Pallas, Sammlung. d. hist. Nachrichten, I, 32; Позднѣевъ, Образцы народн. литер. монгол. племень, Спб. 1880, стр. 135); затѣмъ это Барасъ или Барсенъ—членъ въ сложномъ имени онгона у бурятскихъ кузнецовъ: Барсенъ-Тѣмѣрше; въ Тѣмѣрше мы видимъ Темурчинъ или Темучинъ, первоначальное имя Чингисъ-хана, и думаемъ, что самъ Чингисъ-ханъ былъ духомъ-покровителемъ кузнецовъ, а онгонъ Барсенъ-Тѣмѣрше есть символическое изображеніе этого кузнечнаго бога. Кромѣ того, при имени Чингисъ-ханъ нерѣдко является эпитетъ «русскій»: *русскій* охотникъ получаетъ отъ него знамя и уноситъ на западъ; его дочь Цаганъ-ханъ уноситъ его знамя, уходитъ на западъ и становится *русской* парицей. Такъ какъ о сынѣ Чингиса говорится, что онъ унесъ мутовку, съ которой было соединено счастье народа, и онъ тоже ушелъ на западъ (къ киргизамъ), то мы думаемъ, что этотъ сынъ и есть русскій охотникъ, и назывался онъ по-монгольски Орусъ. Вотъ этотъ-то Орусъ и явился въ

книжномъ сказавіи подѣ видомъ Хорису; Чингисъ, подобно Идыге татарской сказки, чуть не погибъ отъ заговора (Вана); онъ бѣжалъ; сынъ его Хорису напалъ на Вана и отрубилъ ему голову подобно тому, какъ въ татарской сказкѣ Мырадылъ, мститель за Идыге, отрубилъ голову Тохтамышу.

По аналогіи съ этими примѣрами мы можемъ ожидать, что и въ тѣхъ гадательныхъ редакціяхъ, гдѣ Гуменъ-ханъ является на мѣстѣ, болѣе напоминавшемъ Хоходя или Росланееву голову, онъ могъ бы быть принятъ за отца или дѣда Гэсэра. Въ тибетской Гэсэриадѣ небесная мать Гэсэра называется Ане-гома; а не можетъ быть тюркское *енѣ*, «мать». Форма гома не перешло ли на мать съ отца или дѣда Гэсэра?

Изъ предыдущаго изложенія уже вытекаетъ отчасти сближеніе Гэсэра, Бегеръ-меджита и Эрджи-харалика. Оно еще можетъ быть усилено приведеніемъ нѣкоторыхъ другихъ эпизодовъ. Разсказъ о рожденіи Бегера походить на начало сказки № 56 въ «Очеркахъ с.-з. монг.», IV, стр. 275. Мать Бегера была бездѣтна, но она идетъ къ отшельнику монаху и послѣ этого визита зачинаетъ; родится Бегеръ. Въ сказкѣ № 56 бездѣтная вдова также зачинаетъ послѣ визита къ отшельнику; сосѣдній ханъ посылаетъ и своихъ женъ къ тому же отшельнику; его жены также зачинаютъ, и одна изъ нихъ родитъ Гэсэра. Тутъ можетъ быть искаженіе; вдова, а не царская жена была матерью Гэсэра. Такъ понятый, этотъ эпизодъ близко подойдетъ къ разсказу о рожденіи Гэсэра. Мать Гэсэра въ изгнаніи; при ней живетъ Сэнгылъ; она зачинаетъ послѣ встрѣчи на днѣ долины съ какимъ-то видѣніемъ въ образѣ человѣка. Обстановка, напоминающая монгольскія сказки о ханшѣ, заподозрѣнной въ сожителствѣ съ ламой (эти сказки были разсмотрѣны нами въ Этн. Об., XIII — XIV, 10—14); какъ эта пара (заподозрѣнная жена и лама-отшельникъ) живетъ въ изгнаніи, такъ и мать Гэсэра съ Сэнгылъ въ изгнаніи. Сэнгылъ занимаетъ мѣсто отшельника, хотя ему и не приписывается той чудотворной силы, какую имѣетъ отшельникъ въ сказкѣ. Чотокъ, изгнавшій мать Гэсэра, отвѣчаетъ подозрительному хану.

Эпизодъ о коровѣ также служитъ къ обобщенію сказокъ о Бегеръ-меджитѣ и Эрдэни-хараликѣ, а черезъ Бегеръ-меджита обобщается и Гэсэръ съ Эрдэни-хараликомъ. Въ статьѣ «Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла» (Этногр. Обзор., XVIII,

1—9) мы уже разсматривали нѣкоторыя темы Гэсэриады въ связи съ группой сказокъ, въ которую включается и сказка о Эрдэни-хараликѣ. Эрдэни-харалика сама редакція сказки объявляетъ воплощеніемъ бога Арья-Бало. На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что Гэсэръ тождественъ съ Арья-Бало. Это тождество поддерживается и другими соображеніями (см. объ этомъ въ нашей статьѣ: «Греческій эпосъ и ордынскій фольклоръ», Э. О. XXI). Отсюда дальнѣйшій выводъ: въ Персиваль кельтскаго романа мы имѣемъ Арья-Бало. Персиваль совершаетъ поѣздку за чашей Граля, которая должна одарить жизнью Британію, и поѣздка увѣнчивается успѣхомъ; Эрдэни-хараликъ (Арья Бало) своему народу доставляетъ дакини, съ пребываніемъ которой соединено благоденствіе народа.

Второй членъ въ имени Персиваль почти тотъ же, какъ и въ парномъ имени бога Арья-Бало (произносится монголами нерѣдко Арья-валá или Арья-вала). Первая половина *перси* или *парси* замѣстила монгольскій членъ «Арья». Можетъ быть такая замѣна была обычна уже на востокъ. Въ русскихъ сказкахъ, на которыя мы смотримъ, какъ на отраженія легендъ объ Арья-Бало, есть парное Арысь-поле (см. Восточн. параллели къ нѣкоторымъ русск. сказкамъ, Этн. Обзор., кн. VIII, стр. 159); въ формѣ Керсю-пиле, встрѣченной въ одной тюркской сказкѣ, мы также заподозрили Арья-Бало (Этн. Об., кн. XVII, стр. 175).

Въ предыдущемъ изложеніи мы видѣли, что герой, убивающій насильника и носящій имена Хорису, Хорсо, Урусъ, собственно отомщаетъ убійцѣ своего отца. Персиваль также убиваетъ убійцу своего отца (Nutt, Studies, p. 155).

Эпизода о сарадинскомъ Евалакѣ и объ обращеніи его Іосифомъ Аримаѳейскимъ я коснулся въ статьѣ: «Тема объ уѣченной головѣ» (Этн. Обзор., XVI, 1:8—120). Имя Евалакъ напомнило намъ первую половину имени бога Авалокитешвары (Арья-Бало). Эпизодъ объ обращеніи Евалака мы сравнили съ рассказомъ Саянъ-Сэцэна объ обращеніи въ буддизмъ Алтынъ хана; обращеніе производитъ далай-лама, который есть воплощеніе бога Авалокитешвары (Арья-Бало). Въ Grand st. Graal Iosephos привелъ Мордрена (=валакъ), Сарракиту и Nasciens'a къ святому ковчегу и показалъ имъ сосудъ, въ которомъ была кровь Христа. Когда Nasciens увидѣлъ его, онъ припомнилъ, что однажды въ молодости

онъ былъ остановленъ голосомъ: «Ты не исполнишь своихъ думъ, пока не совершатся чудеса Граля»; теперь онъ знаетъ, что въ этомъ Гралѣ содержится исполненіе желаній его сердца. Онъ приблизился къ чапѣ и заглянулъ внутрь, и тотчасъ же лишился зрѣнія. Это было наказаніе за любопытство. Явился ангелъ (angel at Organz) и исцѣлилъ какъ Nasciens'a, такъ и Iosephes'a, который передъ тѣмъ былъ раненъ въ бедро. Въ другомъ мѣстѣ того же Grand st. Graal'я, а также въ Queste и у Gerbert'a ослѣпление постигаетъ не Nasciens'a а Mordrain'a или Евалака. Въ монгольской легендѣ также исцѣленіе (больныхъ ногъ хана) и также предварительное явленіе; когда Алтынъ-ханъ увидѣлъ передъ собою далай-хаму, онъ призналъ въ немъ тотъ образъ, который уже являлся передъ нимъ въ то время, какъ онъ, по совету врачей, клалъ свои больныя ноги въ утробу свѣжеубитой лошади. Въ указанной своей статьѣ (въ Этн. Обзор., *ibid.*) я высказалъ догадку, что и въ кельтскомъ романѣ Евалахъ, замѣненный въ Grand st. Graal'ѣ Nasciens'омъ, будучи на охотѣ, не только слышалъ голосъ, но и видѣлъ святую чану, и что это видѣніе имѣло то же значеніе, какъ видѣніе въ легендѣ объ Алтынъ-ханѣ— оно имѣло цѣлью удержать царя отъ избіенія животныхъ.

Разсказъ о нападеніи Толеме на Евалаха мы сравнили съ преданіемъ о нашествіи Галдана, олетскаго хана, на монастырь Эрдени-цзу на Орхонѣ. ¹⁾ Къ сказанному тамъ нужно прибавить, что разсказъ даетъ въ руки Галдана орудіе, отъ вращенія котораго въ непріятельскомъ лагерѣ умирали люди. Въ кельтскомъ романѣ есть намекъ на подобное орудіе; Евалакъ побѣждаетъ Толеме силою щита, на которомъ Іосифъ Аримаеѣйскій начертилъ красный крестъ. Здѣсь орудіе перемѣстилось изъ лагеря осаждающихъ въ лагерь осажденныхъ. Такъ, можетъ быть, было и въ монгольской легендѣ.

Мы намѣрены къ сравненію съ этимъ эпизодомъ монгольской легенды привлечь одну китайскую (даоскую) легенду о чудесномъ металлическомъ зеркалѣ, сообщеніемъ которой мы обязаны любезности синолога П. С. Попова; но прежде считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ изображеніяхъ на китайскихъ металлическихъ зеркалахъ. Я видѣлъ только зеркала, которыя на по-

¹⁾ У Рашидъ-эдина Урландуръ.

верхности, противоположной шлифованной, имѣли рельефное изображеніе бога Арья-Бало. Но въ китайскихъ археологическихъ трактатахъ, какъ, напр., въ Си-цинъ-гу-цзянь и Бо-лу-ту, можно найти рисунки, представляющіе много другихъ изображеній. Часто въ центрѣ зеркала помѣщается рисунокъ, который китайскими археологами истолковывается, какъ восьмилепестный цвѣтокъ чилима (*Tigra bicornis*); иногда онъ изображается такъ схематично, что переходитъ въ восьмиконечную звѣзду. На другихъ зеркалахъ вмѣсто цвѣтка или звѣзды бываетъ изображена черепаха сверху или левъ тоже сверху или со спины. Окружность диска украшена или изображеніемъ двѣнадцати годовыхъ звѣрей или восемью триграммами, такъ называемыми по китайски *па-гуа*. Подобные рисунки печатаются на бумагѣ и расклеиваются на стѣнахъ въ домахъ, какъ предохранительныя средства противъ несчастій, на примѣръ противъ удара молніи. Иногда такіе рисунки очень просты: осьмиконечная звѣзда въ кругѣ и въ ней «па-гуа».

Даоская легенда рассказываетъ, какъ Ци-хань-дао-жень, ученикъ философа Лао-цзы, спасъ Чжоускаго императора посредствомъ такого символическаго изображенія. *Дао-жень* значитъ «даоскій монахъ», *хань* — «переправляться», *ци* — «милосердіе». Даосы видятъ въ лицѣ Ци-хань-дао-женя божество Гуань-инь-пую (Арья-Бало и Авалоки-тешвару), которое будто бы, по увѣренію даосовъ, не буддійское по происхожденію, а даоское, и буддисты будто бы заимствовали его у даосовъ.

Вотъ самая легенда: За двѣнадцать вѣковъ до Р. Хр. послѣдній царь Инской династіи, по имени Чжоу-синь, своими беззаконіями и утѣсненіями народа и любовью къ своей фавориткѣ Да-ци вызвалъ всеобщее неудовольствіе народа, первымъ проявленіемъ котораго было группированіе народа около чжоускаго князя Вынь-вана и сына его У-вана. У Чжоу-синя незаконнаго (у-дао) былъ сынъ по имени Инь-хунь, который, говорить, въ малолѣтствѣ удалился въ горы, поселился у одного извѣстнаго даоскаго мудреца Чи-цзинь-ца и сдѣлался его послѣдователемъ. Узнавъ отъ учителя, что князь Чжоу-синь его отецъ и что ему угрожаетъ опасность, онъ, не смотря на увѣщаніе своего учителя, оставилъ свое уединеніе и сталъ во главѣ арміи, двинувшейся противъ чжоускаго князя У-вана, у котораго въ это время главнымъ совѣтникомъ и военачальникомъ былъ Цзянь-цзы-я, иначе называемый Цзянь-тай-

гунь. Видя единственный и быстрый исходъ бѣдствія, причиняемаго войной, въ уничтоженіи Инь-хуна, онъ собралъ совѣтъ, на которомъ присутствовали Вынь-шу-гуань-фа-тянь-цзунь (т. е. Манджуши до своего появленія въ буддизмъ), Чжунь-ди-дао-жень (Сакіамуни до его появленія въ буддизмъ) и Ци-хань-дао-жень (Гуань-инь до его появленія въ буддизмъ). На этомъ совѣтѣ рѣшено было превратить Инь-хуна въ пепель при помощи изображенія па-гуа (сы-сянь-тай-цзи-ту). Исполнителемъ приговора былъ избранъ учитель Инь-хуна Чи-цзинь-цза. Завлеченный съ поля боя военачальникомъ Цзянь-цзы-я, Инь-хунъ преслѣдовалъ послѣдняго въ непроходимыхъ дебряхъ до рѣки. Цзянь-цзы-я изъ изображенія па-гуа устроилъ себѣ мостъ, перескочилъ по нему и сталъ подзадоривать Инь-хуна, будто онъ не посмѣетъ преслѣдовать его далѣе и сразиться съ нимъ. На это Инь-хунъ отвѣчалъ: «Не боюсь я твоихъ чаръ!» И съ этими словами устремился на мостъ. Но странное дѣло! Лишь только онъ вступилъ на него, какъ почувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то, какъ будто на него нанло странное помраченіе; какъ будто онъ находился во снѣ и вдругъ проснулся. Въ этомъ состояніи ему представилась бывшая императрица (жена Чжоу-синя) и наконецъ мать его, обратившаяся къ нему съ такимъ упрекомъ: «Злодѣй ты этакой! Ты не слушался своего учителя и долженъ погибнуть». Вслѣдъ за тѣмъ является его учитель, съ скорбью смотритъ на него и медлитъ исполненіемъ приговора. Вдругъ раздается голосъ Ци-хань-дао-женя: «Судьба Инь-хуна рѣшена! Онъ долженъ вступить въ сонмъ геніевъ!» Тогда Чи-цзинь-цза съ сердцемъ, исполненнымъ тоски и скорби, трихнулъ свиткомъ, на которомъ было изображено па-гуа, и несчастный Инь-хунъ, державшій сторону беззаконнаго (у-доа) своего отца, превратился въ пепель.

Легенда эта напоминаетъ орхонскую (см. Этн. Обзор. XIII—XIV, 15; XVI, 119). И здѣсь гибель противника при переправѣ черезъ рѣку, только съ разницею въ томъ, что въ орхонской легендѣ гибель нападающихъ произошла отъ поднятія водъ въ рѣкѣ, въ которыхъ они и перетонули, здѣсь же этотъ родъ смерти замѣненъ испеленіемъ ¹⁾. Въ даоской, какъ и въ орхонской, говорится

¹⁾ Испеленіе явилось тутъ, вѣроятно, подъ влияніемъ представленій ожигающимъ лучами свойствъ па-гуа, которыя, можетъ быть, съ нимъ связы-

о вѣшательствѣ божества: въ орхонской противъ насильника Галдана выступаетъ богъ Гомбогуру, на мѣстѣ котораго, мы думаемъ, прежде стоялъ Арья-Бало или Авалокитешвара; въ даоской заступниками угнетенныхъ являются три бога, но главный между ними, очевидно, Ци-ханъ-дао-жень, который принимается за Авалокитешвару. Какъ въ орхонской легендѣ Галданъ до поры, до времени живетъ въ монастырѣ и совершаетъ монашескій подвигъ и потомъ слагаетъ съ себя духовное платье и идетъ мстить за убитаго брата, такъ и здѣсь Инъ-хунъ находится сначала вдали отъ политической арены, слушаетъ поученія даоскаго мудреца, а потомъ прерываетъ свои занятія и отправляется на помощь къ своему осажденному отцу. Инъ-хунъ отвѣчаетъ Галдану; Чжоусинь убитому брату Галдана Сенге, за смерть котораго хочетъ мстить Галданъ; Ци-ханъ-дао-жень богу Гомбогуру или, согласно нашей догадкѣ (см. Тангутотиб. окраина Китая, II, 222), богу Арья-Бало. Но даоская легенда содержитъ важную разницу—убійственное орудіе находится не въ рукахъ Инъ-хуна, какъ бы слѣдовало для совпаденія съ орхонской легендой, а въ рукахъ его противника, какъ мы объ этомъ догадывались уже и ранѣе, еще не зная даоской легенды (см. ст. «Марья лебедь бѣлая» въ Этн. Обзор., кн. XIII—XIV, стр. 16). Такое переимѣненіе этого чудеснаго орудія совпадаетъ съ кельтскимъ преданіемъ; щитъ съ краснымъ рисункомъ креста находится въ рукахъ у Евалаха, а не у насильника Толоме, соответствующаго по нашей догадкѣ Галдану.

Въ другихъ монгольскихъ сказаніяхъ объ осажденномъ городѣ средство, убивающее издали, или персонажъ, владѣющій этимъ средствомъ, также находится въ средѣ обороняющихся, а не въ рукахъ у насилующаго. Такъ въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ въ осажденномъ имъ городѣ есть женщина колдунья, отъ заклинанія которой въ лагерь Чингисъ-хана умирали люди. Въ амдоскомъ разсказѣ царица осажденнаго города Хара-бадзыра владѣетъ какимъ-то знаменемъ, отъ возвращенія котораго въ неприятельскій лагерь сыпался огонь. Разсказъ бурятской Гэсэриады о чудовищѣ

вались. Такое свойство очень естественно предположить за металлическими зеркалами, на которыхъ иногда изображалось па-гуа. Въ рукахъ Чи-цзинъ-цаа вѣроятно было металлическое зеркало съ па-гуа, а не свитокъ.

Галь-Дѳлмѳ нарушаетъ этотъ рядъ совпаденій; мы сближаемъ Галь-Дѳлмѳ съ Галданомъ; они сходны тѣмъ, что оба могли быть уязвимы только въ одно мѣсто на тѣлѣ (у Дѳлмѳ глазъ на серединѣ спины, у Галдана мѣсто на животѣ, единственное не покрытое панциремъ). Но о Галь-Дѳлмѳ говорится, что онъ, лежа на морскомъ днѣ, длиннымъ языкомъ слизывалъ людей и скоть съ суши— въ этомъ можно видѣть видоизмѣненіе темы объ орудіи, убивающемъ съ дальняго разстоянія. Въ спискѣ подобныхъ персонажей, который мы помѣстили въ статьѣ: «Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла» (Этн. Обзор., кн. XVIII, стр. 25—27), фигурируетъ волшебница, произносящая заклинанія, т. е. шаманка; это ведетъ насъ къ догадкѣ, что подъ вращающимся смертоноснымъ орудіемъ нужно разумѣть бубень ¹⁾; можетъ быть и въ рукахъ Евалака въ первоначальной редакціи тоже былъ бубень, и красный крестъ нѣтъ надобности объяснять христіанствомъ, потому что внутри бубновъ, по крайней мѣрѣ сибирскихъ, всегда находится деревянный или желѣзный крестъ, а на нѣкоторыхъ, напримѣръ алтайскихъ, крестъ рисуется на днѣ бубна красной краской.

Изъ другихъ эпизодовъ романа о чашѣ св. Граля остановимся на слѣдующихъ.

Чашу св. Граля привезти было предназначено только одному Персивалу. Другимъ она не дается. Gauvain, Lancelot, прибывъ къ королю Рыбаку, видятъ ее, но не имѣютъ силъ спросить короля объ ней, а было возвѣщено, что только тотъ можетъ исцѣлять короля отъ немощи, кто будетъ въ силѣ спросить объясненій о чашѣ и о процессіи съ ней. Это въ состояніи былъ сдѣлать только Персиваль. Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ есть рассказъ о томъ, что ему съ неба отъ Хормуста-тенгри спустилась яшмовая (нефритовая?) чаша съ виномъ; четыре брата Чингисъ-хана просили дать и имъ изъ чаши, хоть остатки. Чингисъ-ханъ возразилъ, что по его мнѣнію вино это предназначено только ему одному, тѣмъ не менѣе онъ подалъ чашу братьямъ. Братья стали пить, но не могли проглотить и возвратили чашу (Алтанъ Тобчи въ трудахъ Восточн. Отд. Русск. Археол. Общ., ч. VI, стр. 139, 149). Точно также въ сказаніи о Гэсэрѣ только одинъ Гэсэръ

¹⁾ На китайскихъ бубнахъ иногда встрѣчается изображеніе па-гуа.

могъ пить вино изъ чаши, поднесенной ему невѣстой; другой же-
нихъ, соперникъ Гэсэра (сынъ Чотона), не могъ.

Евалакъ царить въ городѣ Saqas, по которому получили свое
названіе сарадины, а не по Саррѣ, женѣ Авраама (Nutt, Studies,
р. 54). Эпизодъ объ Евалакѣ мы сопоставили съ орхонской ле-
гендой о монастырѣ Эрдени-цзу. Имени, вполне сходнаго съ Saq-
gas, въ орхонской легендѣ нѣтъ; не находится ли оно въ связи
съ Цоросъ, именемъ предка олетовъ? Въ орхонской легендѣ Гал-
данъ, нападающій на монастырь Эрдени-цзу и отвѣчающій, по на-
шему мнѣнію, Толоме кельтскаго романа, называется ханомъ оле-
товъ, которые, какъ потомки Цороса, могли называться также и
цоросами ¹⁾. Среднеазиатская легенда о Цоросѣ принесена астра-
ханскими калмыками на Волгу и здѣсь недавно записана г. Позд-
нѣевымъ (Образцы народн. литературы монгол. племенъ, Спб.,
1880, стр. 135); почему она не могла быть принесена изъ Азіи
на Волгу и на сѣверные берега Чернаго моря въ болѣе раннее
время? Знакомясь съ пришельцами изъ Азіи, жители береговъ Чер-
наго моря, греки, могли узнать отъ нихъ и перенять рассказы и пре-
данія, въ которыхъ имя Цоросъ (согласно съ орхонской легендой)
могло являться въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Впослѣдствіи слово
цоросъ, искаженное греками въ сарадинъ или саракинъ, русскими
въ сорочины, стало обозначать вообще враговъ и примѣняться къ
особенно могущественному враждебному народу ²⁾. Объясняя по-
явленіе этого имени заимствованіемъ изъ сказаній кочевниковъ,
пришедшихъ изъ степей Азіи дорогой по сѣверную сторону Каспій-
скаго моря, мы дѣлаемъ себѣ понятнѣе существованіе въ русскихъ
былинахъ какой-то Сорочинской горы. Вѣроятно, была какая-ни-
будь сказочная гора, имя которой происходило изъ одного источ-
ника съ именемъ предка Цороса ³⁾; гора съ этимъ именемъ, вмѣстѣ

1) Часть калмыковъ, дѣйствительно, и теперь называется чжоросъ или чо-
росъ (см. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. VI, Спб.,
1880, стр. 127, 129, 132).

2) Дальній западъ получили это слово, вѣроятно, отъ грековъ. Этимологія
слова сарадинъ, которую даютъ арабисты, искусственно. Народная калмыцкая
этимологія связываетъ имя Цоросъ съ *цорю*, „труба винокуреннаго снаряда“
(Очерки с.-в. Монг., IV, 872).

3) Такіе случаи приложенія одного и того же имени къ горѣ и къ бога-
тырю встрѣчаются. Въ Саянскомъ хребтѣ есть гора Торосъ; объ ней легенда:

съ сюжетами, къ ней приуроченными, могла перейти въ русскій эпосъ.

Жена Евалака называется Sarraquite, именемъ, на общее происхожденіе котораго съ «сарацинъ» уже указывалось. Сходное имя встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ монгольской исторіи; это имя одной изъ двухъ дочерей Чжахаганьбу (у Катрмера Djakembo), брата Вана кирейскаго. Въ Юань-чао-ми-ши (Труды Пек. дух. мисс., IV, 98) она называется Сархахтени; у Рашидь-Эддина (въ перев. г. Березина, Труды Вост. Отд. Археол. Общ., XIII, 80) Сурхуктени-биге; у Катрмера сведены другіе варианты этого имени: у Пяно Карпини Serosten, у Сананъ-сэцэна Ssurchutai-beghi-taigho; въ исторіи Китая Soulouhotieni (т. е. Сурухотени); въ сирийской хроникѣ Баръ-Еврея Sercuteni-beghi; въ текстѣ Катрмера (т. е. у Рашидь-эддина?) Siourkoukiti-beghi (Histoire des Mongoles, t. I, p. 85, 90, 91).

Это историческая личность, жена Толуя и мать Хубилай-сэцэна, но живые люди въ ордѣ получали имена изъ легендъ и былинъ, поэтому возможно, что имя Сероктенъ ¹⁾ и др. находилось въ ордьнскомъ эпосѣ. На историческую царицу, вслѣдъ за именемъ, народъ могъ перенести и сюжеты, которые рассказываютъ о легендарной или сказочной Сурухтай или Soulouhotieni (Сурухотень). Кромѣ Хубилая у этой царицы былъ еще сынъ Годанъ, котораго Сананъ-сэцэнь неправильно возводитъ въ великіе ханы послѣ брата его, Куюка (Schmidt, Geschichte d. Ost.-Mongol., S. 111); Годанъ, говоритъ Шмидтъ, никогда великимъ ханомъ не былъ, а уважается народомъ за то, что первый ввелъ буддизмъ въ Монголію (что халхаское т. е. сѣверомонгольское преданіе приписываетъ Абатаю). Этотъ историческій эпизодъ у Сананъ сэцэна рассказанъ такъ: Годанъ заболѣлъ отъ власти дракона (въ при-мѣчаніи на стр. 392 Шмидтъ говоритъ, что по д'Оссону (486) болѣзнь Годана, котораго онъ называетъ Kutan'омъ, произошла чрезъ волшебство нѣкоей Fathma, фаворитки регентши Turakina'ы)

на нее взбирался, желая перевалить ее и убѣжать отъ преслѣдующихъ китайцевъ, сильный человекъ Торосъ (Очерки с.-з. Монгол., IV, 806).

¹⁾ Оковчанія стен, хтени, koukiti, хтай—не монгольское ли хатунъ, „царица“, „госпожа“?

и послалъ Дарда-дархана ¹⁾ изъ рода Оймагутъ звать Сакіа-пандиту. Святому и ученому мужу доложили, что прѣхалъ необыкновенный посоль, у котораго домъ въ видѣ деревянной сѣти. Сакіа-пандита поѣхалъ, исцѣлилъ хагана и многихъ обратилъ на путь истинный. Шнидтъ въ примѣчаніи на стр. 392 сообщаетъ разсказъ о введеніи буддизма по другому источнику. Дорда, шестой братъ Хубилая, и Годенъ, седьмой, по приказанію своей матери перекочевали въ мѣстность Шира-гала, лежащую на сѣв.-западѣ (Segönchoitu, с.-в.?) отъ страны Силинъ (Ssiling) и заняли лежащее внутри стѣны мѣсто Lienston, которое теперь назыв. Lientsu. Потомъ одинъ изъ братьевъ ѣдетъ съ отрядомъ въ Тибетъ за пандитой и грозитъ ему, что если онъ не поѣдетъ добровольно, то онъ вернется съ болѣе значительнымъ войскомъ. Но пандита имѣлъ уже предсказаніе о событіи и съ радостью поѣхалъ. Этотъ разсказъ повидимому повторяетъ то, что въ другомъ мѣстѣ Сананъ-сэпэнъ разсказываетъ объ обращеніи Алтынъ-хана туметскаго (см. Этн. Обзор., кн. XXI, стр. 118). Также болѣзнь хана, также и отправленіе посла и предупредительный выѣздъ врачавателя по предвѣдѣнію. Посоль въ легендѣ объ Алтынъ-ханѣ называется Даритай; здѣсь Дорда-дарханъ. Такимъ родомъ Годанъ отождествляется съ Алтынъ-ханомъ, а разсказъ о послѣднемъ мы уже связали съ разсказомъ о Галданѣ, нападающемъ на Эрдэни-цзу, и съ эпизодомъ кельтскаго романа о нападеніи Толоме на Евалака и обращеніи послѣдняго въ христіанство. Не совпадаетъ то, что Сэроктенъ—мать обращеннаго Годана, а Sarraquite—жена обращеннаго Евалака.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Въ алтайской легендѣ (Очерки с.-з. Монг., IV, 291) въ больному ханскому сыну приглашенъ шаманъ Тарханъ-бо, каменное изваяніе котораго указываетъ на берегу озера Хотанъ или Кутанъ.

Новая теорія румынскаго ученаго о происхожденіи названія „Бессарабія“.

(B. Petriceicu-Hâsdeu. Etymologium Magnum Româniae, t. III, fasc. II, стр. 2540—2592-я).

Названіе «Бессарабія» теперь почти-что совсѣмъ утрачено и вытѣснено названіемъ «Бессарабская губернія», которое, въ свою очередь, замѣнило болѣе широкій въ административномъ значеніи терминъ «Бессарабская область». Послѣднее названіе дано было вновь образовавшейся территоріи, присоединенной къ Россіи отъ Молдавіи, по условіямъ мирнаго трактата въ Букарештѣ, завершившаго русско-турецкую войну, современную великой отечественной войнѣ,—16-го мая 1812-го года. Такимъ образомъ, названіе южной части треугольника (между Днѣпромъ, Прутомъ, Чернымъ моремъ—Дунаемъ), которая собственно и слыла подъ именемъ Бессарабіи съ давнихъ временъ, было перенесено на весь треугольникъ и остается до сихъ поръ. Интересно, что названія «Бессарабія», «бессарабецъ» не существуютъ среди кореннаго румынскаго населенія Бессарабской губерніи: для территоріи у нихъ совсѣмъ не существуетъ названія или существуетъ общее названіе Россія, а себя они называютъ Молдаванами. Собственно названіе Молдованъ въ такомъ видѣ, какъ оно звучитъ въ русскомъ языкѣ, искусственно; самъ народъ называетъ себя *Молдовенъ*, а для Румыніи у нихъ существуетъ названіе *Молдова*; слѣдовательно, названія Молдавія, Молдавскій и т. д., скорѣе всего, можно отнести къ передѣлкамъ этихъ словъ въ русской рѣчи. До 1812-го года Бессарабіей называлась собственно южная часть нынѣшней губерніи, т.-е. степная треть территоріи, занимаемой всею губерніей, извѣстная больше подъ именемъ Буджака и до сихъ поръ. На языкѣ ногайскихъ татаръ, кочевавшихъ по степямъ этимъ до начала XIX вѣка, слово *буджакъ* означаетъ уголь; это татарское названіе, а также и другія, наприм., греческое *δύλος* и славянское *жгль* (откуда получилось названіе славянскаго племени Угличей, помѣщенныхъ нашей первоначальной лѣтописью у нижняго теченія Днѣстра) объяснялись многими учеными—Надеждинымъ, Стомати, Мурзакевичемъ,

Венелинымъ, Защукомъ, Полузузовымъ, Накко и др.—какъ названіе степи, заключенной линіей Днѣстра и линіей Чернаго моря и Дуная, образующими *угол*. Въ своей исторіи Д. Кантемиръ прямо говоритъ (по изд. Бухар. акад. наукъ, т. II, стр. 371-я): «Бессарабія или, какъ мы теперь называемъ ее татарскимъ именемъ, Буджякуль». Но свидѣтельство Кантемира не такъ важно, какъ болѣе позднее,—у насъ есть нѣсколько болѣе древнихъ свидѣтельствъ. У Броневскаго въ его «Описаніи Тартаріи» (по изд. 1595-го года, стр. 2-я) находимъ извѣстіе, что нижняя часть Молдавіи, т.-е. придунайскій берегъ Чернаго моря, еще въ древности называлась Бессарабіей «*quae olim Bessarabia dicta fuit*». Броневскій писалъ въ 1579-мъ году, слѣдовательно мы можемъ искать болѣе раннихъ свидѣтельствъ. Въ одной грамотѣ, датированной 1396-мъ годомъ, помѣщенной у Догеля въ его *Codex diplomaticus* (т. I-й, стр. 623), воевода валахскій Владъ Дракуль, возставъ противъ отца своего Мирчи Великаго, титулуется такъ: «*waywode Bessarabiae nec non Comes de severino*». Нѣсколько такихъ же указаній мы находимъ и въ «Матеріалахъ», собранныхъ В. А. Ульяницкимъ: наприм. въ грамотѣ Мирчи 1403-го года: «воевода великой господарь земле бесарабскоѣ», въ другой грамотѣ (№ 17-й): «господар земи басарабской» (стр. 13 и 14-я) и другихъ. Правда, эти свидѣтельства относятся къ Валахіи, современное названіе которой вытѣснило прежнее названіе «земли басарабской», но интересно то, что въ XIV вѣкѣ существовало это названіе, какъ территоріальный терминъ, который, какъ видно будетъ дальше, получился отъ названія владѣтельнаго рода Басарабовъ. Исчезнувшее безслѣдно уже въ далекія времена, названіе Бессарабіи мы встрѣчаемъ на противоположномъ западномъ концѣ княжества Молдавіи, у берега Чернаго моря. Въ предисловіи къ своему собранію влахо-болгарскихъ грамотъ Ю. Венелинъ говоритъ: «вытѣсненное имя Босарабъ сохранилось отчасти, по преданію, въ странѣ степной между Аккерманомъ и Галацомъ, извѣстной подъ татарскимъ именемъ Буджака. Такъ переселилось имя изъ страны въ страну!» (СПБ., 1840 г., стр. 4-я)

Если мы обратимся къ свидѣтельству географическихъ картъ, то найдемъ подтвержденіе Д. Кантемира; но, къ сожалѣнію, всѣ карты относятся сравнительно къ позднему времени. На картѣ, изданной въ 1686-мъ году (*Descrizione delli principati della Moldavia e Valachia...*), названіе «Bessarabia» помѣщено въ южной половинѣ нынѣшней губерніи, а подъ этимъ названіемъ помѣщены «Tartari di Budziak». Такое же распредѣленіе этихъ названій находимъ и въ картѣ Украйны XVII вѣка (*Ukrania quae et terra Cosacorum*), изданной въ Ниренбергѣ; на сѣверѣ отъ названія Бессарабіи находимъ пустыню «*campi deserti*». Затѣмъ слѣдуютъ карты съ такими же показаніями: по изданію Гоммана (*Danubii fluminis pars infima...*) и въ другой его же изданія (*Imperium Turcicum...*); XVIII

вѣка—во французскомъ изданіи I. M. Gaziusa (*Carte d'Hongrie en general*) названіе Бессарабіи помѣщено гораздо южнѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ картахъ, а надъ нимъ «*deserta inaquosa*»; на картѣ 1716-го года, составленной Boehmio'mъ, и въ нѣсколькихъ русскихъ картахъ, изданныхъ въ концѣ XVIII вѣка по поводу русско-турецкихъ войнъ Екатерининскаго времени и послѣдующаго находимъ то же самое. Интересно, что на извѣстномъ портулакѣ Фра-Мауро, помѣченномъ 1457-мъ годомъ, южная часть Бессарабіи съ городомъ Moncastro (Аккерманъ) названа *Vlachia pizola*; слѣдовательно, есть основаніе думать, что названіе Басараба перенесено было на западъ, къ Черному морю, позже портулака Фра-Мауро.

Уже многіе пытались объяснить названіе Бессарабіи, правильнѣе Басарабіи, и по этому вопросу было высказано много мнѣній. Не входя въ ихъ разборъ и даже не перечисляя старыхъ ошибокъ, слѣдуетъ указать, что самымъ обычнымъ объясненіемъ слѣдуетъ считать то, по которому названіе Бессарабіи производилось отъ племенныхъ названій Бессовъ и Сорабовъ, двухъ кочевыхъ народовъ, помѣщаемыхъ нѣкоторыми свидѣтельствами въ мѣстности между теченіями Прута и Днѣстра. Другое мнѣніе производитъ названіе Бессарабіи отъ Бастарновъ, а А. Зашукъ, со словъ Надеждина, говоритъ о покореніи татарами половцевъ въ XIII вѣкѣ: «впрочемъ, половцы хотъ и признавали надъ собою верховную власть монголовъ, но сохраняли своихъ князей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Бессарабъ, и по имени его, если вѣрить Тунману, они были названы Бессарабами» (Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Бесс. обл., стр. 6-я). Не лучше этихъ были мнѣнія и румынскихъ ученыхъ, основывавшихся единственно на случайныхъ созвучіяхъ и строившихъ, безъ научной подготовки, самыя разнообразныя теоріи. Оказывается, что это названіе и самое слово—дако-римскаго происхожденія и ровно ничего общаго не имѣетъ со всѣми прежними теоріями. Это новое мнѣніе недавно было высказано извѣстнымъ румынскимъ ученымъ Петричейку-Гыждеу и, по своей новизнѣ и доказательности, заслуживаетъ вниманія.

Гыждеу извѣстенъ, какъ серьезный лингвистъ и солидный исследователь по румынскому языку, главнымъ образомъ въ его исторіи, и по народной словесности. Въ ученомъ мірѣ онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ работъ, которыя продолжаетъ и теперь, не смотря на свои преклонные годы. Между прочимъ, Гыждеу состоитъ членомъ нашей Академіи наукъ и Русскаго Археологическаго Общества; кромѣ того, онъ почтенъ за свои труды этимъ званіемъ и отъ другихъ обществъ Франціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи и др. Профессоръ сравнительной филологіи Букарештскаго университета и главный директоръ всѣхъ архивовъ Румыніи, г. Гыждеу редактируетъ журналъ «Новое Обозрѣніе» (*Revista Nowa*), гдѣ является много научныхъ статей по исторіи, словесности и этно-

графіи, и печатаетъ объяснительный словарь историческаго и народнаго румынскаго языка, котораго вышло до сихъ поръ нѣсколько выпусковъ (три тома). Болѣе цѣнные его работы относятся къ исторіи румынскаго языка: «Отрывки для исторіи рум. языка», «Дакийскіе элементы», «Ghîuj и Ghîob» — два выпуска; «Cuvénțe den bătrâni», гдѣ собрано много матеріаловъ по исторіи языка, талантливо объясненныхъ г. Гыждеу: въ 1-мъ томѣ собраны отрывки текстовъ, содержащихъ въ себѣ отголоски разговорнаго языка второй половины XVI вѣка, сохранившіеся въ царственныхъ и судныхъ грамотахъ, пѣсняхъ и другихъ записяхъ; во 2-мъ томѣ собраны и объяснены тексты народныхъ книгъ румынскихъ XVI вѣка. Далѣе слѣдуетъ указать на большія историко-критическія изданія, дающія богатый запасъ матеріала: *Istoria critică românieiilor*, гдѣ авторъ разрабатываетъ древнѣйшій періодъ румынской исторіи, изданія, которыя сдѣлали переворотъ въ румынской историографіи,—въ четырехъ большихъ томахъ; *Archiva istorică a României*, гдѣ помѣщено много матеріала для исторіи румынской литературы, между прочимъ—Поученіе Іоанна Нягое восводо (1512—1521) къ сыну своему Θεодосію, въ румынскомъ переводѣ, для котораго недавно найденъ П. А. Лавровымъ славянскій оригиналъ; «Траянова колонна» (*Columna lui Traian*), ежемѣсячный журналъ, посвященный исторіи, лингвистикѣ и этнографіи—въ 5 ти томахъ; Псалтырь діакона Кореси середины XVI вѣка, дающая незамѣнимый матеріалъ для исторіи чистаго румынскаго языка и множество отдѣльныхъ статей разнообразнаго содержанія, между прочимъ и философскихъ, разсѣянныхъ въ журналахъ и лѣтописяхъ академіи наукъ (*Annalele*).

Въ своемъ новомъ изслѣдованіи г. Гыждеу не говоритъ о названіи Бессарабіи, а разбираетъ историческія и этнографическія свидѣтельства, касающіяся названія княжескаго дома Басарабовъ, часто встрѣчающагося въ древней исторіи Румыніи. Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ опроверженіемъ свидѣтельства Дмитрія Кантемира, будто бы въ его время (т. е. въ началѣ XVIII вѣка), не было Басарабовъ (Исторія оттоманской имперіи, по нѣм. изданію стр. 608-я). Д. Кантемиръ ошибается, такъ какъ современникъ его господарь валашскій Константинъ Гранкаванъ (1688—1714), по свидѣтельству молдавскаго лѣтописца Николая Костина, назывался Басарабомъ-воеводой, что подтверждается также медалью этого господаря, на которой написано: *Constantinus Bassaraba*. Затѣмъ въ одной современной дѣтской игрѣ упоминается имя Басарабы: происходитъ между двумя мальчиками разговоръ:—«Отвори ворота!»—«Чьи ворота?»—Басарабы.—«А какой дашь ты выкупъ?»—«Щенка, поросенка» и т. д. Есть еще одно свидѣтельство: господарь валашскій Щербанъ Кантакузинъ (1679—1688) также назывался Басарабомъ. Затѣмъ авторъ приводитъ цѣлую серію свидѣтельствъ XVI и XVII вв., между которыми интересны фамиліи

нѣсколькихъ запорожскихъ козаковъ, уже принявшія обычное окончаніе малорусскихъ фамилій: «Басарабенко» (Бодянский. Реестръ всего войска Запорожскаго). Но всѣ эти позднія упоминанія представляютъ собою скорѣе фазисы переживанья первоначальнаго названія Басарабы, какъ извѣстной «касты», извѣстной группы лицъ. Въ этихъ позднихъ свидѣтельствахъ названіе Басарабъ служить уже фамиліей-прозвищемъ. Не то было раньше, когда «Басарабъ» замѣняло собой даже личное христіанское имя. Гыздеу находятъ цѣлый рядъ документовъ, въ которыхъ извѣстное лицо названо однимъ именемъ Басарабъ; наприм., у Фейера въ его *Codex diplom. Hungariae* (X, 8, 447 и 8), находимъ такія выраженія: «*honestos viros Ianustinum et fratres suos Bassarabe et Custe Knesios de Riuser*», «*sacredicti Knesi Ianustinus, Bessarabe et Custa*»; только второй изъ трехъ братьевъ носить имя Басараба, безъ упоминанія его христіанскаго имени. Вотъ еще подобное же свидѣтельство: «*Nobilium Michaelis et Bazarab ac Ioannis filiorum quondam Ioannis de dicta Riuser*». Далѣе приводятся подобныя же случаи изъ румынской исторіи. Первые лица изъ княжескаго дома «Данецевъ», Данъ I и сынъ его Владиславъ, титуловались именами своими, полученными въ христіанскомъ крещеніи. Но уже сынъ этого Владислава не знаетъ такого имени. У Венелина мы находимъ двѣ грамоты, гдѣ этотъ государь титулуется «молодымъ Басарабомъ воеводой, сыномъ добраго Басараба воеводы» (стр. 111 и 121-я). Въ грамотѣ сына его Данъ II онъ называется Басарабомъ воеводой (тамъ же, стр. 118-я). Лучшій изъ дома этого былъ государь Нягое. И онъ также, достигнувъ престола въ 1512-мъ году, оставилъ свое христіанское имя Нягое и титуловался «Басарабомъ воеводой, сыномъ предобраго Басараба воеводы» (тамъ же, стр. 137-я). На основаніи многихъ примѣровъ и параллелей, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ каждой семьѣ Басарабовъ это имя давалось одному изъ братьевъ или зятьевъ, такъ что этотъ порядокъ можно было бы назвать *майоратомъ* или скорѣе *миоратомъ*. Если бы Басарабы была фамилія, быть можетъ даже большаго и могучаго рода, то во всякомъ случаѣ не могла бы цѣлая область называться «страной Бассарабовъ». Далѣе, нельзя также предположить, чтобы «Бассарабы» было названіе извѣстной царствующей династіи, такъ какъ мы не находимъ извѣстной послѣдовательности и преемственности. Все это даетъ автору мысль предположить, что Бассарабы это была цѣлая группа семей — родовъ, составлявшая касту въ полномъ смыслѣ этого слова, преимущественно въ XV и XVI вв. Получивъ свое начало въ долинѣ р. Олта и въ округѣ Хацега (въ Венгріи), эта «каста» разбрелась во всѣ стороны. И затѣмъ уже нѣкоторые изъ нихъ могли, получивъ престолъ княжества, передать свое родовое имя цѣлой династіи, что мы видимъ на примѣрѣ Асѣней болгарскихъ. Такимъ образомъ, «Бессарабичи» это ужъ болѣе позднее явленіе. Являет-

ся вопросъ о происхожденіи самого этого названія Бессарабовъ.

Приступая къ разбору этого новаго вопроса, авторъ прежде всего отказывается отъ того мнѣнія, которое онъ высказалъ въ первомъ изданіи «Критической исторіи Румыніи». Тамъ авторъ предполагалъ возможность одного и того же корня съ греческимъ словомъ *βασιλευς*, видя общій корень такъ же въ санскритскомъ *bhas* «briller». Здѣсь онъ передаетъ тѣ доводы, которые дали ему возможность сдѣлать такое смѣлое предположеніе, и приступаетъ къ чисто филологическому разбору этого слова, принимая во вниманіе всѣ чтенія, извѣстныя ему. Прежде всего чтенія распадаются на двѣ группы: одна группа даетъ слово изъ четырехъ слоговъ, другая—изъ трехъ, отбрасывая гласное окончаніе слова; при этомъ этотъ гласный колеблется. Это происходитъ отъ того, что этотъ гласный былъ глухимъ; по крайней мѣрѣ въ славянской транскрипціи давались звуки: ѣ, ы, ж. Такимъ образомъ, изъ четырехъ звуковъ а въ этомъ словѣ мы имѣемъ три чистыхъ и послѣдній—съ глухимъ произношеніемъ (â-â). Это наводитъ автора на мысль, что слово *басараба*—сложное и что удареніе слышится и слышалось на первомъ слогѣ, а послѣдній слогъ чаще всего скрадывался. Послѣ этого авторъ переходитъ къ разложенію этого слова на составныя его части. Ведя свое изслѣдованіе чрезвычайно осторожно и послѣдовательно, г. Гыждеу дѣлаетъ такія предварительныя замѣчанія. Обыкновенно румынскіе титулы слѣдуютъ за собственными именами, наприм. Іоаннъ-воєвода, Штефанъ-логоєтъ, Петръ-стольникъ и др.; такъ это бываетъ тогда, когда эти титулы означаютъ извѣстное занятіе, правильнѣе—извѣстную должность даннаго лица, и такимъ образомъ являются временными, такъ какъ этому лицу ничто не мѣшаетъ получить другую должность. Другое дѣло, когда титулъ имѣетъ, такъ сказать, родовое происхожденіе, смыслъ которыхъ почетный, наприм. господинъ (панъ=*jurânu*), Штефанъ-логоєтъ, бояринъ (*boierul*), Петръ-стольникъ, баринъ (*scopul*) такой-то. И вотъ авторъ видитъ въ первомъ слогѣ слова *ба-сарабъ* нѣкоторую порчу извѣстнаго титула «банъ», давшаго названіе цѣлому роду Бановецовъ. Въ одной грамотѣ господаря валашкаго Влада Цепеша, датированной 1491-мъ годомъ, являются четыре боярина съ именемъ «Бана» и ни одинъ изъ нихъ не былъ «великимъ баномъ». Эти имена авторъ нашелъ у Венелина: банъ Дятко, банъ Дядю, банъ Дійку и банъ Драгомиръ (стр. 130-я). Такимъ образомъ, въ нихъ авторъ видитъ четырехъ «Бановецовъ», то-есть четырехъ «Басарабовъ». Относительно утраты носоваго звука *ba(n)*=*ба*, авторъ говоритъ немного и приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ румынскій языкъ или совсѣмъ не оставляетъ носоваго или утрачиваетъ его впоследствии, такъ, наприм., изъ латинскаго *mensa* явилось румынское *masă*, изъ *densus*—*des*, *pensare*—*păsere*, *pinso*—*pișez*, *mansum*—*mas*, такъ какъ *n* передъ *s*

сохранялось только въ глагольныхъ окончаніяхъ, тамъ, гдѣ въ темѣ были звуки *d*, *g*, наприм. *tind*—*tins*, *plång*—*plåns*, *ung*—*ups*. Разложивъ это слово на двѣ части, авторъ говоритъ, что раньше X вѣка, т. е. того времени, когда впервые является титулъ «бана», въ Олтеніи, т. е. по рѣкѣ Олту, въ Молдавіи должна была существовать большая «каста», изъ которой вышла династія Басарабичей. Эта «каста» должна была называться «Сарабами». Уже въ XIII вѣкѣ эти два слова слились въ одно, такъ какъ въ описаніи нашествія Монголовъ на «Олтянскую страну» въ 1240-мъ году одинъ арабскій историкъ, Фазель-Уллахъ-Рашидъ, называетъ главу этой родовой группы «*Bazarabani* (D'Ohsson, *Histoire de Mong.* II, стр. 627—628-я). Гьждеу предполагаетъ, что дѣло было такъ: такъ какъ по восточному обычаю титулъ всегда ставится позади собственнаго имени, то и хронистъ этотъ повторилъ титулъ *ban*, быть можетъ, не понимая того, что титулъ уже замѣчается въ самомъ словѣ; и все это названіе въ передачѣ этого хрониста разлагается такъ: *Basaraba*—*ban*. Другое свидѣтельство авторъ почерпнулъ изъ надписи на могильной плитѣ воеводы Александра Басарабы 1364-го года, гдѣ удареніе на первомъ слогѣ *Băsarabă*. Ясно, что такое удареніе могло существовать только тогда, когда все это слово произносилось какъ два разныхъ и первое слово и было титулъ *ban*, съ утратой носового произношенія.

Покончивъ съ первой половиной слова «Басарабъ», авторъ переходитъ къ толкованію второй части—«сарабъ». Созвучіе словъ *sarabă* и *sărb* (Сербъ) дало мысль нѣкоторымъ румынскимъ летописцамъ выводить Басарабовъ изъ Сербіи. Такъ, Николай Милеску, рассказывая о румынскомъ боярствѣ, говоритъ: «одни изъ нихъ изъ Сербовъ, другіе изъ Грековъ, третьи изъ Албанцевъ, четвертые изъ Франковъ (Frânci), а нѣкоторые изъ другихъ народовъ, такъ какъ и господари по большей части были чужестранцы, какъ наприм. Басарабы ведутъ свое происхожденіе отъ сербовъ» (*Istoriă critica*, изд. 2, т. I, стр. 81-я). Въ хроникѣ Зилота Ромына говорится, что родъ Кантакузивовъ близокъ къ роду Басарабовъ, роду самому славному въ Румыніи, такъ какъ Басарабы свой родъ ведутъ отъ сербскихъ деспотовъ. Далѣе авторъ говоритъ, что ему кажется, будто Сарабы это очень древнее названіе и рѣшаетъ, что Сарабы—названіе одной знатной группы дакійскихъ родовъ.

Вопросомъ о дакійскомъ происхожденіи названія Сорабовъ авторъ занимается въ третьей главѣ и отчасти въ слѣдующихъ. Свое первоначальное предположеніе о дакійскомъ происхожденіи Сорабовъ, авторъ основываетъ главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ историка Юрнанда, взятомъ имъ изъ Діона Хрисостома или Кассіодора. Приведя нѣсколько чтеній по извѣстнымъ старымъ и новымъ изданіямъ и по лучшимъ рукописямъ, Гьждеу останавливается на одномъ чтеніи, которое ему кажется лучшимъ и болѣе

исправнымъ. Это изданіе Иорнанда, первое по времени, а именно изданіе Конрада Пеутингера въ 1515-мъ году, которое читаетъ мѣсто это такъ: «...ut refert Dio, qui historias eorum (Гетовъ) annalesque graeco stilo composuit, qui dixit primum Zarabos Tereos, deinde vocitatos Pileatos hos, qui inter eos generosi extabant: et quibus eis et reges, et sacerdotes ordinabantur...» Этотъ отрывокъ станетъ болѣе цѣннымъ для разрѣшенія поставленнаго вопроса, если это извѣстіе Иорнанда сравнить съ другимъ отрывкомъ изъ него же. Онъ говоритъ что жрецы—собственно онъ передаетъ слова Dacineus'a—назывались Pileati, какъ думаетъ онъ, потому, что на открытыхъ головахъ они носили тиары, которыя иначе называются *pilei*. Авторъ полагаетъ, что этотъ отрывокъ относится къ Дакии, такъ какъ: во-первыхъ, передаются слова законодателя дакійскаго Даценея, друга дакійскаго царя Беребисты; во-вторыхъ, отрывокъ взятъ изъ Діона Хрисостома, писателя эпохи римскаго царя Траяна и автора недошедшаго до насъ сочиненія о Дакахъ, а не о Готахъ. Дальше, въ отрывкѣ встрѣтилось слово *tiara*, которое авторъ считаетъ не латинскимъ уже потому, что орфографія его неустойчива (по изданіямъ Моммсена); тиара—чисто фракійская шапка, которую Сервій въ своихъ схоліяхъ къ Виргилію (Aen. 247) называетъ «фригійской шапкой». Предположивъ то, что слово тиара для латинскаго писца могло быть непонятно, необычно (ошибки писцовъ приведены у Моммсена); авторъ представляетъ себѣ все дѣло это такъ: въ Дакии былъ классъ знатный, классъ жрецовъ, который не ходилъ съ непокрытой головой, какъ простой народъ, а носилъ на головѣ тиару, отчего они по-латыни назывались Пилеатами (*pileum*), а по дакійскому говору—*Zarabi Terei*. Эти дакійскія слова сохранились въ нѣсколькихъ спискахъ и не всюду одинаково хорошо. Поэтому авторъ удѣляетъ не мало труда разбору вопроса о лучшемъ чтеніи и находитъ лучшимъ чтеніе: «*Sorabo(a)s tiareos*». Теперь приведенный изъ Иорнанда отрывокъ станетъ понятнымъ: «*primum*» относится къ оригинальному дакійскому слову «*sorabas*», а «*deinde*» къ переводу его—«*pileati*». Смыслъ отрывка такой: «Діонъ Хрисостомъ, писавшій дакійскую исторію по-гречески, говоритъ намъ, что у нихъ (т. е. у Даковъ) *Sarabi tiarei*, т. е. «головами съ шапками», а по-латыни *pileati*, назывался высшій классъ, изъ котораго выбирались цари и жрецы». Наконецъ, слово *saraba*, означая «голову», и само по себѣ, безъ эпитета «украшенный тиарой», уже вполне характеризуетъ знатный классъ, и благодаря этому эпитету этотъ *pileati* могъ легко утратиться.

Слѣдующая глава посвящена вопросу, какая судьба постигла это дакійское слово *saraba* въ румынскомъ языкѣ. Вся глава эта по характеру своему очень специальна, полна очень цѣнныхъ филологическихъ данныхъ и примѣровъ, а также полемики. Всѣ выводы этихъ изысканій сводятся къ тому, что это дакійское слово

saraba въ значеніи «голова» и въ значеніи болѣе узкомъ, какъ названіе членовъ знатнаго класса, сохранилось въ обоихъ своихъ значеніяхъ и у Румынъ: въ общемъ значеніи—слово *pe-sărămbă*—«*minus caput*» и въ узкомъ, а именно въ связи съ словомъ *ban*: *Ban-Sarabă*—*Basarabă*.

Въ словѣ Басарабъ, какъ будто составная его часть, слышится названіе Арабовъ. Такое дѣленіе, само по себѣ чисто внѣшнее и случайное, находитъ извѣстную основу и на самомъ дѣлѣ. Оказывается, что недаромъ малороссы называютъ нынѣшнюю Бессарабію «бісовой Арапіей» и говорятъ, что бѣда если одинъ «бісъ» или одинъ арабъ явятся, а если ужъ оба вмѣстѣ, то «школа: втікай, та й не выртайся!» Это, само по себѣ курьезное и весьма забавное производство названія Бесараба находитъ опору и очень даже вѣскую. У Бесарабовъ былъ родовой гербъ и эмблемой его служить *арабъ*, собственно черная голова. Авторъ приводитъ нѣсколько изображеній, гдѣ черныя головы, одна или нѣсколько, имѣютъ отношеніе къ Бесарабамъ. Уже въ 1597-мъ году Леви-ніусъ Гульсіусъ напечаталъ гербъ Молдавіи съ двумя черными головами и гербъ Валахій съ тремя. Въ космографіи Севастьяна Мюнстера, написанной въ 1541-мъ году (по изданію Дю-Канжа), тотъ самый гербъ, который у Гульсіуса приписанъ Молдавіи, здѣсь названъ Боснійскимъ. Гыждеу предполагаетъ здѣсь нѣкоторую ошибку Мюнстера, а основаніемъ ея считаетъ отрывочныя извѣстія, показывающія, что въ вѣкахъ XIV и XV могли смѣшиваться Боснію и Молдавію; напр., одинъ уѣздъ въ Босніи называется Великой Румыніей или Бѣльшей Влахіей еще въ 1373-мъ году (Миклошичъ. *Wander d. Rum.* 5); Боснійскій князь Марко является съ румынскимъ членомъ *l*—*Markul*. Впрочемъ, этотъ вопросъ разрабатанъ слабо, и авторъ переходитъ къ слѣдующимъ даннымъ о гербѣ Басарабовъ. Ему извѣстно пять монетъ, дающихъ нѣкоторыя указанія. Эти монеты—венгерскаго короля Людовика, сюзерена Владислава Басарабы; онѣ относятся къ 1368-му году и слѣдующимъ. На всѣхъ монетахъ изображена черная голова; на двухъ изъ нихъ голова изображена въ величину всей монеты, въ остальныхъ трехъ небольшая черная голова помѣщена сбоку или снизу фигуры венгерскаго короля, какъ удачный символъ его триумфа надъ Владиславомъ Басарабомъ. Сказавъ нѣсколько соображеній, почему эти головы не могутъ быть гербомъ Сициліи, авторъ разбираетъ нѣсколько древнихъ печатей румынскихъ, на которыхъ изображены двѣ головы, но уже въ коронахъ; первая изъ нихъ печать Влада Мирчи ранѣе 1444-го года, вторая—Александра—1431-го года, третья—Мирчи Великаго—1403-го года. Интересно, что на печатяхъ болѣе позднихъ—XVI или XVII вв.—въ такомъ же положеніи и порядкѣ изображены свв. Константинъ и Елена. Вопросъ страанный: откуда они могли взяться? Авторъ отвѣчаетъ на это такъ: двѣ головы мало по малу, напоминая извѣстныя,

быть можетъ, церковныя изображенія, были приняты, а впоследствии совсѣмъ замѣнены болѣе понятными изображеніями, а именно свв. Константиномъ и Еленой. Надо полагать, что преданіе о гербѣ Бассарабовъ утратилось, такъ какъ иначе едва ли понадобилась бы подобная замѣна. Какъ аналогію подобной замѣнѣ, авторъ указываетъ на фазисы, которые онъ прослѣдилъ на гербахъ Молдавіи и Валахіи: орелъ былъ замѣненъ ворономъ, какъ болѣе обычной птицей, а зубръ (туръ) былъ замѣненъ домашнимъ быкомъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній по нумизматикѣ по поводу статьи извѣстнаго румынскаго нумизмата Д. Стурзы, авторъ переходитъ къ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, что сосѣднимъ народамъ Бессарабіи была извѣстна подъ именемъ Арабіи.

По словамъ г. Гыждеу, русскій ученый Безсоновъ впервые замѣтилъ, что въ народной поэзіи сербовъ и болгаръ, румыны очень часто называются арабами, собственно арапами (Рыбниковъ. Народныя былины, стр. 330 и слѣд.). Больше всего матеріала для разъясненія этого вопроса оказывается въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, собранныхъ Антоновичемъ и Драгомановымъ. Авторъ приводитъ выдержки въ переводѣ на румынскій языкъ изъ пѣсни конца XVI вѣка про Алексѣя Поповича и про бурю на Черномъ морѣ (т. I, стр. 176—208), въ которой именно и говорится о Бессарабіи у Днѣстра.

Приводимъ этотъ отрывокъ, выписывая его изъ оригинала:

Що на Черному морю....
 Хвиля вставае,
 Судна козацькі—молодецькі
 На три части розбивае:
 Перву часть ухопыло—
 У *Блларанську* землю запесло,
 Другу часть схопыло—
 У Дунай въ гирло забило,
 А третя часть тутъ мае,
 Посередь Чорного моря
 На бистрій хвилі,
 На лихій хуртовині потопляе.

(стр. 177, стихи 6, 9—19).

Варианты, собранные въ томъ же сборникѣ, даютъ такіа разночтенія:

- Вариантъ 8-й: «въ Арабську землю» (194 стр.).
 » 6-й: «у землю Орабську» (192).
 » 7-й: «у землю Орабськую» (194).
 » 3-й: «въ землю Агарску» (186).

- Вариантъ 4-й: «въ Агараньску землю» (188).
 » 5-й: «въ Агарянську землю» (190).
 » 10-й: «у Гаранську землю» (200).

Такимъ образомъ, во-первыхъ, вполнѣ ясно, что кораблекрушеніе имѣло мѣсто на Черномъ морѣ у Дунайскихъ гирлъ, близъ береговъ Бессарабіи. Разобравъ всѣ эти варианты, авторъ приводитъ свидѣтельство Желеховскаго (Малоросс. Словарь, I, 31), что Бессарабію и теперь малороссы называютъ «Вісовой Арапией». Далѣе авторъ подвергаетъ строгой критикѣ старое мнѣніе, будто названіе Бессарабіи имѣетъ связь съ народомъ Сарабамъ, названіе котораго сохранилъ намъ Діонъ Хрисостомъ, а также утвержденіе Птолемея въ его Географіи, который въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи помѣщаетъ какую-то рѣку «*κατ' Αράβων ποταμός*», въ то время, какъ остальные рѣки названы у него совершенно правильно: Дунай—*Δαυσύβιος*, Ольтъ—*Αλούτας*, Темень—*Τίβισκος* и др. Сначала авторъ устраняетъ другое чтеніе, которое г. Севастьяновъ нашелъ въ Ватопедскомъ Афонскомъ мон. въ рукописи XII вѣка, гдѣ читается мѣсто это такъ: *Κατὰ Ραβώνος ποταμοῦ*. Авторъ считаетъ это ошибкой палеографа и представляетъ все это въ такомъ видѣ: Птоломей писалъ въ 170-мъ году по Р. Хр., т. е. чрезъ 50 лѣтъ послѣ Діона Хрисостома. Д. Хрисостомъ былъ въ Дакии лично, гдѣ ему не безызвѣстной осталась знатная «каста Сарабовъ». Птоломей писалъ далеко отъ Дакии, въ египетской Александріи и, естественно, могъ принять болѣе легкое и обычное чтеніе Арабы вмѣсто Саробы. Эта рѣка, названная у Птолемея «текущей изъ страны Арабовъ», по несомнѣнному вѣроятію, есть нынѣшняя рѣчка Жія (рум. Jiiu), впадающая въ Дунай. Такимъ образомъ, устье этой рѣки приходилось какъ разъ противъ мѣсть, занимаемыхъ въ то время Мизянами, противъ ихъ города *Ραιτιρία Μυθών*. Конечно, и такое названіе этой рѣкѣ Птоломей могъ дать на основаніи того, что Мизяне, занимавшіе земли теперешнихъ южныхъ славянъ, назывались Сарабамъ нѣсколькими вѣками раньше, чѣмъ Сербы и Болгары.

Двѣ слѣдующія главы заняты очень вѣроятнымъ и любопытнымъ предположеніемъ г. Гьждеу о томъ, что нѣкоторые римскіе императоры были, по происхожденію своему, Даки и изъ «касты Сарабовъ». Первый изъ нихъ—Филиппъ (244—249), который носитъ странное прозвище «Араба». По извѣстіямъ у византійскаго хрониста XII вѣка Зонары, Филиппъ происходилъ изъ мѣстности Бострія въ Палестинѣ, гдѣ и основалъ городъ Филиппополь. Другой хронистъ (Cedren) утверждаетъ, что та Бострія, откуда происходилъ Филиппъ, была не въ Азіи, а въ Европѣ; другими словами, онъ говоритъ о Фракійскомъ Филиппополѣ. Есть еще другія извѣстія по поводу того же событія: Кассіодоръ, историкъ V вѣка, и Юрнандъ, VI вѣка, оба помѣщаютъ городъ Филиппополь въ Евро-

пѣ и во Фракіи, а Горнандъ присоединяетъ къ названію этого города и чисто-фракійское названіе «Пульпудева». Далѣе, у Аврелія Виктора въ его трактатѣ «О Цезаряхъ» говорится (28 гл.), что Юлій Филиппъ, траховитскій арабъ, окончивъ дѣла на востокѣ и основавъ у Аравіи городъ Филиппополь, прибылъ въ Римъ. Разбирая и это свидѣтельство, авторъ, главнымъ образомъ на основаніи слова «траховитскій» и провѣрки названія «Арабъ», заключаетъ, что Филиппъ былъ Дакомъ и принадлежалъ къ группѣ дакійскихъ знатныхъ родовъ. Затѣмъ авторъ указываетъ еще на нѣкоторыхъ императоровъ римскихъ, въ которыхъ склоненъ видѣть ихъ дакійское происхожденіе. Это—Лициній и Максимъ Галерій, о которыхъ сохранились нѣкоторыя извѣстія, а именно—о чуждости ихъ «римской крови».

Такимъ образомъ, мы имѣемъ объ интересующемъ насъ названіи или слишкомъ раннія, или слишкомъ позднія извѣстія, а большой промежутокъ остается совершенно темнымъ. На основаніи аналогій и извѣстной послѣдовательности въ ходѣ историческихъ событій, авторъ высказываетъ теорію: 1) въ промежуткѣ между V и XII вв. Сарабы, а затѣмъ Басарабы не оставляли Олтеніи и Хадега, своего первичнаго гнѣзда; 2) въ этотъ же періодъ Сарабы и Басарабы составляли группу знатныхъ родовъ и 3) въ тотъ же періодъ эта группа дала Дакии отъ себя лучшихъ царей съ Децеболомъ во главѣ, а также и самому Риму; Румыніи она дала лучшихъ ея князей-героевъ: Александра, Мирчу, Влада Дракула, Цепеша и др. Слѣдовательно, родъ Басарабовъ—лучшій и знаменитый родъ.

И интересно, что объ этомъ знаменитомъ родѣ сохранилась память только на самой крайней прежнеей Румыніи, въ названіи современной Бессарабіи, и едва ли ктонибудь могъ предполагать, что это названіе въ своей исторіи имѣетъ такъ много славнаго прошлаго.

А. И. Яцимирскій.

КЪ БЫЛИНАМЪ О СВАТОВСТВѢ.

Женитьба Добрыни.

Какъ извѣстно, русскій былевой эпосъ не отличается особеннымъ разнообразіемъ основныхъ темъ; болѣе разнообразія въ различныхъ обработкахъ этихъ темъ, хотя и здѣсь далеко не рѣдко приходится отмѣчать сходныя черты. Многія изъ послѣднихъ объясняются, какъ общія эпическія мѣста, шаблонныя формулы, выработавшіяся для обозначенія часто повторяющихся дѣйствій или состояній; таковы описанія сѣдланія коня, богатырскихъ схватокъ въ три приѣма, таково стереотипное начало былинь съ пира у Владиміра князя и т. п. ¹⁾

Нѣкоторыя общія эпическія мѣста составляютъ исключительно достойное былинь, другія, — какъ добываніе богатырскаго коня или бой въ три приѣма, распространены и въ былинахъ и въ сказкахъ, и у насъ и у другихъ народовъ. Наряду съ подобными мѣстами замѣчаются въ былинахъ сходныя положенія иного происхожденія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ устной передачѣ переходившій отъ одного поколѣнія къ другому, постоянно соприкасаясь со всѣмъ содержаніемъ народнаго творчества и памяти, былевой эпосъ нашъ не могъ, конечно, остаться вполне выдержаннымъ и цѣлостнымъ; темы дробились, осложнялись новыми наслоеніями, своими частями служили новообразованіямъ; подобно тому, какъ въ языкѣ создавались формы по аналогіи съ другими, такъ точно и въ былевомъ творествѣ аналогія широко проявлялась какъ въ обрисовкѣ деталей, такъ и въ воспроизведеніи новыхъ сюжетовъ на подобіе старыхъ. Отсюда — появленіе темъ, близкихъ по существу и отличныхъ по подробностямъ. Задачей изслѣдователя въ такихъ случаяхъ является отдѣленіе новообразованій и установленіе основного izvoda; настоящая статья имѣетъ въ виду указать на одно изъ такихъ новообразованій въ циклѣ сказаній о сватовствѣ. Разумѣемъ женитьбу Добрыни ²⁾.

¹⁾ Подробнѣе см. у В. Э. Миллера: Русская былина, ея слагатели и исполнители, Русская мысль. 1895 г.

²⁾ См. Кирѣевскій II, стр. 23—30. Рыбниковъ I, № 24, Рыбниковъ III № 15) Гильсбердингъ №№ 5, 65 (ср. Рыбникова III № 17), 123, 148, 157, 191 и 194.-

Обыкновенно женитьба Добрыни не составляетъ содержанія отдѣльныхъ былинь, а вставляется въ видѣ эпизода непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ полонянки Змѣя (Забавы Путятишны или др.) въ былинахъ о Добрынь и Змѣѣ Горыничѣ ¹⁾ и излагается такъ: возвращаясь обратно, Добрыня наѣзжаетъ на ископытъ лошадиную, освобожденную дѣвушку отправляетъ съ Алешей въ Кіевъ, а самъ ѣдетъ по слѣду; вскорѣ догоняетъ поленицу, нападаетъ на нее, по крайне неудачно, и въ концѣ-концовъ долженъ жениться на поленицѣ, чтобъ спасти свою жизнь. Слабый отзвукъ былинь о сватовствѣ этого типа представляютъ №№ 65 Гильфердинга и 17—III Рыбникова. По былинь у Гильфердинга № 191 Дунай, явившійся здѣсь на мѣстѣ Добрыни, женится на самой полонянкѣ; ср. № 123, гдѣ Добрыня женится на дѣвицѣ, которую добываетъ ему Змѣй въ видѣ выкупа за свою жизнь. Въ № 194 Гельфердинга Добрыня играетъ роль Ивана Годиновича.

Начнемъ съ послѣднихъ. № 194 записанъ отъ плохого сказителя, удержавшаго въ памяти только одну данную былинѣ, и отличается отъ соотвѣтствующихъ былинь объ Иванѣ Годиновичѣ лишь именемъ героя, попавшимъ сюда по ошибкѣ. Можно отмѣтить еще одну подробность, впрочемъ объясняемую упадкомъ былины: герой ѣдетъ свататься въ Кіевъ ко двору Владиміра. Героиня—Настасья, но, судя по отчеству ея—Митріевична, это не перенесеніе изъ былинь о Добрынь; ср. Г. №№ 83, 179, 188, 256, 275, 293.

Женитьба героя на освобожденной имъ дѣвушкѣ, „любимой племничкѣ, царской хрестяничкѣ“ (Г. № 191), извѣстна по одному варианту—далеко не изъ хорошихъ, что выражается какъ въ общемъ упадкѣ былинь, такъ и самой замѣнѣ Добрыни Дунаемъ. Встрѣча Дуная со Змѣемъ разсказывается такъ: богатырь застаётъ дѣвушку безъ Змѣя, и та говоритъ ему:

„Дунай, Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичь!

А пусть змѣя лютая

Нажрется груди бѣлою,

Груди бѣлою дѣвочкою“.

Нажравшись, Змѣй повалился спать, и Дунай увозитъ дѣвушку (убивъ Змѣя, или тайкомъ убѣжавъ отъ него—неизвѣстно). Встрѣча съ похищенной дѣвушкой до борьбы со Змѣемъ почти не распространена въ былинахъ; ²⁾ обычно эта встрѣча имѣетъ мѣсто за борьбой; по № 79 Г. Добрыня застаётъ Змѣя и Забаву вмѣстѣ.

Первая версія напоминаетъ отчасти сказки объ освобожденіи

¹⁾ Ср. еще Гильфердинга № 64.

²⁾ Гильфердингъ №№ 5, 148, 157; Рыбниковъ I № 24 (Кирѣевскій II 23—30), III № 15.

плѣнницъ змѣевъ или Коцея, но еще болѣе—легенду о Теодорѣ Тиронѣ въ книжномъ изложеніи и духовныхъ стихахъ, легенду, вліяніе которой на былины о Добрынѣ несомнѣнно ¹⁾. Къ апокрифу восходитъ и образъ плѣнницы, окруженной змѣями, хотя, какъ и въ былинахъ обычно, герой при плѣнницѣ застаётъ не змѣя, а его змѣепошей; послѣднихъ кормить плѣнница, а не самого змѣя. Но и въ апокрифѣ, въ духовныхъ стихахъ и въ прочихъ вариантахъ былины о змѣеборствѣ Добрыни герой сразу вступаетъ въ борьбу со змѣемъ, не скрываясь отъ него; нашъ же вариантъ, заставляя Дуная-Добрыню откладывать рѣшительный бой и, очевидно по смыслу, прятаться отъ противника, приближается къ сказкамъ ²⁾. Какъ въ былинѣ Дуная-Добрыни дается совѣтъ подождать, пока змѣй не заснетъ, точно также и въ сказкахъ иногда герой нападаетъ на спящаго противника—змѣя, обжору и т. п.; ³⁾ подобно тому и въ одной кабардинской сказкѣ герои для освобожденія дѣвушки пользуются сномъ змѣя; „подойдя къ логовищу чудовища, они вдругъ увидѣли необыкновенную картину: свившись кольцомъ, чудовище продолжало свой семисуточный сонъ, а въ серединѣ этого кольцеобразнаго круга сидѣла, повѣсивъ свою красивую голову и проливая обильныя слезы, дѣвушка—ханская дочь!“ ⁴⁾.

Оканчивается былина тѣмъ, что Дунай, приведя дѣвушку домой, проситъ ее къ себѣ въ жены и получаетъ—въ награду за свою „вѣрну услугу“. Такая развязка въ былинахъ стоитъ одиноко; правда, встрѣчаются еще брачныя предложенія, исходящія или отъ самой плѣнницы, какъ у Г. № 5, или отъ князя, какъ въ Р. Б. № 21,—но въ обоихъ случаяхъ предложенія встрѣчаютъ отпоръ со стороны Добрыни; во второмъ случаѣ Добрыня ссылается на то, что освобожденная имъ дѣвушка—„сестра крестовая“, въ первомъ же случаѣ мотивъ отказа такой:

Ахъ ты мѣлода Забава дочь Путятишна!
 Вы есть роду княжевецкаго,
 Я есть роду христіаньскаго (т. е. крестьянскаго):
 Насъ нельзя пазвать-же другомъ да любимымъ.

¹⁾ См. въ Разысканіяхъ А. Н. Веселовскаго: Греческій апокрифъ о св. Теодорѣ, Записки И. Ак. Наука т. 36; особенно стр. 19.—20; русскіе тексты XVI—XVII вв. въ Памятникахъ отреченной литературы Тихоноваго II 96 и д., и въ Памятникахъ старинной р. литературы III 143 и д. Калажки переконіе П. Безсонова №№ 121—125.

²⁾ Ср. Афанасьева I стр. 86, II 248, VIII 73—74 изд. 1863 г.; Садовникова Сказки и преданія Самарскаго края стр. 260; Чубинскаго Труды т. II стр. 134, 208, 251 и мн. др.

³⁾ Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ ч. I стр. 463, Афанасьевъ V, стр. 247 (1861), VII стр. 90; Романовъ, Вѣдрусскій сборникъ, III, стр. 80.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XII стр. 114.

Подобная мотивировка отказа, конечно, позднѣйшаго времени, когда въ былинахъ обозначились сословныя отношенія; однако, едва-ли она возникла безъ всякаго внутренняго основанія, безъ существованія условій, мѣшавшихъ браку. Припомнимъ, что въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ подобное самонавязываніе, не смотря даже на проскальзывающее иногда неodobritelное отношеніе къ нему Соловья, все-таки приводитъ къ браку.

Если придавать значеніе варианту Кирши, гдѣ плѣнница Змѣя оказывается тетушкой Добрыни, или—указанному выше родствѣ Добрыни, которое обще-эпическимъ крестовымъ могло стать изъ кровнаго, то бракъ въ былинѣ такъ же неумѣстенъ, какъ и въ апокрифѣ и духовныхъ стихахъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ. Пока не опредѣленъ характеръ змѣборства Добрыни, не выдѣлено, что именно въ немъ древняго и новаго, мы избѣгаемъ вопроса о прямомъ заимствованіи, но позволимъ себѣ замѣтить, что если плѣнница Змѣя былинѣ восходитъ къ матери Ѳеодора, то для представленія послѣдней дѣвицею черты были уже въ самомъ апокрифѣ, по которому Ѳеодоръ находитъ свою мать „яко дѣву украшенну“, хѳруу. Такъ или иначе, но своею развязкою данная былина уже отступаетъ отъ обычнаго чтенія и вводитъ насъ въ кругъ сказокъ; гдѣ герой освобождаетъ дѣвушку отъ змѣя (или какогонибудь другого чудовища) и женится на ней ¹⁾.

Къ женитьбѣ Добрыни приводитъ недоконченный вариантъ Гильфердинга № 123; но такая развязка здѣсь объясняется тѣмъ, что въ былину „внесенъ величальный мотивъ змѣя-свата“, выдѣленный уже А. А. Потемной: ²⁾ замѣтивъ во время купанья змѣя, Добрыня готовъ былъ убить его, какъ вдругъ тотъ взмолился человѣчьимъ голосомъ:

Не казни-то ты, Добрынюшка, змѣиныи головы,
Я иду ко морю, ко синю морю,
А иду къ королю, ко великому,
Ко великому королю да у синя моря;
И есть то у него да едина дочь,
Единая дочь королевская:
Брови то у ней черна соболя,
И очи у ней ясна сокола,
По косицамъ-то у ней звѣзды частыя.

Цѣною этой дѣвушки змѣя выкупаетъ себѣ жизнь. Ср. подобные-же образы сокола, ворона, орла, голубей, собранные у

¹⁾ Азовасъевъ, VII № 25 стр. 211; V № 54 ст. 245 и т. д.; Худяковъ 2 № 45; Манжура, Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринбургской и Харьковской губ. 1890 г. стр. 43—45; Романовъ III, стр. 78 № 10, стр. 88 № 12 и др. Ср. также Азовасъева I—II, стр. 227, 260, VII 277; Садовникова № 4; Добровольскаго I 482—483, 506—507; Романова III, стр. 142, 196, 254.

²⁾ Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ II стр. 361 и д.

Потебни, ¹⁾ образы, проникшіе и въ былины о Михайлѣ Казариниѣ, Алешѣ Поповичѣ, Добрынѣ, Дюкѣ ²⁾.

Остается, такимъ образомъ, первая группа былинь.

Послѣ побѣды надъ змѣемъ Добрыня съ освобожденной дѣвухой возвращается домой; вдругъ

Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да ископытъ,
Ископытъ да лошадиною,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нуиъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Той же ископотью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Поповича... (Г. № 5),

передалъ ему дѣвуху, а самъ поѣхалъ по слѣду далѣе. ³⁾
Ср. Г. № 157, гдѣ Добрыня передаетъ Алешѣ дѣвуху тотчасъ же по освобожденіи и уже послѣ наѣзжаетъ на ископытъ.

Откуда здѣсь Алеша? Ранѣе объ немъ ничего не говорилось, въ поѣздкѣ Добрыни онъ не принималъ никакого участія и теперь явился, какъ *deus ex machina*, чтобъ избавить Добрыню отъ лишней обуви и дать возможность ему пуститься на новые подвиги.— Разъясненія найдемъ въ былинахъ о Дунаѣ ⁴⁾.

Возвращаясь въ Кіевъ съ невѣстой Владиміра,

Наѣхали Дунай ископытъ глубокую (Р. Б. 120).

— Перепала ископытъ лошадиная (Кирѣвскій III 66).

Дунай спутницу передаетъ своему товарищу, съ которымъ она ѣздилъ добывать невѣсту князю, а самъ ѣдетъ по слѣдамъ за неизвѣстнымъ богатыремъ.

Въ чистомъ полѣ Дунай-отъ усматривать,

Што богатырь какъ сѣнна куча шатается. (Кирѣвскій III 66)

— Добрый конь (этого богатыря) въ дорожку до щеточки
погрязываль,

Камешки съ дорожки вывертываль,

За два выстрѣла камешки выметываль (Г. № 94).

Богатырь грозенъ по виду и силы немалой:

Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,

Свиснулъ татаринъ по змѣиному:

Темные лѣсы распадались,

Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,

Траванька въ чистомъ полѣ повянула,

Цвѣточки на землю повысыпались,—

Упалъ Дунаюшка съ добра коня (Г. № 94).

¹⁾ Ibid стр. 266—285.

²⁾ Кирша Даниловъ № XXI, Кирѣвскій II 80—81, Рыбниковъ I стр. 274, Гильфердингъ № 49.

³⁾ Г. №№ 5, 148; Рыбниковъ I 24, III 15.

⁴⁾ Кирша № X; Кирѣвскій III стр. 58 и д.; Рыбниковъ I 30, IV 5, I 31, II № 12; Гильфердингъ 34, 81, 102, 108, 139; Р. Б. № 32, 35.

По большинству пересказовъ эта поленица удалая, оказывающаяся дѣвушкой-воиницею, все-же побѣждается Дунаемъ; но тѣмъ не менѣе фактъ богатырства поленицы въ болѣе или менѣе степени засвидѣтельствованъ почти всѣми пересказами. Ср. Г. № 34, гдѣ Марья королевшица сшибла Дуная съ добра коня и уже собиралась пороть грудь; или Р. Б. № 32, гдѣ король, къ которому пріѣхалъ Дунай, говоритъ:

„Кабы была Настасья Королевишна,
На долонь бы посадила, другой сжала,
Межъ долонями мокро стало“.

Побѣжденная воительница становится женою побѣдителя, причемъ у Кирши Данилова она говоритъ:

„Я у батюшки-сударя отпрошалася,
Кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти“.

Мы согласны съ О. Миллеромъ, что „хотя слова эти и не встрѣчаются въ другихъ пересказахъ, но на древность ихъ указываетъ сходство съ тѣми полумифическими, полубытовыми воительницами германскаго эпоса, къ которымъ принадлежитъ и Брунигильда, точно также не отдающая себя замужъ иначе, какъ только съ бою“¹⁾. Да и помимо приведенныхъ словъ Настасьи, въ невѣсть Дуная ясно виденъ эпическій образъ дѣвушки, бракъ съ которой обусловленъ побѣдой героя въ единоборствѣ. Отношенія Добрыни и его суженой представляются нѣсколько иными. Если грозна и сильна была поленица, встрѣтившаяся Дунаю, то еще могучѣе противница Добрыни; послѣдній противъ нея пигмей:

И поѣхалъ тутъ Добрыня на богатыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница—не сворохнется,
А назадъ тутъ поляница не оглянется.

Ужаснулся Добрыня, отъѣзжаетъ прочь отъ богатыря, замѣчая:

Видно смѣлостью Добрынюшка по старому,
Видно сила у Добрыни не по прежнему?

Чтобъ испытать силу, Добрыня бьетъ по сырому дубу въ обхватъ (шести сажень) толщину, —

Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сѣрой дубъ,
Онъ расшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня—приужахнется:
Видно сила у Добрынюшки по старому,
Видно смѣлость у Добрыни не по прежнему.

¹⁾ Илья Муромецъ стр. 341. Ср. впрочемъ Гильердинга № 125 и Р. Б. 36.

Снова наѣзжаетъ Добрыня на поленицу—и снова безъ всякаго результата; снова пробуетъ силу на дубѣ—и расшибаетъ по лаптямъ дубъ въ два обхвата (двѣнадцати сажень) толщиною.

Разгорѣлся тутъ Добрыня на добри кони
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ.

А на ту же поляницу на удалую,
Да ударить поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе
И назадъ поляница оглянуласе,

Говоритъ же поляница да удалая:

„Думала же, русскіи комарики покусывають,—
Ажно русскіи богатыри пошалкивають“.

Ухватила тутъ Добрыню за желты кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой,
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ.

А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной,—(Г. № 5)

или по остальнымъ вариантамъ во глубокъ карманъ; туда же, судя по дальнѣйшему, попалъ и конь Добрыни. И замѣчательно, что всѣ варианты сходятся въ изложеніи какъ самого столкновенія Добрыни съ поленицей, такъ и, пораженія Добрыни. № 5 Гильфердинга не называетъ, сколько времени пробылъ Добрыня въ карманѣ поленицы; другіе варианты это время опредѣляютъ тремя днями, тремя сутками,—число обще-эпическое. Затѣмъ, конь поленицы испровѣщился:

Молода Настасья свѣтъ Никулична!

Что конь у богатыря да сопротивъ меня,

Сила у богатыря да сопротивъ тебя:

Не могу везти я больше васъ съ богатыремъ ¹⁾.

Гильфердинга № 5 не упоминаетъ о конѣ въ мѣшкѣ, карманѣ поленицы, и конь тамъ говоритъ, что не можетъ везти двухъ богатырей:

Силою богатырь супротивъ тебя,

Смѣлость богатырь да вдвоемъ тебя.

Уже О. Миллеръ замѣтилъ, что эта противница Добрыни разнится отъ поленицы, съ которой борется Дунай, и обратилъ вниманіе на сходство самого эпизода съ былинами о Святогорѣ ²⁾. Но предварительно должно имѣть въ виду, что былины о Святогорѣ дошли до насъ уже въ высшей степени разложенія, почему многое въ нихъ стерлось; такимъ образомъ, и встрѣча Ильи съ Святогоромъ, къ которой мы обратимся сейчасъ, могла лишиться многихъ чертъ, составлявшихъ ранѣе ея необходимую принадлеж-

¹⁾ Г. № 148; ср. Рыбникова III № 15, Г. № 157, Рыбникова I № 24.

²⁾ Илья Муромецъ стр. 438.

ность. Главнымъ образомъ остановимся на былинахъ: Г. № 119, 265, 270, 273; въ трехъ послѣднихъ дѣйствующихъ лица Святогоръ и Илья; въ первой, записанной отъ Щеголенкова, сказителя, извѣстнаго смѣшеніемъ именъ богатырей, вмѣсто Ильи подставленъ Самсонъ Самойловичъ. Встрѣча происходитъ такъ:

Ѣдетъ Илья по чистому полю,
Засталъ богатыря онъ во чистомъ поли,
И думалъ: „богатырь-отъ невѣрные“.
Разгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
Наганивалъ коня онъ со чиста поля (Г. № 265)

и ударилъ богатыря (палкою Г. № 265, палицей по буйной главы Г. № 270, копьемъ Р. № 119).

Сидитъ богатырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Разгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,

и снова налетѣлъ онъ на богатыря, но также безъ результата. Наконецъ за третьимъ разомъ

Назадъ богатырь отоглянется:
—Я думалъ русскіе кусаютъ комарики,
Ажно славный богатырь Илья Муромецъ. (Г. № 265)

№№ 270 и 273 тоже говорятъ о троекратномъ наездѣ Ильи на Святогора, № 119—о двукратномъ; первое вѣрнѣе. Въ № 119 же первый разъ Самсонъ (Илья) бьетъ Святогора тупымъ концомъ копья, при чемъ Святогоръ говоритъ:

Какъ кусаютъ мухи русскіи да до-больня.

За вторымъ разомъ—ударъ острымъ концомъ копья. Это особенности едва-ли древнія.

Замѣтивъ надобливаго богатыря, Святогоръ хватаетъ его вмѣстѣ съ конемъ (всѣ варианты), кладетъ въ карманъ (по № 119—въ колчанъ) и возитъ съ собою трое сутокъ (№№ 265, 273), пока Святогоровъ конь не провѣщился:

Ты славный богатырь Святигоръ!
Тяжело возитъ мнѣ двухъ богатырей,
Третью лошадь богатырскую (Г. 265).

Нарисованный здѣсь образъ Святогора безспорно древенъ и самобытенъ ¹⁾.

Ср. какъ

Поранио Кралевичу Марко
У неджему на преображенъе

¹⁾ Ср. М. Халапскаго, Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, II, стр. 232—38, и вообще всю главу.

Па он иде у гору зелену,
У горици црна облачина,
Облачина стари джидовина.

Сталь его Марко битъ буздоханомъ,

Старца бије, ал се старац смије:
Он га бије до по бела дана.

А какъ сталь битъ Марка джидовинъ, упалъ Марко головой въ траву ¹⁾. Ср. также Тых-Фирт-Мукару, встрѣтившагося нартовскому богатырю Сосрыко. Стрѣлы, нускаемая Сосрыко, ударяясь о грудь великана, ломались и отскакивали; огромный камень, сброшенный съ горы, ударившись о лобъ Мукары, рассыпался по сторонамъ мелкимъ пескомъ ²⁾. Германскій эпосъ знаетъ подобнаго богатыря Скримира. Этотъ послѣдній засыпаетъ подъ дубомъ и хранитъ; когда Торъ ударяетъ его молотомъ по головѣ, онъ просыпается и спрашиваетъ: „что это, должно быть листокъ упалъ?“ Улегшись подъ другимъ деревомъ, онъ снова захрапѣлъ такъ, что по лѣсу раздалось журчаніе листьевъ; Торъ ударилъ по великану сильнѣе (tiefer): „жолудь, должно-быть, попалъ мнѣ въ лицо“, опять промычалъ проснувшись. Въ третій разъ заснула Скримиръ, а Торъ повторилъ свой ударъ, еще больше усиливъ напоръ; великанъ, пробудившись, почесалъ себѣ щеку и произнесъ: „надо мною тамъ, на деревьяхъ, должны быть птицы, и пометъ ихъ падаетъ съ вѣтвей мнѣ на голову“. Яковъ Гриммъ указалъ на подобное-же чешское преданіе о спящемъ великанѣ Шармакѣ, на котораго обрушивается башня: „тутъ нельзя спать“, говорить онъ, „птицы обкладываютъ пометомъ голову“. Въ другой разъ на него падаетъ огромный колоколь, а онъ даже не просыпается. Тотъ же образъ въ размѣрахъ еще болѣе исполинскихъ представляется въ Рамаянѣ ³⁾.

Замѣтимъ, что Святогоръ ближе къ Скримиру, чѣмъ къ восточнымъ великанамъ: ср. троекратные удары по тому и другому, замѣчанія ихъ по поводу ударовъ; Скримиръ подвергается нападенію сонный, и Святогоръ, вѣдуци по полю, предъ встрѣчей, задремалъ (Г. № 119). Но о заимствованіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; въ былинахъ о Святогорѣ мы видимъ вариантъ „древнѣйшаго, общеславянскаго эпического мотива о враждебной встрѣчѣ героя съ горнымъ великаномъ, мотива, возникшаго на почвѣ древнихъ, общихъ многимъ народамъ представленій великановъ горами и горъ и скалъ великанами“ ⁴⁾. Простѣйшій образъ этого гор-

¹⁾ Халанскій, *ibid.* 229.

²⁾ Халанскій. Великорусскія быльи, стр. 185.

³⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 170—171.

⁴⁾ М. Халанскій, Южнославянскія сказанія, II, стр. 236.

наго великана представляется намъ въ преданіи, сохраненномъ К. Аксаковымъ: Илья подходитъ къ горѣ, „а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ: „никакъ-я зацѣпилъ за сучокъ“, говоритъ богатырь. Илья, напрявши всю свою силу, повторяетъ ударъ: „вѣрно я за камень зацѣлъ“, говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и... „Кононецъ уже позднѣйшаго происхожденія ¹⁾. Съ теченіемъ времени этотъ безформенный великанъ-гора сталъ принимать видъ обыкновеннаго богатыря и даже занялъ мѣсто среди прочихъ богатырей, какъ ровня имъ.

Женскихъ типовъ, подобныхъ Святогору, русской богатырской эпосъ почти не знаетъ. Жена Святогора, принудившая Илью вступить съ ней въ связь, и которую О. Миллеръ сближалъ съ поленицей, встрѣченной Добрыней, должна быть оставлена въ сторонѣ, какъ продуктъ чужого вліянія, да и самое сходство—весьма отдаленное. Есть, правда, въ былинахъ какой-то смутный образъ бабы Горынинки, Латыгорки ²⁾; въ вариантѣ Кирѣвскаго она пріурочивается къ морю Студеному, камню Латырю; ср. бабищу Мамашшу Кирѣвскаго, I, стр. 64—5,

Головища у бабы съ дощанице,
А глазищи-то съ пивны корцы.

Былина у Кирши говоритъ даже о борьбѣ Добрыни съ бабой Горынинкой,

Они тяжкими палицами ударились,
У нихъ тяжкія палицы разгорались;
И бросили они палицы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Добрыня оказался не въ силахъ одолѣть противницу:

И дерется онъ съ бабой Горынинкой—
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуеть.

Наконецъ, ужъ Илья Муромецъ указываетъ Добрынь, какъ надо бить бабу, и та „покорилася“. Эту бабу въ германскомъ эпосѣ близко напоминаетъ Гильда, жена великана Гримма ³⁾. Нѣкоторое соответствіе представляютъ отмѣченные г. Хаданскимъ кавказскія Эмегены ⁴⁾. Быть можетъ, упоминаніе Киршевскаго варианта имѣетъ характеръ не случайный и указываетъ на то,

¹⁾ Кирѣвскій, I, стр. XXXI.

²⁾ Латымира, Златыгорна, Семигорна: Кирша Давиловъ, № XLVII, Кирѣвскій, IV, стр. 17, Рыба, I, стр. 79, Р. Б., № 31, стр. 114, Гильбердингъ, № 114.

³⁾ Die Deutsche Heldensage und ihre Heimat, von August Raszmann 1863 г. II, стр. 343—4.

⁴⁾ Великорусскія былины, стр. 30 и др.

что дѣйствительно нѣкогда входило въ кругъ сказаній о Добрыиѣ, — теперь это трудно рѣшить; а если-бы это было такъ, то мы имѣли-бы почву, на которой возникъ позднѣйшій мотивъ встрѣчи Добрыни съ поленицей. Но и тогда, во всякомъ случаѣ, пришлось бы признать, что эта встрѣча, какъ мы ее знаемъ въ настоящее время, отлилась уже въ формы не самостоятельныя, оригинальныя, а заимствованныя, при чемъ самая встрѣча получила иной характеръ; развязка ея съ точки зрѣнія эпическихъ формулъ оказывается нѣсколько неожиданной.

Послѣ приведенныхъ выше словъ коня, поленица вынимаетъ богатыря, говоря:

Старый богатырь да матерый—
 Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
 Ежели богатырь да молодый,
 Ежели богатырь мамѣ прилюбится,
 Назову я себѣ другомъ да любимымъ.
 Ежели богатырь не прилюбится,—
 На долонь кладу, другой прижму,
 И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю» (Г. 5).

Въ другихъ вариантахъ трехъ послѣднихъ стиховъ нѣтъ, старому же богатырю грозитъ смерть. Ср. подобное же обращеніе въ сказкахъ: «Кали старый — будетъ батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный»¹⁾.

Увидѣвъ Добрыню, поленица предлагаетъ ему себя въ жены, предваряя, по № 5 Г., что въ случаѣ отказа Добрыни,

На долонь кладу, другой сверху прижму,
 Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ.

Добрыня соглашается, и дѣло кончается свадьбой.

Обыкновенно встрѣчи героевъ съ великанами и великаншами кончаются смертью послѣднихъ²⁾. Иногда герой и великанъ братаются, какъ Святогоръ и Илья Муромецъ. Халанскій привель случай изъ восточныхъ сказаній, гдѣ герой долженъ жениться на дочери великанши, но это уже не совѣмъ то, что находится въ былинахъ, и боя-то въ указанномъ г. Халанскимъ случаѣ нѣтъ.

И если былины какъ бы стараются отгнѣнить свадебный характеръ полякованья противницы Добрыни, которая говоритъ:

А поѣхала въ чисто поле поляковать,
 А искать же я себѣ-ка супротивника (Г. № 5),

¹⁾ Аванасевъ, I., 49 (1863 г.); *ibid.* VII, 14, 57 (1863 г.), Сказки и преданія Самарскаго края, Д. Н. Садохникова, стр. 89, Романовъ, III, стр. 198.

²⁾ Ср. еще встрѣчу Вольедитриха съ великаншей Бералле. Кярпичниковъ, Повѣи Ломбардскаго цикла, стр. 64—5.

то какъ это полякованье, такъ и самая борьба теряютъ свой *raison d'être* при томъ подавляющемъ неравенствѣ силъ и безусловномъ превосходствѣ, которые приписываются невѣстѣ. Свадебная развязка тѣмъ подозрительнѣе, что она отличается нѣсколько сказочнымъ колоритомъ.

Заканчиваясь свадьбой, похождение Добрыни опять вызываетъ въ памяти женитьбу Дуная, подобно тому, какъ это мы видѣли въ завязкѣ похождения; ближайшее же столкновение Добрыни съ поленицей развивается по типу былинь о Святогорѣ; при этомъ въ послѣднихъ, какъ равно и въ былинахъ про Дуная, интересующія насъ черты представляются вполне устойчивыми и органически связанными съ общимъ содержаніемъ сказаній о названныхъ лицахъ, содержаніемъ, имѣющимъ за собой древнюю основу, чего нельзя сказать относительно разсказа о женитьбѣ Добрыни: все это даетъ основаніе видѣть въ данномъ разсказѣ мозаичное воспроизведеніе знакомаго сюжета по готовымъ былиннымъ и сказочнымъ мотивамъ. Роль Алеши Поповича какъ бы указываетъ на то, что этотъ процессъ относится къ тому времени, когда уже опредѣлилось взаимоотношеніе его и Добрыни, какъ наиболее близкихъ среди прочихъ богатырей младшаго и старшаго братьевъ.

Неопредѣленность и, если такъ можно выразиться, натянутость женитьбы Добрыни вмѣстѣ съ отсутствіемъ оригинальныхъ чертъ въ изложеніи ея, замѣчаемая во всѣхъ разсмотрѣнныхъ версіяхъ, набрасываютъ тѣнь и на исконность въ циклѣ сказаній о Добрынѣ самой темы, затронутой нами.

А. Лобода.

Рожденіе, смерть, погребальные обычаи и представленія о загробной жизни у армянъ Эриванской губерніи.

Сельское населеніе Эриванской губерніи на рожденіе въ семействѣ новаго члена смотритъ какъ на даръ Божій, какъ на особенное благоволеніе Божіе къ дому, которому даруетъ ребенка, а народная фантазія сравниваетъ этотъ самый безпомощный возрастъ человѣческой жизни съ Божіимъ цвѣткомъ или невиннымъ ягненкомъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ преклонныхъ лѣтъ стариковъ при видѣ еле лепечущихъ и стоящихъ на своихъ слабыхъ ножкахъ дѣтей слѣдующія обращенныя къ нимъ слова: «иди посмотри Божій цвѣточекъ, иди дѣдушку обрадуй». А когда старичекъ видитъ, какъ мать бьетъ ребенка армянки нерѣдко бьютъ даже своихъ грудныхъ дѣтей), то онъ полнымъ упрека тономъ говоритъ ей: «зачѣмъ бьешь Божьяго невиннаго ягненка? ты не знаешь, что мы его долю ѣдимъ отъ Бога!» При такомъ взглядѣ на дѣтей, конечно, всякій считаетъ за счастье имѣть дѣтей, при чемъ при появленіи на свѣтъ дитяти бѣдные родители не кручинятся, что имъ не чѣмъ будетъ содержать новорожденнаго, и въ такихъ случаяхъ родители обыкновенно говорятъ: «его Создатель, его долю тоже создалъ». А если дѣти въ раннемъ возрастѣ осиротѣютъ, то за высшую добродѣтель считается помочь сиротѣ (хотя сплошь и рядомъ обкрадываютъ такихъ сиротъ, если родители оставили имъ по себѣ какое либо состояніе), и народная молва гласитъ: «дающій сиротѣ — Богу даетъ, а бьющій сироту — Бога бьетъ». По народному убѣжденію армянъ, женщина призвана для размноженія рода человѣческаго, а потому каждая женщина родится на свѣтъ съ этими задатками; если же нѣкоторыя женщины, по выходѣ замужъ, не родятъ, то это происходитъ по двумъ причинамъ: или по ихъ грѣхамъ за не особенное почитаніе или за оскорбленіе какого-нибудь святого, или, наконецъ, кто-нибудь изъ враговъ, ненавистниковъ заколдовалъ женщину, чтобы она не родила. Такъ какъ вслѣдствіе выше изложеннаго бесплодность женщины считается за поношеніе, и бесплодная женщина въ семьѣ подвергается частымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, то она принимаетъ всевозможныя мѣры,

чтобы какъ-нибудь пополнить въ себѣ этотъ недостатокъ. Съ этою цѣлью она обращается первымъ дѣломъ къ женщинѣ гадалщицѣ, чтобъ узнать, отъ какого святого послѣдовало ей такое наказаніе, и гадалщица верченіемъ ли сита на гвоздѣ или какимъ-нибудь другимъ способомъ узнаеть, какой святой препятствуетъ родамъ безплодной женщины, и передаетъ ей.

Безплодная женщина для умилостивленія святого босыми ногами ходитъ къ своимъ сосѣдямъ, собираетъ въ пользу того святого муки, пшеницы, восковыя свѣчи, деньги, добавляетъ свою часть, и также босыми ногами идетъ на богомолье къ вышеназванному святому для умилостивленія его, и это иногда дѣлаетъ подрядъ года два и три (впрочемъ въ случаѣ болѣзней и несчастій, также прибѣгаютъ такимъ же путемъ къ помощи тѣхъ же святыхъ), а если молитвы и жертвоприношенія не умилостивятъ святыхъ, то безплодная женщина отъ святыхъ ужъ обращается къ «крнацу» (чернокнижникъ) и проситъ за деньги, чтобы онъ узналъ, кто, по злобѣ, связалъ ее, и не даетъ ей родить, и проситъ новымъ писаніемъ уничтожить силу стараго писанія и дать ей возможность родить. Когда вышеприведенныя мѣры не помогаютъ, то старухи совѣтуютъ безплодной женщинѣ тайное преступленіе противъ супружеской вѣрности.

По мировоззрѣнію армянина-простолюдина созвѣздія поочередно по году царствуютъ надъ временемъ и распредѣляютъ долю (счастье) какъ вновь рождающимся людямъ, такъ и даютъ удачу въ предпріятіяхъ взрослыхъ, и эти созвѣздія дѣлятся на добрыя и злыя. Съ рожденіемъ ребенка является новая звѣзда въ царствующемъ въ томъ году созвѣздіи и тамъ остается до самой смерти его. Времена года, мѣсяцы, части дня также дѣлятся на добрыя и злыя, и много значить для человѣка, если онъ родится въ счастливую минуту, подъ счастливой звѣздой, или въ несчастную минуту, подъ несчастной звѣздой. Въ первомъ случаѣ ребенокъ, когда онъ растетъ, за что ни примется, вездѣ будетъ имѣть однѣ удачи, а во второмъ случаѣ его вездѣ будутъ преслѣдовать однѣ неудачи. Потому часто можно слышать изъ устъ армянина-поселянина: «счастья не имѣю; человѣку безъ счастья лучше не быть, нежели быть. Въ рукахъ несчастнаго человѣка и золото въ мѣдъ превращается»...

Если ребенокъ родится въ ночь Сошествія Духа Святого (въ Духовъ День), то онъ будетъ одаренъ способностью къ ученью, изъ него выйдетъ очень разумный человѣкъ; также полезно въ этотъ день отдавать дѣтей въ ученье: у дѣтей, отданныхъ въ этотъ день (т. е. Духовъ День) въ ученье, память проясняется, и они легко усваиваютъ преподаваемое имъ, потому и въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ училища, а преподаваніемъ занимаются приходскій священникъ или «тирацу» (грамотей) (впрочемъ этотъ типъ школъ и учителей постепенно выводится и скоро станетъ достоя-

нѣмъ преданія), родители впервые отдають своихъ дѣтей въ ученіе въ этотъ день. Также въ этотъ день болѣе стремятся опредѣлить своихъ дѣтей въ ученики къ разнымъ мастеровымъ. Кто родится въ день Вознесенія Господня, тотъ будетъ одаренъ большимъ счастьемъ и скоро разбогатѣетъ. Но самое лучшее родиться въ ночь на Воскресеніе Христова. Дѣти, которыя родятся наканунѣ Воскресенія Христова, обладаютъ даромъ пророчества. Чтобы современемъ воспользоваться этими дарами, слѣдуетъ изъ мяса животнаго, приносимаго на Пасху въ жертву (армяно-григоріанскою церковью принимается кровное жертвоприношеніе, какъ и въ ветхозавѣтной еврейской церкви и считается лучшимъ средствомъ для умиловленія какъ Бога, такъ и святыхъ Его) взять лопатку и впослѣдствіи отдать ребенку, когда онъ выростетъ. Ребенокъ, смотря на эту кость, можетъ предсказывать будущее и видѣть то, чего не видятъ другіе. Если же кость почему-либо не могли сохранить, то родившійся въ ночь Воскресенья Христова можетъ то-же самое знать, глядя на ноготь своего большого пальца. Обладающій даромъ пророчества долженъ въ теченіе всей своей жизни ѣсть мясо только тѣхъ животныхъ, которыхъ приносятъ въ жертву, а если онъ съѣстъ мясо нежертвеннаго животнаго, скажемъ къ примѣру, если купитъ мясо на базарѣ у мясника и съѣстъ, то онъ не будетъ въ состояніи предсказывать будущаго и узнать о происшествіи, котораго не видѣлъ. Въ бытность мою смотрителемъ и законоучителемъ Баяндурскаго двухкласснаго земскаго училища, Александропольскаго уѣзда, одинъ изъ моихъ учениковъ, отъ котораго я узналъ о вышеприведенномъ повѣртіи о дарѣ пророчества, Барсекъ Петросовъ, житель сел. Тикнисъ, Карской области, увѣрялъ меня, что его младшій братъ, который родился въ ночь на Воскресеніе Христова, могъ предсказывать будущее и вообще пророчествовать, смотря на ноготь своего большого пальца. Такъ, рассказывалъ Петросовъ, что когда кто-либо изъ ихъ домочадцевъ отсутствовалъ изъ дома и желали узнать, скоро ли онъ вернется, то обращались къ младшему брату и просили его узнать о томъ по ногтю. Обыкновенно онъ не соглашался смотрѣть, говоря, что онъ боится, что когда смотреть на ноготь, то ему виднѣются черные люди, которые хотятъ убить его и пугаютъ, и съ трудомъ приходится ему преодолѣть страхъ, испытываемый имъ отъ показывающихся и угрожающихъ ему черныхъ людей, которые, впрочемъ, только и пугаютъ, а на дѣлѣ вредить не могутъ, то ему представляется уже человѣкъ, о которомъ его спрашиваютъ, за работою, какую онъ въ то время исполняетъ, или на дорогѣ, и онъ объясняетъ. Я заинтересовался участіемъ этого мальчика и пожелалъ лично видѣть его, такъ какъ Тикнисъ, гдѣ былъ родительскій домъ моего рассказчика Петросова находился въ 2—3 верстахъ отъ моего мѣстожителства, но получилъ отвѣтъ, что

его родители побоялись, чтобы чего худого не приключилось съ мальчикомъ и покрасили его ногти «жиною»¹⁾, оттого онъ и потерялъ свой чудный даръ предвидѣнія. Конечно, я и заранѣе не могъ съ особенной довѣрчивостью относиться къ разсказу своего ученика, а тутъ ужъ увѣрился, что онъ выдумалъ свой разсказъ и сталъ убѣждать его, чтобы онъ сознался въ выдуманной имъ глупости по отношенію къ чудодѣйственной силѣ брата своего, но напрасно, я никакъ не могъ добиться того.

Въ рай есть дерево, на которомъ держится столько листьевъ, сколько живыхъ людей на свѣтѣ, такъ что при рожденіи новаго члена человеческого общества и на деревѣ вырастаетъ новый листикъ, а при смерти опадаетъ. Какъ только родится ребенокъ, то если онъ христіанинъ, одинъ добрый ангелъ является къ нему изърая, садится ему на правое плечо и сохраняетъ его отъ всего дурного, а другой злой ангелъ является изъ преисподней съ пѣлюю совратить его на путь нечестивыхъ; при таинствѣ крещенія Богъ посылаетъ для защиты новокрещеннаго еще другого добраго ангела, и такимъ образомъ каждый христіанинъ имѣетъ при себѣ двухъ добрыхъ ангеловъ и одного злого ангела; магометанинъ же и вообще нехристіанинъ при рожденіи получаетъ одного добраго и одного злого ангела, а при обрѣзаніи къ нему спускается опять злой ангелъ, и такимъ образомъ нехристіанинъ живетъ при одномъ добромъ и при двухъ злыхъ ангелахъ; потому и онъ болѣе христіанъ предается порочнымъ дѣламъ и поэтому насчетъ татаръ сложена пословица у деревенскаго армянина: «если татаринъ въ золото превратится, и ты найдешь его на дорогѣ, не бери и не клади въ карманъ: оно разорветъ карманъ, выпадетъ и что есть въ карманѣ рассыплется».

Еще до рожденія человѣка на свѣтѣ, «фалакъ» (счастье), въ видѣ добраго старика сидитъ на берегу рѣки и пишетъ, чья очередь родиться, и что написано имъ о человѣкѣ, то должно случиться съ нимъ; судьба человѣка написана на его лбу и подъ кожей черепа, но прочесть, уразумѣть эти письмена никакъ нельзя, а предназначаются они для чтенія судей на томъ свѣтѣ. Счастье человѣка также, по представленію армянъ, наматывается, подобно ниткамъ, на клубокъ «фалакомъ», а при несчастьѣ разматывается; попытка же со стороны человѣка вмѣшиваться въ свою судьбу, стремиться улучшить ее считается невозможнымъ и крайне грѣховнымъ, преступнымъ дѣломъ, потому что каждый человѣкъ долженъ довольствоваться своимъ положеніемъ, жить какъ предопредѣлила ему судьба, и на этомъ-то основаніи нельзя смѣяться надъ калѣками и уродами.

¹⁾ Красная краска, которую туземные жители красятъ себѣ ногти, армянки волосы, а старики татары даже бороды, чтобы ихъ сѣдины не видѣлись.

Съ самаго дня рожденія человѣка въ надписи на его лбу (джака тагиръ) означенъ и день смерти его естественной, а кто убиваетъ, тотъ нарушаетъ предопредѣленіе судьбы, лишаетъ человѣка высшаго дара Божьяго, а потому такой человѣкъ считается проклятымъ: онъ никогда не можетъ спать на полу, хоть и въ постели, онъ будетъ вздрагивать во снѣ, съ испугомъ просыпаться. Кровь убитаго человѣка связываетъ, затемняетъ глаза убійцы, и онъ при всемъ желаніи убѣжать, скрыться съ мѣста преступленія, невольно будетъ вертѣться по близости трупа, и его могутъ поймать; а чтобы этого не случилось съ убійцей, онъ долженъ выпить немного крови убитаго имъ человѣка, и тогда ему на сердцѣ станетъ легче, онъ потерлетъ чувство страха и убѣжить. Если взять окровавленную рубашку убитаго и кипятить въ водѣ въ день убійства, то убійца самъ придетъ въ домъ убитаго имъ человѣка и выдастъ себя. Кровь невиннаго человѣка не можетъ быть пролита зря и безнаказанно: или самъ убійца будетъ убитъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ до седьмого поколѣнія погибнетъ такою же смертью.

Смерть отъ эпидемическихъ болѣзней также не принимается за нормальную, естественную смерть, а какъ кара Божія за людскіе грѣхи. Такъ чума, по ихъ убѣжденіямъ, имѣетъ образъ женщины, которую сопровождаютъ двое мужчинъ—одинъ въ красной одеждѣ, съ красною плетью въ рукѣ, другой—въ черной одеждѣ, съ черной плетью. Если кого-нибудь коснется своей плетью человѣкъ въ красной одеждѣ, онъ не умретъ, а если человѣкъ въ черной одеждѣ, то ему не избѣжать смерти. Эта женщина, сопровождаемая двумя мужчинами, бродитъ по полямъ и вокругъ селъ, но безъ помощи людей не можетъ войти въ село; приблизившись къ селенію, она ждетъ какого-нибудь прохожаго. Лишь только она его замѣтитъ, то заставляетъ его вести себя въ домъ, на который укажетъ. Такимъ образомъ чума забирается въ село и убиваетъ людей. Холеру представляютъ въ образѣ старой женщины съ двумя палками въ рукахъ синей и черной; если старуха прикоснется къ человѣку синей палкой, то онъ спасется, а если черной, то онъ умретъ.

Вотъ и жизненная нить оборвалась — наступила естественная смерть человѣка. Этой естественной смерти предшествуютъ, или лучше, сопровождаютъ ее, слѣдующія явленія природы: листъ, выросшій на райскомъ деревѣ при рожденіи извѣстнаго человѣка, вянетъ, засыхаетъ и опадаетъ въ моментъ, когда умирающей душу выпускаетъ; звѣзда, появившаяся на небосклонѣ при рожденіи, меркнетъ и падаетъ. Потому и религіозная армянская старуха ночью, при видѣ падающей звѣзды, издаетъ глубокой вздохъ при словахъ, хотя бы около нея никого и не было: «вотъ еще одна звѣзда упала, погасла; значить одной душой меньше стало на свѣтѣ. Желала бы знать (теснесь), чья это была звѣзда? При

этомъ припомнить своихъ близкихъ покойниковъ и предается тихой грусти и воспоминанію о нихъ.

За душою умирающаго является или ангель, или чортъ, смотря по тому, добрая дѣла или пороки умирающаго превышаютъ. Если умирающій былъ человѣкъ добродѣтельный, то за его душой является добрый ангель съ краснымъ яблокомъ въ рукахъ и, преподнося умирающему, приглашаетъ его на свадьбу; если же умирающій грѣшный человѣкъ, то его ангелы-хранители, стоя па сторонѣ, плачутъ объ участи умирающаго, а за его грѣшною душою является чортъ съ клешами въ рукахъ задушить его. Непріятный, страшный видъ чорта, его клещи, страхъ и ужасъ нагоняютъ на умирающаго, потому и онъ, ища средства избавиться изъ рукъ страшилища, блуждаетъ глазами, мечется, рвется въ постели, но все напрасно: куда скроешься изъ когтей безжалостной смерти! Только свои страданія увеличишь, своихъ безпокойшь, и чорта распотѣпишь и болѣе ничего. Чтобы этого не случилось, чтобы умирающій грѣшникъ своими страданіями не мучилъ себя и безпокойлъ своихъ родныхъ на радость злыхъ духовъ, 1) зажигаютъ надъ головою умирающаго восковую свѣчу съ нижняго конца, или 2) отправляются на кладбище, изъ семи разныхъ могилъ возьмутъ по горсти земли, при каждой изъ этихъ могилъ приговаривая: «скорѣе призовите такого то къ себѣ». Эту землю приносятъ домой, кладутъ подъ изголовье больного, а ему самому на ухо говорятъ: «тебѣ кланялись». Конечно, къ тому времени, отъ долгихъ страданій и силы покойника падаютъ въ смертной агоніи, и жизнь его, по народному выраженію, потухаетъ. Мучительная смерть, сопряженная съ долгими страданіями, кромѣ жалости, вызываетъ въ домочадцахъ еще чувство страха: такіе покойники не успокоятся въ могилѣ, пока не завербуютъ, такъ сказать, изъ того же дома, себѣ товарища.

Особенно пріятна народу смерть такихъ больныхъ, которые подъ конецъ жизни, въ послѣднія минуты, какъ-то ободраются, будто бы ихъ силы, энергія возвращаются къ нимъ, и они послѣднія минуты жизни своей проводятъ въ разговорахъ, очень часто въ воспоминаніяхъ о прошлой жизни и сразу, какъ бы засыпаютъ. Такіе люди, по народному воззрѣнію, святыя.

Если душа покойника грѣшная и поручена чорту, она чернѣетъ въ рукахъ послѣдняго и берется въ подземелье на муки, а если душа была праведная, то ее берутъ ангелы въ подзвѣздное небо, чтобы она насладила райскимъ блаженствомъ. По дорогѣ къ раю черти нѣсколько разъ совершаютъ нападенія на ангела, несущаго душу праведника, чтобы силою отбить у него дорогую душу и незаконно подвергнуть душу праведнаго человѣка мученію до второго пришествія, но напрасно: ангель всегда остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Черезъ тридцати-девяти-дневное путешествіе по небесному эфиру, ангель доходитъ до «волосяного

моста» (мазе кармундж). Тутъ ангелъ убѣждаетъ принесенную душу, что она вслѣдствіе праведности своей въ себѣ никакого вѣса не имѣетъ, чтобы она безстрашно прошла по «волосяному мосту», подъ которымъ бездна ада, и никакого вниманія не обращала, не оборачивалась на крики и шумъ, которые подымутъ за ней завистливые черти, потому что она можетъ сбиться и упасть и тогда сдѣлается частью чертей, а если обернется, то ея «солнце» померкнетъ (по представленію армянъ каждый человѣкъ имѣетъ свою часть солнца, потому армянинъ употребляетъ выраженія: «клянусь моимъ, твоимъ солнцемъ или солнцемъ близкихъ людей», и когда онъ умираетъ, то и его часть солнца меркнетъ, а при рожденіи человѣка прибавляется свѣту къ солнцу), подъ ней «волосяной мостъ» оборвется и она за свою оплошность упадетъ въ бездну. Если она счастливо перейдетъ черезъ «волосяной мостъ», то на томъ берегу предстанетъ ей роскошная розовая роща, откуда она нарветъ букетъ свѣжихъ розъ, преподнесетъ ангелу — райскому вратарю, а онъ отворитъ ей райскія двери и впуститъ ее въ рай.

По народному представленію армянъ, душа изображается существомъ матеріальнымъ: она можетъ пить, ѣсть, ходить, работать. Соответственно этому, рай изображается мѣстомъ, гдѣ душа человѣка можетъ безъ тѣхъ препятствующихъ естественныхъ причинъ, которыя такъ часты въ современной жизни нашей, предаться своимъ безвиннымъ и полезнымъ любимымъ занятіямъ. Такъ въ раю имѣются прекрасныя пастбищныя, пахатныя мѣста, сады; лѣса переполнены полезными и безвредными для человѣка животными и птицами, и климатическія условія здѣсь ужъ не такія, какъ на землѣ: въ раю жаркое лѣто не мѣняется на холодную зиму; въ раю увядающей осени и суровой зимѣ мѣста нѣтъ — тамъ царствуетъ вѣчное прохладное лѣто, вѣчно зелень цвѣтетъ и деревья покрыты сочными плодами.

Оставимъ душу покойника въ раю и посмотримъ, что дѣлаютъ съ его останками дома. Съ первой же минуты смерти, покойника окружаютъ домашніе, женщины поднимаютъ вопль, плачь и почасту заунывнымъ мотивомъ воспѣваютъ жизнь и доблести его, и постепенно число плакальщицъ увеличивается прибывающими сосѣдками и родственницами. Къ вечеру, если покойникъ мужскаго пола, приходитъ церковный сторожъ, обмываетъ его тѣло, укутываетъ въ саванъ и шьетъ, а если женскаго пола, то ее обмываютъ, саванъ пьютъ старухи. Случается и такъ, что покойникъ по ненасытности, алчности своей уносится на тотъ свѣтъ и богатства дома, т. е. семья, послѣ смерти такого лица, мало-по-малу бѣднѣетъ, и о прежнемъ богатствѣ и достаткѣ остается одно воспоминаніе. Чтобы этого не случилось, втыкаютъ въ грудь покойному иголку, а другую кладутъ въ гробъ, приговаривая: «ступай, насыщайся собою, а отъ насъ ничего не жди», а дома прячутъ

часть его волосъ. Покойника вмѣстѣ съ священникомъ сопровождаютъ въ церковь одни мужчины, а женщины потомъ идутъ отдѣльно; также въ день похоронъ на кладбище покойника сопровождаютъ одни мужчины, а женщины идутъ на слѣдующій день плакать надъ могилой и воскурять ладонъ.

Молодые люди и дѣти, которые не успѣли насладиться въ достаткѣ жизнью, при смерти смотреть все по угламъ комнаты и умирають съ открытыми глазами—признакъ того, что они еще не насытились земной жизнью.

Самую сильную жалость вызываетъ въ народѣ смерть юноши, не дожившаго до брака. Такихъ большею частью хоронятъ не въ саванѣ, а въ одеждѣ его съ открытымъ лицомъ; крестообразно черезъ плечи его на груди его привязываются черные платки, которые называются «коснанды», и такъ разряжается женихъ въ день свадьбы своей.

Души покойниковъ послѣ заката солнца изъ ада и рая возвращаются къ нимъ и они послѣ сумерокъ встають изъ своихъ могилъ и въ саванахъ, въ которыхъ ихъ похоронили, гуляютъ по кладбищу. Потому армянинъ никогда не согласится пройти по кладбищу или мимо его послѣ заката солнца. Онъ увѣренъ, что покойники стануть бросать въ него камнями, а если поймають, то и задушать.

Священ. Григорій Бунатовъ.

Экскурсы въ область народной пѣсни.

I.

Юморъ и сатира въ народныхъ пѣсняхъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей - этнографовъ, за послѣднее время наша народная пѣсня все болѣе и болѣе приобретаетъ оттънокъ лирической вообще, а въ частности юмористически-сатирической, чѣмъ будто бы и отличается отъ старинной народной пѣсни. Въ общемъ, конечно, нельзя не согласиться съ этимъ положеніемъ, тѣмъ не менѣе въ частности оно, по нашему мнѣнію, нуждается въ многочисленныхъ оговоркахъ. Имѣя подъ руками значительное число народныхъ пѣсней, записанныхъ въ одномъ и томъ же, сравнительно незначительномъ районѣ Пошехонскаго уѣзда ¹⁾, мы стараемся сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ вышеозначенныя оговорки, а въ то же время дать краткую характеристику современной юмористически-сатирической народной пѣсни.

Мнѣніе, что будто бы только въ современной народной пѣснѣ сталъ проявляться сатирический и юмористическій элементъ, можно признать положительно неправильнымъ, такъ какъ среди пѣсней старинныхъ, въ настоящее время почти уже забытыхъ народомъ, встрѣчается много пѣсней сатирическаго и юмористическаго содержанія, пѣсней, по своей формѣ не оставляющихъ желать ничего лучшаго. Послѣднее обстоятельство должно уже само по себѣ указывать на то, что и въ старинной пѣснѣ юмористически-сатирический элементъ не былъ въ загонѣ. Для образца приведемъ двѣ такія старинныя пѣсни, записанныя нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

¹⁾ Выводы, помѣщаемыя нами въ настоящемъ очеркѣ, сдѣланы на основаніи пѣсней, записанныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ г. Архангельскимъ (Яр. Губ. Вѣд. ч. п. 1888 г. №№ 46, 47, 48, 49, 52, 56, 64. 1889 г. №№ 9, 10, 18, 30, 51, 68, 58, 99; 1890 № 9 и дальнѣйшіе), и г. Деруновымъ. Лично нами записано въ 1887—1893 г.г. болѣе шестисотъ различныхъ пѣсней въ одной только южной части Пошехонскаго уѣзда. Записанныя нами пѣсни были отосланы въ сыромъ необработанномъ видѣ въ Императорское Московское Общество Естествознанія Антропологіи, и Этнографіи. Немногія изъ пѣсней были помѣщены нами и въ Яр. Губ. Вѣдом. 1889—1891 г.г. Настоящій очеркъ представляетъ изъ себя попытку обработки означенныхъ пѣсней.

1. Рында, рында, рындочка!
— Гдѣ рында родилася?
— На печѣ въ охлопочкахъ
Стали рынду святати,
Стала рында плакати.

— Сходи, матка, на базаръ,
Купи рындѣ сарафанъ,
Еще крынку штей,
Рукавицу вшей.
Два наперстка табаку ²⁾ и т. д.

Древность этой пѣсенки не можетъ подлежать никакому сомнѣнію ³⁾.

Приводимъ и еще пѣсню подобнаго рода, но съ другимъ отѣнкомъ.

Выходили красны дѣвушки
Съ хороводомъ на улипу,
Выносили въ зарукавѣхъ по соловью.
— Ужъ ты пой, родимой соловьюшко.
Доки воля батюшкина,
Хороша нѣга матушкина,
Неравно въ люди выдеси,
Неровенъ женихъ наваяется,
Либо воръ, либо пьяница:
Онъ въ кабакъ идетъ—шатается.
Изъ кабака идетъ—валяется,
Черной грязью марается,
Черной грязью дорожною,
Еще пылью подколесною.
Или старый увальчивый:

Онъ придетъ домой, раскуражится,
Заставляетъ раздѣвать, разувать,
Часты пуговицы разстегивати,
Заставляетъ въ ноги кланяться.
Разувать то мнѣ не хочется,
У меня то руки бѣлыя,
Мое сердце не воротится:
У него вѣдь ноги грязныя,
У меня то руки бѣлыя,
На рукахъ перстни злаченые.
Эхъ, были бъ дѣвушки сдогадливы,
Взяли-бъ стараго, постылаго
На осинушку повѣсили.
Какъ осинушка мотается,
Мой-отъ пьяница болтается.

²⁾ Записана въ деревнѣ Ежовѣ, Пошехонской волости. Конецъ пѣсни не приводимъ здѣсь вслѣдствіе его крайней нецензурности. Въ настоящее время эта пѣсня относится къ числу дѣтскихъ и самое значеніе слова „рында“ для народа непонятно, но въ прежнее время это была мягкая насмѣшка надъ извѣстностью дюрцовыхъ „рындъ“... *Лет.*

³⁾ Нами записана такого же содержанія бѣлорусская пѣсня (Минск. губ. Бобруйск. у., с. Языль), которую поютъ дѣвушки на посидѣлкахъ, осмѣивая дѣвливую пряху:

Съдѣла Рында да на печици,—
Рында, Рында (послѣ каждаго стиха),—
Задрада ноги да на градище.
Пришли къ Рындѣ женихи, взяли Рынду ворухи.
Ой пошла апа по сусѣдочкахъ:
— Да сусѣдочки, маи матушки,
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ,
По сарочеццѣ, по ваметоццѣ.
— Не снаць було Рындѣ Филиповой ночи,
Продзяраць було дзерначемъ вочи.
— Чортъ же васъ беръ, маи сусѣдочки,
У маего бацька да беруоць много:
Да загеру же я бересцивочку,
Да пашію я хвартушивочку,
Павъдзюрочкомъ подпержуса,
Передъ сваимъ женишкомъ якъ наражуса,
Накрыуса я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—женишкуомъ.

(См. Труды Этногр. Отдѣла, т. IX-Извѣстія, т. LXI, стр. 90, № 51 и примѣч. на стр. 112). *Ред.*

Что и въ старину было много пѣсенъ юмористическаго и сатирическаго содержанія, на это уже указываютъ извѣстныя свадебныя старинныя шуточные припѣвки поѣзжанамъ, въ особенности же свату и свахѣ. Такихъ припѣвокъ была масса, много ихъ сохранилось и до настоящаго времени.

Если старинныя пѣсни юмористическаго содержанія и дошли до насъ въ значительно меньшемъ количествѣ, то такое явленіе объясняется, во-первыхъ, крайней нецензурностью и неблагопрістойностью многихъ изъ такихъ пѣсенъ, а во-вторыхъ, и измѣненіемъ народной жизни, вслѣдствіе котораго то, что ранѣе было смѣшнымъ, нынѣ становится не только не смѣшнымъ, но даже и достойнымъ уваженія въ глазахъ народа.

Что же касается до современныхъ сатирическихъ и юмористическихъ пѣсенъ, то отнюдь нельзя сказать, что онѣ составляютъ въ средѣ остальныхъ пѣсенъ подавляющее большинство—большинство остается за пѣснями эротическаго содержанія. Юмористическія пѣсни, напр., въ числѣ записанныхъ нами, составляютъ не болѣе 8%.

Весьма интересно прослѣдить, на что именно направлены юморъ и сатира народной пѣсни.

Существованіе крестьянина-землепашца, да и всякаго человѣка, тѣсно связано съ его умѣнѣемъ работать. Хорошій работникъ пользуется поэтому почетомъ, дурной, лѣнивый работникъ — насмѣшкой. А такъ какъ, по народной пословицѣ, „хозяйкой домъ держится“, то неудивительно, что народныя пѣсни даютъ намъ цѣлый рядъ яркихъ картинъ, рисующихъ „бабъ лѣнивыхъ“, „бѣлоручекъ“, „плохихъ хозяекъ“.

„Во вторникъ на рыночекъ ходила,
На три денежки куделюшки купила,
На алтынъ веретень прихватила.
Пришла домой подъ лавку положила,
— „Ты лежи, моя куделюшка, недѣлюшку.
У хорошей пряделюшки — другую ⁴⁾.
Въ понедѣльникъ—отъ банюшку топчила,

Во вторникъ — париться ходила.
Въ среду — съ жару пролежала,
Въ четвергъ — головушку чесала,
Въ пятницу — добрыя жены не дѣлають ⁵⁾.
Въ субботу — по родителямъ ходила ⁶⁾.
Въ воскресенье — на весельѣ просидѣла.
Въ понедѣльникъ—отъ ранехонько вставала,

⁴⁾ Срв. малорусскую сатирическую пѣсенку:

Якъ похавъ мій мыленький далеко у степъ,
А я свою кудельку подъ лавочку — геть!
Лежить моя куделька, лежить, надулась,
А я молода горилка дуже напылась.

(Н. В. Лисенко: Збирникъ украинськихъ писемъ, вып. III). (Примѣч. Ред.).

⁵⁾ По народному вѣрованію, въ пятницу грѣхъ исполнять женскія работы. См., статью нашу Народныя суевѣрія и предрасудки въ Пошех. у. ⁴⁾ Яр. Губ. В. 1882 г. № 43—52.

⁶⁾ Т.-е, помянуть родителей.

Три пряделюшки тонехонько на- Какъ придетъ, моя милая, весна красна,
 прядла, Расцвѣтуть въ саду крапива да
 Три мозоли кровавныя наvertsла. лапушникъ,
 Покажу же эти боли своему мужу. Я сошью тебѣ, милая, сарафан-
 — „Не пряди, моя милая, не не- чикъ... (т. е. изъ крапивы и ло-
 волься! пушника).

(Запис. въ Николо-Раменск. волости, Пошех. у.)

Такова по изображенію народной пѣсни ткачиха, у которой, по словамъ другой пѣсни, „кросна гнутся, нитки рвутся“, какъ примется ткать, и которая ткеть такъ рѣдко, что, по словамъ третьей пѣсни, у нея „на прошесткѣ самосѣдка цыплятъ вы- сидѣла“.

А вотъ и изображеніе стряпухи, у которой „мучка-то Богова, да ручки то чортовы“, которая „чашки вымыла да во шти вылила“.

— Дѣвушки матушки, Саламатушку замѣшивала...
 Наварите саламатушки... Саламата раскипѣлася,
 Всѣ окошечки завѣшивала 7). Моя жена разревѣлася.

Въ подобномъ же родѣ встрѣчаемъ мы и изображеніе лѣни- вицы-прыхи и т. д.

А вотъ и изображеніе рохли мужика:

Нажила себѣ я мужа—дурака: Запоясывалъ кушакъ дуракъ не такъ:
 Не умѣлъ дуракъ кафтану надѣ- Назади уалы завязывалъ,
 вать, Напередъ концы закидывалъ.

(С. Давыдовское, Займищевской волости, Пошех. у.).

Неудивительно, что, по словамъ другой пѣсни, когда жена ве- зеть такого мужа на базаръ продавать, „то никто его не купить, калача не даетъ; калача не даетъ, никто даромъ не беретъ“...

(С. Сосновецъ, Трушк. волости).

На ряду съ лѣнностію встрѣчается почти всегда въ народѣ щегольство и мотовство, качества, заслуженно осмѣиваемыя въ народной пѣснѣ.

Продамъ борону косулю—куплю чайную посуду.
 Чашки, ложки продала—самоварчикъ завела,
 Продамъ лисій воротникъ—куплю чаю золотникъ и т. д.
 (д. Займа, Пошех. в.).

Или же:

„Сапоги съ калошамъ— На дворѣ одинъ баранъ;
 На дворѣ нѣтъ лошади; Баранъ бѣгаетъ блеетъ—
 Сапожки со борамъ— Хозяйка сѣна не даетъ.

(Дер. Ежово. См. также пѣсни г. Архангельскаго, Яр. Губ. Вѣд. 1890, № 51).

7) Для того, чтобы никто не увидалъ, какъ неумѣлая стряпуха бу- деть стряпать.

Антагонизмъ между жителями различныхъ мѣстностей, выразившійся въ пословицахъ и прозвищахъ („пошехоны—слѣпороды“; „романовцы—луковники“; ростовцы—ершовники: ерша со звономъ встрѣчали; дивиловцы—теленка въ люлькѣ закачали; ярославцы—блѣтѣлы: семь лѣтъ въ банѣ не были, семь пудовъ грязи наскребли съ одного пятнышка на тѣлѣ и т. д.), нашель себѣ мѣсто и въ юмористической народной пѣснѣ.

У меня волосы коротенькіе
Любятъ дѣвушки молоденькія;
Ярославицы—красавицы,
Романовскія—луковницы,
Пошехонскія дѣвки—путаницы,

Костромскія—пароходницы,
Онѣ дуры—не работницы.
Не по промысламъ заводы завели,⁸⁾
Полну избу молодежи навели,

(Изъ пѣсни: „Провожала дружка милого“... Зап. въ окр. г. Пошехонья).

ИЛИ ЖЕ:—Слободскія-то⁹⁾ дѣвченки Брови углемъ подведутъ,
Ровно мелконькой горохъ, Брови углемъ подведутъ¹⁰⁾
Щеки клюковкой намажутъ, За хорошихъ почтутъ... (г. Пошех.).

Нерѣдко въ юмористическихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ мы и насмѣшки надъ различными профессіями:

Вы молодчики молоденькіе,
Сюртучки на васъ коротенькіе.
Пошехонскіе жители,
Вы московскіе приказники!
У хозяйна часы унесли,

На два годика товару запасли,
Товару удивительнаго—
Табаку себѣ курительнаго и т. д.
(г. Пошехове).

ИЛИ ЖЕ:—Загулялъ, закутилъ молодой приказникъ
Запускалъ онъ праву ручку во хозяйскій ящикъ (ibid).

Особенно же характерна въ данномъ отношеніи слѣдующая пѣсня:

Нелюди—саложики, бѣзлюдье—
кузнецы,
Горе—каменьщики, плуты—лавоч-
ники,
Щекатуры, оботуры—кирпичички,
Разувай, растагай—это плотнички,
Косы сѣрыя заплаты—огороднички,
А портные—мазуры:

Они пьютъ. Ѣдятъ готовое,
Носятъ краденое;
Они жилеточки кроятъ—всѣ обрѣ-
зочки таятъ,
Какъ за то они таятъ,
Что мало чаемъ ихъ поятъ,
За то рѣдко шьютъ,
Что долго ѣсть не дадутъ (д. Ежево).

ИЛИ ЖЕ:

Сыроварь—отъ сырѣ варить,
Худо масло дѣлаеть,

Худо масло дѣлаеть,
За дѣвченкамъ бѣгаеть.

Въ другой записанной нами пѣснѣ подробно описывается, какъ портные зашли къ знакомой бабушкѣ Лукерьѣ почевать. Узнавъ случайно, что у нея подъ поломъ хранится въ кубышкѣ 400 р.,

⁸⁾ Т.-е. завели порядки не по доходамъ.

⁹⁾ Адрианова слобода въ 6 в. отъ г. Пошехонья.

¹⁰⁾ О косметическихъ народныхъ средствахъ см. статью нашу въ Жив. Стар. № 1, 1894 г.

они сдѣлали такъ, что „одинъ портной заплясалъ, заскакалъ, а другой портной половицу поднималъ, третій, маленькій мальчишка, кувшинчикъ доставалъ“. Похитивъ благополучно „кувшинчикъ“, портные оставили старушку и, усѣвшись на дорогѣ, стали дѣлать деньги, приговаривая:

Поживи, баба, подолѣ,
Покопи денегъ поболѣ,

Мы фатеру твою знаемъ,
Мы опять къ тебѣ придемъ...

Осмѣиваются въ юмористическихъ народныхъ пѣсняхъ и другія стороны народной жизни; по все-таки положительно и съ полной увѣренностью можно сказать, что главный предметъ ихъ — это „милый“ и „милая“, осмѣиваемые въ легкой шуточной формѣ.

Всѣ милаши ѣдятъ каши,
А моя кулагу ¹¹⁾ жреть.
Всѣ милаши, да не наши—
Наши по міру ушли.
Пыльно, пыльно по дорогѣ,

Вересняжкомъ темный лѣсъ.
Шель подвыпивши мой милый,
Его хотѣли волки съѣсть.
„Чу, идетъ! чу, приближается!
Моя милка Оля въ чуни ¹²⁾ обувается...

Такихъ пѣсенокъ существуетъ въ народѣ множество: многія изъ нихъ, конечно, забываются, но вмѣсто забытыхъ создаются во множествѣ новыя.

Юмористическихъ пѣсень историческаго ¹³⁾, а тѣмъ болѣе общественнаго содержанія встрѣчается въ народѣ очень мало. Такое явленіе объясняется, конечно, отдаленностію нашего захолустаннаго крестьянина отъ общественной, государственной жизни, его изолированностію отъ нея и сравнительно узкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Что же касается до формы современныхъ юмористическихъ и сатирическихъ пѣсень, то нельзя не сознаться въ томъ, что большая часть означенныхъ пѣсень принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ „коротенькихъ“ пѣсень. Объ этой формѣ народной пѣсни мы сообщали въ свое время на страницахъ „Ярославскихъ Губ. Вѣдомостей“. („Одна изъ современныхъ формъ народнаго творчества“. Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 71—72).

А. Баловъ.

¹¹⁾ Мѣстное кушанье.

¹²⁾ Чуни—веревочные лапти, которые носятъ только нищіе.

¹³⁾ Изъ такихъ пѣсень записана нами только одна. См. Жив. Стар. 1894, № 1.

Критика и Библиографія.

Е. Вестермаркъ. Исторія брака. (Пер. И. Семенова. М. 1896. стр. 237,8°).

Ш. Летурно. Соціологія по даннымъ этнографіи. (Пер. А. Трачевскаго, Спб. 1896, стр. 360,8°).

Л. Кривицкій. Антропология. (Пер. С. Д. Романовскаго-Романько. Спб. 1896, стр. 349,8°).

И. Семеновъ. Исторія культуры (М. 1897, стр. 212,8°).

За послѣднее время въ Россіи замѣчается вновь оживленіе интереса къ изученію вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи человѣчества. Оно выразилось между прочимъ въ томъ, что за послѣдніе годы значительно увеличилось количество какъ переводныхъ, такъ отчасти и оригинальныхъ трудовъ по разнымъ вопросамъ исторіи человѣческой культуры. Въ сравнительно очень короткій періодъ времени были изданы переводы работъ Липперта, Энгельса, Шурца, Каутскаго, М. М. Ковалевскаго, Летурно, Леббока. Издавы и названныя работы Вестермарка, Летурно и Кривицкаго. Нельзя не отнестия глубоко сочувственно къ этому явленію уже оттого, что достаточно вспомнить вліяніе изданія въ недавнемъ прошломъ трудовъ Тайлора, Спенсера, Леббока на оживленіе нашего отечествовѣдѣнія, на развитіе интереса къ изученію быта русскаго и инородческаго населенія Россіи и главнымъ образомъ на сознательное отношеніе къ собравшему этнографическому матеріалу. Относительно выбора трудовъ для изданія ихъ въ переводѣ, конечно, можно пожелать, чтобы выборъ этотъ былъ болѣе строгъ, чтобы въ переводѣ появлялись прежде всего труды, дѣйствительно имѣющіе серьезное научное значеніе. Такъ, напримѣръ, изданіе работы Энгельса «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» не является вкладомъ въ нашу переводную литературу уже оттого, что Энгельсъ не можетъ считаться самостоятельнымъ изслѣдователемъ вопросовъ первобытнаго права: онъ скорѣе популяризаторъ теоріи Моргана, которая въ новѣйшее время вызвала много серьезныхъ возраженій не только по частнымъ вопросамъ, но и по существу. Дѣйствительно, появленіе въ переводѣ «Исторіи брака» Вестермарка, какъ извѣстно державшагося взглядовъ діаметрально противо-

положительных Моргану, дает как-бы возможность читателю выработать свой собственный взгляд на вопросы о происхождении и развитии семьи и брака. Но выбор, — если изданием работы Вестермарка преследовалась цель познакомить русского читателя с новейшими течениями в области изучения указанных вопросов первобытного права, — не может быть также признан вполне удачным. Вестермарк, представитель взгляда о существовании уже на низших ступенях развития индивидуальной семьи, является несколько односторонним и узким и, кроме того, не охватывает всех главных вопросов, объясняемых современными учеными в духе противоположной господствующей теории. Русским читателям, не владеющим иностранными языками, было-бы на наш взгляд полезно для указанных целей познакомиться с трудом Штарке «Die primitive Familie». Штарке значительно шире охватывает вопросы о происхождении семьи и, если и его возможно упрекнуть в односторонности, то во всяком случае в отношении многих вопросов читатель найдет в его книге много новых точек зрения и попытки серьезной критики господствующих взглядов на некоторые важные вопросы первобытного права. Но издатели почему-то не обратили внимания на его труды. Кроме того, печатая работу Вестермарка, издатели почему-то ограничились переводом только первых 6 глав обширной монографии «История брака», при чем, три из них посвящены «критике гипотезы беспорядочного смешения полов», т. е. одной из наиболее слабых частей названной работы. Остальные главы, где Вестермарк вносит новые взгляды в объяснение причин отращения человека к бракам между близкими родственниками, где он говорит о половом подборе и сообщает сведения о формах брака на низших ступенях культуры, т. е. наиболее интересная часть монографии, почему-то осталась без перевода.

Выбор для перевода «Социологии по данным этнографии» Летурно можно безусловно признать крайне удачным, не оттого, конечно, что в этой работе читатель найдет, так сказать, последнее слово науки. «Социология» Летурно может быть, наоборот, причислена по времени своего первого появления к довольно старым трудам, за которыми последовала целая библиотека объемистых томов, принадлежащих перу талантливого и плодовитого французского ученого, разрабатывающего отдельные вопросы науки этнографии. Метод и общий характер работ Летурно давно уже известны, и всякий знает, что в его трудах, если и отсутствуют широкие обобщения, количество сообщаемых фактов всегда чрезвычайно велико. Это обстоятельство придает его трудам особый интерес, в особенности в виду того, что факты приводятся в систематическом порядке и дают возможность наблюдать эволюцию явлений. Эта же черта оказывается характерной и для «Социологии по данным этнографии». Обращаем также внимание на прекрасное предисловие проф. А. Трачевского, под редакцией которого издан названный труд Летурно: в предисловии читатель найдет много руководящих мыслей и интересных широких взглядов. Во всяком случае, благодаря предисловию пр. Тра-

чевсваго, переводъ книги Летурно значительно выигрываетъ уже оттого, что оно, такъ сказать, вводитъ читателя въ изученіе быта народностей, намѣчая общее значеніе подобнаго изученія и отмѣчаетъ для читателя-неспециалиста значеніе этнографіи для социологіи.

Съ полнымъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнести также и къ изданію «Антропологія» Л. Крживицкаго; русская публика вообще очень мало знакома съ научнымъ движеніемъ въ Польшѣ, и одно это уже вполне оправдывало-бы изданіе перевода такого крупнаго труда, какъ «Антропологія» Л. Крживицкаго. Кромѣ того, количество общихъ руководящихъ трудовъ по антропологіи на русскомъ языкѣ еще чрезвычайно мало, такъ что увеличеніе переводныхъ работъ въ области этой тѣсно связанной съ этнографіей науки является крайне желательнымъ. Мы не будемъ останавливаться на книгѣ Л. Крживицкаго, а ограничимся перечнемъ содержанія ея, дающимъ возможность судить о темахъ, разрабатываемыхъ въ ней: авторъ останавливается на вопросѣ о древности человѣческаго рода, на вопросѣ о расахъ вообще и вліяніи расовыхъ особенностей на культуру, отмѣчаетъ значеніе этнографіи для антропологіи, описываетъ послѣдовательно антропологическіе элементы, входящіе въ составъ населенія въ разныхъ частяхъ свѣта, при чемъ подробно останавливается на арійцахъ; попутно авторъ затрагиваетъ и историко-культурные вопросы. Остальныя главы посвящены выясненію вопросовъ объ антропологическихъ признакахъ въ индивидуальной жизни, философіи исторіи расъ и пр. Такимъ образомъ трудъ г. Крживицкаго, будучи трудомъ чисто-антропологическимъ, представляетъ въ виду затрагиваемыхъ вопросовъ и существенный интересъ для этнографа ¹⁾.

Намъ остается еще упомянуть о трудѣ г. Семенова «Исторія культуры», который можно отнести къ числу сравнительно многочисленныхъ изданій, появившихся въ свѣтъ за последнее время и имѣющихъ въ виду широкій кругъ читателей; цѣль подобныхъ трудовъ—популяризировать этнографическія свѣдѣнія, касающіяся какъ отдѣльныхъ народностей, такъ и общихъ вопросовъ науки. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ причислить и книгу г. Семенова: «Въ небольшой книгѣ, предлагаемой читателю, я не могъ объять, пишетъ авторъ въ предисловіи, всей исторіи культуры, которую можно изложить толково только въ нѣсколькихъ томахъ. Поэтому я предпочелъ остановиться на болѣе интересныхъ и живыхъ вопросахъ какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духовной культуры. Я бралъ только главные и характерные моменты исторіи культуры человѣчества, продолжаетъ авторъ, стараясь прослѣдить каждую форму человѣка, начиная съ древнѣйшей эпохи, вплоть до современнаго состоянія, подчеркивая главнымъ образомъ законы, мотивы и цѣли, управлявшіе жизнью, и взаимное вліяніе обѣихъ сторонъ культуры». Мы привели буквально предисловіе автора, чтобы судить о его задачахъ и цѣляхъ. Такъ какъ работа г. Семенова входитъ въ серію книгъ «Обще-

¹⁾ Недостатки труда г. Крживицкаго вкратцѣ отмѣчены въ рецензіи проф. Д. Н. Анучина въ „Русск. Вѣд.“ 1896, № 312. Ред.

ственной Библиотеки», мы не въ правѣ были-бы требовать отъ автора подробнаго изложенія явленій культурнаго роста человечества и обоснованія научными доказательствами своихъ положеній. Авторъ ограничивается краткимъ перечнемъ основныхъ положеній науки, выражаетъ ихъ ясно и такъ-же, и съ этой точки зрѣнія онъ достигъ вполне цѣль, поставленныхъ ему издателемъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы подобныя изданія вообще приносили много пользы для неподготовленныхъ еще къ научнымъ занятіямъ читателей: изложение въ нихъ слишкомъ кратко, слишкомъ голословно, чтобъ заставить читателя заинтересоваться затронутыми вопросами, вдуматься въ нихъ; читателю предлагается принять положенія на вѣру, безъ критики. Вотъ почему нашъ, казался-бы болѣе полезнымъ при изданіи книгъ, имѣющихъ цѣлю популяризировать выводы науки этнографіи, ограничиваться болѣе узкими рамками: болѣе обстоятельное хотя и популярное изложненіе различныхъ проявленій матеріальной и духовной культуры человечества заставило-бы, несомнѣнно, вмѣсто одной издать нѣсколько брошюръ или книжекъ по разнымъ вопросамъ, но это принесло бы больше пользы читателю, для котораго подобныя книги издаются, чѣмъ голословный перечень положеній по «исторіи культуры», гдѣ авторъ, ограниченный объемомъ книги не въ состояніи выдвинуть своихъ взглядовъ, предлагая читателю слѣпо повѣрить высказываемымъ выводамъ.

Н. Х.

М. И. Кулишеръ. Разводъ и положеніе женщины. (8^о, стр. XV+288. СИБ. 1896.).

Названный трудъ г. Кулишера имѣетъ цѣлю познакомить читателя съ развитіемъ дѣйствующихъ въ настоящее время въ культурныхъ странахъ нормъ права, опредѣляющихъ условія развода, и освѣтить ихъ исторически путемъ сравненія съ данными этнографіи. Свою задачу авторъ формулируетъ въ предисловіи: «если задача юриспруденціи, пишетъ онъ, какъ и всякой другой науки, раскрыть причинную связь между явленіями, отмежеванными для этой науки, то она не можетъ ограничиваться исторіей права т. н. культурныхъ народовъ, а должна распознать предѣлы исслѣдованія и сопоставлять данныя, записанныя историками и летописцами, свидѣніями и наблюденіями, сообщаемыми путешественниками и бытописателями правыхъ разныхъ народовъ». Въ виду вышесказаннаго, вполне есте-венно, что г. Кулишеръ отводитъ въ своемъ трудѣ довольно много мѣста и даннымъ этнографіи: какъ и въ прежешующихъ работахъ своихъ, гдѣ автору приходится опервргать надъ свидѣніями о бытѣ разныхъ народностей, г. Кулишеръ и въ названномъ трудѣ обнаруживаетъ начитанность, вследствие чего читатель найдетъ въ «Разводѣ» не малое количество разбросанныхъ интересныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, однако, авторъ увлекается смѣлыми сопоставленіями и строитъ нерѣдко мало вѣроятныя гипотезы, что крайне неблагоприятно отражается на достоинствѣ книги. Связанія переданы не всегда точно; такъ, наир., говоря о правѣ мужа путемъ личной мести наказывать жену и ея сообщника за нарушеніе супружеской вѣрности, авторъ упоминаетъ объ обы-

чаяхъ фарсалаговъ «одного изъ обществъ Владикавказскихъ горцевъ», ссылаясь при этомъ на трудъ Леонтовича «Адаты». Дѣйствительно въ напечатанной у Леонтовича «Выпискѣ о нравахъ и обычаяхъ горцевъ Владикавказскаго округа 1849 г.» вслѣдъ за осетинскими обществами, тагаурскими, куртатинскими слѣдтъ и «общество фарсалаговъ» (II стр. 42), но, очевидно, г. Кулишеръ упустилъ изъ виду слишкомъ извѣстный фактъ, что фарсалаги не болѣе какъ лица, составлявшія свободное сословіе у осетинъ, о чемъ между прочимъ говорится въ томъ-же трудѣ Леонтовича (стр. 12). Что касается гипотезъ, высказываемыхъ г. Кулишеромъ, то онѣ часто мало обоснованы и слишкомъ поспѣшны. Такъ, напр., приведя въ Одиссеи эпизодъ о задержаніи Гефестомъ измѣнившей ему Афродиты и ея соучастника Арея, авторъ отиѣчаетъ, что имѣя описываетъ то, что было общимъ явленіемъ: о кузницахъ, намъ мѣстахъ веселыхъ сборищъ, говорить еще Гезіодъ; кузницы играли такую-же роль и въ средніе вѣка и были мѣстами для любовныхъ свиданій. Огюста авторъ дѣлаетъ совершенно неожиданное заключеніе: «невидимому, однако, пишетъ онъ, эти явленія были уже злоупотребленіемъ *abusus*, вырожденіемъ болѣе стариннаго обычая—*usus*, совершать браки въ кузницахъ». Подтвержденіе существованія обычая «совершать браки въ кузницахъ», онъ видитъ въ извѣстной свѣтлой пѣснѣ «Идетъ кузнецъ изъ кузницы» и т. д., въ противоположномъ заговорѣ, въ которомъ упоминаются вузнецы на о-вѣ Бунаѣ: «не купите вы, вузнецы, желѣза бѣлаго, а привуйте ко мнѣ молодца», и въ свадебной пѣснѣ, гдѣ «обращаются къ мвончскимъ кузнецамъ, замѣнившимъ въ русской мивеологіи Гефеста,—въ Кузьмѣ-Демьяну». Авторъ полагаетъ, что въ періодъ дѣйствительнаго (а не обрядоваго) похищенія женщины «сковать свадьбу» «значило сковать... дѣйствительныя, осязательныя цѣпи, въ изготовленіи которыхъ долженъ былъ играть роль кузнецъ и кузница». Не менѣе странной, чѣмъ гипотеза о существованіи «обычая совершать браки въ кузницахъ», оказывается и мнѣніе автора о происхожденіи обычая носить въ знакъ траура черный цвѣтъ: этотъ обычай, по мнѣнію г. Кулишера, отраженіе тѣхъ костровъ, на которыхъ сожигались жены покойника, его рабы, любимыя имъ лошади и т. д. «Носеніе чернаго платья должно было знаменовать обугливанье того человѣческаго существа, которое носило трауръ»..., читаемъ мы нѣсколько далѣе. По мнѣнію автора, обычай сожиганія вдовъ отчасти вырождался въ обрядъ символическаго сожженія вдовы, отчасти видоизмѣнялся еще слѣдующимъ образомъ: вдовы обмазывали тѣло черной краской (папуасы, по свидѣтельству Миклухи-Мамайя), а съ развитіемъ одежды окрашиванье тѣла замѣнено обычаемъ носить чернаго цвѣта платье. Авторъ не задается вопросомъ, почему черная краска, долженствовавшая изображать «обугливанье» тѣла на кострѣ, замѣнена нѣкоторыми народностями при траурѣ какъ разъ протавоположной—бѣлой. Не безъинтересенъ и взглядъ автора на причины, содѣйствовавшія возникновенію и развитію обычая требовать еогласія брачующихся при бракѣ. Г. Кулишеръ рѣшаетъ этотъ вопросъ просто: рядомъ съ экзогамической формой брака, при которой прѣтнмвалось похищеніе или покушка, существовала и эндогамическая; первая

форма устанавливала власть мужа надъ личностью жены, вторая оставяла женщину свободной; мужъ «былъ совершенно безвластенъ по отношенію въ жевѣ, не подчиненной его господству»; «рядомъ съ женой, какъ рабыней, при экзогамическомъ бракѣ, была свободная, независимая женщина при эндогамическомъ бракѣ. Такъ было въ первобытныхъ времена». Почему-то, — этого г. Кулишеръ не объясняетъ, — эндогамическая форма брака была незаконной, но «постепенно только отношенія, существовавшія въ незаконномъ бракѣ, вліяли на облагороженіе законнаго брака... Только благодаря незаконному браку, установленъ былъ принципъ, что возникновеніе брака обуславливается не сдѣлкой между родителями, у взаимнымъ согласіемъ брачущихся». Что-бы ни привело автора въ этого странному заключенію, сравненіе-ли *confarreatio* у римлянъ съ бракомъ посредствомъ *usus'a*, или распространеніе *вокубината* у дѣлаго ряда народностей, — во всякомъ случаѣ ему едва ли удастся доказать, что въ «первобытныхъ времена» жевщина при эндогаміи была «свободной, независимой» по отношенію въ мужу. Жестовое обращеніе мужей съ женами на низшихъ культурныхъ ступеняхъ — явленіе обыденное, независимо отъ эндогаміи.

Поспѣшность обобщеній, быстрота въ построеніи гипотезъ, примѣры которыхъ мы привели, являются слабой стороной труда г. Кулишера: такое смѣлое оперированье съ давними этнографіи не окажетъ исторіи права никакой услуги и не только не дополнитъ и не освѣтитъ ея положеній, но можетъ и подорвать довѣріе въ дѣлсообразности обращенія въ дѣльнымъ этнографіи, если историкъ права пожелае-бы судить о нихъ по «Разводу» г. Кулишера.

Н. X.

Ar. Densușianu. Din Mitologia româna. (*Revista critica literara*: an. I, № 12, pp. 521—531; an. II, № 9, pp. 345—356; an. III, № 10—11, pp. 269—279).

Подъ рубрикой «Изъ румынской мифологіи» Ар. Делсуняну помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ издаваемого имъ журнала семь небольшихъ изслѣдованій, имѣющихъ между собой много общаго, а именно болѣе или менѣе чистое и прямое *римское происхожденіе* нѣкоторыхъ обычаевъ и отдѣльныхъ даже выраженій, подмѣченныхъ у современныхъ румынъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Изъ этихъ изслѣдованій слѣдуетъ сдѣлать о слѣдующихъ пяти (первыя два мало интересны):

(III). *Dusii*. Въ народномъ говорѣ страны Хацета (*урахацѣтулуй*) въ Трансильваніи существуетъ такое выраженіе: имѣть *душъ* (*are dusii*). Такъ говорятъ про человѣка, который находится въ дурномъ расположеніи, который обижень чѣмъ-нибудь или сердится. Это слово упоминается у двухъ латинскихъ писателей. Св. Августинъ въ своемъ трактатѣ *De civitate Dei* говоритъ: *Dusii...*, quosdam Daemones, quos *Dusios Galli* nuncupant (XV, 23). Болѣе подробно говоритъ о томъ же и Исидоръ (*Orig. lib VIII, II, 103*): «*Pilosi, qui graece panitae, latine incubi appellantur, sive inui ab ineundo passim cum animalibus.*

Unde et incubi dicuntur ab incubendo, hoc est stuprando. Saepe enim improbi existunt etiam mulieribus, et earum peragunt concubitum: quos Daemones Galli *Dussios* nuncupant, quia assidue hanc immunditiam peragunt.» Изъ всего этого вытекаетъ, говоритъ изслѣдователь, «что *Dussii*, румынское *Душій*, есть видъ злыхъ духовъ, которые у римлянъ назывались и *incubi*, а по вѣрованію румынъ изъ страны Хацага, *Душій* означаютъ вообще духовъ, которые раздражаютъ, срѣгать.»

Зная, что въ румынской мифологіи, равно какъ и въ языкѣ, быту, обычаяхъ и обрядахъ, такъ силенъ элементъ славянской, такую связь между римскими *Dussii* и румынскими *Душій* находить было бы не вполне осп-вательно. Скорѣе, румынское слово *душій*—славянскаго происхожденія, и имя нарицательное ДОУХЪ, несомнѣнно имѣвшее въ народной мифологіи значеніе *луха злого, злыщаго и раздражающаго*, могло сохраниться въ языкѣ чужомъ, т. е. въ румынскомъ языкѣ, со значеніемъ собственнаго имени извѣстныхъ духовъ, а именно *Душій*.

(IV). *Beda*. Въ той же странѣ Хацага, особенно же въ горахъ Хмнедоры (*Hinedörei*) или такъ называемомъ «лѣсномъ округѣ», замѣчены такія выраженія: «Сущай къ *Beda*! Съела бы тебя *Beda*! Въ *Bedu* его! Оставь его въ *Bedu*!» И эти выраженія употребляются наравнѣ съ подобными же выраженіями, гдѣ слово *Beda* замѣнено *чертомъ (Dracu)*; отсюда выводъ, что *Beda* есть названіе злого духа.

Слово *Бѣда* Ар. Денсушяну изходитъ въ трехъ латинскихъ памятникахъ. Во-первыхъ у Исихія, который говоритъ слѣдующее: Βένδις. ἢ Ἀρτεμις, Φρακιστί. παρὰ δὲ Ἀθηναίους ἑορτὴ Βενδιδαία, т. е.: «*Вендисъ*, Артемиды (Діана) на языкѣ еракійскомъ, а у римлянъ—праздникъ *Бендидаія*. Второе упоминаніе и третье—въ надписяхъ: *Bandue Cornelius Oculatus (Corpus inscript. lat II, 2498)* и *Deo Marti Thinisco et duabus Aliasiagis Bede... (Hermes, 19, 2, p. 233)*. Въ другомъ мѣстѣ Исихій прямо называетъ *Bendis* Гекатой, дочерью Адмета или ада. Луна въ образѣ Гекаты призывается въ заговорахъ, проклятіяхъ, священныхъ обрядахъ и т. п. Въ надписи *Bede* стоятъ рядомъ съ именемъ Марса, бога войны, т. е. божества *страшнаго, злого*. Поэтому, и *Beda* должна быть именемъ такого же по характеру божества.

Но и это слово, которое Ар. Денсушяну объяснить аналогіей дикъ греко-еракійской мифологіи, слѣдуетъ считать славянскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что въ такомъ же видѣ слово *Бѣда* существуетъ и въ современныхъ славянскихъ языкахъ. Не болѣе какъ у малоросовъ австрійской Буковины и сѣверной Бессарабіи существуютъ такія же выраженія, которыя Ар. Денсушяну отмѣчать у трансильванскихъ румынъ, а именно: «иди до буди! иди до вощасти!»; тоже находимъ мы и у сербовъ, а удареніе на второмъ отъ конца слогѣ въ этомъ словѣ въ румынскомъ языкѣ: *bēda* говорить о заимствованіи его у южныхъ славянъ (ср. санскр. *badha*—мученіе, исцеліе; литовск. *bėda*—вужда).

(V). *Alimori*. *Алиморь*—это народный праздникъ, весьма распространенный среди румынъ Трансильваніи и Баната. *Алиморь* празднуется на

масляной нефлѣ и празднуется такимъ образомъ. Въ день заговѣнья или въ сыропустную нефлѣ собираются и парни и старики и разводятъ нѣсколько костровъ, вокругъ которыхъ поютъ, танцуютъ и кричатъ. Этотъ огонь называется *privéniu*. Парни берутъ бревно, привязываютъ къ одному концу мучекъ соломы, зажигаютъ ее огнемъ изъ костра, вертять бревномъ вокругъ себя и кричатъ: *Амморь, Амморь!* Въ другихъ мѣстностяхъ берутъ колесо отъ воза или отъ плуга, по ободу его привязываютъ солому, зажигаютъ ее и—когда разгорится—скатываютъ горящее колесо въ долину и при этомъ кричатъ то же, что кричатъ и обыкновенно. Старики, собравшіеся у этихъ костровъ, говорятъ о старинѣ, а парни смѣются надъ взрослыми *дѣвцамими, не вышедшими замужъ* (*B. P. Hâjdeu, Etymologium Magnum Românun*). Такой же приблизительно обычай, т. е. вопросы о *замужествѣ взрослыхъ дѣвцовъ*, В. Хыждеу находить и въ Италіи и, во Франціи. Особенный интересъ, по мнѣнію Ар. Денсушяну, представляютъ двѣ особенности, а именно: празднованіе Амморь *въ началѣ весны* и празднованіе *ихъ на горѣ* и *съ колесомъ* или *съ горящей соломой*. Начало весны—пробужденіе природы, гора и огонь—характерные признаки культа солнца, какъ производящей силы въ природѣ. Отсюда выводъ: *Амморь*—это праздникъ или культъ производительныхъ, воскрешающихъ силъ или, лучше сказать, божествъ, олицетворяющихъ собою эти силы. Разложивъ слово *Alimori* на его составныя части, Ар. Денсушяну объяснить первую изъ нихъ, а именно тому *ali*, — какъ корень слова *Almus*, а *Almus(a)* — это постепенный эпитетъ нѣкоторыхъ божествъ: Цереры, Земли, Юпитера; наконецъ, въ нѣсколькихъ надписяхъ слово *almus* замѣнено словомъ *alus* того же корня и значенія. *Alimori*, по мнѣнію Ар. Денсушяну, въ латинскомъ языкѣ существовало въ формѣ *alimonia* — питанію. Такимъ образомъ, въ концѣ всего изслѣдованія, состоящаго, главнымъ образомъ, въ поправкахъ текстовъ въ пользу главной мысли изслѣдователя, та формула, съ которой парни обращаются къ *Alimori*, читается такъ: «*Alomore*, привязываю тебя но обычаю, т. е. со всей обычной церемоніей».

(VI) *Brânu la Precurately* т. е. Поясъ Пречистой.

Въ одномъ валашскомъ документѣ отъ 1614 года читается такое мѣсто: «затѣмъ побратались Пырвь-пахарникъ (придворный чинъ—*виночерпій: рlharu-станканъ*) и госпожа его Марія съ Предой постельникомъ, по ихъ доброй волѣ. Всѣ они вошли въ святую церковь и препоясались *поясомъ Пречистой* и положили руки на святое Евангеліе, да будутъ Пырвуль пахарникъ и жена его *неразлучными братьями* на вѣки на третью часть села Войнещи...»

Прежде всего Ар. Денсушяну опровергаетъ всякую возможность какой-либо связи между поясомъ Пречистой въ обрядѣ братотворенія и съ Поясомъ Богородицы въ извѣстномъ продолжномъ сказаніи: «О положеніи честнаго пояса пресвятой Дѣвы Богородицы» (*31-е августъ*), относимаго происхожденію обычая братотворенія ко временамъ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ культъ христіанства, и огмѣчаетъ двѣ народныя пѣсни, въ которыхъ упоминается поясъ, какъ символъ *вѣрности*:

«Въ зеленомъ садикѣ сидитъ перень съ его возлюбленной и держитъ ее за поясъ и клянется *святѣмъ солнцемъ*. — «Оставь, братецъ, не клянись мнѣ; пусть побьетъ меня *Пречистая*, если я буду любить кого-нибудь другого, вромѣ одного тебя» (*Jarnik—Bârseanu. Doine, p. 51*).

Во второмъ стихотвореніи находимъ такое же почти мѣсто. Въ словахъ: *Пречистая, святая икона* (изъ второго отрывка)—Ар. Денсушану видятъ замѣну какого-нибудь болѣе древняго термина, и особое значеніе клятвы на поясъ видятъ въ томъ, что въ упомянутомъ документѣ эта клятва стоитъ на *первомъ* мѣстѣ, а на второмъ уже стоитъ клятва на Евангеліи. Затѣмъ Ар. Денсушану находятъ нѣкоторую связь между ролью пояса въ обрядѣ братотворенія и ролью повязка въ чинѣ вѣчанія, когда жениху и невестѣ перевязываютъ руки и обводятъ ихъ вокругъ наложъ; и здѣсь и тамъ—одна идея: неразлучная любовь, дружба, *единство*; кромѣ этого, въ обрядѣ вѣчанія повязка есть символъ дѣвственности и вѣрности.

Въ древней мифологіи чудесный поясъ приписывается богинѣ Венерѣ. Этотъ поясъ описываетъ Гомеръ: «съ немъ была любовь, страсть и сладкія слова, которыя лишали разсудка самыхъ мудрыхъ людей» (*Iliada, XIV, ст. 217—218*). Венера даетъ этотъ поясъ Юнонѣ, когда та отправляется къ Юлитру, чтобы его очаровать.

Поясъ та же есть необходимая принадлежность одного заговора. Одѣвая поясъ, говорятъ: «Поясъ-поясокъ! Сдѣлайся змѣйкой, сдѣлайся большой змѣей съ золотой чешуей. И какъ я тобой подпасаюсь, такъ ты меня освободи отъ себя и пойдя къ моему невѣстнику, тому, который оставленъ Богомъ....» (*S. Fl. Marianu Vraji si farmese, p. 17*).

Венера не олицетворяла одну только любовь, она была также покровительницей *родового и общиннаго союза* (*Preller, Griechische Mythologie, ed. 2, B. I, p. 286*). Также же значеніе она получила и въ римской мифологіи и была даже символомъ *Collacia (Concordia)*, б гнией *соединенія и братства (Verbrüderung)* (*Preller, Römische Myth., ed. 2, p. 382*).

Далѣе Ар. Денсушану говоритъ о почитаніи у румынъ *св. Пятницы*, которая по-румынски называется *sf. Vinerea*, и находитъ связь между римской Венерой и румынской Пятницей и приводятъ слова одного католическаго еписк. Бандина (*Bandinus*), жившаго въ Молдавіи въ половинѣ XVIII вѣка и отмѣтившаго почитаніе *св. Пятницы* у молдаванъ (*Codex Bandinius, publ. de V. A. Urechie. Bucur. 1895, p. 150*). А такъ какъ Венера называлась и рѣдко *Ураніей* или *Небесной (Caelestis)*, то этотъ эпитетъ ей легко могъ быть замѣненъ въ христіанскую уже эпоху словомъ *Пречистая*, т. е. Богородицей.

Въ этомъ смыслѣ и объясняется употребленіе пояса Пречистой въ обрядахъ вѣчанія и братотворенія, какъ двухъ важныхъ актахъ семейной и общественной жизни.

Таковъ ходъ работы въ изслѣдованіи Ар. Денсушану. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что братотвореніе—это обычай не исключительно

румынский, а известный и у всех славянских народов, и в Россіи. Въ немъ онъ перешелъ изъ Греціи, о чемъ можно найти болѣе подробныя свѣдѣнія въ словарѣ *Дюканжа: Gloss. Graecit.*, подъ словомъ *ἁδελφοποιία*. «Канонисты греческіе запрещаютъ совершать его монахамъ и говорятъ, что законы гражданскіе вовсе не признаютъ его за какой-либо актъ юрмическій» (*Ралли, II, V, 370 и 400. Ср. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, перв. половина, стр. 784*).

Существуетъ два чина братотворенія: краткій и пространнѣй. Для насъ интересенъ второй изъ нихъ, который «представляетъ настоящее и довольно обширное слѣдованіе. Священникъ ставилъ вступающихъ въ братство передъ алтаремъ, вложилъ ихъ руки на евангеліе, положенное передъ ними на налоѣ, опоясывалъ ихъ однимъ поясомъ и давалъ имъ по свѣчѣ.» Изъ другихъ обрядовыхъ сторонъ слѣдуетъ отмѣтить: «обвоженіе ихъ кругомъ налоя», какъ и при вѣнчаніи (*тамъ же, стр. 398*). Чинъ братотворенія сохранился въ нѣсколькихъ рукописяхъ разнаго времени: 1) въ Сербскомъ Требникѣ XIV вѣка изъ собр. В. И. Григоровича, № 34-й. (1715) (*Отч. Моск. Публ. и Рум. музеевъ, за 1876—78 г., стр. 29*); 2) въ Сербскомъ же Требникѣ нерв. пол. XIV вѣка изъ собр. А. Гальфердинга, напеч. у М. Милличевича, *Живот. срба селяка. Беогр. 1894 г., стр. 108—110*; 3) въ рукописи Сербскаго Ученого Друштва, напеч. въ *Гласникъ* за 1867 г., № 22; 4) также напеч. П. С. *Сречковичемъ* въ *Гласникъ* № 69 за 1865 г., стр. 273; по словамъ издателя, этотъ чинъ есть и въ греческихъ требникахъ; 5) Моск. Синод. Библ-ки № 371, л. 133 (*А. Горскій и Невостровецъ, Описание слав. рукописей..., отд. 3, 1, стр. 145*); 6) Моск. Синод. Библ-ки № 377, л. 61 (*тамъ же, стр. 211*); 7) въ Требникѣ сербскомъ XVI—XVII вѣка изъ собр. П. И. Севастьянова № 19 (1449), л. 31-й (*А. Викторозъ, Собрание рукописей. М. 1881 г., стр. 44*) и нѣ др. Въ сербскомъ требникѣ, печатанномъ въ Венеціи въ 1538—1540 гг. и 1570 г., тетр. 34-я, этотъ чинъ напечатанъ цѣлкомъ (*Ср. Goar. 898*). Недавно появилось въ свѣтъ изслѣдованіе о побратимствѣ, о характерѣ этого обычая по болгарскимъ пѣснямъ, пословицамъ и другимъ произведеніямъ народнаго творчества, а также по документамъ—*Н. А. Начова: «За побратимството» (Периодическо Списание на българското книжовно дружество, кн. 51, 52, 53, 1896 г.)*. По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, побратимство это обще-славянскій обычай, и въ такомъ видѣ и съ такимъ характеромъ, какъ онъ является у славянъ, обычай этотъ не ведетъ свое происхожденіе отъ *ἁδελφοποιία* (*тамъ же, стр. 499—500*).

Такимъ образомъ, о румынскомъ происхожденіи не можетъ быть и рѣчи. Намъ неизвѣстны также румынскія рукописи или печатныя изданія, въ которыхъ читался бы этотъ чинъ братотворенія и, несомнѣнно, въ Валахіи онъ былъ извѣстенъ по печатнымъ требникамъ Венеціанскаго изданія, такъ какъ до XVIII вѣка въ Валахіи богослуженіе совершалось на церковнославянскомъ, правильнѣе—сербскомъ языкѣ.

Точно также вѣтъ основанія говорить о почитаніи Пятницы, какъ о

чисто-румынскомъ религіозномъ вѣрованіи, такъ какъ почитаніе Пятницы, въ образѣ св. Парасковіи, св. Петви существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, а о связи Венеры или Фрей, какъ богини плодородія, съ шестымъ днемъ недѣли—пятницей говоритъ еще *Аванасьева* въ его изслѣдованіи: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», т. I, стр. 230, 231, 234. Повтому вопросу существуетъ сравнительно даже обширная литература: *И. Я. Порфирьевъ*, «Почитаніе среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ» *Прав. Собесѣдн.* 1859 г., вв. 2-я; *А. Беселовскій*, «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г. вв. 6-я; *И. Ю. Некрасовъ*, «Замѣчанія по поводу народнаго русскаго сказанія о 12-ти пятницахъ» *Филолог. Записки*, 1870 г. в. 9-й; *Н. С. Тихонравовъ*, Памятникомъ отеч. литературы, т. II, стр. 937—938; *М. И. Соколовъ*, «Обрѣтеніе Леонвріево о 12 пятницахъ», Матеріалы и замѣтки вып. I-й, стр. 51—57-я и мн. др.

Наконецъ, роль пояса въ обрядѣ братотворенія слѣдуетъ объяснить исключительно общностью психологическихъ законовъ у разныхъ народовъ и въ разное время; кольцо (символъ безконечности, неразрывности) и поясъ (символъ соединенія, вѣрности)—необходимые атрибуты при тѣхъ обрядахъ, которые, освящаютъ всякіе факты соединенія между собой гавъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ въ лицѣ ихъ представителей.

(VII). *Gorgone*. Въ странѣ Хацега слышатся часто такія выраженія: „Ступай въ Горгону! излял бы тебя Горгоны! съѣли бы тебя Горгоны“ и т. п. Сразу видно изъ этихъ выраженій, что Горгоны эти—какія-то мѣологическія существа и, при этомъ, по природѣ своей—*злая существа*. Это слово извѣстно у классическихъ авторовъ, а именно, Горгоубес. Тамъ, Эсхилъ въ трагедіи своей „Прометей“ описываетъ ихъ такъ: „Горгоны, три крылатыя сестры, съ змѣями вмѣсто волосъ, мучители людѣй, увидя которыхъ ни одинъ изъ смертныхъ болѣе не живетъ“ (*vers.* 798). Аполлодоръ описываетъ ихъ нѣсколько подробнѣе: „Горгоны имѣли головы съ змѣиной чешуей, большіе клыки, какъ у днѣвхъ свиней,—жѣлѣзные руки и волооченыя крылья, при помощи которыхъ летали; а кто ихъ увидитъ, тотъ превратится въ камень“. О горгонахъ же упоминаетъ и Гомеръ: *Γοργυῆτην κεφαλήν* (*Одисс.* XI, 633). Греческая скульптура оставила намъ не одинъ памятникъ съ тавимъ же изображеніемъ Горгонъ.

Интересно, что на румынскомъ языкѣ есть глаголъ *gorgoni*, который имѣетъ такое же значеніе, какъ классическій глаголъ *Γοργυεύω*—*gradum cito, velocius gradior, festino* (*V. H. Stephanus, Thesaurus Gr. Linguae*). Тавимъ образомъ, у румынъ сохранился слѣдъ тавой интересной древности изъ арійской мѣологии.

Во второмъ своемъ изслѣдованіи Ар. Денсушану проводитъ параллель между *Casmete*—мифическимъ существомъ, которое, по повѣрью македонскихъ румынъ, присутствуетъ при рожденіи челоука, и римскими *Carmentes*, о которыхъ говоритъ св. Августинъ: „in deabus

illis quae fata nascentibus canunt et vocantur *Carmentes* (de Civ. Dei, IV, 11).

А. Яцимироной.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло и М. Е. Грумъ-Гржимайло. Описание путешествія въ Западный Китай. Томъ I. *Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня*. Съ картой, 25 фотографіями, 5 гравюрами въ текстъ и 1 таблицей. Спб. 1896. 4°. XII+547 стр.

(II) Въ последнее время очень не рѣдко стали появляться почтенные труды, посвященные описанію малоислѣдованныхъ странъ и народностей. Такъ какъ слишкомъ трудно объ этихъ странахъ писать какія-нибудь строго-научныя, систематически-обоснованныя монографіи, въ виду почти полнѣйшаго отсутствія предварительнаго (т. е. главнымъ образомъ, сырого) матеріала, то и всѣ экскурсіи въ область этихъ важныхъ для науки знаній носятъ до послѣдняго времени характеръ предварительныхъ развѣдокъ или, какъ называлъ ихъ Н. М. Пржевальскій, „научныхъ рекогносцировокъ“. Ученому наблюдателю въ своихъ путешествіяхъ по невѣдомымъ странамъ трудно оставаться узкимъ специалистомъ; онъ понимаетъ, что еще очень рѣдкій случай даетъ возможность европейски-образованному человѣку пробраться хотя бы, напр., на склоны Тянь-Шаня, а потому чувствуетъ въ себѣ нравственную обязанность смѣрять на все, все видѣть и все заносить на страницы своего дневника. Такимъ образомъ большую часть дневника ему приходится удѣлять „эпическому“ матеріалу, съ которымъ онъ, какъ думаютъ компетентные люди, еще не скоро разстанется, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Средней Азій.

Такъ и „Описаніе“ братьевъ Грумъ-Гржимайло является до нѣкоторой степени лѣтописью Тянь-Шаня, очень полной, обстоятельной и интересной.

Начавъ свое путешествіе отъ границъ Русской имперіи (изъ Джаркенда), они достигаютъ города Кульджи, оттуда переваливаютъ Цитертъ, прибываютъ въ г. Джиньхо (недалеко отъ оз. Эйн-норъ) и идутъ далѣе къ востоку на Хами, проходя на этомъ длинномъ пути торгоутскія кочевья, перевалъ черезъ Тянь-Шань, г. Урумчи, священную гору Богдо, г. Гученъ, далѣе Джунгарію, изъ Джунгаріи въ Турфанъ, наконецъ изъ Турфанской области черезъ пустыню до самаго мѣста назначенія; въ восточной части Хамійскаго княжества кончаются странствованія, описанныя въ этомъ томѣ.

Весь этотъ интересный путь далъ возможность путешественникамъ собрать не только свѣдѣнія о современномъ состояніи страны и ея населенія, но и обратиться къ освѣщенію ихъ историческими фактами, отъ чего все „Описаніе“ много выигрываетъ. Самые свѣдѣнія современнаго быта очень цѣнны какъ по своей новизнѣ, такъ и по разнообразію; легенды, пѣсни, мѣстные рассказы, факты языка, вѣрованія, обычаи, домашняя обстановка, городская и сельская жизнь, осѣдлые и кочевые нравы—все находитъ мѣсто на страницахъ описанія, хотя и разбросано въ отрывкахъ, т. е. по мѣрѣ накопленія матеріала въ дневникѣ.

Если сюда присовокупить и географическія свѣдѣнія, съ наукой ж елорой включительно, то указанныя этнографическія отрывки получать еще большій вѣсъ, такъ какъ здѣсь же могутъ быть освѣщены данными смежной науки.

Во всякомъ случаѣ, этнографъ, займется ли онъ изученіемъ культуры восточныхъ народовъ или вопросами общей этнологіи, въ которыхъ безъ востока обойтись будетъ невозможно, не расклется, если проштудируетъ интересную книгу братьевъ Грумъ-Гржимайло.

Вл. Б.

Баронъ П. К. Усларъ—Этнографія Кавказа. Языковеденіе, VI. Юртинскій языкъ. Тбилиси 1896. (Изданіе Управленія Кавказ. Учебн. Округа).

Названный VI-й выпускъ, содержащій грамматику юртинскаго языка, оканчивается серіа лингвистическихъ трудовъ покойнаго языковѣда бар. П. К. Услара, сдѣлавшаго такъ много для уясненія грамматическаго строя кавказскихъ горскихъ языковъ. Исслѣдованія Услара объ абхазскомъ, чеченскомъ, аварскомъ, лакскомъ, хуринлинскомъ и юртинскомъ языкахъ были литографированы имъ самимъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и извѣстны были европейскимъ лингвистамъ только по обстоятельнымъ нѣмецкимъ отчетамъ, которые въ свое время, въ 60 и 70 годахъ, давалъ о нихъ академикъ Шленеръ въ Мемуарахъ Академіи Наукъ. Самъ Усларъ считалъ преждевременнымъ печатать свои монографіи по отдѣльнымъ горскимъ языкамъ, сознавая, что при дальнѣйшемъ изученіи ему пришлось бы многое въ нихъ переслать, пополнить и исправить. Поэтому онъ ограничился литографированіемъ своихъ изслѣдованій, на которое смотрѣлъ лишь какъ на «привалъ при длинномъ переходѣ» *). Это литографированное наслѣдіе скромнаго и требовательнаго къ себѣ ученаго хранилось лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и въ этомъ видѣ могло быть извѣстно лишь немногимъ. Поэтому Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа, сдѣлавшее уже такъ много въ послѣднія 15 лѣтъ для этнографическаго изученія Кавказа, оказало вступную услугу кавказскому языковѣдѣнію, начавъ съ 1887 года печатаніе серіи лингвистическихъ монографій бар. Услара. Быть можетъ, еще не скоро найдутся преемники покойному языковѣду въ трудной работѣ, но если они явятся, они пойдутъ уже по проложенной имъ дорогѣ, расчищенной его замѣчательнымъ лингвистическимъ чутьемъ и упорнымъ трудолюбіемъ. Какъ бы ни пришлось будущимъ изслѣдователямъ исправлять и пополнять монографіи Услара, фонетика и основы морфологіи шести изученныхъ имъ горскихъ языковъ окажутся прочно установленными. Услару приходилось начинать съ азбуки въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. опредѣлять число звуковъ гласныхъ и согласныхъ языка и изобрѣтать буквы для ихъ выраженія, затѣмъ уяснять морфологію на основаніи грамматическаго разбора записанныхъ имъ же текстовъ. Поэтому всѣ его монографіи содержатъ не только обычные въ грамматикахъ параграфы, но и «оправдательные до-

*) См. Абхазскій языкъ, стр. VI.

кументы». Так и въ трудѣ о юртинскомъ языкѣ мы находимъ слѣдующіе отдѣлы: а) азбука, б) территория языка, в) фонетика, г) очеркъ морфологии, д) образцы языка съ грамматическимъ разборомъ и дословнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ и е) сборникъ юртинскихъ словъ, занимающій почти половину книги. Кавказскому языковѣду приходилось встрѣтиться еще съ одной трудностью, неизвѣстной изслѣдователямъ многихъ другихъ языковъ,—съ вопросомъ, какъ назвать изслѣдуемый горскій языкъ. Оказывается, что названіе «юртинскій» принято Усларомъ только какъ условное: «ни языкъ въ цѣлостн своей не называется юртинскимъ, ни жители, на немъ говорящіе, не носятъ общаго названія юртинцевъ»¹⁾. Въслѣдствіе прежней политической разобщенности, народонаселеніе части Дагестана, говорящее юртинскимъ языкомъ, не выработало себѣ одного общаго названія. Часть этого населенія, живущая въ бассейнѣ средняго Самура, составляла три независимыя почти до половины нашего столѣтія общества; другая, къ сѣверу отъ нижняго теченія Самура, вошла въ половинѣ прошлаго столѣтія въ составъ, главнымъ образомъ, Юртинскаго ханства, а третья, къ югу отъ нижняго теченія Самура, входила прежде въ составъ Кубанскаго ханства. Въ настоящее время административное дѣленіе также не объединяетъ всей территоріи юртинскаго языка, такъ какъ говорящее имъ населеніе входитъ въ составъ трехъ административныхъ отдѣловъ: Самурскаго и Юртинскаго округовъ, лежащихъ въ южномъ Дагестанѣ, и Кубанскаго уѣзда Бакинскои губерніи. Усларъ остановился на названіи юртинскій языкъ въ виду того, что *большинство* жителей юртинскаго округа говоритъ на этомъ языкѣ, хотя кромѣ него въ округѣ встрѣчаются и другіе языки. Число туземцевъ, говорящихъ по-юртински, Усларъ опредѣлялъ въ 80 тысячъ душъ обоаго пола. Но нужно помнить, что это опредѣленіе относится къ 70-нѣ годамъ, да и тогда было только приблизительнымъ. Языкъ юртинцевъ, по словамъ Услара, по числу говорящихъ на немъ, занимаетъ третье мѣсто въ Дагестанѣ послѣ языка мааруловъ и языка даргинцевъ, но онъ представляетъ гораздо болѣе единства. Главныхъ нарѣчій (скорѣе подрѣчій) только два: юртинское и ахтинское, но и тѣ мало различествуютъ между собою. Усларъ въ своей монографіи подробно изслѣдуетъ первое нарѣчіе, сообщая о второмъ лишь нѣсколько замѣчаній.

Принимая во вниманіе, что юртинская азбука содержитъ 49 буквъ и что юртинскія слова въ грамматикѣ, хрестоматіи и словарѣ снабжены удареніями, нельзя не признать, что книга въ корректурномъ отношеніи издана весьма удовлетворительно. М.

Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонскои губерніи В. Н. Ястребовымъ. Одесса 1894, стр. 202.

Проф. Сумцовъ («Кіев. Стар.» 1895, май) замѣчаетъ о книгѣ г. Ястребова: «содержаніе ея—большей частью извѣстное, а варианты—по формѣ

¹⁾ § 1, стр. 1.

слабые и малозначительные». Однако, такъ какъ для этнографа важно знать не только какое-нибудь повѣрье или произведеніе народной словесности, но и районъ извѣстности этого повѣрья и произведенія, то трудъ г. Ястребова является для этнографа очень полезнымъ.

Уѣзды Елисаветградскій и Александрійскій — это область, вполне заслуживающая особыхъ изслѣдованій. Въ этнографическомъ отношеніи оба уѣзда — типичные представители т. н. Новороссійскаго края. Именно отсюда началась колонизація Новороссійскихъ степей; городъ Елисаветградъ — центръ прежней Новой Сербіи; здѣсь, въ этихъ уѣздахъ, до сихъ норъ еще превосходитъ взаимный обмѣнъ вліянія всехъ тѣхъ народностей, изъ которыхъ сложился и продолжаетъ слагаться особый этнографическій типъ — новороссійскій. Языкъ здѣсь господствуетъ малорусскій. Сербы, которые въ прошломъ столѣтіи доставили главнѣйшій, наиболѣе многочисленный элементъ для колонизаціи этого края, теперь уже растаяли, расплылись среди окружающаго малорусскаго элемента. Г. Ястребовъ, упоминая объ этомъ въ своемъ предисловіи, увѣряетъ, что отъ сербовъ не сохранилось теперь въ Новороссіи ни малѣйшаго остатка, «хотя слѣдуетъ предположить, что и она внесли въ окружающую среду *нѣчто* свое». Намъ приходится ежегодно жить вблизи Елисаветградскаго уѣзда и постоянно входить въ сношенія съ его жителями, и мы можемъ отмѣтить, что это сербское «нѣчто» и этотъ «остатокъ» можно усмотрѣть въ новороссійской лексикѣ: иногда въ малорусской рѣчи новоросса вдругъ проскользнетъ такое слово, которое такъ и нужно искать въ сербскомъ словарѣ (напр., нынѣшнимъ лѣтомъ мы слышали слово «прыкуваватысь», т. е. затумить, загоревать, — слово происхожденія почти навѣрно сербскаго). Брѣмъ того, намъ кажется, что и въ фонетикѣ новороссійской есть какой-то слѣдъ сербщины: неударное о, происходящее изъ древняго ѣ, звучитъ у нѣкоторыхъ новороссовъ не такъ узко, какъ, напримѣръ, у подолянъ, а болѣе широко, отчасти приближаясь къ а. Впрочемъ, за вѣрасть нашего впечатлѣнія не ручаемся и боимся, что оно насъ обманываетъ; возможно, сверхъ того, увидѣть въ этомъ полуквантъ вліяніе великорусское.

Материалъ, сообщенный въ книгѣ г. Ястребова, собирался много лѣтъ, отчасти самимъ г. Ястребовымъ, отчасти его помощниками, но подъ его же руководствомъ. Въ предисловіи г. Ястребовъ говоритъ: «изъ того сырья, которое накопилось за десять лѣтъ времени, предлагается здѣсь только то, для чего или вовсе нѣтъ прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или есть варианты, различающіеся въ подробностяхъ». На это проф. Сумцовъ замѣчаетъ: «отъ такой осторожности сборникъ лишь выигралъ» («Кіев. Стар.», 1895, май, 192). Мы не вполне согласны съ такимъ мнѣніемъ. Разъ трудъ Ястребова долженъ быть матеріаломъ для этнографіи именно *Новороссіи* (а такъ сказано въ заглавіи), то полезно было бы, не приводя даже записи цѣликомъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать отмѣтку, что такая-то и такая-то сказка, которая записана, напр., гдѣ-нибудь въ Угорщинѣ, рассказывается съ малыми вариантами и въ Новороссіи.

Книга распадается на двѣ половины: а) «Суевѣрія и обряды», б) «Легенды, сказки и рассказы». Первое заглавіе: «Суевѣрія и обряды» — очень мало намекаетъ на то разнообразное содержаніе, которое мы видимъ въ этой половинѣ. Сперва здѣсь налагаются возрѣнія на вѣрослѣдствіе малоруссовъ на внѣшній міръ: небо, свѣтила, атмосферическія явленія, на животныхъ и птицѣ, двѣихъ и домашнихъ, на ихъ характеръ, ихъ происхожденіе, ихъ лѣченіе, на р стѣнія; сюда же добавленъ народный календарь. Далѣе (въ этой же первой половинѣ книги) идетъ рубрика о челоувѣкѣ: мѣнія и суевѣрія относительно членовъ тѣла, пришебы, сны, народная медицина; суевѣрія о глазахъ («урокахъ»), о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ и т. п.; рассказы о вѣдьмахъ, вѣвчулакахъ, мертвецахъ, нечистой силѣ, песиголовцахъ; повѣрія и обряды, пріурочивные къ беременности, родинамъ, воспитанію ребенка (сюда же отнесена большая рубрика— дѣтскія игры), къ свадьбѣ, похоронамъ. Новаго матеріала въ этой половинѣ книги довольно много. Вторая половина— «Легенды, сказки и рассказы». Все-что можно было бы перенести сюда изъ первой половины (рассказы о вѣдьмахъ, мертвецахъ, песиголовцахъ и т. п.) И вообще мы находимъ, что система распределенія матеріала, которой держится г. Ястребовъ (онъ слѣдуетъ преимущественно Чубинскому), не вполне удобна: лучше бы онъ держался системы Драгоманова («Малорусск. нар. преданія». К. 1873). Того, что обыкновенно принято называть собственно «сказкой», у г. Ястребова очень мало: больше всего мы видимъ здѣсь легенды (дуалистическихъ въ томъ числѣ) и бытовыхъ рассказовъ, которые иногда переходятъ въ анекдоты; таковы, напр., малорусскіе анекдоты о людяхъ иной націи. Въ концѣ книги мы видимъ особую главу: «Топографическія названія съ мѣстными объясненіями ихъ»; это—какъ бы дополненіе къ прекрасной брошюрѣ того же автора: «Малорусскія прозвища въ Херсонской губерніи», которую мы своевременно рецензировали въ нашемъ журналѣ.

Книга заключается чрезвычайно удобнымъ «Указателемъ», въ которомъ сообщается не просто заглавіе каждаго номера въ сборникѣ, но и краткій конспектъ, очень содержательный. Такой конспектъ предлагается не только для какъ-нибудь длиннаго номера (напр., сказки), но для всякаго, даже для мельчайшихъ суевѣрій, которыя въ текстѣ изложены въ двухъ-трехъ строчкахъ. Для справокъ такой указатель въ высшей степени удобенъ, и мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что примѣру г. Ястребова теперь начинаютъ слѣдовать и другіе малорусскіе этнографы, напр., Б. Гринченко (Черниговъ, 1896), Ив. Франко («Этнографическій Сборникъ», т. I).

При каждомъ номерѣ г. Ястребовъ старается отмѣчать и печатные варианты, что въ настоящее время многіе малорусскіе этнографы забываютъ дѣлать. Нужно, впрочемъ, признаться, что г. Ястребовымъ указываются только тѣ варианты, которые помѣщены въ большихъ сборникахъ: этнографическія записи, разбросанныя по журналамъ или брошюрамъ, совершенно опущены г. Ястребовымъ (примѣры такихъ пропусковъ мы уже отмѣтили въ своей рецензіи, помѣщенной въ «Житія і

Слові», въ т. IV, стр. 304—305); ни слова не сказано также о малорусскихъ этнографическихъ сборникахъ, изданныхъ въ Австро-Венгріи. Въ этомъ отношеніи новѣйшій трудъ Б. Гринченка, богатый указаніями на самыя малоизвѣстныя галицкія изданія, стоитъ собою одиоко.

Общее впечатлѣніе отъ сборника г. Ястребова вполне благопріятное. Серьезный недостатокъ одинъ: отсутствіе фонетической точности въ записяхъ. Самъ собиратель сознаетъ этотъ свой недостатокъ и говоритъ въ предисловіи, что діалектологическія эписи слѣдуетъ дѣлать отдѣльно отъ этнографическихъ и что для этого нужно быть специалистомъ-филологомъ. Для опредѣленія діалектическихъ тонкостей, конечно, слѣдуетъ предпринимать спеціальныя записи, но общемалорусскія фонетическія примѣты знать можно и неспециалисту. Мы охотно простимъ г. Ястребову, что онъ, напр., записалъ (стр. 12): «въ великій боцци», хотя навѣрное знаемъ, что ему было сказано: «въ великій» или «въ вѣлыи»; но, напр., систематическое начертаніе «ничъ» производить непріятное впечатлѣніе: украинскіе шипящіе не способны смягчаться, въ отличіе отъ великорусскихъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ также путаница правописанія кулшевскаго и общерусскаго, слѣдуетъ дѣлаться чего-нибудь одного!

А. Крымскій.

П. Богаевскій. Мултанское «моленіе» Вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. *Съ рисунками. М. 1896 г. стр. 112 in 16°.*

Основная цель брошюры г. Богаевского — подвергнуть разсмотрѣнію, на основаніи научныхъ данныхъ, обстоятельства челоѳического «жертвоприношенія», въ которомъ обвинялись вотяки с. Мултана. Въ виду этого авторъ знакомитъ прежде всего съ постановкой этнографической экспертизы на второмъ разборѣ дѣла на судѣ. Затѣмъ г. Богаевскій вводитъ читателя въ кругъ вѣроваіи современныхъ вотяковъ, при чемъ главное его вниманіе обращено на изученіе извѣстій о челоѳическихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ. Собравъ относящія сюда данныя, авторъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что противорѣчивыя извѣстія о практикуемыхъ будто бы вотяками челоѳическихъ жертвоприношеніяхъ исходятъ изъ источниковъ, не заслуживающихъ вниманія, и остаются въ противорѣчій съ извѣстными наукѣ данными о вотяцкомъ культѣ. Переходя далѣе къ даннымъ обвинительнаго акта по мултанскому дѣлу, почтенный авторъ приводитъ рядъ интересныхъ указаній на то, что данныя обвиненія противорѣчатъ извѣстнымъ наукѣ даннымъ о вотяцкой религіи и о вѣрованіяхъ первобытныхъ народовъ вообще. Все это даетъ автору право высказать мнѣніе, что «изученіе мултанскаго дѣла въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ даетъ намъ возможность утверждать, что принесенія въ жертву нишаго не было, и что, слѣдовательно, относительно вотяковъ въ настоящее время нѣтъ доказательства существованія челоѳическихъ жертвоприношеній» (стр. 75). Но, такъ какъ мултанское дѣло тѣмъ не менѣе представляетъ нѣсколько загадочныхъ фактовъ, которые обвиненіе усиливалось объяснить жертвоприношеніемъ, то изученіе этихъ фактовъ дало г. Богаевскому возможность высказать предположеніе, «что за-

гадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ есть грубая поддѣлка подѣ ритуаль вотяцкаго жертвоприношенія» (стр. 95). Познакомивъ съ ходомъ и выводами работы г. Богаевского, мы обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя стороны ея. Само собою разумѣется, что въ брошюрѣ, написанной для большаго круга читателей, мы не въ правѣ искать новыхъ данныхъ о вотяцкомъ культѣ. Но, какъ популярное изложеніе вотяцкихъ вѣрованій, трудъ г. Богаевского заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ, извѣстный знатокъ вотяцкаго быта, совершившій нѣсколько поѣздокъ для изученія этихъ инородцевъ, излагаетъ уже извѣстныя въ наукѣ данныя, отчасти по его собственнымъ болѣе раннимъ работамъ (см. Этногр. Обзор. IV, V, VII), о культѣ главныхъ вотяцкихъ боговъ и о жертвоприношеніяхъ имъ. Изложеніе отличается ясностью и удачнымъ расположеніемъ матеріала. Конечно, основной выводъ почтеннаго автора объ отсутствіи у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній имѣетъ важное научное значеніе. Въ заключеніе мы напомнимъ объ общественномъ значеніи труда г. Богаевского, какъ научной экспертизы въ вопросѣ, волновавшемъ нѣсколько мѣсяцевъ все образованное общество: справедливо отмѣтитъ также и то, что разбираемый трудъ тѣсно связанъ съ дѣятельностью Этно-графическаго Отдѣла: г. Богаевскій, дважды выступалъ публично въ засѣданіяхъ отдѣла въ защиту Мултвцевъ,—поскольку это было умѣстно съ точки зрѣнія этнографической науки. Первый докладъ былъ прочитанъ г. Богаевскимъ до перваго разбора дѣла на судѣ; второй выслушанный весьма сочувственно многочисленной публикой,—послѣ втораго разбирательства. Уже въ первомъ своемъ докладѣ г. Богаевскій высказалъ мнѣніе объ отсутствіи строго научныхъ данныхъ о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ вообще, и что въ убійствѣ Матюшина не соблюдены тѣ стороны ритуала, въ которыхъ можно было бы видѣть принесеніе жертвы. Опубликованіе обвинительнаго акта и судебного процесса только подтвердило мнѣніе автора.

М. Довнар-Запольскій.

А. А. Дмитріевъ. Историческій очеркъ Пермскаго края. (Пермь. 1896. 8^о, стр. 48. *Отт. изъ т. I «Обзора Пермскаго края»*).

Брошюра г. Дмитріева представляетъ краткій сводъ данныхъ по исторіи Пермскаго края; авторъ отводитъ видное мѣсто доисторическому періоду Перми, перечисляетъ находки древностей каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, равно и сасанидскихъ древностей, входившихъ въ край, и восстанавливаетъ путь, по которому двигалась торговля съ дальняго востока въ Прикамье до развитія пути по Волгѣ. Изложивъ въ краткихъ чертахъ судьбу Перми въ періодъ догородскаго, а затѣмъ московскаго владычества, г. Дмитріевъ суммируетъ выдающіеся моменты исторіи русской колонизаціи въ зап. Сибири. Мы не въ правѣ предъявлять автору требованія, исполненіе которыхъ было-бы желательно въ самостоятельномъ историческомъ изслѣдованіи; онъ имѣетъ въ виду представить читателю лишь очеркъ, составленный на основаніи уже извѣстныхъ въ печати источниковъ и вполне справился съ своей задачей. Желающій

подробнѣе ознакомиться съ археологіей и исторіей края найдетъ указанія въ многочисленныхъ ссылкахъ г. Дмитриева на литературу предмета; что касается послѣдней, то ссылки автора убѣждаютъ лишній разъ, какъ много поработали интеллигентныя силы отдаленной отъ центра губерніи надъ изученіемъ исторіи и древности края; не во многихъ городахъ нашей провинціи можно найти то безарыстное стремленіе принести свои силы для всеобщаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго края, которое мы видимъ въ Пермской губерніи. Работа г. Дмитриева, суммирующая результаты эгихъ трудовъ въ извѣстномъ направленіи, имѣетъ, между прочимъ, цѣлью распространить знакомство съ прошлымъ Перми среди болѣе широкаго круга читателей, и какъ таковая, слѣдуетъ надѣяться, привлечетъ къ нему еще большее вниманіе, чѣмъ то, которымъ Пермскій край вполнѣ заслуженно пользуется уже давно среди лицъ, интересующихся историко-этнографическими вопросами.

Н. Х.

А. Н. Зерцаловъ. Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда. (*Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665—1667 г.*). Изд. Симбирск. Губерн. Архивной Комиссіи. (Симб. 1896 г. стр. VI+275).

Недавно открывшая свою дѣятельность (апрѣль 1895 г.) Губ. Архивная Комиссія въ Симбирскѣ издала первый томъ своихъ трудовъ. Какъ видно изъ заглавія, онъ состоитъ изъ опубликованныхъ г. Зерцаловымъ документовъ, касающихся исторіи Симбирска и найденныхъ имъ среди архивныхъ богатствъ Моск. Архива М. Юстиціи; представляя текстъ приходо-расходной книги симбирской приказной избы 1665—1667 гг., особенно цѣнный еще потому, что многие документы, касающіеся Симбирска, вѣдавшагося въ приказѣ Казанскаго Дворца, погибли вмѣстѣ съ дѣлами послѣдняго во время пожара въ 1701 г., опубликованные документы имѣютъ прежде всего историческій интересъ, такъ какъ даютъ возможность познакомиться съ хозяйственнымъ бытомъ города и его уѣзда временъ царствованія Алексѣя Михайловича. Оставляя въ сторону значеніе труда г. Зерцалова, какъ очень важнаго матеріала для исторіи русскихъ городовъ, мы ограничимся указаніемъ на интересъ, который онъ представляетъ непосредственно для этнографіи. Среди доходовъ, собиравшихся съ населения, довольно видную статью составлялъ ясакъ съ мордвы, чувашей и татаръ, жившихъ въ тогдашней Симбирской уѣздѣ. Въ приходной книгѣ подъ рубрикой «Съ ясачныхъ людей, ясачныхъ денегъ», мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ деревень, съ указаніемъ на ихъ мѣстоположеніе, національность жителей, съ именной перечнемъ цѣльныхъ дворовъ, полудворниковъ и бобылей и съ точнымъ перечисленіемъ платимаго ясака, что даетъ матеріалъ для опредѣленія какъ распространенія и численности кочевцевъ въ уѣздѣ, такъ и до известной степени ихъ экономическаго положенія. Что касается русскаго населенія края, то, кромѣ отдѣльныхъ интересныхъ въ бытовомъ отношеніи данныхъ, разбросанныхъ среди опубликованныхъ документовъ, свѣдѣній о столкновеніяхъ съ башкирами и

пр., мы находимъ, между прочимъ, подробности объ условіяхъ, въ которыя были поставлены рыболовы и охотники, о взаимномъ съ нихъ оброкахъ и т. д.; кромя того не мало цѣнныхъ свѣдѣній и объ экономическомъ положеніи русскаго элемента въ Сибирскомъ уѣздѣ. Во всякомъ случаѣ этнографъ встрѣтитъ въ «книгѣ», опубликованной г. Зерцаловымъ, много интересныхъ свѣдѣній о прошломъ бытѣ какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія края. Косвенный интересъ для этнографа, для котораго вопросъ о сношеніяхъ Россіи съ другими странами не можетъ быть чуждымъ, представляютъ документы, касающіеся проѣзда черезъ Сибирскъ съ многочисленной свитой грузинской царицы Елены, и пребыванія ея въ этомъ городѣ.

Н. Х.

Труды Рязанской архивной комиссіи. 1895 г. XI. (Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань 1896 г.).

Мы уже отмѣчали на страницахъ нашего журнала (см. Эти. Обзор. XXVI) работу А. И. Черепнина «Мѣстная старина. Борковскій могильникъ», какъ представляющую выдающійся интересъ для этнографіи. Почтенный изслѣдователь и знатокъ мѣстной старины, посвятивъ себя изученію древностей Рязанскаго края, не ограничился описаніемъ добытаго имъ при изслѣдованіи сырого матеріала: онъ взялъ на себя нелегкій трудъ разработать послѣдній и, насколько это позволяютъ археологическія изысканія, начертать картину жизни населенія, оставившаго по себѣ столь богатый и въ научномъ отношеніи важный могильникъ, какъ Борковскій. Въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ рязанской архивной комиссіи» г. Черепнинъ заканчиваетъ свою работу. Описавъ случайныя находки, обнаруженныя при раскопкахъ, авторъ останавливается подробнѣе на открытыхъ въ одной изъ частей могильника слѣдахъ древняго поселенія. На основаніи владовъ арабскихъ монетъ и находокъ предметовъ другого чѣмъ обычные въ могильникахъ типа, г. Черепнинъ склоненъ отнести существованіе поселка къ IX—X в., и приписать его построеніе другой національности, чуждой погребенному въ могильникѣ племени; вѣроятнѣе всего славянскіе колонизаторы края водворились на чуждомъ имъ мѣстѣ древняго погребенія: семластанныя височныя серьги, сердоликовыя бусы и другіе характерныя для кургановъ Московской и Тульской губ. предметы были найдены на площади, занятой бывшимъ поселкомъ, и подтверждаютъ предположеніе, что его слѣдуетъ отнести къ числу славянскихъ колоній окскаго края. Сравненіе находокъ Борковскаго могильника съ другими аналогичными заставляетъ автора отнести начало его образованія къ концу VI-го или VII-му в. по Р. Хр. Авторъ не рѣшаетъ положительно вопроса о составѣ древняго населенія рязанскаго края того отдаленнаго времени: оно, по его мнѣнію, «было разноплеменное, — финно-тюркское, съ незначительною примѣсью славянъ». Дѣйствительно, при отсутствіи въ Борковскомъ и другихъ, привлеченныхъ авторомъ къ сравненію, могильникахъ достаточнаго количества остеологическаго матеріала, изученіе котораго могло бы доставить точку отправленія

и опоры для рѣшенія вопроса о національности, едвали возможно сказать опредѣленно, какой этнографическій элементъ былъ преобладающимъ въ Рязанскомъ краѣ въ концѣ VI-го и началѣ VII-го или VIII-го вѣка. Больше обстоятельный отвѣтъ возможенъ на вопросъ о вліяніи сосѣдей на древнихъ обитателей края: изученіе предметовъ приводитъ г. Черепнина къ заключенію, что большинство получаемыхъ древнихъ населеній рязанскаго края товаровъ шло съ юга к юго-востоку, вѣроятно благодаря хозарамъ; торговля съ мѣстными по средней Волгѣ и низовьямъ Камы, равно и съ населеніемъ верховьевъ Днѣпра и Зап. Двны, хотя, повидному, существовала, но была развита значительно слабѣ. Авторъ далѣе среди подробностей быта указываетъ между прочими на любимую, повидному, пищу древняго населенія: въ изслѣдованныхъ остаткахъ поминальныхъ пиршествъ видно мѣсто занимаетъ кабанье и свиное мясо и рыбы (бѣлуга, осетры). Сравненіе результатовъ изслѣдованій Борзовскаго могильника съ другими аналогичными изъ Рязанскаго края дастъ г. Черепнину возможность снова возвратиться къ описанію одежды древняго населенія (ср. Этн. Обзор. кн. XXVI) и дополнить сообщенныя имъ ранѣе по этому вопросу свѣдѣнія. Особенно детально онъ описываетъ женскій костюмъ: обиліе украшеній въ женскихъ могилкахъ позволяетъ возстановить его съ большими подробностями, чѣмъ это возможно сдѣлать относительно одежды мужчинъ, могилы которыхъ въ Борзовскомъ могильникѣ, какъ впрочемъ почти всюду, содержатъ меньшее количество украшеній, чѣмъ женскія. Небезынтересенъ фактъ находенія женскаго головнаго убора съ прикрѣпленной византійской шерстяныхъ шнурочковъ, назначеніе которыхъ было, повидному, замѣнять естественныя косы у субъектовъ, лишенныхъ достаточнаго количества волосъ.

Намъ неизвѣстна національность лицъ погребенныхъ въ Борзовскомъ могильникѣ, во благодаря цѣнной монографіи г. Черепнина, они воскресаютъ передъ нами во всей обстановкѣ своего неложнаго быта. Возстановленіе особенностей костюма древняго населенія, — работа, на которую авторъ потратилъ много труда и времени, — нѣбѣтъ и спеціальнѣйшій интересъ для этнографа: при изученіи этнографомъ одежды крестьянскаго населенія, мотивовъ орнамента въ вышивкахъ и пр. многое можетъ выясниться благодаря даннымъ археологін. Едвали возможно сомнѣваться, что сближеніе славянскихъ насельниковъ съ туземнымъ населеніемъ должно было повести и къ воспріятію хотябы нѣкоторыхъ особенностей одежды и украшеній послѣдняго: многія частности современнаго крестьянскаго костюма, быть можетъ, стоять въ связи съ традиціями, унаслѣдованными еще отъ періода, когда въ центральной Россіи начинался только процессъ слиянія туземцевъ съ славянскимъ элементомъ. Г. Черепнинъ, суммирующій археологическія данныя, касающіяся одежды древняго населенія Рязанскаго края, оказываетъ большое подспорье и наукѣ этнографіи. Нельзя поэтому не высказать пожеланія, чтобы цѣнная монографія г. Черепнина, вызвала подражателей и среди другихъ археологовъ, въ особенности когда имъ приходится работать надъ изученіемъ древностей

тѣхъ областей Россіи, которымъ было суждено играть болѣе или менѣе выдающуюся роль въ качествѣ культурныхъ центровъ.

Н. Х.

Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ Исследователей Астраханскаго Края. Выпускъ первый съ десятью рисунками. Астрахань 1896. 8°. VI + 335 стр. ц. 1 р. 25 к.

Провинція, безъ сомнѣнія, желаетъ работать на пользу отечественныхъ знаній, доказательствомъ чему служатъ въ ряду часто появляющихся провинціальныхъ научныхъ изданій и «Астраханскій Сборникъ». Желая прежде всего освѣтить научными свѣдѣніями жизнь своего же края, сотрудники Астраханскаго Сборника подобрали обширный областной матеріалъ въ видѣ различныхъ статей и рукописей, малодоступныхъ въ настоящее время. Такихъ образомъ, у нихъ составилась масса отрывковъ изъ различныхъ «путешествій», дневниковъ, писемъ, дописей и другихъ письменныхъ матеріаловъ, относящихся во времени начиная съ XV вѣка и вплоть до XIX-го; все содержаніе ихъ, конечно, приурочено къ Астраханскому краю. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: Барновича, Конгарина, Рычкова, Туркина, Дженкинсона, Оларія, Стрюйса, неизвѣстнаго лица, Бутлера, Золотарева, Сахарова, де-Бруна, Белля, Волынского, Рудакова, Петра 1-го (дневникъ), Кириллова, Михайлова, Озерцовскаго, гр. Потоцкаго и Измайлова. Кромѣ того, рисунки представляютъ изъ себя снимки со старинныхъ гравюръ.

Словомъ, все свидѣтельствуетъ въ пользу необыкновеннаго интереса Сборника, его настоятельной необходимости и, ужь конечно, важнаго значенія для этнографіи, такъ сильно нуждающейся въ документальныхъ историческихъ матеріалахъ, когда рѣчь заходитъ объ отношеніи современнаго положенія народовъ въ давно-минушаему прошлому.

Вл. Б.

Moravské národní pohádky a pověsti. Sebral a do tisku upravil Beneš Method Kulda Sváz LV. Z okoli Kamenického. Sebral a zaslal Karel Orel. V. Praze 1894. pp. 246.

Въ 4-мъ томѣ Моравскихъ сказокъ и преданій, изданнымъ Б. М. Кульдой, приведены сказки, записанныя изъ устъ народа еще въ началѣ 50-хъ годовъ пасторомъ Карломъ Ореломъ въ окрестностяхъ Каменца, въ западной Моравіи (округъ Jglau, Jihlava) по просьбѣ Кульды. Мы вкратцѣ изложимъ здѣсь содержаніе отдѣльныхъ сказокъ съ указаніемъ на родственные имъ варианты, въ надеждѣ, что этимъ сдѣлаемъ сборникъ болѣе доступнымъ для исследователей сказокъ.

№ 1. „Чудесный докторъ“. Извѣстная сказка о кумѣ-смерти. Поразительно въ моравской сказкѣ то, что смерть является въ видѣ нищаго, т. е. masculini generis. Сравн.: Stránecká, Pohádky z Moravy, стр. 11. Dobšínský, Slov. pov. VI, стр. 65. Slovenské Pohádky 1895.

стр. 389. Kolberg Lud, III, 156. VIII, 136. Жите i Слово 1895, вып. 2, стр. 219; Karłowicz, Pod. lit. № 29. Dowojna-Sylwestrowicz, Podania Zmujdzkie, II, 56 f. Strohal, Hrvatske nar. pripov. стр. 223. Fr. Krauss, Sagen u. Märchen der Südslaven, II. № 67. Vernaleken, Österr. K. N. M., стр. 229; Н. Pröhle, K. V. M. № 13.

№ 2. „Бѣдный молодой рыбакъ“. Старика рыбака и его сына спасаетъ во время бури черныи корабль съ черныи экипажемъ; за это онъ долженъ имъ выдать своего сына. Юношу привозятъ въ черныи замокъ, и тутъ ему приходится освобождать заколдованную царевну. Первая задача, возложенная на него, заключается въ томъ, чтобы не касаться того, что въ полночь придетъ къ нему и ляжетъ съ нимъ на кровать—что бы это ни было. Когда онъ исполнилъ эту задачу въ продолженіе 3 ночей, къ нему является совершенно черная, но красивая женщина; она сообщаетъ ему, что она еще не освобождена, что для этого ему надо еще убить змѣя, кот. ежедневно похищаетъ изъ ея двора по одной штукѣ скота. Ему это удается, послѣ того какъ левъ, лисица и орелъ, въ благодарность за правильныи дѣла ихъ добычи, сообщили ему силу превращаться въ нихъ. Въ этихъ то превращеніяхъ онъ побѣждаетъ змѣя: изъ змѣя, котораго онъ растерзалъ, обратившись въ льва, выскакиваетъ заяцъ; герой сказки, обернувшись въ лисицу нагоняетъ зайца и разрываетъ его на части; изъ зайца вылетаетъ голубь, котораго ловитъ и разрываетъ герой сказки, обернувшись орломъ; выпавшее яйцо у голубя онъ поднимаетъ, сбернувшись снова человекомъ. Этимъ яйцомъ освободитель царевны долженъ еще попасть въ голову одному змѣю въ саду заколдованнаго дворца. Ср. Kulda, III, 218, Dobsínský. Slav. pov. VII, 80; Ciszewski, Krakowiacy, I, № 49. Романовъ, III, 72; Glinski, Bajarz pol. I, 90.

№ 3. „Іоганнь, садовникъ“. Три бѣлоснѣжныя лебеди разоряютъ садъ. Іоганнь ловитъ одну изъ нихъ. По указанію лебедей онъ идетъ на стеклянную гору, на которой будто бы живетъ очень хорошии садовникъ. Но оказывается, что тамъ живутъ три лебеди-дѣвы, плѣвнныя чудовищемъ—минимымъ садовникомъ. Іоганнь освобождаетъ ихъ, такъ же какъ и братьевъ ихъ—трехъ старцевъ, оказавшихъ ему помощь на пути его къ стекляной горѣ.

№ 4. Одному новорожденному младенцу было предсказано при рожденіи, что на 24 году его постигнетъ позорная смерть. Богобоязненностью и благочестіемъ онъ спасается отъ своей судьбы, но въ назначенный день его вѣшаютъ въ глубокомъ сѣѣ и потомъ снова отпускаютъ на волю. Ср. Zbiór wiad. do antrop. Krajowej, XVI, стр. 7, № 10, Kres, 1885, 509 f. Sébillot: Contes des paysans et des pêcheurs, p. 333.

№ 5. „Голубь и коршунъ“. Болдунъ, побѣжденный своимъ ученикомъ. Ср. Kulda II. № 65, 82; Němcova, Slov. poh. II, 3; Kolberg III, 136; XIV, 46; Ciszewski, I, № 63; Glinski I, 172; Karłowicz, M. 9, 47; Weryho, Pod. lot. 10; Dowojna-Sylwestrowicz I, 417; II, 59; Чубинскій II, 370; Садовникоуъ, № 64; Аванасѣвъ V,

90; Худяковъ I, 65; Эрленвейнъ, стр. 53 сл.; Ивашицкий, стр. 182 сл. № 10; Kres, IV, 557, № 28; Strohal № 48, 49; Fr. Krauss: Sagen u Märhen der Südslaven II, № 109; Сборникъ за нар. умотвор. VI. Отд. 3. стр. 105 сл.; VIII. Отд. 3. стр. 172 сл.

№ 6. „Ражъ пресказатель“. Всезнайка. Ср. мою статью въ *Zeitschrift f. österr. Völkerkunde* 1895, Н. 9.

№ 7. «Чудные супруги», сходенъ съ № 3 о дѣвахъ-лебедяхъ. Сравни. Kolberg, III, 13 сл.; XIV, 12 сл. Эрленвейнъ, стр. 112 сл., 175 сл. Худяковъ I, стр. 62 сл.; Archiv f. slav. Phil. V, 77 сл.; Strohal, 107.

№ 8. «Братъ, сестра, великанъ и царевна» — мотивъ о невѣрной сестрѣ. Царевну португальскую освобождаютъ изъ стекланого дворца, изъ кот. братъ долженъ добыть для сестры чудесныя яблоки. Ср. Ciszewski № 75, 76; Романовъ, III, стр. 41; 46; 51; 67; 61; 64; Рудченко, I, 121; 131; 139. Эрленвейнъ, 91; Weryho: Pod. lot. 183.

№ 9. «Гансъ башмачникъ и купеческая дочь» — мотивъ о гордой дѣвушкѣ. Ср. Kulda, III, 251; Stan. Polaczek Wies' Rudawa, 241. Dowojna-Sylwestrowicz, I, 347. Н. Pröhle KVM. № 62 Revue des Traditions populaires IX, 344; Ortolí: Contes populaires de la Corse 258. № 5.

№ 10. «О пьяницѣ, великомъ грѣшникѣ». Баронъ заставляетъ вѣрить пьяницу, что онъ попалъ сначала въ рай, а потомъ въ адъ — и этимъ излѣчиваетъ его отъ пьянства. Ср. Strackerjan: Aberglauben und Sagen aus Oldenburg, II, 360; Gött. Gel. Anz. 1868, стр. 1, 389.

№ 11. «Карлъ и Анна». Совсѣмъ слабый и лишенный всякаго сказочнаго характера пересказъ распространенной сказки, переданной Гриммомъ Б. Н. М. № 16. Ср. Романовъ, III, 358. № 88. Этногр. Об., XI, стр. 11. Ж. М. Нар. Пров. 1870. Т. 183, стр. 85.

Въ моравской сказкѣ какъ разъ пропущенъ важный мотивъ — оживленіе невѣсты цѣлительнымъ растеніемъ, употребляемымъ зѣвками: женихъ оживляетъ невѣсту своимъ дыханіемъ.

12. «Адальбертъ (Vojtěch), сынъ рыбака». Сходна съ сказкой Грвина, БНМ, № 92.

№ 13. «Сосѣдъ и его работникъ». Чортъ служитъ бѣдному мужику, кот. не выразилъ неудовольствія, когда тотъ съѣлъ у него кусокъ хлѣба. Ср. Kulda, II, 122; Dobšinsky, II, 89; Kolberg, III, 182; XIV, 231; Chelchowski, II, 100. Pleszczynski, Bojarzy Międzyrzeccy, 152; Gliński, III, 707; Романовъ, III, 327. Манжура, 127. Эрленвейнъ, 172; Kres, IV, 348, 744; Strohal, № 54; Fr. Krauss, I, № 51.

№ 14. «Два брата, Petr и Вакаѣ». Ср. Cosquin, I, № 5; богемскій вариантъ — см. Listy filolog. 1889. 376; Kulda, III, № 25; Манжура, 28, 30.

№ 15. «Юсокъ, сынъ портного» — мотивъ о лапидѣ Аладина. Ср. Wisla, II, 468; VI, 588; Kolberg, III, 135. Dowojna-Sylwestrowicz, I, 177; Weryho: Pod. lot. № 8; A. G. Norodne pri-

povedze v Soškich planinah. II, № 4. Ul. Jahn. V. M. aus Pommern, I, № 59. 325 f, 382 f.

№ 16. «Три желанія». Скупому старецъ (Богъ) также разрѣшаетъ прозвнести 3 желанія. Сходный мотивъ—напр., у Aug. Gittée. Contes popul. du pays Wallon. p. 108.

№ 18. «Двѣ сестры». Сходныя сказки: Slavia, I, тетр. 1, стр. 18, Dobšinsky VI, 9. Аванасьевъ, IV, № 41; Худяковъ, II, № 53, 54; Эрленвейнъ, стр. 73; Вук. Ст. Караджичъ, Срп. нар. припов., № 36. Vernaleken Österr. K. H. M. № 27. Müllenhof: Sagen, Märchen aus Schleswig-Holstein, 497, № 51. M. Kremnitz: Rumänische M. 228; Fr. Blade: Contes pop. Agenais, № 3.

Valasské pohádky a pověsti. Ze sbírek svých mládeži vybral Matouš Václavek. Ve Velkém Meziříčí. Стр. 142.

Собственно говоря, это второе дополненное изданіе сборника появившагося въ 1888—89 гг. въ трехъ выпускахъ — Pohádky a pověsti z moravského Valasska. Nové Město nad Metují. Но первое изданіе валаскихъ сказокъ навѣрно осталось неизвѣстнымъ болѣе широкому кругу читателей: оно появилось въ серіи дѣтскихъ книгъ, въ небольшомъ городѣ Богеміи. Поэтому-то мы и поговоримъ здѣсь подробнѣе объ отдѣльныхъ сказкахъ второго изданія.

№ 1. «Многоязущій царевичъ». Ср. Cosquin, I, № 44, А. Н. Веселовскій: Василій Королевичъ златовласый Чешскія земли. (Замѣтки по литер. и народной словесности, I, 62); Dobšinsky, I, 63; Kolberg, III, Lud, 151, XIV, 260; Wiad. antrop. Kraj. V. отд. 3. № 54; Karłowicz; № 28, Ul. Jahn., I, № 12.

№ 9. «Какъ крестьянинъ сдѣлался сборщикомъ пошлинъ» — о всезащитѣ. Ср. Kulda, IV, № 6.

№ 3. «Смерть на грушевомъ деревѣ». Одна старушка пожаловалась своему гостю на мальчишекъ, кот. постоянно крали у нея ея груши. Тотъ далъ ей средство заколдовать дерево такъ, чтобы никто не могъ съ него слѣзть. И вотъ на деревѣ оказались пойманными сначала злые мальчишки, потомъ смерть и, наконецъ, лѣкарь.

№ 4. «О двухъ различныхъ братьяхъ» — мотивъ о мудрой дѣвицѣ. Ср. Beneš-Trebizsky, Pohádky a pov. nár., стр. 71; Dobšinsky, VI, 52; Kolberg, VIII, 206, XIV, 305, 308; Wiad. antrop. V, отд. 3, № 13; Wisla, V, 139, 152. Ciszewski, I, № 192, 193; Романовъ, III, № 93, 94; Weryho, Pod., № 20; Dow. Sylwestrowicz, I, 287, II, 40; Чубинскій, II, стр. 611. Худяковъ, I, № 6; Вук. Ст. Караджичъ, № 25. Archiv f. slav. Phil. V, s. 47. Шапкаревъ, № 6, 59, 72; Сбор. за нар. умствор. II. Отд. I, стр. 172; Жур. Мин. Нар. Пр. Т. 154, стр. 110. Ungar. Revue V, p. 639, VIII, p. 335.

№ 5. «Упрямые молодожены». Кто первый изъ нихъ заговорить, уплатить извѣстный штрафъ.

№ 6. «О богатомъ и бѣдномъ сосѣдѣ». Ср. Ciszewski, I, 96—99;

Chelchowski, I, 174; Polaczek, Wies-Rudawa стр. 236; Sprawozd. Komis. jezykowej, V, 88; Karłowicz, № 16, 79; Listy filolog. XV, 381; Худяковъ, II, № 47. Сбор. за нар. умотвор. Т. VIII; отд. 3. стр. 159.

№ 7. «О золотомъ кольцѣ». Одинъ мальчикъ спасъ кошку, собаку и змѣю отъ мучившихъ ихъ. За то, что онъ спасъ отъ смерти трехъ дѣтенышей стараго змѣя, воть послѣдній даритъ его кольцомъ, исполняющимъ всѣ его желанія. Сказка представляетъ только отрывокъ. Ср. Weryho, Pod. lot. p. 158 f. Эрленвейнъ, стр. 21 f. Шапкаревъ, №29; Archiv f. Literaturgesch. XII, 145.

№ 8. «О трехъ королевичахъ». Тяжело занемогшій король посылаетъ своихъ трехъ сыновей за живой водой. Ср. Kolberg, VIII, 71; Karłowicz, № 7; Эрленвейнъ, 115 f; Вув. Ст. Караджичъ, № 12; Strohal, № 78; Zingerle, Б. Н. М. III, S. 225; Wolf. D. Н. М., S. 54; Vernaleken Osterr. Б. Н. М., № 53; Gr. Chalatianz, Armen. M., 20, № 3 и др.

№ 9. Кузнецъ и чорть. Ср. Kulda, III, 107, 161. Koldr-Kochovsky, Chudobinky, z luhú moravské Slovace, p. 34; Kolberg, III, 118, XIV, 248; Ciszewski, I, № 115, 116, 117; Chelchowski, I, 177; Wiad. antrop. Kp. XV; отд. 3. стр. 20. Polaczek, p. 92; Ramult, Słownik jez. pomorskiego, s. 288, № 5; Głinski, II, 145; Жите і Слово, 1894, I, стр. 136, 1895, вып. 2, стр. 219. Чубинскій II, стр. 428. Манжура, 63; Романовъ, IV, 50, Dowojna-Sylwestrowicz, II, 56.

№ 10. «О двухъ братьяхъ, кот. были похожи другъ на друга». Ср. Kulda, IV, № 14. Начало разнится: второй братъ былъ сотворенъ Христомъ, во время его странствованій по землѣ съ Петромъ ап., изъ земли и похожимъ на лежавшаго у колодца мальчуга.

№ 11. «О чудодѣйственной водѣ» — какъ выше въ № 8. Въ обѣихъ сказкахъ двухъ старшихъ братьевъ притягиваетъ магнитная гора; въ № 8 — они спасаются, построивъ себѣ плотъ и вымазавъ ее рыбьимъ жиромъ; въ № 12 — тѣмъ, что сами они и ихъ солдаты сбросили съ себя все оружіе, гвозди изъ сапоговъ и пуговицы на одеждѣ и шапкахъ.

№ 12. «Глухой Гансъ». Кому удастся разсѣчь королевшину, тому она достанется въ жены. Ср. Koldr-Kochovsky, Chudobinky, 42 f. Sláma, Slezské pohad. № 16; Dobsinsky, II, 78 f; C'esky Lid, IV, 301. Сборн. II отд. Акад. Н. XXVI, стр. 179; Kres, IV, 87 f; Revue des Trad. pop., IX, 272. Aug. Moulières et René Basset: Les fouberies de si Djeha, № 53, p. 162, 187.

№ 14 «О двухъ дѣтихъ». Вѣдьму, въ этой сказкѣ, занимавшуюся хозяйствомъ въ разбойничьей пещерѣ, пойманный мальчикъ сагаетъ въ печь. Ср. Peter, Volksthümliches, aus Osterr. Schlesien, II, 165; Kollár, Zpřevanky, I, 421; Ciszewski, I, № 65, 66. Wiad. antrop., IV, отд. 3 стр. 231. Аванасевъ, II, 113; Кулинь: Зап. о южной Руси, II, 18. Erben: Slav. čítanka, стр. 76, 295. Dowojna Sylwestrowicz, I, стр. 32.

№ 15. «Объ охотникѣ, запродевшиѣ душу чорту, освобожденномъ женщиной—необыкновенной птшею». Ср. Ul. Jahn, I, № 50, 51; H. Pröhle: Märchen, f. die Jugend, S. 26, № 7.

№ 16. «Богатый и бѣдный братъ» — шонвъ: Али-Баба и 40 разбойниковъ. Ср. Kolberg VIII, 84. Wiad. antropol. V, отд. 3 стр. 263; XVI отд. 2 стр. 52; Chelchowski I, 183; Ciszewski, № 78—84; Dobsinsky III, 68.

№ 17. «Неправедный грабъ». Послѣ смерти ходилъ привидѣніемъ каждую ночь, несмотря на молитвы священниковъ.

№ 18. «Болдунъ». Бѣство дѣтей отъ вѣдьмы при помощи яйца (изъ него вышелъ большой холмъ, гладкій какъ яйцо), зеркала и гребня.

№ 19. «О разумномъ башмачникѣ». Еврей даетъ ему хорошее платье, и его тащатъ на судъ. Ср. Nasr Eddin's Schwänke—R. Kohler въ Orient u. Occident I, 43; Slovenské Pohľady 1895, стр. 387. Wisla, 1894, 229 f; Романовъ III, стр. 400, № 15; Revue d. Trad. pop. VIII, 323 f; Monliégas et René Basset: Les fourberies de Sidjeh'a № 20, p. 34.

№ 20. «О разумномъ башмачникѣ». Два товарища стараются обмануть другъ друга въ дѣлѣхъ. Послѣдняя сцена — въ церкви, гдѣ воры дѣлятъ между собою ихъ сокровища. Ср. Chelchowski, I, 65; Kolberg III, 323; VIII, 185; Ciszewski, I, № 178, 179, 180; Аонасьевъ, V, № 3; Чубинскій, II, 380; Памятники др. письменности 1878^{г.}, стр. 124; Вук. Ст. Караджичъ, стр. 170; Сб. за народ. умотвор. VIII, Огд. 3, стр. 203; Hahn, I, 256.

№ 21. «О чемъ крестьянинъ не зналъ въ своемъ собственномъ домѣ». О раскаявшемся разбойникѣ. Ср. Wisla II, 804, III, 102; Kulda III, 50, 174; Polaczek, 247.—Ciszewski № 60, 61, 62; Садовниковъ, № 49; Ul. Jahn, I, № 61; Dowojna Sylwestrowicz I, 119; II, 48, 268, 271, 279. Сб. за нар. умотвор. VIII, Огд. 3, стр. 191.

№ 22—23. «Скупой крестьянинъ» зарываетъ въ свои деньги передъ смертью и владеть зарокъ, что достанетъ ихъ только тотъ, кто выпашетъ ихъ изъ земли двумя пѣтухами, высиженными изъ одного яйца (№ 22), или кто откроетъ ихъ съ помощью той же печати, которою онъ запечаталъ ихъ. Въ обоихъ вариантахъ непрощеннымъ свиѣтелемъ при этомъ былъ батракъ. Ср. Ramult, Słownik języka rom., стр. 290, № 10.

№ 24. «Двѣ различныя сестры». Добрая сестра перенесла одного старика черезъ ровъ, по его приказанію вымыла изъ колодцѣ лягушекъ, опустивъ голову въ воду—и волосы ея сдѣлались золотыми; у сестры же ея, которая не послушалась старика, но только опустивъ голову въ воду, выросли рога на головѣ.

№ 25—30. «Добыванье влады». Чтобы добыть влады, необходимъ человекъ, рожденный въ Ошино воскресенья. Добывая влады, нельзя говорить. Ср. В. Bartsch: Sagen, Märchen aus Meklenburg, I. S. 243. №№ 317, 322, 328, 330, 333, 335.

№ 26. «Сильный Гансъ». Великанъ нанимается на службу подъ

условіемъ, что въ концѣ года онъ дастъ помоченну своему хозяину. Ср. Sláma, Slezské poh. № 17. Kolberg XIV, 220. Wiad. antrop. Kr. V, Отд. 3, стр. 221.

№ 27. «Гордая дѣвушка» — обращается въ камень вмѣстѣ съ стадомъ отъ взгляда старика, которому она, не смотря на его просьбу, не поддала напитокъ.

№ 28—46. Золото, обращенное въ уголья. Ср. Bartsch I, S. 237. №№ 308, 313, 318, 321.

№ 29. Изсушающій, горящій голубымъ пламенемъ владѣ можно взять, если бросить вокругъ него освященные четки. Благоскатель принесъ дѣйствительно владѣ домой, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ хваталъ рукой за свое тѣло, дѣлались ожоги, которые и причинили ему мучительную смерть. Еслибы онъ вытеръ свои руки о дерево, то злому духу пришлось бы сидѣть на этомъ деревѣ, пока оно не засохло бы.

№ 31. «Mauška». Испорченный вариантъ сказки: «Маринна дочка» — Grimm, KHM. № 3. Вѣсто Пр. Дѣвы Маріи крестною является волшебница; когда въ концѣ непослушную Марію собираются сжечь на кострѣ, волшебница сознается, что она виновна, и сама входитъ на костеръ. Ср. Cosquin II, 60. Erben Slov. čit. 81. Kolberg VIII, 18; A. G. Narodne pripovedke v Soških planinah, I, 20.

№ 33. «Три дочери». Благодаря просьбамъ матери, ихъ ведутъ въ лѣсъ, два раза онѣ возвращаются домой; въ третій — онѣ теряютъ дорожку. Безъ конца.

№ 34. «Немилосердный земнодавецъ», — чертъ уносить его въ адъ.

№ 35. Если ежедневно, начиная со дня св. Лучи до Рождества, строгать кусочекъ дерева до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаешь изъ него кушную ложку и затѣмъ въ сочельникъ вечеромъ продѣлать въ ней дырочку, то въ раннюю обѣдню можно въ эту дырочку увидать всѣхъ вѣдьмъ.

№ 36. Вѣдьма, погнѣвшая коровъ, послѣ смерти ходитъ въ видѣ привидѣнія.

№ 37. Покойникъ приходитъ за своими постанми, унесенными съ погоста. Ср. Cosquin, IV, 76.

№ 38. «Сыновья короля». Зрѣніе ослѣпнушаго короля можетъ быть возвращено только пѣвиемъ чудесной птицы. Ср. Beneš Trebizsky: Nar. poh. a pov., стр. 59. Graše Povidky III, 313; Тоеррон: Aberglauben aus Masurien. 154. Wolf DHM, 230; Romania VIII, 234; Revue des tr. pop. IX, 174 и др.

№ 39—46. Презанія о владахъ. № 39. При добываніи влада нельзя ни говорить, ни смѣяться; № 41 — нельзя оглядываться; № 39 b, 41, 43 — благоскатель долженъ честно подѣлиться съ показывающимъ владѣ «чорнымъ баринномъ»; № 44 — благоскатель ослѣпитъ, потому что хотѣлъ хитростью обмануть «барина».

№ 47—50. О водяномъ.

№ 51. «Проклятые рыцари». Спящіе у Весетина(?) рыцари называются Goj-Magj. Ср. Slavia I, вып. 2. стр. 11; Kulda III, 268; Slav. Po-

hlady, 1893, 170; Wisla III, 845; IV, 944; Wiad. antrop. Kг. V, отд. 3, № 22; XIII, отд. 3, стр. 35, 37; Kres, 1884, S. 141.

№ 57. Чертъ дѣлаетъ башмачника дѣкаремъ, въ концѣ чертъ обращается въ бѣгство отъ угрозы, что за нимъ пришла его жена. Разсерженный чортъ начинаетъ курить вино въ Prostejev'ъ. Ср. Mensik, Mor. nár. poh. 376; Kolberg VIII, 171; Вук. Ст. Караджичъ, 277.

№ 58. «О св. Лучи». Въ этотъ день нельзя прастъ.

№ 59. «Дѣсныя русалки» мѣняють своихъ дѣтей на человѣчкихъ. Мать можетъ возвратитъ своего ребенка; для этого она должна валомать свѣжихъ прутьевъ съ 9 пѣв, ими замечъ огонь въ полдень, въ середнѣй горницы, положить вокругъ него яичную скорлупу, наполненную водою, а ребенка оставить на кровати. Сходный мотивъ — Bartsch I, № 61; Var. 2, № 65. Var. 2, №№ 83, 87, 97. Krauss II, № 75 Sébillot: Contes pop. de la Bretagne, 28. Contes des paysans et des pêcheurs, № 15.

№ 60. «Дѣсныя русалки» — «hukalky» танцуютъ съ заблудившимися въ лѣсу людьми, пока тѣ не умрутъ отъ усталости. Въ «hukalka» обращаются дѣвушки, умершія во время оглашенія передъ вѣнцомъ.

№ 61. Домовая змѣя ѣстъ изъ одной тарелки съ ребенкомъ. Мать убиваетъ змѣю — вскорѣ затѣмъ заболѣваетъ и умираетъ ребенокъ, затѣмъ — самъ крестьянинъ.

№ 62. Молодой работникъ летитъ верхомъ на метлѣ за вѣдьмами на гору Radhost. Ср. Dobšinsky, 3. стр. 45. Жите і Слово 1894, II, 355, № 5. Р. Ф. В. 1894. т. 31, стр. 294; Dowojna-Sylwastrowicz II, 94, 257; Strohal, № 28—31; Kres, IV, 303, № 18.

№ 63. Чертъ выкурилъ изъ ржи первую воду и наполнилъ до пшана Ноа.

№ 64 «Отчего дрожатъ осина». Когда Господь сотворилъ человѣка, дьяволъ захотѣлъ тоже создать себѣ человѣка. Онъ, наконецъ, слѣпилъ существо, но душу вдохнуть въ него пришлось все-таки Богу. Такими-то образомъ былъ созданъ волкъ. Дьяволъ испугался его и, дрожа испѣмъ тѣломъ, спасся отъ него на осину; отъ этого и осина начала дрожать. Сходный мотивъ — Жите і Слово 1894, II, 185, № 8. А. Н. Веселовскій: Розысканія VI—X, стр. 329. Въ одномъ болгарскомъ вариантѣ — дьяволъ спрятался въ рѣку: Шапкаревъ. Бълг. Нар. Приск. № 7; въ другомъ — Сб. за нар. умотвор. IX, Огд. 3, стр. 148 — и это спущено.

Юр. Поливка.

Прага Чешская.

Журналы и газеты.

Архангельскія Г. В. 1896. 10. 11, 13, Секта «Ушковайзеть» (въ Кемскомъ у.) Сектанты призываютъ только свящ. Писаніе и отвергаютъ Свящ. Преданіе.—18. *Свящ. И. Делатовъ*: Въ свѣдѣніяхъ о попыткахъ составленія переводовъ на самоѣдскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ и др. книгъ. (30—60-хъ годовъ).—20. Въ исторіи Троиано-Печенгскаго монастыря. Опись 1722 г.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1896 г. 81. Археологическія находки въ Варшавской губерніи. (О находкѣ камня съ руническими надписями).

Витебскія Губ. Вѣд. 1896 г. 36, 42, 45—61, 78—83. *Н. Я. Никифоровскій*: Простонародныя прѣвѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собраны въ Вит. губ. (продолженіе).—44. Новые труды по бѣлорусской этнографіи (о книгѣ Никифоровскаго).—83. *Ив. Горбачевскій*: Древность бѣлорусскихъ пѣсень и ихъ напѣвовъ.

Вологодскія Губ. Вѣд. 1896 г. 41. Вологда 11 октября. (Объ устройствѣ древнехранилища старинныхъ рукописей и вещей).

Вѣстникъ Европы. 1895. Декабрь. *Саломонъ, А. П.*: Коптскій реформаторъ XII вѣка. — *Дингельштедтъ, Ник.*: Непечатый край (очеркъ Турнестанскаго края съ точки зрѣнія его производительныхъ силъ).—*Федоровъ, А. М.*: Старецъ Ваннакъ. Эстонская легенда.

Вятскія Г. В. 1896. 44. Приѣта (сообщ. Г. Верещагинныи). Если весной на только что вскрывшейся рѣкѣ льдины по краямъ рѣки будутъ подниматься высоко, урожай будетъ хорошій (запис. у слабушцевъ).—56—57, 62. Изъ области обычнаго права (Камешницкая вол. Орловск. у.). Раздѣлъ, иски по продажѣ лошадей, изгороди, платежи податныхъ сборовъ, духовныя завѣщанія и дарственные записи, земельные надѣлы, вырубки лѣсныхъ участковъ.—65. *И. Ворожцовъ*: Изъ области обычнаго права (Поч. Зюловскій, Ярковской вол., Орловскаго у.). Объ одворичныхъ (усадебныхъ) мѣстахъ, оставшихся свободными за выбытими семьи.—73—75. Производство овсяной крупы и толокна въ Вятской губерніи. Этотъ промыселъ имѣетъ характеръ кустарнаго. 79. Внутрен-

ніи извѣстія. (О присужденіи прошій инени графа Уварова и отзывъ академика Анучина о сочиненіи И. Н. Смирнова: Восточные финны).

Гродненскія Г. В. 1896. 39. О сообщеніи Лозинскаго въ Уральскомъ Медицинскомъ Обществѣ: «Психологія знахарства». — 46. О преступленіи изъ-за суевѣрія (изъ дѣлъ Острогомскаго окруж. суда): если вырвать у человѣка салынки и изъ него вытопить свѣчи, воръ можетъ быть сповоенъ, что его не поймутъ. — 47. *Д. Глинскій*: Письмо изъ Абиссиніи. Нѣсколько національныхъ блюдъ. — 54. Случай «перешива» и служенія на поляхъ «свѣтлаго молебна» въ Духовщанскомъ у. Смоленской губ. — 81—84. *М. Милаковскій*: Г. Вѣлостокъ. Историко-статистическій очеркъ. — 85. Свящ. *Л. Паевскій*: Историческая судьба и значеніе западно-русскихъ братствъ. — 85, 87 и сл. Очеркъ исторіи переплетнаго дѣла. (Изъ Прав. Вѣст.).

Духовный Вѣстникъ грузин. Эпизархата. 1896. 20. Никозская Мхалло-архаягельская церковь. *Г. Садзачелово-Иверемі.* — 21, 22. Соціально-политическій характеръ штуды *С. Мураховскаго*.

Дѣятель (Казань). 1896, янв. *Александровъ, А. И.*: Изъ жизни Черногорья. — *Иванчикій, Т. А.*, Почитаніе святыхъ въ мусулманствѣ. — Библ.: *Смирновъ, И.*: В. П. Корленово, О Мултансовѣ жертвоприношеніи (авторъ признаетъ несостоятельнымъ трудъ г-на Бороленка). — Февр. *Катановъ, Н.*: Правила житейской мудрости у татаръ восточнаго Туркестана. — *Готвальдъ, М. А.*: Пѣздан на Ала-дагъ и курдская свадьба. — Мартъ. *Катановъ, Н.*: Пять управителей жизни, по ученію кнѣзьянскихъ медиковъ. — Апр. *Его же*: Разсказъ о башманахъ правосудія (кит. жизнь). — *Его же*: Разсказъ о встрѣчѣ царской бумаги (кит. жизнь). — Май. *Нечаевъ, А.*: Общій взглядъ на исторію естественнонаучной мысли. — Июнь. *Катановъ, Н.*, Мистикъ Алла-яръ (приверженецъ пантеистическаго ученія, извѣстный въ Средней Азіи какъ по его собственнымъ сочиненіямъ богословско-философскаго характера, такъ и по сочиненіямъ его учениковъ). — Библ.: *С.*: Краткій очеркъ дѣятельности Оханскаго уѣзднаго земства за 25 лѣтъ. — Авг. *Катановъ, Н.*, Народныя примѣты и повѣрья бельтировъ. — Окт. *Катановъ, Н.*: Татарское поученіе о вредѣ пьянства (легендарнаго содержанія).

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896, янв. *Кеппенъ, Ф. П.*: Бъ исторіи тарпама (дик. лошади) въ Россіи — *Павловъ, А. С.*: Бъ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонароу, какъ писателями толкованій на церковныя правила. — *Крашенинникъ въ, М. Н.*: Неизданное письмо Іоанна Грознаго къ императору Максимилиану II. (Болія въ лат. переводѣ). — Британя: *Веселовскій, Н. И.*: Авто-біографія Гамерлана. Переводъ съ тюркскаго *Нила Лыкошина*. — *Д-ръ, Л.*, Письмо изъ Парижа (между прочимъ объ Институтѣ и школахъ восточныхъ языковъ). — *Латышевъ, В. В.*: Эпиграфическіе вѣтды (прод.) VII. Декретъ изъ г. Діонисополя. — *Леперъ, Р.*: Динъ Суній (исторія и археологія сельскихъ поселеній Аттики). — Февр. *Гревсъ, И. М.*: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во время имперіи. — *Леонтьевичъ, Ф.*

И.: Брестыянский дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. — *Безобразова, М. В.*: «О Великой Наукѣ» Раймунда Лулла въ русскихъ рукописяхъ XVII вѣка (набалтства). — Критика: *Протсыковъ, А. Е.*: Труды девятаго археологическаго съезда въ Вильнѣ. Т. I, 1893; — *Житетскій, И. П.*: М. Марковский, Антовій Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII вѣка; — *Дебольскій, Н. Н.*: Сергѣй Шумаковъ, Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. М. 1895; — *Соколовъ, И. И.* Die Hauptkunden für die Geschichte der Athosklöster grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitung versehen von Ph. Meyer. (Leipz. 1894. S. 303). — *Класс. оял.*: *Эрманъ, А. Ф.*: Легенда о римскихъ царяхъ (прод.). — *Мартъ, Леонтовичъ, Ф. И.*: Крестьятскій дворъ и проч. (прод.). — *Соловейчикъ, И. И.*: Палестина въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ открытій. — *Павловъ-Сутуинъ, А. П.*: Братскій обзоръ послѣднихъ географическихъ открытій и наслѣдованій. (Между прочимъ, интересныя данныя, почти исключительно археологическія, добыта экспедиція Брунна, посѣтившая Гренландію въ 1894; «проявляли много раскопокъ времени древнихъ норманновъ и нашли остатки ихъ жилищъ на этомъ пустынноиъ въ настоящее время мѣстѣ. Бруннъ пытается опредѣлять цыору тогдашнихъ жителей: около 1000 чел. на растояніи 20 миль). — Критика: *Помаловскій, И.*: Joseph Wilpert, Fractio panis Die älteste Darstellung des eucharistischen Opfers in der „Capella Greca“ entdeckt und erläutert. Mit 17 Tafel und 20 Abbild. im Text. (Freiburg im Breisgau 1895. 140 стр. 4°). — *Класс. оял.*: *Эрманъ, А. Ф.*: Легенда о римскихъ царяхъ (прод.). — *Литышевъ, В. В.*: Эпиграфическіе этюды (прод.). VIII т. Агонистическій каталогъ изъ Горгишии (надпись свидѣтельствуетъ о существованіи на мѣстѣ нынѣшней Анапы чисто-греческаго поселенія задолго до Рождества Христова). — *Апр. Леонтовичъ, Ф. П.*: Крестьятскій дворъ и проч. (прод.). — *Дьяконовъ, М. А.*, Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. — *Миллеръ, Вс. Ф.*: Былины объ Иванѣ Гостыноиъ Сынѣ. — Критика: *Новосадскій, Н. И.*: P. Foucart, Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Eleusis (Paris 1895); — *Довнаръ-Запольскій, М. В.*: П. А. Ивановъ: Историческія судьбы Волытской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. (Одесса 1895). Современная летопись: *Кеттень, Ф. П.* Нѣсколько словъ о Кавказскомъ Музеѣ (въ Тифлисѣ, въ музеѣ между проч. отдѣленія этнографическое и археологическое). — *Класс. оял.*: *Землинскій, Ф. Ф.*: О Софоклѣ-врачѣ. — *Май. Модестовъ, В. И.*: Образование ранской расы и условія римскаго величія. — *Кудрявскій, Д. Н.*: Приемъ почетнаго гостя по древнеиндійскимъ правиламъ домашняго ритуала. — Критика: *Чечулинъ, Н. Д.*: Simon Askenazy, Die letzte Polnische Königswahl. (Inaugural Dissertation. Göttingen 1894); — *Карскій, Е. Ф.*: Новые труды по бѣлорусской этнографіи за 1895 г. (У. Н. Я. Никифоровскій, Очерки престопагоднаго жатъя-бытъя въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Вит. 1895. 80 VIII+552+CLIV, II, М. Довнаръ-Запольскій, Бѣлорусское Польсье. Пѣсни пинчуковъ. Кіевъ. 1895.

8°. XXVIII—205, III, Piesni bialoruskie z powiatu Dzisnionskiego gubernii Wilenskiej. Zapisal Adolf Czerny, помѣщ въ Zb. wiad. do antrop Krajoiw., t. XVIII, 1895.); *Н. Я.*: Новое сочиненіе по Кирилло-Мессодіевскому вопросу (A. Lapotre, L'Europe et le Saint-Siège à l'époque carolingienne. Première partie. Le pape Jean VIII (872—882); *Зисель*, *Ө. Ө.*: W. R. Mortill: The story of Poland. New-York, G. P. Putnam's sons. London. 1893.—Некрологи: А. И. Невзленовъ († 31 янв.), С. А. Бершадскій († 21 февр.), И. Н. Березинъ († 22 марта), А. Н. Труворовъ († 30 марта) — Бласс. оял.: *Земинскій*, *Ө. Ф.*: О Соколяхъ-врачѣ (оконч.).—*Ростовцевъ*, *М. Н.*: Дѣй метрическія надписи изъ Филиппополя (изъ святаища Аполона).—*Мищенко*, *Ө. Г.*: Этнографія Россіи у Геродота.—*Леперъ*, *Р. X.*: Тридцать тирановъ. — Июнь. *Анучинъ*, *Д. Н.*: Въ вопросу о дикихъ лошадяхъ и о ихъ прирученіи въ Россіи (по поводу статьи *Ө. П. Кеннена*: «Въ исторіи тарпана въ Россіи»). — *Кубеко*, *Д. Ө.*: Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патриарховъ.—*Миллеръ*, *Вс. Ө.*: Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. — Критика: *Бестужевъ-Рюминъ*, *К. Н.*: Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсунова. Вн. X-я. Спб. 1896; — *Бартольдъ*, *В. В.*, Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. (Paris 1896);—*Соболевскій*, *А. И.*: Подробный словарь русскихъ гравировъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. (Посмертное изданіе. Спб. 1895);—*Довнаръ-Запольскій*, *М. В.*: Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной бібліотеки. (В. 1895).—Бласс. оялод.: *Леперъ*, *Р. X.*: Тридцать тирановъ.—Июль. *Гревсъ*, *И. М.*: Очерки изъ исторіи и проч. (прод.).—*Анучинъ*, *Д. Н.*, Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и проч.: (оконч.).—*Леонтовичъ*, *Ө. И.*, Крестьянскій дворъ и проч. (прод.).—Критика: *Соколовъ*, *И.*: Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита. По рукописи Моск. Синод. библ. издана И. Помяловскій; *Ольденбургъ*, *С. Ө.*: Сказки современнаго Египта. Jacoub Artin Pascha. Paris 1895;—*Деревницкій*, *А.*: А. Павловскій: Скульптура въ Аттікѣ до греко-персидскихъ войнъ. Спб. 1896.—*Л—ръ*, *Л.*: Письмо изъ Пармѣ (между проч. о кувѣ Эпинавуэля: «Древне-греческія пляски»). *Эрманъ*, *А. Ө.*: Легенда о римскихъ царяхъ (прод.).

Записки Императорскаго Харьковского Университета. 1895. № 4. *Вязининъ*, *А. С.*, прив.-доц. Запѣтки по исторіи полемиической литературы XI вѣка.—*Шенелевичъ*, *Л. Ю.*, проф. Кудруна.—*Зеленогорскій*, *Э. А.*, проф., Памяти Г. С. Сковороды.—*Вязининъ*, *А. С.*, прив.-доц., Петръ Даміани и церковно-общественныи преобразованія XI вѣка. Критика: *Масловъ*, *М.*, прив.-доц. Grandriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und V. Delbrück. III Band: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen von V. Delbrück. Theil I, Leipzig 1893.

Кавказъ. 1896 г. 94, 95. Народное образованіе и церковно-приходскія школы въ Закавказьѣ. *А. Натроевъ*.—122, 123, 234. Въ горахъ Да-

гестана. *Амхановъ Аварскій*. — 129. Новый указъ сената по Хизанскому вопросу. — Въ геологій Кавказа. *В. Димельштетъ*. — 228, 235. Путешествіе по горамъ Кавказскимъ. *К. Ѡ. Ганъ*. — 293. Рѣчная снѣга на Кавказѣ. *В. Димельштетъ*.

Назбекъ. 1896 г. 60, 61. Современные волшебники. *Б. Ш.*

Квалн. 1896 г. 15. Грузинскіе заговоры. *А. Хаханашвили*. Османская сказка.

Киргизская Степная Газета. 20. *А. П—въ*. Какъ лечатъ баксы. 27, 28. *С. Ф. Годлевскій*. Волшебный камень (киргизская сказка). 28. *Е. Кабекеевъ*. Болѣзни киргизовъ, какъ результатъ особенностей ихъ быта. 29. *Е. Кабекеевъ*. Самыя частыя болѣзни, которыми страдаютъ киргизы. 30. *Е. Кабекеевъ*. Отсутствие акушерской помощи у степныхъ киргизовъ.

Книговѣдніе. Годъ 2-й, № 9—12 (9 марта 1896). Обычныя справочныя свѣдѣнія. Кромѣ того: *Писаревскій, Н.*, Одни изъ „инкунабулъ“; напечатанныхъ въ Нюрнбергѣ въ 1483 году. (Книга принадлежитъ Московской Духовной Академіи. Описаніе міра по возрастамъ (1—8); прибавленіе: „De sarmacia regione Europae“ и „De regno Polonia et ejus initio“; „De Sclavonia urbe regia Sarmacia“; „Lubeca“ и „Nissa“; нѣкоторыя повѣствованія, съ гравюрами. — Годъ 3-й, № 1. (27 января 1896). *Сидоровъ, А. А.*, Историческій очеркъ русской печати въ Привлѣдльскомъ краѣ. — *Лебедевъ, А. Н.*, напѣсны на старинныхъ квигахъ (стр. 1—16). — № 2 (3 мая 1896). Продолженіе статьи *Сидорова* и окончаніе *Лебедева* (17—34).

Курляндскія Губ. Вѣд. 43. Отчетъ о засѣд. И. Р. Геогр. Общ. (докладъ Э. Вольтера о значеніи латышскаго языка для этнологій и А. Л. Погодина о Куронахъ) — 56. Библиографическій перечень сборниковъ латышской народной поэзіи.

Міръ Божій. 1895, Янв. *Милюковъ, П. Н.*, Очерки по исторіи русской культуры. — *Гаринъ, Н.*, Бурлаки (очеркъ). — Прилож.: *Дюкудрэ, Г.*, Исторія цивилизаціи. I. Древній міръ (перев. съ франц. А. Позенъ, подъ ред. Д. А. Коропчевскаго). — Февр. *Милюковъ, П. Н.*, Очерки (прод.). — Прилож.: *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). — Мартъ. *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). — Апр. *Лесевичъ, В.*, Денисовскій казакъ Р. Ѡ. Чмыхало, его сказки и присказки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Г. Общ. 23 дек. 1894 г.). — *Милюковъ, П. Н.*, Очерки (Прод.) — *Шрейдеръ, Д. И.*, Яматою и его семья (изъ воспоминаній о Японіи). — *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). — Май. *Милюковъ, П. Н.*, Очерки (прод.). — *Шрейдеръ, Д. И.* Яматою (оконч.). — *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). — Июнь. *Милюковъ*, Очерки (прод.). — *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). — Июль. *Милюковъ, П. Н.*, Очерки по исторіи русской культуры (прод.). — *Барановъ, М.*, Деревенскій картинки (1. Ребита. 2. Пастухи). — *Маминъ-Сибирякъ, Д.*, А. В. Елѣсьевъ. Страница изъ воспоминаній. — *Дюкудрэ*, Древній міръ (прод.). —

Авг. *Дюкюдрэ*, Древній міръ (прод.) — Сент. *Миллюковъ*, Очерки (прод.). — *Дюкюдрэ*, Древній міръ (прод.). — Окт. *Холодковский, Н.*, Отъ грековъ до Дарвина: Историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра. Генри Осберна. — *Бариньи-ди*, Неизвѣстная Японія. Леонадіо Гиринъ (знатокъ Японія). — *Дюкюдрэ*, Древній міръ (прод.). — Ноябрь. *Миллюковъ, П. Н.*, Очерки (прод.). — *Дюкюдрэ*, Древній міръ (прод.). — Дек. *Тузанъ - Барановскій, М.*, Значеніе эконоическаго фактора въ исторіи. — *Миллюковъ, П. Н.*, Очерки по исторіи русской культуры (оконч. 1-й части). — *Дюкюдрэ*, Древній міръ (оконч. 1-й части). — 1896 Янв. — Февр. *Покровская, М. П.* (женщ.-врачъ), Вліяніе жилищъ на здоровье, нравственность и матеріальное благосостояніе людей. — Фирсовъ, В. (перев. съ финскаго), Изъ Финскаго быта: I. Женитьба, — разсказъ *Г. Азо*; II. Отецъ въ Америкѣ, — разсказъ *Алкіо*. — *Василевскій, Л.*, Изъ культурной жизни мелкихъ народностей (прод.). — *Перье, Эдмондъ*, Основные идеи зоологій въ ихъ механическомъ развитіи съ древнѣйшихъ временъ до Дарвина (перев. съ франц. д-ра зоологій А. М. Никольскаго и Б. П. Пятницкаго) (прод.). — *Дюкюдрэ, Г.*, Исторія цивилизаціи: средніе вѣка. — Мартъ. *Миллюковъ, П. Н.*, Очерки по исторіи русской культуры. Часть II. — *Василевскій, Л.*, Изъ культурной жизни мелкихъ народностей (прод.). — *Перье, Эдм.*, Основные идеи зоологій съ древнѣйшихъ временъ (прод.). — *Дюкюдрэ*, Средніе вѣка (прод.). — Апр. *Миллюковъ, П. Н.*, Очерки (прод.). — *Дюкюдрэ*, Средніе вѣка (прод.). — Май. *Василевскій, Л.*, Изъ культурной жизни (прод.). — *Миллюковъ*, Очерки (прод.). — *Перье*, Основные идеи (прод.). — *Дюкюдрэ*, Средніе вѣка (прод.). — Въ отаѣлѣ „На родинѣ“ — заявтка: Объясненіе русскихъ поселенцевъ (въ „Як. Обл. Вѣд.“). — Июнь—июль. *Миллюковъ*, Очерки (прод.). — *Фридолинъ, П.*, Изъ глубины временъ; культурно-историческій очеркъ (по поводу книги: Jhering: Vorgeschichte der Indo-europäer Leipzig. 1894). — *Перье*, Основные идеи (прод.). — *Дюкюдрэ*, Средніе вѣка (прод.).

Мцемси (Пастырѣ) 1896, 19. Вѣрованія дикарей.

Новое Обозрѣніе 1896. 1208, 4216. Переходное состояніе горцевъ Сѣв. Кавказа, *В. Н. Л.* — 4246. Бабизмъ. *Г. Везировъ*. — 4372. Пронели. Мтіулетія въ 1804 г. *А. Хах-овъ*. — 4406. Библ. Тейлоръ: Первобытная культура. *А. Хах-ова*. — 4426. Этногр. очерки Сваенгтіи. Встрѣча Нового года. *Эристовъ*.

Олонечія Губ. Вѣд. 36, 38, 39. В. Олонечкіе плачи и причитанія. 40. *К—на*: Изъ свадебныхъ обычаевъ Пудожскаго уѣзда. 41—42. Скрытники. Раскольничьи духовные стихи. 59. Бесѣды въ Архангельской волости, Каргопольскаго у. 60—61. Куржекса, Вытегр. у. (Этнографич. очеркъ). 70. В. Этнографическіе матеріалы изъ области народнаго злѣчества въ Олонечкоі губ. 72. В. Изъ исторіи колонизаціи Олонечскаго края. 75. Свадьба уходомъ (въ Тихвинской вол. Вытегорскаго уѣзда). Этнографическій очеркъ. 76, 78 и сл. В. Этнографическія замѣтки. (О говорѣ и пѣсняхъ олончанъ). 76—83. Олонечкій край и

его естественныя богатства. (Для этнографіи интересны историческія очерки городовъ этого края). 77. Слова изъ народной рѣчи, употребляемыя въ Кошугской вол. Вытегорскаго у. 81, 82 и сл. В. Материалы по исторіи колонизаціи Олондцкаго края. 82. Смѣсь. (По поводу сообщенія Балачова: О поѣздѣ къ телегетакъ. Происхожденіе „камаринскаго мужика“ изъ г. Сѣвса (Орл. Вѣстн.) 83. Среди газетъ и журналовъ. (О книгѣ Благовѣщенскаго и Гарягина: Вустарная промышленность въ Олон. губ.; перепеч. изъ „Этногр. Обзор.“) 84. Олонецкая губ. въ царствованіе императрицы Екатерины II. (По описанію 1785 г.).

Приамурскія Вѣд. 1896. 121. Вѣроисповѣдный составъ населенія Приамурскаго края. 121, 123. Н. Кириловъ. Въ вопросу объ аборигенахъ Забайкалья. 126—132. А. Сильницкій. Краткій очеркъ современнаго состоянія Петропавловской округи (Камчатки). 128—132. Промыслы Приамурскаго края.

Псковскія Губ. Вѣд. 1896. 37, 39, 41. Ф. А. У. Письма псковича о X археологич. съѣздѣ въ Ригѣ. (Окончаніе).

Русское Богатство 1895. апр. С—кій, Мих., Подъ утесомъ. Изъ жизни окраинъ (якуты).—Карышевъ, Н. А., Народно-хозяйственные наброски. XIX. Системы разверстокъ общинной земли въ новѣйшее время.—Лесевичъ, В. В., Подвижница науки. (А. В. Потанина въ ея путешествіяхъ и литературныхъ трудахъ).—Май. Лесевичъ, В. В., Эволюція философіи и философія „переживанія“.—Іюнь. Спрошевскій, Вацлавъ, На краю лѣсовъ. Полдень. Переводъ съ польскаго I—III. (Сѣверъ Сибиря).—Карышевъ, Н. А. Народно-хозяйственные наброски. XX. Общинныя раскладки въ послѣдніе годы.—Іюль. Спрошевскій, Вацлавъ, На краю лѣсовъ (прод.).—Карышевъ, Н. А., Народно-хозяйственные наброски. XXI. Нѣсколько чертъ современнаго хозяйственнаго быта Тверской, Нижегородской и Орловской губерній. XXII. Два слова о всероссійскомъ кулачествѣ. XXIII. О персикихъ земледѣльческихъ артеляхъ.—Леонтьевъ, А., На голостныхъ судахъ.—Сент. Мельшицъ, Л., Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. I. Дорога.—Захъ, Л., Судьбы крестьянской общины въ Германіи. I. Происхожденіе средневѣковой общины. II. Общинно-поземельныя отношенія.—Спрошевскій, В., На краю лѣсовъ (оконч.).—Карышевъ, Н. А., Народно-хозяйственные наброски. XXVII. Виѣнадѣльное земледѣніе въ Херсонской и сосѣднихъ губерніяхъ.—Ноябрь. Мельшицъ, Л., Въ мірѣ отверженныхъ (прод.).—Захъ, Л., Судьбы крестьянской общины въ Германіи (оконч.).—Короленко, В. Г., Муланское жертвоприношеніе.—Дек. Мельшицъ, Л., Въ мірѣ отверженныхъ (прод.).—Бачинскій, А., Замѣтка объ академическомъ словарѣ.

Русская Мысль. 1895. май. Носиловъ, К., Исторія одного самоѣда. (Изъ путевыхъ впечатлѣній), оконч.—Ковалевскій, М. М., Англійская пугачевщина.—Мануиловъ, А. А., Аренда земли въ Россіи и Ирландіи.—Тарновскій, Г. В., Русскія поселенія въ Закаспійской области.—Милоковъ, П. Н., Главныя теченія русской исторической мысли XVII

и XIX столѣтій (прод.).—Июнь. *Камаровскій, Д. А.*, гр., Главныя моменты идеи мира въ исторіи.—Ф., А. Ф., Новый трудъ объ Амурской области. (Г. Е. Грумъ-Гржимайло, „Описание Амурской области“, подъ ред. П. П. Семенова).—Июль. *Ковалевскій, М. М.*, Англійская пугачевщина (прод.).—*Гольцевъ, В. А.*, Историческая эволюція и психологическіе законы. — Сент. *К., И. Н.*, Война у разныхъ народовъ. (Ch Letourneau: „La guerre dans les diverses races humaines“).—Окт. *Ковалевскій, М. М.*, Англійская пугачевщина (прод.).—*Камаровскій, Д. А.*, гр., Факторы мира въ современной жизни.—*Миллеръ, В. Ф.*, Русская былина, ея слагатели и исполнители.—Дек. *К., И. Н.*, Война у разныхъ народовъ (оконч.)—*Милуковъ, Н. Н.*, Главныя теченія русской историч. мысли XVIII и XIX столѣтій (прод.).

Русское Обозрѣніе. 1896, янв. *Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Типы рабовъ Геджаза, Гадамеса, Судана, Египта, Леванта и др.—Февр. *Аллеттскій, Павелъ*, Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. (Переводъ*) съ арабской рукописи проф. Г. А. Муркоза).—*Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ (прод.). — *Пирлингъ, П.*, Панславистъ XVII вѣка Юрій Брижаничъ. (По неизданнымъ документамъ). Переводъ съ франц., съ предисл. С. А. Бѣлокурова.—Мартъ. *Аллеттскій, Павелъ*, Путешествіе и проч. (прод.).—Апр. *Гриммутъ, В. А.*, Дипломатическій архавъ XIV вѣка до Рожд. Христ. (амарискія таблицы, исписанныя вавилонскою курсивною клинописью).—*Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ (прод.).—Р., В., Очерки Привислянна. Гл. I—IV. — Май. Р., В., Очерки Привислянна. Гл. V—VI.—*Цытаевъ, И. В.*, проф., Римскія катакомбы. — *Телешовъ, Н. Д.*, За Уралъ. Изъ свитаній по Западной Сибири. (Древныя впечатлѣнія, слухи и встрѣчи) Гл. I—VII.—Июнь. *Ею же*, За Уралъ. (прод.). Гл. VIII—XII.—*Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ (прод.).—Июль. *Телешовъ, Н. Д.*, За Уралъ (прод.). Гл. XIII—XV.—Авг. *Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ (прод.).—*Телешовъ, Н. Д.*, За Уралъ (оконч.). Гл. XXVI—XXXIII.—Сент. *Елистревъ, А. В.*, Въ странѣ рабовъ (оконч.).

Сибирскій Вѣстникъ. 106, 107, 109, 110, 112. *А. Ключе*. Подъ хребтомъ (изъ сказаній полярныхъ обранныхъ). 161. *П. Д.*, Будущность человѣческихъ расъ. 176. *Алек—новъ*, Къ вопросу объ устройствѣ быта бѣдныхъ якутовъ.—*Н. Гурьевъ*, Преданія о каздахъ, находящихся въ Томской губ. 184. *Н. А.* Людовѣство въ Сибири.

Смоленскій Вѣстникъ. 1896. 27. Изъ Сосницкой вол. Юхновскаго уѣзда—обычаи и обряды на масленицу (сожиганіе Масленицы); собраніе съ новообращенныхъ, повѣчавшихся въ этомъ году, такъ называемаго „поземельнагъ“:— $\frac{1}{4}$ ведра воды, обязательныя кѣтанія. — 28. Народный театръ въ Ирбитѣ.—32. Растеніе, вызывающее истерическій омѣхъ

*) Сокращенный; въ полномъ видѣ это путешествіе печатается въ „Чтенія въ И. Общ. ист. и древн. росе“. 1896. Ред.

(сѣсь). (Совр. легенды на тему о безконечномъ эпидемическомъ весельѣ).—Самый сильный человекъ въ мірѣ (сѣсь)—сербъ Михайловичъ, 33-хъ лѣтъ, можетъ бороться съ 12 обыкновенными людьми. (Срн. съ реальными чертами въ сказаніяхъ о богатыряхъ).—37. Самарскіе „еретики“ (первратныи шѣніи духовныхъ лицъ о купцѣ Прохоровѣ, какъ о хлыстѣ).—38. Джекъ-потрошитель (извѣстный распарыватель животомъ оказался голоднымъ студентомъ-медикомъ, съ неизгладимымъ душевн. разстройствомъ). Срн. психологич. основы сказаній къ темѣ о разбойникахъ.—41, 44, 47. *Дроздовъ, М. А.*, Изъ этнографіи смоленскаго края (I крестныи).—50. Виленская губ. (Вопр. о раскольникахъ, б. ч. безпоповцахъ).—51. *Селезневъ, Н.*, Затмѣніе. (Сужденія въ деревенскомъ населеніи: знаменіе грядущихъ бѣдъ).—67. Изъ исторіи духоворцевъ (Русс. Вѣд.).—71. На Пасхѣ. Картинка съ натуры (изъ народнаго быта, съ пѣснями).—75. *Селезневъ, Н.*, Касьянъ (очеркъ). 29-го февраля не работаютъ, основываясь на вѣрѣ „въ глазъ“. „Дурной глазъ“—основа всѣхъ легендъ о Касьянѣ.—97. *Селезневъ, Н.*, Егорьевъ день.—114. Фотографія любви (сѣсь). Изображенія рукъ двухъ лицъ, симпатизирующихъ другъ другу, показываютъ лучистые пучки, которые, очевидно, стремятся соединиться; у лицъ антипатизирующихъ лучи отклоняются другъ отъ друга и т. п. (Опыты проф. Наркевича-Юдко въ Петербургѣ). Срн. хиромантію.—147. *Кречетовъ, П.*: Г. Влецъ (историческія справки).—155. Одиравшія дѣти. (Сѣсь. Изъ „Globus'a“): 1) дѣвочка, воспитавшаяся въ медвѣжьей берлогѣ, —ходить не на четверенькахъ ей было трудно, человѣческой рѣчи научиться не могла; 2) мальчикъ, голый, безчелюсный, рычалъ, какъ звѣрь; питался и вообще весь образъ жизни велъ, какъ животное хищное.—196, 198. *Кречетовъ, П.*: Лѣтняя экскурсія (путевые наброски); авторъ собиралъ произведенія народнаго творчества, путешествуя пѣшномъ по Орловскому и Малоархангельскому уѣздамъ. Здѣсь помѣщены разныя замѣтки о времени, проведенномъ въ пути.

Сѣверный Вѣстникъ. 1895. —Іюль. *Шимкевичъ, В.*, проф.: Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ движеніи.—Авг.—сент. *Трачевскій, А.*, проф.: Судьба ислама.—Ден. *Стиваль, М.*: Судъ и юридическое образованіе народа.

Тобольскія Губ. Вѣд. 1896. 18—24. *К. М. Мурзина*: Народныя пѣсни тюкалинскихъ крестьянъ.—20, 22—24, 26, 28, 30, 31, 33. *А. Ордынский*: Очерки бурятской жизни.—23—25, 27, 29. *Кузнецовъ-Тобольскій*: Владоксаніе и преданія о владахъ въ Западной Сибири.

Тобольскія Еп. Вѣд. 1896. 10. *Е. В. Кузнецовъ*: Старое сказаніе о вѣрѣ и обрядахъ виргизовъ.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета. 1895. Ден. *Ивановскій, В.*, Русское государственное право (прод.). Критика: *Александровъ, А.*: Князь Арванит, драмси чин од Николае I. (Произведеніе черногорскаго князя посвящено эпохѣ борьбы Черногорья съ Турціей въ концѣ XV вѣка).—1896. Янв. *Ивановскій, В.*, Русское госу-

дарственное право (прод.). — Февр. *Ивановскій, В.*, Русское государственное право (прод.). — Бритица. *Будде, Е.*, Великорусскія народныя пѣсни, изданныя проф. Соболевскимъ. — Мартъ. *Ивановскій, В.* — (продолженіе). — *Смирновъ, А.*, Публичныя лекціи по философіи наукъ. — *Богородицкій, В.*, Запѣтки по экспериментальной фонетикѣ. — Апр. *Амичковъ, П.*, Памятники киргизскаго народнаго творчества. — *Ивановскій, В.*: Русское государственное право (прод.). — *Богородицкій, В.*, Говоръ деревни Бѣлой, Каз. губ. (прод. *). — *Смирновъ, А.*, Публичныя лекціи по философіи наукъ (прод.). — *Будде, Е.*, Въ исторіи великорусскихъ говоровъ. — Май. *Смирновъ, А.*, Публичн. лекц. (прод.). — *Будде, Е.*: Въ исторіи великорусскихъ говоровъ (прод.). — Бритица: *Бередицкозъ, И.*, Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія. Н. Страхова. — Июнь—юль. *Ивановскій, В.*, Русск. госуд. право (прод.). — *Будде, Е.*, Въ исторіи великорусскихъ говоровъ (прод.).

*) См. Уч. Зап. 1895, №№ 5—6.

Новости этнографической литературы.

Айналовъ, Д. В. Мозаики IV и V вѣковъ. Исслѣдованія въ области иконографіи и стила древне-христіанскаго искусства. Спб. 1895. 8°, VI + 128 стр.

Айналовъ, Д. Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа (изъ „Арх. Изв. и Зап.“). М. 1895. 8°, 11 стр. 60 экз.

Анты Литовской Метрики. Собр. проф. *Θ. И. Леонтовичемъ*. (См. ниже). Т. I, в. 1 (1413—1498 гг.). Изд. Имп. Варш. университетскаго. 1896. 4°.

Альмедингенъ, Ал. Иностранныя вина и колониальныя товары. Естественно-историческій и технич. очеркъ. Изд. торг. дома „Братья Блиссевы“. Съ 159 рис. и 12 грав. табл. Спб. 1896. 4°. (Нѣкоторые отдѣламы, наприм. о виноградѣ, масличн. деревѣ, кофе, предпосланы историческіе очерки, включая и доисторическую эпоху съ рисунками ископаемыхъ видовъ).

Аппельротъ, Вл. Древнегреческая религіозная скульптура. Сергіевъ Посадъ. 1895. 8°, 23 стр.

Ахмеровъ, III. Синтаксическій разборъ глагола въ казанско-татарскомъ нарѣчій. Казань. 1895. 8°, 43 стр. 600 экз.

Венгреневскій, Сергѣй. Языческій обычай въ Брацлавщинѣ „Гонимы шулака“. Этнографич. этюдъ. (Изъ «Кіев. Стар.») К. 1895. 8°, 42 стр. 100 экз.

Вестуневъ-Рюминъ, К. Н., акад. Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія Имп. академіи наукъ за 1894 г. Спб. 1895. 8°, 9 стр. 110 экз.

Бобровниковъ, Н. А. Балмыція издавія православнаго миссіонерскаго общества. (По поводу рецензіи А. М. Позднѣева). (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв.) Спб. 1895. 8°, 15 стр. 100 экз.

Бобаевскій, II. Мултанское „моленіе“ вѣтчиковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. Съ рисунками. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“, № 3.). Москва. 1896. 16°, VI + 112 стр. Ц. 40 коп.

Богдановъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлорусовъ. Этнографическій очеркъ. Гродно. 1895, 8°, стр. 186. Ц. 60 в. (Отзывъ— въ „Рус. Обзор.“ Олт. 1896).

Бодуэнъ-де-Нуртенз, И. А. Матеріалы для Южнославянскои діалектологіи и этнографіи. I. Резьянскіе тексты. Съ приложеніями *Элли фонъ Шульцъ-Адаевскои*. Спб. 1895. 8°. XX + 708 стр. Ц. 6 руб.

Борисозъ, Н. А. Петръ Пахтусовъ. Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю. (Очеркъ, съ картою). 82 стр. Ц. 30 в.

Брянцевъ, П. Дм. Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи. Вильна, 1897. 8°. VI+150 стр. Изданіе второе. Ц. 60 коп. (Сокращенное изданіе „Исторіи Литовскаго государства древнѣйшихъ временъ“).

Булгаковскій, Д. Нижегородскія легенды. (Какъ начинался Н.-Новгородъ. Дятловы горы. Корытислова башня. Проклятіе Н.-Новгорода. Бумага-родѣйка. Царская невѣста. Убойное дѣло) СПб. 1896. 8°, 48 стр., ил. 1 и 2.

Буличъ, С. К. Матеріалы для русскаго словаря. СПб. 1896.

Бунге, А., д-ръ. Описаніе путешествія въ устье р. Лены 1881-1884 г. Перев. съ нѣм. Е. Гейнауъ. (Die Lena-expedition). СПб. 1895. 4°, стр. 96 + VI. (текстъ русскій и нѣмецкій). (Изъ „Трудовъ русск. полярной станціи на устьѣ Лены“. Ч. I. 1895).

Буссе, Ф. Ф. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883-1893 гг. Съ картою. СПб. 1896. 4°, стр. 2 + IV + 165 + 57. (Первыя главы содержатъ общіе очерки страны, климата, воееннаго населенія — гольдовъ и орочей, историческій очеркъ заселенія края; остальные посвящены специально современному переселенію, устройству и занятіямъ переселенцевъ, съ прил. статистич. таблицъ. Авторъ предупреждаетъ между прочимъ, что принадлежащія ему описанія края, изданныя въ 1895 г. фирмою М. О. Вольель въ XII т. 2 части „Живонисной Россіи“ („Уссурійскій край—очеркъ IX и „Японское море“—оч. X), какъ пролежавшія въ портфельъ вздателѣй 15 лѣтъ со времени ихъ написанія, „потеряли всякое значеніе для настоящаго времени“). Ц. 4 руб.

Бѣлмлловскій, Н. А. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. СПб. 1895. 8°.

Бѣньковскій, И. Народныя обычаи и обряды, приуроченныя къ „Славу“. (Изд. „Кіев. Стар.“). Кіевъ. 1895. 8°, 6 стр. 65 экз.

В. В. Артель въ вустарномъ промыслѣ. Слб. 1895. Ц. 1 р.

Велецкій, С. Н. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи, съ 1866 по 1892 годъ. Краткій очеркъ. Полтава. 1894. 8°, 144 стр.

Виноградовъ, Алексій. Древне-патріархальныя династіи царей въ Ассуро-Вавилоніи и Персіи, Китаѣ, у Евреевъ и Магометанъ, или патріархально-династическая хронологія и теорія, основанная на историческихъ памятникахъ по новѣйшимъ открытіямъ и выводамъ науки. (Прилож. къ „Исторіи Библіи на Востоцѣ“). СПб. 1895. 8°, VIII+78 стр. Ц. 1 р.

Водовозовъ, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ.— Турки. (Съ картинками къ текстѣ и на обложкѣ). 158 стр. Ц. 40 коп.—Англичане (10 рис.). СПб. 1894. 207 стр. Ц. 40 к.

Вольскій, І. Мѣстечко Янишки. Опытъ историко-статистическаго описанія. Ковно. 1896.

Восточныя Записки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточн. языковъ. Имп. СПб.-скаго университета. Къ дню 100-лѣтняго юбилея специальной школы живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ (1795—1895). СПб. 1895. 4°, 404 стр. съ прил. таблицъ и снимковъ. (Печатано 322 экз., изъ коихъ 310 на слоновой бумагѣ, 12 на вѣтманской).

Выводъ о происхожденіи прозвищъ: Севрукъ и Бурченичъ - Севрукъ. Минскъ. 1895. 8°, 24 стр. 150 ввз.

Вышеславцевъ, А. Воспоминанія о поѣздѣ въ село Грузино Нюггородск. уѣзда. Тверь. 1895. 8°.

Вышоградъ, Я. Д. Матеріалы для антропологиа Кабардинскаго народа (сдыге). Дисс. при Воен.-Мед. акад. (№ 35). СПб. 1895. 8°.

Герасимовъ, М. Очеркъ Нерчинскаго горнаго округа. Изд. Кабинета Его Имп. Величества. СПб. 1896. 8°.

Гомеръ. Илиада. Перев. Н. М. Минскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1896 г. Ц. 75 в.

Горяевъ, Н. В. Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тюльскъ. 1896. 8°.

Гре-ъ, А. Н. Браткій очеркъ исторіи Баввасоваго перешейва. Вып. 1-й. Язычесвій періодъ. (Изъ „Унив. Изв.“). Кіевъ, 1895. 8°, 123 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е. Описаніе путешествія въ Западній Кътай. (Составлено при участіи М. Е. Грумъ-Гржимайло). Томъ I. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня. (Съ картой, 25 фототип., 5 грав. въ текстъ и 1 табл.) Изд. Имп. Р. Г. О. СПб. 1896. 4°, XII + 547 стр.

Грушевскій, М. Вѣтви з жерел до исторіи України-Руси.. До половини XI вѣка. Львов. 1895. 8°, I + 122 стр. Ц. 1 гульден.

Гузевъ, А. Е. Матеріалы къ наученію Пермскаго края. Сысертскіе горныя заводы, ихъ прошлое и настоящее и лѣтопись событій (1702—1896 п.). Пермь. 1896.

Гурьевъ, Н. А. Томскій календарь на 1896 г. (Помѣщены народныя примѣты по мѣсяцамъ, записанныя въ Томскѣ и его округѣ). Томскъ. 1895.

Девель, Ф. Разказы о восточной Сибири. Москва. 1896. 8°.

Денрозъ, Леонъ. Русскій альбомъ. Годъ VII-й (1896). Москва. 1896. 4°, роскошн. изд. Въ числѣ статей торгово-промышл. характера, слѣдуетъ отмѣтить статью: Финляндія. Общественное устройство, экономическое положеніе, торговля.

Делекторскій, Ф. И. Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской униі. СПб. 1895.

Дьяноновъ, М. Половинки поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣвахъ. СПб. 1895. 8°, 63 стр.

Дѣло Муланскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Короленкомъ и В. И. Суходоєвымъ, похъ ред. и съ прииѣчавіями В. Г. Короленка. Москва. 1896. Ц. 60 в.

Ельницкій, К. Инородцы Сибири и Средне-азиатскихъ владѣній Россіи. Этнографическіе очерки. Учебное пособіе. Изданіе Д. Д. Полубояримова. 136 стр. СПб. 1895 г. Ц. 1 р.

Еруслановъ, П. Магометанская пропаганда среди Черемисъ Уфимск. г. Изд. 2-е (оттискъ изъ № 10 „Правосл. Благовѣсти.“ 1895 г.) Москва. 1895. 8°.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Жерела до історіи України-Руси. Видане Комісія Археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Томъ I. Львов. 1895. (Описи королівщин в землях руських XVI вѣку, під ред. Михайла Грушевського. Ілюстрації земель Галицької й Перемишльської.—Стаття и матеріали).

Жорданія, О. Завѣщаніе царя Давида Возобновителя, давное Шіогвинской Лаврѣ въ 1123 г. (Бъ матеріаламъ по історіи Грузіи). Тифлісь. 1895. 8°, 34 стр. 600 вкз.

Звягинъ, К. С. Очеркъ современной Абиссиніи. По личнымъ впечатлѣніямъ. СПб. 1895. 8°.

Зерцаловъ, А. Н. Матеріалы для історіи Сибирска и его уѣзда. (Приходо-расходная книга Сибирской Приказной избы. 1665—1667 г.). Сиб. 1896. 8° VI + 275 + IV стр.

Ивановъ, И. А. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в. Одесса. 1895.

Износковъ, И. А. Матеріалы для історіи христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края. Вып. 3-й. Изд. 2-е. Москва. 8°, 48 стр.

Ильминскій, Н. И. Письма къ крещенымъ татарамъ. (Изд. ред. „Прав. Собесѣдника“). Казань, 1896. 8°, XXVIII + 210 + 2 стр. Ц. 60 в. (съ пересылкой).

Исаевъ, А. А. Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ. СПб. 1895. 8°, бр. 16 стр.

Исаевъ, А. А. Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ. СПб. 1895. 8°, бр. 16 стр.

Истоминъ, О. М. Отчетъ объ экспедиціи для собиранія русскихъ пѣсенъ съ напѣвами въ 1894 году. (Изъ XXXI тома „Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ.“) СПб. 1895 8°, бр. 10 стр.

Описание историческое Валдайскаго Кореннаго вѣнныя святителя Тихона женскаго монастыря, новгородской епархіи. Новгородъ. 16°, 32 стр.

Манашъ и Тентандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Перевелъ съ нѣм: Алексѣй Станкевичъ. М. 1896. 8° (изъ „Чтеній въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“), 61 стр.

Карскій, Е. О. Занадно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ. Варшава. 1896. 8°, XIII + 444 стр. Ц. 3 руб.

Картавцовъ, Е. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки. Изд. 2-е. СПб. 1896.

Каталогъ Латышской этнографической выставки, устроенной по случаю X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, въ 1896 г. Переводъ съ латышск. Рига. 1896. 8°, 124 стр.

Катановъ, Н. О. Преданія тобольскихъ татаръ о Бучумѣ и Ермакѣ. Тобольскъ. 1896. 8°, 13 стр. (Отд. отд. изъ „Ежегодника Тоб. Муз.“, V вып.).

Катановъ, Н. О. О наказаніи лѣвивыхъ богомольцевъ у татаръ Кытайскаго Туркестана. Казань, 1895. 8°, 16 стр. (изъ XII тома „Извѣстій Общ. Ист., Арх. и Этно.“).

Натановъ, Н. О. О свадебныхъ обычаяхъ татаръ Восточнаго Туркестана Каз. 1895. 8°. 28 стр. (Изъ XII тома „И. О. И. А. и 9.“ за 1894 г.).

Наутский, Карль. Возникновение брака и семьи. СПб. 1895. Ц. 50.
 Машпровский, Е. И. Учреждение Смоленской епископш. Историко-критическая записка. Киевъ. 1896. 8°, 64 стр.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная вружкомъ преподавателей, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. I. Москва 1896 8°, VII + 446 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Нязевъ, Е. В. Вторая ученическая экскурсія въ Крымъ въ июнѣ 1895 года. Одесса. 1896. 8°, 61 стр.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и общества. Лекціи читанныя въ Стокгольмовомъ университетѣ. Пер. съ фр. М. Јолшина. СПб. 1895. Ц. 60 в.

Ковнеръ, С. Исторія медицины. Т. I: Медицина востока и древней Греціи до Гипократа. Т. II: Гипократъ. Т. III: Медицина отъ смерти Гипократа до Галена включительно. Т. IV: Исторія средневѣковой медицины: медицина Западной Римской имперіи; медицина Восточной Римской имперіи; византійская медицина и арабская медицина.

Козловъ, П. Н. Экспедиція въ Центральную Азію (Изъ писемъ). (Изъ „Русск. Инвалида“, №№ 83, 90 и 95). СПб. 1895 4°. брош. 8 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человеческой культуры, съ очеркомъ формъ правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го перераб. и значительно дополн. изд., подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. 1-й Киевъ—Харьковъ. 1896 8°, 144 стр. (Цѣна за всѣ 8 выпусковъ по подпискѣ у южнорусскаго книгоиздательства Ф. А. Јогансонъ—2 р. 50).

Комаровскихъ, Гавр. Женщина въ патриархальной семьѣ. (На основаніи киреценскихъ пѣсенъ Орловскаго уѣзда). Вятка. 1895. 16°

Кони. А. Ѡ. Общественная и государственная дѣятельность Д. А. Ровинскаго. СПб. 1896. 8°, бр.

Корелинъ М. С. Паденіе античнаго мирозозерцавія (культурный кризисъ въ Римской Имперіи). 1895 Ц. 75 к.

Корелинъ. М. С. Очерки итальянскаго возрожденія. Москва. 1896. 16° 360 стр. Ц. 1 р. („Библиотека Русской Мысли“, VII).

Кривенко В. С. По Дагестану. Путевыя замѣтки. СПб. 1896. 8°, 83 стр.

Крымскій А. Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія. (Изъ „Кіевск. Стар.“). Киевъ. 1895. 8°, 83 стр., 100 экз.

Кудринскій Ѡ. Пошистъ (Разсказъ изъ быта крестьянъ Черниговской губ.).—(Изд. „Кіевск. Стар.“). Киевъ. 1895. 8°, 29 стр. 65 экз.

Лакомбъ, П. Соціологическія основы исторіи. Перев. съ фр. подъ ред. Р. П. Сементковскаго. СПб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Лапинъ С. А. Карманный русско-узбекскій словарь, 4.000 словъ, съ приложеніемъ краткой грамматики узбекскаго языка. Самаркандъ 1895. 12°.

Ле-Бонъ, Густавъ. Психологія народовъ и массъ. Переводъ съ франц. А. Фрэдманъ и Э. Пименовой. Изданіе Павленкова. 1896. 329 стр. Ц. 1 р.

Левицкій, Ем. Галицко-русская библиографія XIX-го столѣтія съ узглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. Хронологическій списокъ публикацій (1801-1886). Томы 1-2. Львовъ. 1895.

Леонтовичъ Ѡ. И., проф. Акты Литовской метрики. Т. I, вып. 1-й. 1413-1498 гг. Варшава 1896, 4°, 169 стр. (№№ 1-427).

Летурно, Шарль. Литературное развитіе различныхъ племенъ к народу. Перев. съ франц. В. В. Святловскаго. СПб. 1895. 8°, 372 стр. Ц. 1 р. 50к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Перев. съ послѣдн. франц. изданія. Вып. 1-й, съ 53 рис. Спб. 1895, 8° X + 141 стр. ц. 60 в. (изд. О. Н. Поповой).

Линдеманъ, I. Греческія слова въ русскомъ языкѣ. Эскурсія въ область исторіи русскаго языка. Москва, 1896. 8°, 84 стр. (Прим. къ Циркулярамъ по Моск. учебн. округу за 1895 г.).

Лопатинъ, М. А. Дневникъ Витимской экспедиціи 1865 года, обработанный Б. Б. Поляновымъ (отт. изъ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ.) СПб. 1895. 8°, XIV + 283 стр. (Рисунки и карта).

Львовъ, Евгеній (Русскій Странникъ), По студеному морю. Поѣздка на сѣверъ: Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Трондгеймъ, Стокгольмъ, Петербургъ. Съ тридцатью рисунками съ натуры исполненными художниками Б. А. Коровинымъ и В. А. Сѣровымъ. Москва. 1895. ц. 3 р.

Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Пер. И. А. Вернера (Библиотека экономистовъ, вып. II).

Массальскій, Н. Поволжье, Приуралье, лѣчебныя степи. Сборникъ I-й (пути сообщенія, замѣчат. мѣстности и особенности края, историческія и др. свѣдѣнія). Изд. Ѡ. Сурица СПб. 1896. 8° 6 + III + X (табл. рис.) + 32 + 48 + 40 + 136 + 44 + 9 стр. (съ картой).

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конц. 70-хъ годовъ по 1893 г.). (Печатается по распоряженію Министерства Вн. Дѣлъ.) Томъ I. Историко-статистическое описаніе 100 поселковъ. Москва. 1895. 8° 6. V + 541 стр. (Карта.)

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. СПб. 1896. 8° VII + 223 стр. и карта. Ц. 1 р. 25 к.

Минаевъ, И. Матеріалы и замѣтки по буддизму. II. (Матеріалы по эсхатологіи). СПб. 1896. 8°, стр. съ 207 по 221.

Михельсонъ, М. И. Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословцевъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). 2-е пересмотр. и значит. дополненное изданіе. СПб. 1896. 8°, X + 598 стр.

Михневичъ, Вл. Русская женщина XVIII столѣтія. Кіевъ. 1896. 16°, 402 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Москва. Актковыя книги XVIII столѣтія. Томъ III. М. 1895. 4°, 471 стр.

Москва, Иоаннъ (Блаженный). (Троицкая библиотека, кн. I). Лугъ духовный. Перев. съ греческаго, съ подробными объяснительными замѣчаніями свящ. М. I. Хитрова). Св.-Троицк. Сергіев. Лавра. 1896. 8°, XXXVIII + 282 стр. (фототипич. и варты Палестины).

Миоллеръ, А. Исторія ислама съ основаніи до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Мѣдника. Тома III и IV. СПб. 1896. 8°, 448 стр. и 275 стр. Ц. за два тома 5 руб.

Нижегородская губернія по изслѣдованіямъ Нижегородскаго земства. (Изданіе земства къ Нижегородской выставкѣ). Вып. I, II, III. 1896. 4°. (Вып. II содержитъ изслѣдованіе вустарныхъ промысловъ М. А. Плотникова, 133 стр., съ многими рисунками; остальные выпуски посвящены естественно-историч. описанію губерніи и статистикѣ по сезону хлѣбному; въ III вып., стр. 33, есть свѣдѣнія объ естеств.-историч. музеѣ Нижегород. земства).

Никифоровскій, Н. Я. Очерки простонароднаго житія-бытія въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8°.

Новицкая, А. Южно-Уссурийскій край и переселенцы. Географическій очеркъ. 2-е изд. Харьв. Общ. грамотности. Харьковъ. 1896. 8°.

Обзоръ Казанской губерніи за 1894 годъ. (Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету каз. губернатора). К. 1895. 2°, 2 + 92 стр. + 9 вѣдомостей. 150 экз.

Обзоръ (вратній) вустарныхъ промысловъ. Иллюстрированное изданіе Ман. Земл. и Гос. Им. СПб. 1896. 4°, XXXV + 109 + II стр.

Обзоръ кустарныхъ занятій въ Базанской губерніи. Изданіе Каз. Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Баз. 1896. 8°, 112 стр.

Овсяннико-Кулиновскій, Д., проф. Языкъ и искусство. Изданіе I. Юровскаго. СПб. 1895. Ц. 20 к.

Описаніе Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной библіотеки. Вып. 1-й. Вильна. 1895. 4°, XVII + 144 стр. (документы, касающіеся живій, поселковъ, монастырей).

Описаніе (систематическое) коллекцій Даниковскаго Этнографическаго музея. Изд. подъ ред. Вс. Ѳ. Миллера Вып. 4-й. М. 1895. 8°.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. (Начиная отъ примитивныхъ обществъ и до нашихъ дней; въ приложеніи, около 170 страницъ,—посвященнаго русск. законодательству).

Остроумовъ, Н. П. Сурты. Этнографическія матеріалы. Изданіе второе, дополненное, съ портретами суртовъ. Ташкентъ. 1896. 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Остроумовъ, Н. Способны ли кочевые народы Азіи къ усвоенію христіанскій вѣры и христіанской культуры. Изд. 2-е. (Оттискъ изъ „Православнаго Благовѣстника“, №№ 22—23. 1895 г.) Москва. 1896. 8°, брош.

Отхожіе промыслы крестьянъ. Обзоръ Ярославской губерніи. Вып. II. Раздѣлъ I. Районы отхода. Ярославль. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Очеркъ, краткій, дѣятельности Охотскаго уѣзднаго земства Пермской губерніи за 25-лѣтіе его существованія. Сарапулъ. 1895. 8°, 50 стр. (Изд. земства).

Петри, Э. Ю., проф. Антропология. Вып. 4. СПб. 1895. 8°. стр. съ 145 по 192.

Петрово-Соловово, М. М. Краткій очеркъ исторіи отношеній между Ассирио-Вавилоніей и евреями. Съ картою. СПб. 1895. 8°, 112 стр. 300 экз.

Петропавловскій, І. Д., прот. Историческій очеркъ благотворительности и ученія о ней въ языческомъ мірѣ, въ Ветхомъ Заветѣ и въ древней церкви христіанской. Москва. 8°, 107 стр. 150 экз.

Позднѣевъ, П. Монголія и Монголы. Результаты побѣды въ Монголію, исполненной въ 1892-1893 г.г. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ 1892 года. Изданіе Имп. Русск. Геогр. Общества. СПб. 1896. 8° больш. форм. XXX + 697 стр. (съ рис. въ текстѣ).

Помровскій, Е. А., д-ръ. Дѣтскія игры, преимущественно русскія (въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеною). Изд. 2-е, исправл. и дополн. (Съ 105 рис.) М. 1895. 8°, VI + 368 стр. 2.000 экз. Ц. 2 р.

Полъновъ, Ф. С. Практическія свѣдѣнія о предугадываніи погоды безъ помощи барометра и теоретич. объясненія причинъ. Вятерниославъ. 1896 г. 8° (интересно для изучающихъ народныя примѣты по этому вопросу).

Пороховицковъ, А. Изба. Ея значеніе въ жизни народа и государства. Краткая исторія вопроса объ обращеніи деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую и негорючую отъ Петра Великаго до нашихъ дней. СПб. 1896. 8°, 37 стр. Ц. 15 в. (Рѣчь, чит. на Нижег. выставкѣ).

Праздникъ русской народной пѣсни. 1) „Великорусскія нар. пѣсни“, изд. Вл. Ев. Георгія Михайловича, подъ ред. проф. А. И. Соболевскаго, т. I. 2) Дѣятельность „Пѣсенной экспедиціи“ И. Русс. Географическаго Общества. СПб. 1895. 8°.

Преображенскій, Ник. А., свящ. Списокъ сельъ, содержащій извлеченныя изъ Бѣлевскихъ писцовыхъ книгъ 1630-1632 годовъ свѣдѣнія о церквахъ и церковныхъ земляхъ и причтахъ, часть которыхъ вошла въ составъ Мценскаго и Болховскаго уѣздовъ Орловской губерніи, Лихвинскаго и Козельскаго Калужской, а также Одоевского и Чернскаго Тульской губерній. Составлено по книгѣ: „Бѣлевская Библіотека“. Орелъ. 1894. 8°, 41 стр.

Программы для собранія особенностей народныхъ говоровъ: сѣверно-великорусскаго, южно-великор. и бѣлорусскаго нарѣчій. Изд. Огдѣленія русс. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. СПб. 1896.

Птицынъ, Влад. Селенгинская Даурія. Очерки Забайкальскаго края, въ двухъ частяхъ, съ 9 рис. и геогр. картою Забайкалья. СПб. 1896. 8°, X + 306 стр.

Путешествія В. В. Юнкера по Америкѣ. Изложено Э. Ю. Петри, профессоромъ СПб. университета. Съ 114 рис. въ текстѣ, 44 отд. гравюрами, 2 картинками и портретомъ В. В. Юнкера VI + 324 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Путешествія по Туркестану Н. А. Сѣверцева и А. П. Федченга. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Ляпиной, съ 81 рис. и картою. 267 стр. + XV. Ц. 2 р. 50 к.

Размадзе, А. С. Волга отъ Нижвго - Новгорода до Астрахань. Очеркъ. Изд. С. В. Кульженко (роскошное изданіе съ множествомъ фототипн. видовъ, рисунковъ и съ картою). Кіевъ. 1896. 4°, 162 стр.

Разказы о Литвѣ и литовцахъ. Составилъ Г. Р. Съ рисунками. Москва, тип. Сытина. 1896. 8°, 101 стр.

Разказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Москва. 1896. 12°, бр.

Ремяю, Эл. Земля. Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ послѣдняго франц. изданія. Вып. I-VI. (Для этнографа интересны частыя ссылки на народно-поэтическіе мифы).

Ремяю Э. Швеція и Норвегія. Полн. переводъ съ франц. П. Н. Краснова. Съ 75 рис. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 1896. 8°.

Риттихъ, П. А. Политико-статистическій очеркъ Персіи. Съ картою СПб. 1896. 8°, V + 293 стр. Ц. 2 р. 50 в.

Роборовскій, В. И. Экспедиція въ Центральную Азію (Изъ писемъ). (Изъ „Русск. Инвал.“. №№ 135, 145 и 146). СПб. 1895. 4°, брош. 10 стр.

Рубинштейнъ, С. Ф. Первое продолженіе къ хронологическому указателю указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ западной Россіи, Вѣлороссіи и Малороссіи за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г., дополненному за 1893 г. Указы, изданные съ декабря 1893 по июль 1895 г. Вильна. 1895 г. 8°, 28 стр. 1740 экз.

Рычковъ, П. И. Исторія Оренбургская (1730 — 1750). Изд. Оренб. Губ. Стат. комитета. Подъ ред. и съ примѣч. секретаря комитета Н. М. Гутьяра. Оренбургъ. 1896. 4°, 93 стр. Ц. 75 к.

Рѣдинъ, Е. Н. Профессоръ Никодимъ Павловичъ Ковдаковъ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. СПб. 1896. (Изъ 9-го тома „Записокъ Имп. Русск. Археолог. Об-ства. Труды Отдѣл. Археол. древн.-классич. Кн. 2-я, стр. 1—40). 8°, 40 стр.

Сабинъ-Гусъ, Д. Дѣятели русской исторіи въ стихотвореніяхъ русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ. Сборникъ. Тислясь. 1896. 8°.

Самоквасовъ, Д. Я. Исслѣдованія по исторіи русскаго права. Вып. I. Предисловіе. Введеніе. Критич. обзоръ теорій до-государственнаго быта русскихъ славянъ. М. 1896. 8° XVIII + 107 + 34 стр. Ц. 1 руб.

Сенты и вѣроученія въ соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. СПб. 1896. 8°. III + 160 стр. Ц. 1 р.

Сборникъ Астраханскій, издаваемый Петровскимъ Обществомъ въ слѣдователей Астраханскаго Края. Вып. 1-й. Астрахань. 1896. 8°. fol. VI + 335 стр. (съ десятью рисунками).

Сборникъ Волинскій, Историко-археологическій. Вып. 1. Изд. распорядит. комитета Волин. Церк.-археологич. Общества. Почаевъ-Житомиръ. 1896. 8°, около 16 печ. листовъ. (Содержитъ отчетъ общества, уставъ, памятники древн. письменности, статьи, документы и пр.).

Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ вѣнзая Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. I. Кіевъ. 1896. 8° 50 + 219 стр. Ц. 1 р.

50 к. (Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи; Георгій Ко-
нискій, какъ проповѣдникъ; къ біографіи Георгія Копискаго; учрежденіе
Смоленской епископіи).

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи. Томъ VIII.
Орловскій уѣздъ. Изд. Орл—скаго губ. земства. Орелъ. 1895.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Томъ
8-й Харьк. 1896. 8° II + 323 + съ 65 по 112 стр.

Свѣтловъ, П. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ
христіанской религіи и философіи. СПб. 1895. 8°.

Семеновъ, П. П., Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества 1845-1895 (составленъ прв содѣй-
ствіи д. чл. А. А. Достоевскаго. Ч. I, отдѣлы I, II и III. Ч. II отд.
IV; ч. III отд. V. Приложенія, Указатель и Составъ Общества. СПб.
1896. 8° б. X X X + XI + VIII + 1377 + 61 стр.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. I. II. Власть. Вып.
2-й Совѣтникомъ князя. СПб. 1896. 8° V III + 337 стр. по 618 стр.

Словарь статистическо-географической Опочецкаго уѣзда, Псковской
губ. Изд. Псковск. Губ. Статист. комитета. Псковъ. 1895.

Смоленскій, А. В. Чувашскія примѣты о погодѣ и вліяніи ея на хо-
зяйство. Казань. 1896.

Собрание (Публичное) Имп. Акад. наукъ въ память ея поч. чл.
Дж. Александр. Ровинскаго, 10 дек. 1895 г. СПб. 1896. 8°.

Соловьевъ, Сергѣй. Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ
объ Іудѣ Предателѣ. Вып. I. Харьковъ. 1895, 8°. 194 + IV + II стр.
Ц. 1 р. 50 к.

Спасскій, Н. Потребность православной миссіи для Бухарской орды.
Изд. 2-е (отгискъ изъ №№ 18 и 20 „Правосл. Благовѣсти.“) 1895.
Москва. 1895.

Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней
Азіи. Подъ ред. Е. Т. Смирнова Ташкентъ. 1896.

Старчевскій, А. В. Русскій средне-и южно-азиатскій проводникъ пе-
реводчикъ. СПб. 1896. 8°.

Степановичъ, А. Въпросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи
А. С. Будиловича. (По поводу книги г. Будиловича: „Общеславянскій
языкъ“). Кіевъ. 1895. 8°, 17 стр. 100 экз.

Сторожевъ, В. Н. Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка. Ре-
фератъ. М. 1894. fol. 23 стр.

Сторожевъ, В. Н. Тверское дворянство XVII вѣка. Вып. 4-й. Составъ
Вѣжецкаго дворянства по десятиямъ XVII вѣка. Тверь. 1895. 8°, 303 стр.

Струновъ, М. И. Братній очеркъ Алтайскаго округа Вѣдомства Кабинета
Его Императорскаго Величества. (Всероссійская Выставка въ Нижнемъ-Нов-
городѣ 1896 г.) СПб. 1896, 8°. II + 78 ст.

Судъ народный лѣтвиновъ надъ колдунами (чародѣями) 1615 года.
Витебскъ. 1896. 8°.

Суринъ, Ѳ. По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Поѣздки по Къ-
занской губ. и къ болгарскимъ развалинамъ (Съ планами, видами, съ

подробной библиографіей и рисунками). Казань. 1896. 8°, 136 стр. Ц. 1 р.

Суринъ, Ѡ. Поѣздки къ бывшимъ волжскимъ столицамъ, къ развалинамъ близъ г. Царева и с. Селитреннаго. Исторія Билчакской или Золотой орды и монгольскаго ига въ Россіи (съ планами Царева и развалинъ Зол. Орды). Казань. 1896. 8°, 44 стр. Ц. 75 к.

Суринъ, Ѡ. Для путешествующихъ по Европ. Россіи и Азіи. (Содержитъ практическіе совѣты и указанія). Съ рис. Казань. 1896. 8°, 40 стр. Ц. 75 к.

Сусловъ, В. В. Памятники древне-русскаго зодчества. Вып. II. (14 лист.) СПб. 1896. fol.

Съѣздъ, X Археологическій въ Ригѣ съ 1-го по 20-е августа 1896 года (составъ предварительнаго комитета, правила съѣзда и вопросы и запросы, заявленные съѣзду). М. 1896. 4°, 45 стр.

Строшевскій, В. Л., Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Изд. Имп. Р. Г. О., подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго. Томъ I. СПб. 1896. 8° б. XII+720 стр. (168 рис., портретъ Миддендорфа, карта).

Танфильевъ, Г. И., По тувдрамъ Тиманскихъ самоѣдовъ лѣтомъ 1892 г. Съ картой. 41 стр. (отт.).

Терентьевъ, М. А., О муоульманскомъ лѣтосчисленіи. Изданіе редакціи журнала «Средне-Азіатскій Вѣстникъ». Ташкентъ. 1896. 8°. 19 стр.

Тиховъ, А., Очерки по греческой литературѣ. Вып. I. Образованность и наука у древнихъ грековъ и римлянъ. Вып. II. Гомеръ и Геродотъ. Черниговъ. 1895. 8°.

Трантатъ Синедрионъ изъ Талмуда Вавилонскаго. Гл. I. Процессы гражданскіе. Перев. Л. Ш. Фейгинъ, съ введеніемъ переводчика; введеніемъ въ Талмудъ Ибнъ-Нагрелы и пр. Одесса. 1895.

Труды девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ 1893. Подъ редакціей гр. Уваровой и С. С. Слуцкаго, съ 91 цинкографіей въ текстѣ, 10 табл. и одной картой. Томъ I. М. 1895. 4°. 349+165 стр.

Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ г. Ригѣ. Вып. I. Подъ ред. В. Б. Трутовскаго, секретаря Комитета. Москва. 1895. 4°. 93 стр.

Труды Комиссіи Педагогическаго Отдѣла Музеи прикладныхъ знаній (Политехническаго) въ Москвѣ по составленію чтеній для народа. «О теченіи вѣдѣній»: Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается? Жители лѣсной полосы. Чтеніе для народа, Александрова. 4-е изд. А. Я. Панафидина. Москва. 1896. 8°. 31 стр.

Труды Орловской Ученой Архивной Комиссіи 1896 г., вып. 1-й. Орель. 1896. 8°. 72 стр. (Назаровичъ, Г. И., Къ исторіи г. Ельца.—Дмитріевъ, Ѡ., Матеріалы къ исторіи г. Брянска).

Труды русской полярной станціи на устьѣ Лены. Ч. I, обраб. В. Е. Фуксомъ, Ф. Ф. Миллеромъ и Н. Д. Юргенсомъ, изд. подъ ред. А. А. Тилло (съ прил. портретовъ, картъ, плана и 14 рис. изъ природы и быта ленскихъ инородцевъ). Экспедиція И. Р. Георг. Общ. СПб. 1895. 4°.

(Въ приложеніи — «Описаніе путешествія къ устью р. Лены», д-ра А. Бунге, 1881—84. См. Бунге).

Труды Тибетской Экспедиціи 1889 — 1890 г.г. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова, снаряженной на средства, Высочайше дарованныя Императорскому Русскому Географическому Обществу. Ч. I. Спб. 1895. 40. XIII+423 стр. (карта и 40 фототипій).

Указатель къ журналу «Юридическій Вѣстникъ» 1867 — 1892. М. 1895. 8°. 2+88 стр.

Уральцы-рыболовы и о нашемъ рыболовномъ хозяйствѣ. Изд. книжнаго склада А. М. Балыковой. 40 стр.

Филевичъ, И., Исторія древней Руси. Томъ I. Варшава. 1896. 8°. 384 стр.

Филиппеусъ, А. Ф., Записка о Камчаткѣ и портахъ Охотскаго моря. Спб. 1885. fol. 27 стр.

Халатьяницъ, Г., Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хиренсаго. Опытъ критики источниковъ. Ч. I. Исслѣдованіе. Ч. II. Матеріалы. Москва, 1896. 8°. V. I. X+347+III+80 стр.+2 стр. таблицъ. Ц. 3 руб.

Харузинъ, Алексѣй. Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—94 г.г. Ревель. 1896. VIII+200 стр.

Харузинъ, Н., Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ. (Изъ «Арх. Изв. и Зап.»). М. 1895. 8°. 19 стр. 50 экз.

Харузинъ, Н., Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896. 8°. IV+124+IV стр. (Изъ «Этногр. Обозрѣнія»⁴).

Хойновскій, I. A., Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Русъ, и опись древностей, собранныхъ мною, съ объясненіями и XX табл. рисунковъ. Вып. I. Кіевъ. 1896. 8°.

Чернышевъ, Ѳ., Новоземельская экспедиція 1895 года. (Изъ XXXII тома «Извѣстій И. Р. Г. О.»). Спб. 1895. 8°. 26 стр. (карта).

Шанкъ, А. Ф., графъ, фонтъ, Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмец. Н. М. Соколова. Спб. 1896. 8°. VII+383 стр. Ц. 2 руб. 50 коп.

Шахматовъ, А. А., Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Вып. I. Извлеченія изъ 18 сообщеній на «Программу для собранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія». Спб. 1896. 8°.

Шендринскій, Ив. Ив., Матеріалы къ антропологии бурятъ (селенгянцевъ). Дисс. Воен.-Мед. Акад. (№ 72). Спб. 1895. 8°.

Шрейдеръ, Д. И., Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи. 145 рис. въ текстѣ. Спб. 1896. Ц. 4 руб.

Штрайслеръ, Фридрихъ, Исторія культуры. Одесса. 1896. 16°. 159 стр. Ц. 40 к.

Штыльно, А., Волжско-Каспійское судоходство въ старину. (Оттискъ изъ журн. «Русское Судоходство»). Спб. 1896. 8°, 75 стр., съ картами и рисунками. (Исторія. очеркъ съ этногр. данными, напр. о бурлачествѣ, о разбояхъ, о голландцахъ на Волгѣ и пр.).

Шумановъ, Сергѣй, Изъ актовъ Тверскаго отроча монастыря (7052—7146). М. 1896. 8°. 18 стр. (Изъ «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.»).

Эйхгольцъ, Евг. Руд, Матеріалы въ антропологіи бѣлоруссовъ. Рославльскій уѣздъ. Спб. 1896. 8°. 158 стр.

Энгельсъ, Фридрихъ, Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Изд. 3-е, исправл. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Энманъ, Э. А., Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе. Спб. 1896. 8°. 378 стр. (Изъ «Жур. Мин. Нар. Просв.»).

Яворскій, И. Л., Братскій отчетъ о научной командировкѣ въ Среднюю Азію, исполненной лѣтомъ 1894 года. I. Поѣздка въ горную часть Бухарскаго ханства и Самаркандскую область. Одесса. 1895. 8°. 114 стр.

Ягичъ, М. В., Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. Собралъ и объяснилъ И. В. Ягичъ. (Codex Slovenicus regum grammaticarum). Petropoli. 1896. 4°. XXIII+782 стр.

Янжуль, И. И., Изъ психологіи народовъ. (Экономическое значеніе «времени» и «пространства»). Одесса. 1895. 8°.

Albrecht, Max. Russisch Central-Asien. Reisebilder aus Transkaspien. Buchara und Turkestan. Mit 52 Abbildgn. Hamburg. 1896. 8°—XII+249 стр. (роскошное изданіе).

Assier, Adolf. Ludzkość pośmiertna. (Posthumous humanity). Studium nad widmami i marami. Z angieli. prz. Józef Drzewiecki. Warsz. 1896. 8°.

Baker, F. Grenfeel. The Model Republic. A. History of the rise and progress of the Swiss people (ходъ развитія съ XIV вѣка до 1848 г.).

Baudi di Vesme, Cesare. Storia dello spiritismo. Turin. (1. Спиритизмъ въ древности; воззрѣнія скандинавскихъ, германскихъ и кельтскихъ народовъ во времена варварства, а также древнихъ мексиканцевъ, инковъ и т. д. 2. Спиритизмъ у восточныхъ народовъ. 3. Классическая цивилизація съ ея мифологіей и философій. 4. Христіанская доктрина и спиритическія явленія).

Becker, prof., Charieles: Private life of ancient Greeks. (Translated by Frederick Metcalfe).

Bielenstein, A. u. E. u. H., Studien aus dem Gebiete der lettischen Archäologie, Ethnographie und Mythologie. (Separatabzug aus dem Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft). Riga. 1896. 8° 60+178+42 стр.

Billington, Mary Frances. Women in India.

Boy, Carl. Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zee-malden in Kurland. (Separatabdruck aus dem Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst. 1895). Mitau. 1896. 8° (Съ 9 табл.).

Boyescen, Hjalmar Hjorth, Essays on Scandinavian Literature (норв., шведск., датск.).

Brown, Robert, The Story of Africa and its Explorers. London (четыре тома).

Chamberlain, Alexander Francis, The Child and Childhood in Folk-Thought (The Child in primitive culture). Lectures on Anthropology in Clark University. (Положеніе ребенка въ первобытной семьѣ и эволюція возрѣній на дѣтей первобытнаго человѣчества).

Clodd, Edward, The story of primitive man. (Книга отличается особенной ясностью).

Croker, B. M., Village tales and jungle tragedies. (Жизнь глухихъ деревень Индіи, затерявшихся въ лѣсахъ или въ джунгляхъ).

Cumberland, Q. S., (Major), Sport on the Pamirs and Turkestan steppes.

Daniłowicz-Strzelbicki, Kazim. Przyczynek do badań antropologicznych nad ludnością Królestwa Polskiego. (Odbitka ze „Zdrowia“). Warszawa. 1896. 80, 40 стр.

Davidson, Thomas, The Education of the Greek people and its influence on civilisation. New-York. (Между прочимъ, проводится мысль, что огромное влияние на греческую культуру оказали религія Зороастра и іудейское ученіе, а также гражданскій строй Рима).

Ducas, L. (Alean), L'amitié antique, d'après les moeurs populaires. Paris. 1895. (Законы эволюціи по отношенію къ чувству дружбы у разныхъ народовъ).

Finck, Henry T., Lotos-Time in Japan (интересно описаніе острова Генцо, убѣжища ссыльныхъ и аборигеновъ страны—айносовъ).

Gardner, Alice, Julian the philosopher and the last struggle of paganism. (На основаніи тщательнаго изслѣдованія первоисточниковъ).

Geikie, James, The Great lee age and its relation to the antiquity of man. New-York.

Gray, John Alfred, At the Court of the Amir. (Афганистанъ).

Greenwood, Frederick, Imagination in Dreams and their study. (Попытка поставить сновидѣніе въ связь съ творческой фантазіей человѣка).

Griffis, W. G., D-r., The religions of Japan. London.

Grinnell, George Bird., The story of the Indian. (Много этнологическихъ свѣдѣній).

Grueber, H. A., The legends of the Rhine. (Легенды собраны изъ самыхъ различныхъ источниковъ).

Guhl i Koner. Hellada i Roma. Życie Greków Rzymian. Z szóstego wydania niemieckiego na nowo opracowanego przez *Ryszarda Engrlmana* przetómaczył Stan. Mieczynski. Z 1061 ilustracyami. T I i II. Wydawnictwo Gebethnera i Wolffa. Warszawa. 1896. 80. (Около 60 печ. листовъ, въ 12 вып. Ц. 6 руб.).

Gundry, B. S., China past und present .

Hahn, C. *Kaukasische Reisen und Studien. Neue Beiträge zur Kenntniss des Kaukasischen Landes.* Leipzig 1896. 8°.

Hormann, Henry (author of the *Real Japan*), *The peoples and Politics of the Far-East. Travels and studies in the British, French, Spanish and Portuguese colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaga* With 60 illustrations and 4 maps.

Hulme, F. E., *Natural History Lore and Legend* (въ первой главѣ — рассказы средневѣковыхъ путешественниковъ: Мандевила, Марко Поло, Петра Гейлина и др.; далѣ пигмеи и проч.).

Katalog der lettischen ethnographischen Ausstellung, verfasst bei Gelegenheit des X Archäologischen Congress in Riga. 1896. (Aus dem Lettischen Übertragen). Riga. 1896. 8°. 126 стр.

Keane, A. H., *Etnology.* (Классификація человѣческихъ расъ, ихъ происхождение и распределение на землѣ).

Kelly, Edmond, *Evolution and Effort, and their relation to Religion and Politics.*

Kont, J. *La Hongrie littéraire et scientifique.* Paris. 1896. 8°.

Kruman, Ant. *Wybór poezyi.* Wydanie pósmiertne z portretem autora. Warszawa, Gebethner i Wolff. 1896. 8°. (Между прочимъ находятся бѣлорусско-литовскія легенды въ стихотворномъ переложении).

Légendes religieuses Bulgares, traduites par Lydia Schischmanoff. (Collection de contes et chansons populaires, éd. Ernest Leroux). Paris. 1896. 12°.

Lugram, John Kells, D-r. *A History of slavery and serfdom.* London. (Рабство и крѣпостничество въ разныя времена и у разныхъ народовъ).

Mannheimer, M., *Le nouveau mond Sud-africain.* (Трансвааль: его исторія, этнологія, географія, флора и фауна, нравы, обычаи, финансы, политическіе вопросы).

Marmery, Villin J., *Progress of Science* (авторъ слѣдитъ весь путь науки отъ зарожденія ея въ Египтъ и Халдеи до нашихъ дней).

Materiali, *Latvju tautas muzikas.* (Сборникъ трудовъ музыкальной комисси Рижскаго латышскаго Общества. Матеріалы для латышской народной музыки). Riga. 1894. 8°.

Maury, Alfred, *Croyance et légendes du moyen-âge.* Nouvelle édition. („Les Fées du moyen-âge“ и „Essai sur les légendes pieuses du moyen-âge“, сдѣлавшіяся почти библиографической рѣдкостью).

Menzies, Allan (John Murray), *History of Religions Beliefs, and Practics and the origin and character of the Great Systems.*

Mierzyński, Ant. *Zródla do mytologii litewskiej* (Mythologiae Lituaniae monumenta). Cz. II. Wiek XIV i XV. Warszawa. 1896. 8°.

Nover, Jac. *Deutsche Sagen in ihrer Entstehung, Fortbildung und poetischen Gestaltung.* 2-er Band: Nibelungen. Graalsage und Par-cival. Lohengrin. Gieszen. 1896. 8°.

O muślimach litewskich (т. е. о мусульманахъ въ Ляувѣ). *Z portat litowskiego tataro Macieja Tuhana—Baranowskiego*. Wydanie poświęcone *Antoniego Krumana*. Warszawa, Gebethner i Wolff. 1896. 8°, 72 стр.

Osborne, Henry Fairfield, From the Greeks to Darwin. An outline of the development of the evolution idea. New-York.

Darkin, G. R., The Great Dominion. Studies of Canada.

Podmore, Frank, Apparitions and Thought. London (много интереснаго изъ области телепатіи).

Putnam, G. H., Authors and their public in ancient times. (Научное и культурное развитіе средневѣковой эпохи).

Reid, G. Archdall, The present Evolution of Man. (Авторъ возсталъ противъ многихъ общепринятыхъ воззрѣній на нѣкоторые біологическіе вопросы).

Réville, André, Les paysans au moyen-âge. (Бытъ крестьянъ XIII—XIV вв.).

Scudder, Horace E., Childhood in Litterature and Art. With some observations on Litterature for Children. (Начинается съ греч., лат., еврейск. литературы).

Sébillot, M. P., Les travaux publics et les mines dans les traditions et superstitions de tous les pays. Paris. 1895. (Черты сходства между легендами и суевѣріями совершенно различныхъ расъ).

Seebohm, Hugh, Greek tribal society. (Авторъ желаетъ прослѣдить, насколько въ греческомъ обществѣ встрѣчаются тѣ главныя черты племенного общества, какія мы находимъ широко-распространенными повсюду у членовъ арійской расы).

Selby, Thomas G., The Chinaman in his own stories.

Singer, S. Apollonius von Tyrus. Untersuchungen über das Fortleben des antiken Romans in spätern Zeiten. Halle. 1895. 8°.

Smith, Greenhough Herbert, The Romance of History (своеобразная оцѣнка историческихъ событій).

Society in China. An account of the every-day life of the Chinese people, Social, Political and Religions. With 22 illustrations. (Книга отличается полнотою и содержательностью).

Swettenham, Frank, Malay Sketches. (Особенно интересна глава, подъ названіемъ „Latah“. Этимъ именемъ называется нѣчто вродѣ психической болѣзни, которая очень распространена между малайцами и, главнымъ образомъ, характеризуется особенною воспримчивостью одержимыхъ этимъ психическимъ разстройствомъ субъектовъ къ внушенію).

Taylor, Lucy, Astronomers and their observations. (Очеркъ исторіи астрономіи со временъ халдеянъ. Съ иллюстраціями).

Thynne, R., The story of Australian exploration. London.

Tylor, Edw. B. Cywilizacja pierwotna. Przekład Z. A. Kowerskiej ze wstępem i dodatkami przez J. Karłowicza. T. I, cz. 1. Warszawa, 1896. 8°.

Veyrat, G., *La caricature à travers les siècles*. Paris. (Со времени египтянъ; гравюры).

Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeling Letterkunde. Deel I. №№ 1—6. 80.

№ 1. **Van Bemmelen.** *Les notions fondamentales du droit civil.* (1892). 233 стр.

№ 2. **J. J. M. De Groot.** *Le code du Mâhayâna en Chine, son influence sur la vie monacale et sur le monde laïque* (1893), 270 стр.

№ 3. **G. Van Vloten.** *Recherches sur la domination arabe, le Chiitisme et les croyances messianiques sous le Khalifat des Omayyades.* (1894). 81 стр.

№ 4. **S. Muller.** *De Germansche Volken bij Julius Honorius en Anderen.* (1895). 39 стр.

№ 5. **W. L. Van Helten.** *Zur lexicologie des Altwestfriesischen.* (1896). 74 стр.

№ 6. **W. Caland.** *Die altindischen Todten und Bestattungsgebräuche mit Benützung handschriftlicher Quellen.* (1896). 191 стр.

Vilmorin'de, A. Lacoïn. *De Paris à Bombay.* Paris. 1895. (Нравы, обычаи, жизнь Персiи; иллюстраци).

Westermarck, Edouard, *Origine du mariage dans l'espèce humaine, traduit de l'anglais par Henry de Varigny.* Paris. 1895. (Авторъ слѣдуетъ психо-физиологическому методу. См. выше отдѣлъ критики).

Williams, Alfred, M., *Studies in Folk-Song and popular Poetry.* (Пока—американскiя морскiя и народн. пѣсни времянъ гражданскoй войны; изъ европейскихъ—рум., португ., шотланд. и британск. нар. поэзiя).

Wilson, Anne, C., *After five years in India.* 1895. (Жизнь сельскаго населенiя: обычаи, кастовые предразсудки и проч.).

Wybór, najnowszy, spiewek i krakowiaków ludowych. Cz. 1. Warszawa. 1895. 8°. 96 стр.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1895⁵/₆ г.

Этнографическій Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э. имѣлъ въ истекшем отчетномъ году *десять засѣданій*, изъ нихъ пять закрытыхъ и пять публичныхъ, считая въ томъ числѣ и одно соединенное съ отдѣломъ антропологии. Публичные засѣданія посвящались докладамъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ этнографіи Россіи, закрытыя же назначались для текущихъ дѣлъ, какъ напр. для выслушанія отчетовъ о поѣздкахъ гг. членовъ съ научными цѣлями, для разсмотрѣнія и научной оцѣнки присылаемыхъ въ Отдѣлъ статей матеріаловъ и печати. сочиненій, для разрѣшенія нѣкоторыхъ редакціонныхъ вопросовъ и другихъ текущихъ дѣлъ. Въ публичныхъ засѣданіяхъ принимали участіе члены Общества и Отдѣла; кромѣ того въ одномъ изъ засѣданій (3 янв. 96 г.) выступила публично приглашенная Отдѣломъ Олонецкая сказительница Ирина Федосона, исполнившая нѣсколько номеровъ былинъ, пѣсень и причитаній. Слѣдующія лица представили въ засѣданіяхъ научные *рефераты*:

1) *Д. Н. Амучинъ*: Объ этнографическихъ музеяхъ и выставкахъ, осмотрѣнныхъ имъ въ заграничную поѣздку лѣтомъ 1895 г.

2) *В. Ѡ. Миллеръ*: а) Былины о Батыгѣ.

б) Якутскія записи былинъ. (См. выше).

3) *Е. В. Барсова*: Причѣтъ Ирины Федосовой.

4) *П. М. Богаевскій*: Дѣло Мултанскихъ вотяковъ въ свѣтъ этнографическихъ данныхъ.

5) *Д. Н. Ушаковъ*: Къ современнымъ вѣрованіямъ великоруссовъ. (См. выше).

6) *Н. Н. Харузинъ*: а) Къ вопросу объ употребленіи языческихъ личныхъ именъ въ допетровской Руси.

б) Трудъ, какъ источникъ личной собственности въ крестьянской семьѣ.

7) *П. П. Шимкевичъ*: О современномъ расселеніи инородцевъ въ Амурскій и Приморскій области.

Подробные отчеты о нѣкоторыхъ изъ присланныхъ въ Отдѣлъ рукописныхъ работъ представили слѣд. лица:

В. Ѡ. Миллеръ: О матеріалахъ для словаря чукчей и эскимосовъ съвѣст. Авин. *Н. Л. Гондатти*.

А. Е. Крымскій: Объ очеркѣ мещеринокъ, *Н. И. Юркина*.

П. М. Богаевскій: О свадебныхъ обычаяхъ казанскихъ вотяковъ, *С. А. Башки*.

Кромѣ того давались отчеты о новыхъ книгахъ, печатавшихся затѣмъ въ „Этногр. Обзорніи“.

По спеціальнымъ вопросамъ Отдѣлъ изъ своей среды троекратно избиралъ въ истекшемъ году особыя коммисіи. А именно:

1) по приглашенію 2го отдѣленія Академіи Наукъ были рассмотрѣны присланныя въ Отдѣлъ Программы для собранія особенностей сѣверо-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій, изд. Акад. Наукъ по инициативѣ чл. Общества А. А. Шахматова Коммиссія, имѣвшая по этимъ вопросамъ два частныхъ засѣданія, состояла изъ председателя Отдѣла В. Ф. Миллера, секретаря Н. А. Янчука и членовъ: В. В. Богданова, Е. А. Дяцкого и проф. М. И. Соколова.

2) по приглашенію состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ О. Распр. Техн. Зн. „коммисіи по организаціи домашняго чтенія“, въ особой коммисіи разсматривался вопросъ о научной группировкѣ русскихъ нар. пѣсенъ. По этому вопросу принявъ участіе въ занятіяхъ В. Ф. Миллеръ, В. В. Богдановъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, В. В. Каллашъ, А. Е. Крымскій и Н. А. Янчукъ.

3) по приглашенію той же „коммисіи по организаціи домашняго чтенія“ при Отдѣлѣ была выработана программа чтенія по этнографіи, раздѣленная на два годичныхъ курса, которая и внесена въ изданныя коммисіей „Программы“. (Вып. 1 и 2).

Изъ изданій Отдѣла въ истекшемъ году продолжалъ выходить по примѣру прежнихъ лѣтъ, журналъ „Этнографическо-Обозрѣніе“, вступившій въ 1896 году въ 8-й годъ своего существованія, подъ ред. секретаря Отдѣла Н. А. Янчука. Въ журналѣ съ текущаго года, помимо статей и матеріаловъ научнаго содержанія, рѣшено также печатать въ извлеченіи протоколы засѣданій Отдѣла, которые прежде печатались въ „Извѣстіяхъ“ Общества, во за послѣднія десять лѣтъ, за скудостью средствъ, остаются не напечатанными.

Въ концѣ истекшаго года по предложенію председателя Отдѣла, рѣшено приступить къ изданію при Отдѣлѣ *сборника историческихъ народныхъ пѣсенъ*, по примѣру сборника былинъ, изданнаго Отдѣломъ въ 1891 г. Матеріалы для предпринимаемаго изданія уже группируются.

Стоящее на очереди переизданіе *этнографическихъ программъ*, уже давно исчерпанныхъ благодаря большому требованію на нихъ, близится къ своему осуществленію, такъ какъ Отдѣлу общано частное пожертвованіе спеціально для этой цѣли.

Прошедшимъ лѣтомъ нѣкоторыми изъ членовъ были совершены *научныя экскурсіи* съ этнографическою цѣлью.

1) *В. В. Богдановъ* провелъ лѣто въ Смоленской губ., наблюдая говоръ крестьянъ и пополняя добытыя имъ раньше свѣдѣнія по мѣстной этнографіи; кромѣ того, онъ посѣтилъ Борисовскій уездъ Минской губ. Результатомъ его занятій являются матеріалы по языку и народному творчеству, имѣющіе быть обработанными въ очеркахъ и въ видѣ сборника.

2) *П. Ерусламовъ* изучалъ быть черемисъ Удѣлск. губ. (См. ниже).

3) *А. Е. Крымскій* производилъ научныя изслѣдованія въ Киевск. губ.

О результатахъ дѣятельности г. Крымскаго, за отъѣздомъ его въ Бай-руть, подробностей пока не имѣется.

4) *А. С. Хахановъ*, отправившись на Кавказъ, занимался въ мѣстныхъ архивахъ и дѣлалъ наблюденія надъ народной современной жизнью. Въ Тифлисскомъ церковномъ музеѣ и въ „Обществѣ распр. грамотности среди грузинъ“ онъ разбиралъ памятники древней письменности, среди которыхъ ему удалось отыскать нѣкоторые рѣдкости, какъ напр. грузинское Евангеліе Находима, грузинскій Физіологъ въ сборникѣ XI—XII вв. Въ Кутаисѣ имъ собраны въ депутатскомъ собраніи юридическіе акты, касающіеся платы за кровь XII—XIII вв.; кромѣ того, въ Кутаисской губ. имъ собраны свѣдѣнія о народныхъ лѣчебникахъ и травникахъ; записано также нѣсколько сказокъ и пѣсенъ.

5) *А. Ив. Яцимирскій* совершилъ поѣздки въ Румынію. (См. ниже).

6) *Н. А. Янчук*, пробывъ некоторое время въ Сыздечской губ., собрать образцы говора мѣстныхъ малоруссовъ, предназначаемые для „Этногр. Обозрѣнія“.

7) *А. Д. Солодовниковъ* занимался въ теченіе лѣта сниманіемъ фотографій типовъ, жилищъ и вообще внѣшней обстановки быта крестьянъ Московской губерніи, Московскаго уѣзда; кромѣ того, обрабатывалъ матеріалы, собранные во время его поѣздки въ Дагестанъ.

Этнографическія вѣкурсіи членовъ Отдѣла съ нынѣшняго года могутъ быть на будущее время болѣе успѣшны въ одномъ отношеніи, именно въ коллектированіи фотографій видовъ, типовъ, жилищъ, костюмовъ и т. п., благодаря щедрому содѣйствию чл. Отдѣла Д. Л. Валикина, на средства котораго пріобрѣтенъ въ собственность Отдѣла хороній *фотографическій аппаратъ*.

Не менѣе цѣнную услугу встрѣтилъ Отдѣлъ въ этомъ году со стороны директора Моск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ М. А. Веневитинова, предоставившаго въ своемъ музее *помѣщеніе для архива* Отдѣла, не имѣвшаго до сихъ поръ опредѣленнаго мѣста пристанища. По перенесеніи архива въ новое помѣщеніе будетъ оставлена опись хранящихся въ немъ матеріаловъ.

Бюро Отдѣла, по состоявшимся 17 дек. 1895 г. выборамъ, составляли: председатель—поч. чл. В. Ф. Миллеръ, товар. предс.—поч. чл. В. М. Михайловскій, секретарь—внпр. чл. Н. А. Янчук.

Приложенія къ годичному отчету Этногр. Отдѣла.

1) Краткій отчетъ о поѣздкѣ къ черемисамъ Уфимской губ. лѣтомъ 1896 г., П. Ерусланова.

Предпринявъ составленіе словаря восточнаго нарѣчія черемискаго языка, я лѣтъ десять тому назадъ приступилъ къ собранію лексическаго матеріала. Съ этою цѣлью мною въ свободное отъ занятій время предпринимались поѣздки по черемисамъ Уфимской и Вятской губ. Собранный матеріалъ, въ видѣ записей обрядовъ, преданій, сказокъ, пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, заговоровъ и молитвенныхъ обращеній, далъ мнѣ возможность вчернѣ закончить довольно подробный словарь; оставалось лишь на мѣстѣ провѣрить значенія словъ и отнѣтитъ различія въ говорахъ восточно черемискаго нарѣчія. Но за неимѣніемъ средствъ для объѣзда обширной территоріи расселенія восточныхъ черемисъ, приходилось каждый разъ откладывать мысль о поѣздкѣ. Наконецъ, въ мартѣ текущаго года я обратился къ Переводческой комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества при братствѣ св. Гурія въ Казани съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе для поѣздки по черемисамъ съ указанною выше цѣлью. Переводческая комиссія, уже занятая вопросомъ объ изслѣдованіи нарѣчій и говоровъ черемискаго языка *), сочувственно отнеслась къ моему ходатайству, выдавши мнѣ путевое пособіе. Въ то же время Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, согласно моей просьбѣ, выслалъ дорожный моментальный фотографическій аппаратъ для сниманія во время пути черемисъ и ихъ бытовыхъ и религіозныхъ обрядовъ.

Первоначально я предполагалъ на поѣздку употребить около 2 мѣсяцевъ или по крайней мѣрѣ не менѣе 1½ мѣсяцевъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на ознакомленіе съ особенностями языка и быта черемисъ каждаго изъ двухъ намѣченныхъ уѣздовъ (Белебеевскій и Бирскій) удѣлять отъ 3 недѣль до 1

* См. Отчеты за 1893 и 1894 г.

мѣсяца. Не къ сожалѣнію пришлось значительно сократить время пребыванія среди черемисъ, такъ какъ путевое пособіе мною было получено лишь къ 5 іюня.

Въ Белебеевскомъ у. я прожилъ всего 18 дней (съ 6 по 24 іюня) по 4 дня въ каждой изъ деревень, занимающихъ или центральные пункты (Чикеево, Алборисово, Сокто) и слѣдовательно удобные для ознакомленія съ окружающимъ населеніемъ, или, хотя уединенные (Токбердино и Трепели), но тѣмъ не менѣе особенно интересные для изученія постепеннаго измѣненія всего быта и строя жизни черемисъ подъ вліяніемъ окружающаго магометанскаго населенія.

Въ Белебеевскомъ у. черемисы живутъ главнымъ образомъ по Сюю (лѣвый притокъ р. Бѣлой) и его притокамъ—Шалтыку и Шарану. Центромъ черемисскаго населенія здѣсь слѣдуетъ считать Кичкиншевскую волость, почти исключительно населенную черемисами; въ остальныхъ соседнихъ (4) волостяхъ черемисы представляютъ ничтожное меньшинство и большую часть живутъ смѣшанно съ башкирами и теңтаро-мещеряками. По преданіямъ, сохранившимся среди черемисъ, они потомки позднѣйшихъ переселенцевъ „шенге-мари“, которые обосновались ихъ мѣстахъ, покнутыхъ древнѣйшими обитателями черемисами „умгар-мари“ *), вошедшими въ составъ башкиръ и частью удалившимися за Уральскій хребетъ.

Главное и любимое занятіе черемисъ земледѣіе; своимъ поля они обрабатываютъ несравненно лучше, чѣмъ сосѣди ихъ башкиры, татары и теңтары. Не смотря на примитивныя орудія обработки (первобытнаго устройства сабанъ, борова), черноземная почва щедро вознаграждаетъ труды; поэтому здѣшніе черемисы живутъ болѣе или менѣе въ достаткѣ, нѣкоторые даже зажиточно, какъ напр. Чикеевцы, Алборисовцы и въ особенности Токбердинцы. Послѣдніе, владѣя, какъ *асава* (хозяева-вотчинники), большими участками земли (до 98 десят. на ревизскую душу), сѣютъ по многу и имѣютъ большіе запасы хлѣба. Сравнительно бѣдность выдѣляются жители Новой деревни, Мещеровой, Орсавой и Биштыновой.

Черемисскія деревни по расположенію улицъ, дворовыхъ построекъ и внѣшнему виду вполнѣ напоминаютъ татарскія или башкирскія; отличіемъ отъ послѣднихъ служатъ равнѣ отсутствіе мечетей. Постройки, за исключеніемъ десятка порядочныхъ домовъ, крытыхъ тесомъ, состоятъ изъ небольшихъ избъ, безъ снѣгъ; крыты лубами или соломой и помѣщаются, какъ у татаръ и башкиръ, болѣею частью внутри дворовъ. Многія избы устроены изъ плетня, промазаннаго навозомъ, и съ земляною, плоскою крышею. Типичную черемисскую постройку „кудо“ я видѣлъ только въ дер. Сокто и Токбердино.

Домашняя обстановка вездѣ чисто татарская; широкія нары въ переднемъ углу избы, вышитыя полотенца татарскихъ рисунковъ, развѣшанныя по стѣнамъ, подушки иркихъ, любимыхъ татарами цвѣтовъ, жестяные сундуки, кунганы вдоль печки, тибетейки на полкахъ, цвѣты на окнахъ и наковецъ „чаршку“ (ванавѣска), раздѣляющая избу на двѣ половины—мужскую и женскую,—въ точности воспроизводятъ внутреннее убранство любой татарской избы.

Отличить по костюму Белебеевскихъ и Мензелинскихъ черемисъ отъ татаръ довольно трудно, такъ какъ они одѣваются по татарски; неизбѣжная тибетейка, шляпа лѣттомъ и *мамалай* (особой формы шапка) зимой, наганы татарскаго покроя, камзолъ и бешметъ у богатыхъ, высокія кожаныя наложки, бѣлые суконныя чулки—до поразительности сблизжаютъ черемисъ съ окружающими инородцами магометанами. Женскій костюмъ тоже весьма схожъ съ татарскимъ. Одежда женщинъ состоитъ изъ ситцевой или холщевой ру-

*) Шенге отъ сл. шенгел—здѣшній, поздній; умгар или шьумгар—по всей вѣроятности угорскій, югорскій.

Бахи съ широкимъ, какъ у татарокъ, подоломъ съ оборками по краямъ. На грудь надѣваютъ нагрудникъ съ позументами; верхнимъ платьемъ служитъ камзолъ съ позументами безъ рукавовъ или съ широкими длинными рукавами. Национальный женскій головной уборъ „шыма шовычо“ (сорока) давно забытъ; „шарпан“, хотя и сохранился, во оны совершенно не похожъ на „шарпан“ казанскихъ черемисокъ; шарпанъ черемисокъ Белебеевскаго уѣзда есть не болѣе, какъ обыкновенное полотенце, одинъ конецъ котораго наворачивается на голову, а другой спускается на спину; но и этотъ уборъ выходитъ изъ употребленія, — такъ въ дер. Чикеевой, Ново-Чикеевой, Балчылы, Нахметевой и Токбердиной черемиски надѣваютъ шарпанъ лишь послѣ третьяго ребенка, а въ обычное время носятъ платки, подвязывая ихъ копачкомъ какъ татарки. Въ Токбердиной, Глазевой и Сокто болѣе употребительны башкирскіе женскіе головные уборы „ийкча“ — квадратный бѣлый платокъ съ узкою вышивкою по краямъ или безъ послѣдней, и „хашшау“.

По типу черемисъ мало похожи на западныхъ сородичей. Хотя среди черемискаго населенія встрѣчается значительное разнообразіе типовъ, множество какъ бы переходныхъ формъ, но все оны составляютъ какъ бы отклоненія отъ 2 преобладающихъ типовъ — башкирскаго и татарскаго; первый характеризуется широкимъ, плоскимъ лицомъ, круглой, большой головой, смуглымъ цвѣтомъ кожи, узкими, плоскими глазами, низкимъ, прямымъ лбомъ; болѣе распространенъ второй типъ — татарскій, непремѣнными признаками котораго сдѣдуетъ считать продолговатое лицо, прямой, выгнутый носъ, выдающіяся или едва замѣтныя скулы, высокой лобъ, черные волосы и глаза.

Вліяніе преобладающаго башкирско-татарскаго населенія еще сильнѣе отразилось на языкѣ Белебеевскихъ и Мензелинскихъ черемисъ. Здѣсь для черемискаго населенія свой языкъ почти пересталъ быть роднымъ, разговорнымъ; оны уступили свое мѣсто общепотребительному языку мѣстнаго населенія татарско-башкирскому. Мужчины между собой говорятъ исключительно по татарски; при встрѣчѣ викакой черемиски не скажутъ привѣтствія на родномъ языкѣ; въ семьѣ же употребляется смѣшанный черемисско-татарскій языкъ; это объясняется тѣмъ, что женщины, а вѣсть съ ними и дѣти, болѣе всего говорятъ на родномъ нарѣчій. Послѣднія, впрочемъ, только до 5—6 лѣтняго возраста употребляютъ родной языкъ, а въ возрастѣ отъ 7 лѣтъ, подражая старшимъ, употребляютъ либо родной языкъ (дѣвочки въ семьѣ и между собой) или татарскій языкъ (мальчики). Вообще употребленіе черемискаго языка мужчинами считается признакомъ отсталости. Вслѣдствіе такого отношенія черемисы къ своему языку, послѣдній подвергся весьма сильному искаженію. Многія слова, въ особенности выражающія религиозныя и бытовые понятія, совершенно отсутствуютъ, такъ напр. куюсь (обществен. жертвоприношеніе), витнаш (привести заключит. жертву), вучуяташ (обѣщать жертву), шураш (коловать), ю (сила колованія), саураш (отвороживать), важык (косой), ераш (оверо, прудъ) и ии. др. Языкъ исполненъ башкирско-татарскими оборотами, совершенно непонятными для черемисъ даже Вирскаго у., тѣмъ болѣе, что самыя измѣненія словъ совершаются по законамъ смѣшаннаго татарско-башкирскаго языка. Вѣсть съ языкомъ черемисы терпятъ и устный произведенія: національныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ у описываемыхъ черемисъ почти нѣтъ. Изъ обрядовыхъ пѣсенъ сохранилось около десятка свѣдѣнныхъ только въ деревняхъ Акборисовой, Чупаевой и Токбердиной.

Если вѣсть съ языкомъ считать религію однимъ изъ болѣе существенныхъ и постоянныхъ признаковъ самобытности народа, то въ этомъ отношеніи Белебеевскіе и Мензелинскіе черемисы находятся на рубежѣ перехода въ магометанство. Достаточно сказать, что во многихъ деревняхъ черемисы или совершенно забыты (напр. въ Чикеевой, Ново-Чикеевой, Балчылы, Булаевой, Матау-башъ, Шырлыкковой и Бабеконной) или находятся въ крайнемъ небреженіи (Акборисовой, Чупаево, Сокто и Токбердиной). Такъ какъ языческая религія черемисъ всего полнѣе выражается въ обрядахъ и праздникахъ, то считаю не лишнимъ указать на значительныя измѣненія или ис-

наженіи въ нихъ. Такъ первый по времени весенній языческій праздникъ поминкованіе умершихъ (кон кече) большею частью оставляетъ, равно какъ и ага-пайрамъ замѣнился башкирскимъ „карга-бутка“. Самый главный изъ языческихъ праздниковъ „кусю“ называется по магометански „курбан-байрамъ“; онъ всегда приурочивается къ магометанскому празднику „курбан“ и продолжается всего лишь 1 день, тогда какъ у остальныхъ черемисъ „кусю“ тянется отъ 1 до 3 недель. На это языческое моленіе черемисы собираются очень мало и, по объясненію ихъ, лишь нѣбьющіе средства. Слѣдуетъ замѣтить, что этимъ объясненіемъ прикрывается только халатность черемисъ къ своей религіи, такъ какъ во 1) здѣшніе черемисы не настолько бѣдны, чтобы не имѣть возможности обществомъ произвести необходимый расходъ (на покупку барана, овечки, гуся и пары утокъ) и во 2) уклоняются отъ языческихъ моленій по преимуществому замѣточные, вездѣ болѣе приверженные магометанству. Изъ другихъ обрядовъ слѣдуетъ указать на похоронные. Покойниковъ черемисы не везутъ на кладбище, а несутъ на рукахъ, какъ магометане; хоронятъ по магометански, безъ гробовъ, лицомъ къ западу (Меккѣ); въ могилѣ дѣлаютъ боковое углубленіе (нишу); многіе приглашаютъ мулла или грамотныхъ татаръ для чтенія корана надъ покойникомъ. Поминки въ 3, 7, 40 дни и въ „сѣз“ совершенно забыты, равно какъ „утум“.

Свадьба у здѣшнихъ черемисъ, какъ у магометанъ, есть чисто гражданскій обычай; обряды весьма упрощены; только въ 3-хъ деревняхъ до сего времени сохранились черемисскія названія участвующихъ на свадьбѣ лицъ.

Изъ этого бѣлаго очерка видно, что мѣстные черемисы, хотя и считаются таковыми, но въ дѣйствительности черемисскаго удѣла въ нихъ весьма немного. Есть нѣсколько деревень, какъ напр. Ново-Чикеево, Матау-башъ, Пешмынды, Бабекоево и Шырлыкъ (послѣдніи дѣя Уем, у.), гдѣ черемисы почти все омагометанились.

Вмѣстѣ съ усвоеніемъ отъ татаро-башкирскіхъ языка, понятій, обычаевъ, значительно измѣнился нравственный обликъ и характеръ черемисъ.

Въ противоположность характеру черемисъ другихъ мѣстностей отличительными чертами населенія слѣдуетъ считать скрытность, подозрительность, лукавство и враждебное отношеніе ко всему, что такъ или иначе напоминаетъ русское. Только женскій полъ въ этомъ отношеніи выдѣляется весьма выгодно; женщины сохранили національныя черты черемисъ—откровенность и добродушіе.

По всему Белебеевскому уѣзду въ первое время черемисы относились ко мнѣ съ замѣтнымъ подозрѣніемъ, стараясь по возможности избѣгать со мною встрѣчъ и разговоровъ. Въ особенности сильно смущала черемисъ камеръ-обскуръ. Послѣ моихъ объясненій, что черезъ посредство этого аппарата можно получить точное изображеніе видимыхъ предметовъ, черемисы приходили во ужасъ, считая меня за колдуня и послѣднюю уходили. Нужно сказать, что по понятію магометанъ, снять—значитъ воспроизвести точное подобіе человека, взявъ изъ его крови часть ея сущности, оживляющей и придающей человеку жизнедѣятельность *); эта невидимая сущность крови, какъ основы жизни, придаетъ снимку полное подобіе оригинала. На основаніи такого вѣрванія фотографическій аппаратъ есть орудіе нечистой силы „шайтана“.

Сначала черемисы положительно отказывались сниматься; при этомъ говорили: „грѣшно предаваться шайтану; нашъ образъ въ твоихъ рукахъ все равно что подписка; ты, можешь быть, такимъ образомъ берешь отъ насъ подписку, чтобы потомъ окрестить“. Нужно было не мало времени употребить на то, чтобы разубѣдить ихъ, разсѣять ихъ сомнѣнія и подстрительность, что въ большинствѣ случаевъ достигалось, благодаря лишь тому, что и все время употребляли мѣстное нарѣчіе. Но при всемъ томъ, если черемисы соглашались сниматься, то непременно группами. Вслѣдствіе всего

*) Слова снять, фотографировать на языкѣ мѣстнаго населенія переводятся: взять образъ, сдѣлать подобіе, двойникъ.

сказаннаго въ Белебеевской и Мензелинскомъ уу., мнѣ удалось выполнить только часть предполагаемыхъ снимковъ и далеко не въ томъ видѣ, какъ думалось. При слѣдующемъ посѣщеніи черемисы несомнѣнно отнесутся болѣе довѣрчиво; по крайней мѣрѣ, по сообщенію учителя Ф., многіе, во полученіи разосланныхъ мною карточекъ, высказываютъ сожалѣніе объ отказѣ сниматься, обвиняя однодеревенцевъ, агитировавшихъ противъ производства снимковъ. Это замѣчающееся сознаніе неосновательности опасенія передъ аппаратомъ даетъ мнѣ надежду въ будущемъ выполнить всю серію снимковъ.

Что касается черемисъ Бирекаго у., то они не въ такой сильной степени, какъ Белебеевскіе и Мензелинскіе, подверглись влиянію татаръ, хотя и здѣсь встрѣчается вѣмало полуомагометанившихся черемисъ. Въ этотъ уездъ я торопился съ цѣлью съѣмки религіозныхъ языческихъ обрядовъ во время общественныхъ моленій. Последнія происходятъ ежегодно и продолжаются отъ 1 до 3 недѣль, смотря по тому, сколько селеній вмѣстѣ участвуетъ на жертвоприношеніи. Въ настоящемъ году въ большинствѣ волостей моленія начались около 9 іюня и продолжались до 15—29. Я застаю конецъ моленій только въ Чураевской волости. Пріѣхавъ въ дер. Тынабаву 27 іюня, я весь день провелъ въ переговорахъ съ черемисами относительно допущенія меня въ рощу для сниманія различныхъ моментовъ жертвоприношенія. Послѣ долгихъ колебаній черемисы согласились допустить меня, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы я выкупался при нихъ въ пруду, одѣлся во все чистое, бѣлое и въ рощу зашелъ обязательно въ лаптахъ; всѣ требованія черемисъ мною были выполнены, и они допустили снять мѣсто моленія и моментъ чтенія молитвъ.

Упомяну объ одномъ случаѣ въ Бир. у. (въ дер. Актучановой), характеризующемъ здѣшнихъ черемисъ. На высокомъ холмѣ, противъ дер. Актучановой, въ нѣсколькихъ саженахъ отъ нея, есть такъ называемый „Шукма керемет“ (кереметь многихъ) съ шалашомъ „кудо“ внутри рощи, огороженной частоконьями; шалашъ и есть святая святыхъ этого святилища. Кереметей съ „кудо“ во всей Уфим. губ. только 4 (въ Актучановой, Кереметовой, Кунинѣ и около Бедеевой, Уфим. у.); всѣ они, по повѣрью черемисъ, страшно истинны, и въ нихъ не принято проносить именъ кереметей изъ опасенія вызвать гнѣвъ ихъ. Мой возница—черемисинъ предупредилъ меня объ этомъ и просилъ не обращаться къ черемисамъ съ какими либо вопросами по поводу керемети. Желая во что бы ни стало снять видъ кудо, ограды и самой рощи, я одинъ направился къ ней, но едва успѣлъ нанести фокусъ, какъ явился ко мнѣ два черемисина съ убѣдительною просьбой удалиться отъ рощи. Между тѣмъ на улицѣ собиралась уже порядочная толпа черемисъ, слышны были угрожающіе голоса и крики неудовольствія. Черемисы потребовали меня на объясненіе. Не безъ нѣкотораго волненія явился я къ черемисамъ. Однако на открытыя враждебныя дѣйствія они не рѣшались. Я объяснилъ, что поднялся на холмъ не съ кощунственнымъ намѣреніемъ, а только для того, чтобы посмотреть въ подзорныя трубы съ высокаго мѣста; при этомъ я показывалъ бинокль и сложенную камеру со вставленнымъ объективомъ. Случившійся въ толпѣ солдатъ-черемисинъ подтвердилъ мои объясненія и черемисы не только успокоились, но наперерывъ другъ передъ другомъ стали всматриваться то въ бинокль, то въ объективъ. Воспользовавшись такимъ неожиданнымъ настроеніемъ, я предложилъ черемисамъ подняться къ керемети и оттуда осмотрѣть окрестность. Черемисы охотно согласились. Здѣсь я снова установилъ аппаратъ какъ бы для того, чтобы удобнѣе было разсматривать даль; тѣмъ, которые замѣчали на матовомъ стеклѣ отраженія кудо въ керемети, я объяснилъ, что это видны дома соседней деревни. Черемисы вполне удовлетворялись моими объясненіями; улучшивъ удобный моментъ, и наведъ фокусъ, вставилъ кассету и снялъ общій видъ керемети.

За все время пребыванія среди черемисъ мною сдѣлано до 70 снимковъ. Сняты: а) типы черемисъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ будничныхъ и праздничныхъ костюмахъ; б) черемисскія постройки: избы, мѣтки, кудо, виды

черемисскихъ дворовъ, улицъ, деревень; в) обряды свадебные (4 снимка) и религиозные (чтеніе молитвы); г) игры и развлечения: скачки и бѣгъ на призы; д) перемети, владышца; е) орудія земледѣльческія, охотничьи; ж) нѣкоторыя работы (мятве куделя, паханье). Снимки по отпечатаніи будутъ мною представлены въ Отдѣлъ съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Для полноты и законченности коллекціи необходимо проинвестировать еще рядъ снимковъ съ тѣмъ, чтобы изъ общаго количества ихъ можно было выбрать типичные и дѣйствительно характерныя, такъ какъ, по объясненнымъ выше причинамъ, при сниманіяхъ тѣхъ или другихъ предметовъ не было возможности дѣлать строгій выборъ.

Петръ Ерусламовъ.

Г. Бирскъ, Уѣм. губ.

15 окт. 1896 г

2) Отчетъ о занятіяхъ по румынской этнографіи лѣтомъ 1896 года,

А. И. Яцимирскаго.

Благодаря рекомендательному письму въ Academia Romana, полученному мною отъ Этнографическаго Отдѣла, румынскіе ученые принимали меня хорошо и открыли для меня богатые рукописныя собранія при Академіи и при Музее Древностей. Поэтому, пользуясь такимъ рѣдкимъ случаемъ—доступомъ въ рукописныя бібліотеки¹⁾, большую часть времени, проведеннаго въ Бухарештѣ, я употребилъ на занятія въ означенныхъ бібліотекахъ, при чемъ успѣлъ пересмотрѣть всѣ рукописи Музея Древностей, главнымъ образомъ, вывезенныя Гр. Тогимаку, нынѣшнимъ директоромъ музея, изъ монастырей Молдавіи и Валахіи, и составить инвентарь имъ, во-вторыхъ—подробно описать первые два отдѣла этого собранія, т.-е. рукописи, содержащія книги св. Писанія и богослужебныя. Далѣе, въ старинныхъ церквахъ и монастыряхъ Молдавіи мной были собраны славянскія надписи XV--XVI вѣка, какъ матеріалъ для вопроса о вліяніи живого румынскаго языка на языкъ славянскихъ записей, языкъ, который въ извѣстной степени былъ мертвымъ языкомъ церкви и администраціи. Такимъ образомъ, румынская этнографія составляла предметъ второстепенныхъ занятій, и по характеру своему мои занятія въ этомъ году рѣзко отличались отъ занятій прошлыхъ лѣтъ. Такъ, собраніе сырого матеріала ограничилось небольшимъ количествомъ записей, сдѣланныхъ совершенно случайно, нѣсколько также записей получено мной отъ свящ. с. Божуканъ о. Евоніа Кишцуцы; эти записи сдѣланы ученицами церковно-приходской школы и состоятъ изъ дѣтскихъ сказокъ, описанія дѣтскихъ игръ, и дѣтскихъ пѣсенъ. Изъ моихъ записей болѣе интересны слѣдующія: продолженіе разказовъ о разбойникахъ Бессарабіи, преимущественно, болѣе новаго времени; разказы-анекдоты на румынскомъ, малорусскомъ и болгарскомъ языкѣ одной народности про другую, изъ нихъ болѣе любопытны анекдоты про цыганъ; нѣсколько небольшихъ разказовъ на обычныхъ темъ, записанныхъ отъ жителей Валахіи и интересныхъ по особенностямъ нарѣчія, сравнительно съ нарѣчіемъ молдаванъ княжества и Бессарабіи. Главное мое вниманіе было обращено на знакомство съ трудами извѣстныхъ румынскихъ этнографовъ, въ результатъ котораго явилось нѣсколько рецензій—рефератовъ по поводу трудовъ румынскихъ ученыхъ. Такъ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣль-

1) Такъ, напримѣръ, болгарскіе ученые Милитичъ и Агура не были допущены въ бібліотеки.

ныхъ статей и монографій, мною просмотрѣны слѣдующія солидные изданія: *Analele Academiei Romane* — серія исторіи и литературы, *Revista pentru istorie, arheologie și filologie*, издаваемая съ 1889-го года Гр. Точилеску, авторомъ многихъ трудовъ по археологіи и этнографіи Румыніи, и *Revista critică-literară*, издаваемая Ар. Денушыану, занимающимся, главнымъ образомъ, древней румынской этнографіей, говоря точнее, слѣдами и чертами глубокой старины въ современныхъ повѣрьяхъ и въ разговорномъ языкѣ румынъ, преимущественно трансильванскихъ. Для изданія Ар. Денушыану мной сообщено нѣсколько текстовъ, записанныхъ мной въ Бессарабіи и не могущихъ быть напечатанными въ какомъ-нибудь изъ русскихъ изданій, такъ какъ въ этихъ текстахъ, анекдотахъ про цыганъ, многія религіозныя лица и событія представлены въ весьма смѣшномъ в уродливомъ видѣ. Нѣкоторые изъ изданій по этнографіи мной приобрѣтены, а большая часть получена отъ авторовъ и издателей, которые — слѣдуетъ замѣтить — были весьма довольны тѣмъ, что есть и въ Россіи люди, интересующіеся румынами. Въ результатъ знакомства съ трудами румынскихъ этнографовъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что 1) въ этой области сдѣлано довольно многое, а нѣкоторыя монографіи очень цѣнны, 2) почти что всѣ труды румынскихъ этнографовъ проникнуты крайней тенденціей, переходящей нерѣдко въ яркій шовинизмъ (представителемъ такой крайней тенденціи слѣдуетъ считать ученаго В. Хыждеу, болѣе слабымъ — Денушыану и Моріану); а именно, весь духовный міръ современныхъ румынъ, большинство обычаевъ и три четверти словаря они стараются представить какъ не прерывавшееся достояніе римлянъ, предками которыхъ являются современные румыны (А. Xenopol. *Teoria lui Roșșler*); поэтому много чисто-славянскихъ чертъ или совсемъ не замѣчаются или обходятся общими фразами, а иногда даже объясняются изъ аналогіи съ подобными же чертами у римлянъ; 3) румынскіе ученые, за немногимъ исключеніемъ, незнакомы съ этнографическими трудами славянскихъ и русскихъ ученыхъ, въ результатъ чего является рядъ курьезовъ; 4) современная латино-итальянская транскрипція не передаетъ вполне точно звуковъ и оттѣнковъ румынской рѣчи; кромѣ того, въ трудахъ румынскихъ этнографовъ нѣтъ, кажется, ни одной точной фонетической передачи народнаго говора.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что съ журналомъ „Этнографическое Обозрѣніе“ вступить въ общеніе на свои изданія изъявили желанія гг. Точилеску и Денушыану, а также и *Academia Romana*.

А. И. Яцимирскій.

Извлеченіе изъ отчета И. Русск. Геогр. Общества. за 1895 г.

Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи. И. Р. Г. О. Въ отчетномъ году Отдѣленіе имѣло 10 засѣданій съ 20-ю сообщеніями, а именно: 1) Ирина Андреевна Федосова сообщила былинну про Добрыню Никитича, нѣсколько причитавій похоронныхъ, рекрутскихъ и свадебныхъ и пропѣла нѣсколько пѣсенъ протяжныхъ и свадебныхъ (Θ. М. Истомянъ и П. Т. Виноградовъ дѣлали при этомъ нѣкот. укаванія). 2) Θ. М. Истомянъ: нѣсколько словъ о скончавшемся на 99-мъ году жизни извѣстномъ олонецкомъ сказателѣ В. П. Щеголенкѣ. 3) С. М. Дянуновъ: Отрывъ прое. Бурго-Дюкудре о трудѣ Θ. М. Истомяна и Т. О. Дютша: „Пѣсни русскаго народа, собранныя въ губерніяхъ Архангельской и Олонеккой въ 1886 годѣ“. 4) А. А. Несслеръ: Наблюденія и впечатлѣнія въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новго-

родской губ. 5) Н. И. Коробка: О пощичнахъ, обветателяхъ волинскаго по-
дья. 6) Онъ же: Этнографическая характеристика населенія Каменецкаго
уѣзда Подольской губ. 7) С. Г. Рыбаковъ: О русскомъ влияніи на музыкальное
творчество уральскихъ извородцевъ и, въ частности, на нагайбаковъ. 8) Д. П.
Николюкинъ: О бесерянахъ Глазовскаго у. Вятской губ. и кайвангахъ, или
чухаряхъ, Тихвинск. у. Новгород. губ. (по статьѣ г. Штейнвальда, въ кален-
дарѣ Вятской губ. на 1895 г.) 9) Онъ же: Краткія свѣдѣнія о своихъ иссле-
дованіяхъ среди банширъ, черемисъ, мещеряковъ и тептерей. 10) Доворай-
нскъ: Объ алевитѣхъ въ литовской письменности. 11) Н. Э. Лясовъ: Харак-
теристика корель Олонецкой губерніи. 12) Д. П. Райскій: Объ остякахъ
Тобольской губ. 13) В. Лохевсонъ: О чучкахъ и тунгузахъ (доложено Ф. М.
Истоминнымъ). 14) В. И. Ламанскій: Памяти Шафарика. 15) Г. Г. Гинзель:
О выставкѣ въ Прагѣ. 16) П. А. Ровинскій: О военныхъ обычаяхъ черно-
горцевъ. 17) А. М. Позднѣвъ: Матеріалы, добытыя во время послѣдняго его
путешествія по Монголіи. 18) С. Н. Миглашевскій: Наблюденія надъ высш-
ними проявленіями быта городского и сельскаго населенія Турецкой Арменіи.
19) Г. Е. Катавъевъ: Изысканія о западно-сибирскихъ казакахъ-землемате-
ляхъ и развѣдчикахъ. 20) Н. В. Слюнинъ: О вайдевныхъ имъ въ Камчаткѣ
орудіяхъ каменнаго вѣка.

Въ Отдѣленіе поступило 16 рукописей отъ 14 авторовъ; по мѣстностямъ
рукописи распределяются слѣдующимъ образомъ: Вологодская губ.: 1) А. А.
Шустиковъ: Народныя игры въ Кадвиновскомъ уѣздѣ. 2) Онъ же: Тавереньга.
Этнографическій очеркъ.—Енисейская губ.: 3) А. А. Александровъ: 30 пѣсень,
записанныхъ въ с. Рыбномъ, Енис. губ. 4) П. Островскихъ: Матеріалы по
этнографіи тюрковъ Минус. округа.—Кіевск. губ.: 5) Д. С. Дыминскій: Опи-
саніе чумацкаго промысла д. Орла, Лысвской вол., Звенигородскаго у., за
время съ 1866 по 1892 г. — Ковенск. губ.: 6) Г. П. Рутковский: Описаніе
литовской свадьбы Керочишскаго прихода, Вилкомирскаго уѣзда.—Новг. губ.:
7) М. А. Синоверскій: Народная свадьба въ Новгород. губ. въ первой половинѣ
XIX в. 8) Онъ же: Пѣсни села Крючкова, Тихвинскаго уѣзда. — Пензевск.
губ.: 9) С. А. Ключинъ: 4 пѣсни съ вапъвами, Пенз. губ. — Самарск. губ.:
10) Михѣвъ: Свадебные обряды въ Бузулукскомъ уѣздѣ. 11) Тверск. губ.:
Иеромонахъ Алексѣй: Русскія и корельскія пѣсни, записанныя въ Тверской
губ.—Туркест. обл.: 12) Чайковский: Далекое прошлое Туркестана.—Ярославск.
губ.: 13) В. Ф. Посниковъ: 20 русскихъ народныхъ пѣсень съ напъвами, со-
бранныхъ въ Ромазовскомъ уѣздѣ.—Иногороды: 14) I. Милевскій (Мигловаръ):
Rasztai; 15) И. Л. Яворскій: Антропологическій очеркъ туркменъ; 16) Н.
В. Слюнинъ: Краткій словарь языка современныхъ алеутовъ острова Беринга.

Изъ экспедицій, предпринятыхъ въ отчетномъ году съ цѣлью этнографиче-
скихъ изысканій, отмѣтимъ поѣздку Г. Н. Потанина въ Кочетавскій ок-
ругъ для собранія киргизскихъ сказокъ, и экспедицію Ф. М. Истомина и
И. В. Некрасова для собранія остатковъ старинныхъ русскихъ пѣсень съ
вапъвами, на средства, Высочайше пожалованныя (въ губерніяхъ Рязанской,
Владимирской, Нижегородской и части Тамбовской записано 125 образцовъ).
Кромѣ того, этнографич. изслѣдованіями занимались Н. Ф. Лясовъ (бытъ
норель, ихъ говоры, повѣрья, примѣты, сказки), Н. И. Коробка (населеніе
Волинск. губ.), Д. П. Николюкинъ (среди банширъ, черемисъ, мещеряковъ и
тептерей).

Комиссія (при Отдѣленіи) по собранію народныхъ юридическихъ обы-
чаевъ продолжала свои занятія по разбору и обработкѣ отвѣтовъ, получен-
ныхъ на составленную и разосланную ею программу.

Въ отчетномъ году Отдѣленіе имало XXIV-й томъ Записокъ по Отдѣленію
Этнографіи (Поповъ: Мѣнь-гу-ю-му цви. Записки о монгольскихъ чочевьяхъ.
Перев. съ ит.).—Въ теченіе года періодически выходили органы Отдѣленія:
„Живая Старина“; 4-мъ выпускомъ 1895 г. окончены 5-й годъ изданія, подъ
ред. проф. В. И. Ламанскаго.

Присужденія наградъ въ отчетномъ году, по представленію Отдѣленія Этнографіи, удостоились слѣдующія лица: *большой золотой медалью*: проф. Ив. Ник. Смирновъ (за этнографич. труды по ивиородцамъ Россіи; отзывъ давалъ В. И. Ламанскій); *малой золотой медалью*: Ник. Александр. Аристовъ (за статью, напеч. въ „Живой Старинѣ“, подъ заглав.: „Опытъ выясненія вѣтческаго состава киргизъ-казаковъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свидѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій“;—отзывъ давалъ Н. И. Веселовскій); *серебряной медалью* („за полезные труды“): Дм. Петр. Никольскій (за сообщеніе о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ уральскихъ ивиородцевъ), Мих. Александр. Сивозерскій (за рпк.: „Народная свадьба въ Новгородской губ.“), г. Михѣевъ (за рпк.: „Свадебные обряды въ Бузулукскомъ у., Самарской губ.“), Александръ Александр. Александровъ (за рпк.: „Пѣсни с. Рыбнаго, Енисейскаго округа), Вѣра Ив. Мапожъ, Фед. Ив. Покровский, Ник. Мих. Каринскій, Филиппъ Кузынъ, Зобинъ (за представленныя ими матеріалы и статьи въ редакцію „Живой Старинки“), М. Д. Еньченъчъ (за рпк.: „Нравы и обычаи турименъ-салмыръ“). Отъ присужденія *Константиновской медали*, которая была на очереди за Отдѣленіемъ Этнографіи, послѣднее отказалось, за неизвѣіемъ достойныхъ увѣчаній этой высшей наградой трудомъ.

Разсматриваемый отчетъ отличается отъ отчетовъ предыдущихъ лѣтъ тѣмъ, что въ концѣ его помѣщенъ „Списокъ лицъ, удостоенныхъ наградами Императорскаго Русскаго Географическаго Общества со времени его основанія по 1896 годъ“, съ „Алфавитномъ спискомъ“ тѣхъ же лицъ, а также „списокъ заданій“ Общества и его отдѣловъ провинціальныхъ отъ начала существованія по 1 января 1896 года.

† Александръ Сергѣевичъ Фаминцынъ, членъ Этнографическаго Отдѣла, статья котораго объ арійскихъ и семитскихъ элементахъ въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ славянъ была напечатана въ XXVI кн. „Этнограф. Обзорнія“, скончался лѣтомъ 24 іюня, на 55 году жизни. Покойный былъ профессоромъ СПБ-ской консерваторіи, гдѣ преподавалъ исторію музыки и эстетику. Онъ выступалъ также въ качествѣ композитора и музыкальнаго критика; но для насъ важнѣе всего его труды въ области вѣтраевческой, именно по изслѣдованію нашей музыкальной старины. Въ 1881 г., по порученію Академіи Наукъ, онъ составилъ рецензію на соч. Шафранова: „О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами“. Особенно же цѣнными являются его изслѣдованія о старинныхъ музыкальныхъ инструментахъ: „Гусли, русскій народный инструментъ. Историческій очеркъ“. (СПБ. 1890), и „Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа“. (СПБ. 1891). Первое изъ нихъ было награждено отъ Имп. Русс. Археологическаго Общества большою серебряною медалью. Кромѣ того А. С. Фаминцыну принадлежатъ изслѣдованія: „Божества древнихъ славянъ“ (СПБ. 1884 вып. 1-й), „Скоморохи на Руси“ (СПБ. 1889) и „Древняя индокитайская гамма въ Ази и Европѣ съ особеннымъ указаніемъ на ея проявленіе въ русскіхъ народныхъ напѣвахъ“ (1889). Два послѣдвіе труда заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователей русской бытовой старины и русской народной музыки.

Некрологъ и портретъ покойнаго помѣщенъ въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ 1896 г., августъ.

Н. Я.